

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Под редакцией
д-ра экон.
наук, проф.
М.Ю. Шерешевой

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Экономический факультет

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Коллективная монография

Москва
2020

УДК 332; 352; 353
ББК 65.44; 65.49(2Рос)
С69

Коллектив авторов:

С.М. Березка (главы 8, 9, приложения 2, 4), Л.А. Валитова (глава 3), Е.П. Вигушина (глава 4), Т.И. Гончаренко (глава 11), Л.М. Досайкина (глава 11), С.А. Иванова (глава 4), А.А. Костянян (приложение 2), А.Н. Максимов (глава 11, приложение 16), А.Г. Миракян (глава 8), М.С. Оборин (главы 10, 12, приложения 7, 9, 10), А.М. Палалов (главы 5, 11), Е.Е. Полянская (глава 10, приложения 13–15), И.И. Савельев (приложение 6), А.П. Сысоев (глава 7, приложения 11, 12), В.Л. Тамбовцев (главы 1, 3), М.Ю. Шерешева (главы 2, 9, 10, 12, приложения 1–3, 5, 8, заключение), Е.Р. Шарко (приложение 9), О.В. Шимук (глава 6).

Рецензенты:

Черенков Виталий Иванович — доктор экономических наук, профессор, Высшая школа менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет;
Мингалева Жанна Аркадьевна — доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный университет

С69 Социально-экономическое развитие малых городов на основе сетевого взаимодействия: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. М.Ю. Шерешевой. — М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. — 394 с.

ISBN 978-5-906932-59-4

Монография отражает результаты исследований, проводившихся на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова и посвященных вопросам устойчивого социально-экономического развития малых городов на основе сетевого взаимодействия.

Рассмотрены теоретические аспекты изучения сетевого взаимодействия муниципальных образований, выделены актуальные методы и подходы к его моделированию. Представлен зарубежный опыт сетевого взаимодействия городов. Проанализированы особенности социально-экономического развития малых городов, показатели уровня жизни населения, инвестиционный климат, определены экономическая специализация и перспективные направления развития малых городов с учетом влияния на экономику регионов, предложена система показателей, отражающих сложившуюся и перспективную специализацию территорий, определены ключевые проблемы и направления устойчивого развития малых городов на основе сетевого взаимодействия.

Для преподавателей, научных работников, специалистов государственных органов власти, местного самоуправления, промышленных предприятий, научных организаций и учреждений, а также аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-906932-59-4

© Экономический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	5
Глава 1. Теоретические контуры экономического анализа межмуниципальных взаимодействий	10
Глава 2. Взаимодействие городов на основе сетевого механизма координации	23
Глава 3. Малые города в стратегии развития России	41
Глава 4. Анализ показателей уровня жизни населения малых городов России.	65
Глава 5. Инвестиционная привлекательность малых городов России	108
Глава 6. Диверсификация экономики как фактор устойчивого социально-экономического развития малых городов и сельской местности	121
Глава 7. Территории опережающего развития — драйверы социально-экономического подъема малых городов	139
Глава 8. Роль культуры предпринимательского лидерства в развитии малых городов	153
Глава 9. Маркетинговая стратегия малых городов	164
Глава 10. Тенденции развития экономики малых городов с аграрной и промышленной специализацией на основе устойчивого роста туризма.	190
Глава 11. Локальные бренды и туристские аттракции малых городов	208
Глава 12. Подходы к развитию сетевого взаимодействия российских малых городов	226
Заключение	259
Приложение 1. Города Cittaslow.	314
Приложение 2. Методика анкетирования	320
Приложение 3. Управление развитием городской среды	324
Приложение 4. Концептуальная модель системы брендинга территории	326
Приложение 5. Принцип соучастия	328
Приложение 6. Оценка эффективности работы муниципальной власти (на примере Владимирской области)	331
Приложение 7. Производственная специализация малых городов Владимирской и Тульской областей и Пермского края и возможные направления их диверсификации	344
Приложение 8. Тульская область. Малые города. Проект «Настоящая Россия».	353

Приложение 9. Анализ результатов анкетирования представителей администрации малых городов Тульской и Владимирской областей по проблемам и перспективам городского развития	362
Приложение 10. Возможный эффект от взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров (по отдельным направлениям функциональной специализации)	369
Приложение 11. Список территорий опережающего социально-экономического развития, созданных в России на середину февраля 2019 г.	371
Приложение 12. Территории опережающего социально-экономического развития, образованные после 12 февраля 2019 г.	377
Приложение 13. Медицинский кластер Алтайского края	378
Приложение 14. Курганский медицинский кластер	381
Приложение 15. Международный медицинский кластер Сахалинской области . .	384
Приложение 16. Национальная карта локальных культурных брендов России. Проект «Живое наследие»	387

ВВЕДЕНИЕ

Современные процессы урбанизации привлекают большое внимание исследователей. За рубежом накоплен значительный пласт научной литературы, в которой обсуждаются различные аспекты, касающиеся роли городов в человеческих сообществах и управления городами (см., например, [Runhaar et al., 2009; Flint, Raco, 2012; Batty, 2013; Angelidou, 2014; Nijkamp, Perrels, 2014]). В настоящее время приобретает все более широкое распространение теоретический подход, в рамках которого города рассматриваются как самостоятельные экономические агенты, имеющие собственную стратегию развития, конкурирующие и одновременно сотрудничающие друг с другом [Camagni, Capello, 2005].

Основной акцент делается на изучение мегаполисов, на управление развитием городской среды (Приложение 3), включая различные аспекты влияния информационных технологий на перспективы «умного города» [Angelidou, 2014; Gretzel et al., 2015]. В то же время в современной мировой научной литературе, посвященной данной проблематике, растет внимание к различным аспектам управления малыми городами, к вопросам их устойчивого развития и финансовой стабильности, их значения в повышении качества жизни и в обеспечении устойчивого развития регионов [Courtney, Errington, 2000; Calthorpe, Fulton, 2001; Cross, 2001; Naughton, Hunter, 2003; Courtney et al., 2007; Bell, Jayne, 2009; Knox, Mayer, 2013; Egziabher, 2014].

За последние годы изменения в пространственном и социально-экономическом развитии во многих регионах мира привели к возникновению новых вызовов. В частности, наблюдаются подрыв традиционных функций небольших городов и рост объема экономических операций, которые осуществляются через региональную, национальную и международную экономику [Courtney, Errington, 2000]. Однако это не означает снижения их значимости с точки зрения устойчивого развития территорий. Не только в Европе и Северной Америке, но и во многих других странах налицо стремление стимулировать развитие путем расширения инфраструктурных возможностей и связности городов разного размера [Bagnasco, 2000; Potter, Unwin, 2017].

В современной мировой научной литературе, посвященной проблематике развития малых городов, наблюдается повышенный интерес к

различным аспектам проектирования и управления малыми поселениями [Campbell, 2013; Chadwick, 2016], к вопросам устойчивого развития малых городов и их финансовой стабильности [Mayer, Knox, 2006]. Важным предметом изучения стала роль городских и сельских поселений в обеспечении устойчивого развития регионов [Elliott, 2012; McManus et al., 2012; Zoomers et al., 2017]. Города служат опорой для развития окружающей сельской местности, а наличие сети городов разного размера делает проживание в любой точке региона привлекательным для населения и является основой устойчивого регионального развития [Cohen, 2006; Mingaleva et al., 2017].

Согласно опыту многих стран, зачастую важными потенциальными точками роста выступают малые города с населением до 100 тыс. человек [Garcia, 2011; Fox, Goodfellow, 2016]. В целом ряде исследований показано, что малые города имеют преимущества перед более крупными урбанизированными агломерациями, такие как благоприятная экология, уникальное культурно-историческое наследие, комфортный темп жизни [Mayer, Knox, 2006; Pink, Seale, 2017]. В то же время зачастую подобные преимущества нивелируются целым рядом негативных характеристик, таких как отсутствие экономического роста, нехватка рабочих мест, транспортная удаленность, низкое качество инфраструктуры, ее фрагментарность [Cross, 2001; Camagni et al., 2015].

Все чаще поднимается вопрос о сетевом взаимодействии малых населенных пунктов, позволяющем им приобрести и реализовать новые современные функции и повысить их роль в развитии территорий, на которых они расположены [Healey, 2004; Mingaleva et al., 2017]. В рамках сетевой парадигмы города рассматриваются как самостоятельные акторы, «коллективные агенты» с собственной стратегией, которые находятся в постоянной конкурентной среде и в то же время могут создавать устойчивые сети взаимодействий для реализации совместных целей — например, осуществления крупных территориальных проектов [Capello, 2000; Camagni, Capello, 2005].

В связи с этим следует подчеркнуть необходимость учета роли и места малых городов в развитии регионов Российской Федерации. Связность огромной территории нашей страны не может быть обеспечена без формирования сети современных городов разного размера, являющихся привлекательным местом для жизни и благодаря этому служащих многочисленными опорными точками сбалансированного пространственного развития. Учитывая тот факт, что текущая ситуация на мировых рынках определяет не самые благоприятные макроэкономические условия для дальнейшего развития страны, поиск дополнительных элементов устойчивости и точек роста приобретает исключительно важное значение.

Россию можно назвать страной малых городов¹, что обусловлено рядом причин, в том числе природно-климатическими и географическими условиями, особенностями исторического и экономического развития страны. По данным Росстата, на начало 2018 г. в России было 542 города, попадающих под определение малых, с общей численностью жителей свыше 14 млн человек [Приоритеты развития малых городов и исторических поселений, 2018].

Несмотря на «малость» самих городов, в них проживает около 12% всего населения страны, и они составляют более 70% от общего числа городов России. Причем в некоторых регионах таких городов подавляющее большинство. Так, например, в Курганской области из 17 населенных пунктов с численностью населения более 5 тыс. человек лишь два — г. Курган (315 тыс. человек) и г. Шадринск (76 тыс. человек) не являются малыми, а в остальных 15 проживают около 135 тыс. человек, в Сахалинской области лишь один город Южно-Сахалинск имеет население около 201 тыс. человек, а число городов с населением более 2,5 тыс. человек — 23, и в них проживают около 215 тыс. человек.

Малые города России сталкиваются с рядом социально-демографических, экономических, инфраструктурных, административных и других проблем, выступающих ограничивающими факторами устойчивого развития страны в целом. В настоящее время проблемы развития малых городов являются настолько важными и острыми, что трудно переоценить необходимость разработки конструктивных предложений для их сохранения и дальнейшего развития.

Среди наиболее общих проблем малых городов необходимо отметить [Устойчивое развитие территорий..., 2018]:

- низкий уровень диверсификации, монозависимость;
- низкий технологический уровень большинства предприятий;
- изношенность основных фондов;
- ограниченный выбор для трудовой деятельности;
- высокий уровень безработицы;
- недостаток (отсутствие) квалифицированных кадров;
- демографические проблемы (отток молодежи, старение и убыль населения);
- инфраструктурные проблемы;
- низкий уровень культурной и образовательной сферы.

¹ В России по-прежнему используется критерий, согласно которому к малым относят города с населением до 50 тыс. человек, к малым и средним — города с населением до 100 тыс. человек [Секушина, 2019].

Кроме того, большинство малых городов и районных центров классифицируются как сельские территории, что дополнительно усложняет формирование и эффективное использование их ресурсного потенциала. Окружающие их территории также сталкиваются с оскудением человеческих ресурсов. Так, по данным НИУ ВШЭ и Института географии, ежегодно из сельской местности в города уезжают 200 тыс. человек [Богданова, 2020].

Тем не менее малые города обладают недооцененным потенциалом и могут внести существенный вклад в устойчивое развитие территорий Российской Федерации, если будут адекватно вписаны в стратегию пространственного развития и получают стимулы для развития, в том числе за счет комбинирования ресурсов и компетенций в рамках сетей городов. Соответственно, перед нашим государством стоит серьезная задача обеспечить возможность полноценного развития не только мегаполисов и крупных городов, но и малых городов России, преодолеть нарастающий разрыв в уровне и качестве жизни их населения в сравнении с населением более крупных городов. Без этого невозможно создать хорошие перспективы для сбалансированного устойчивого развития российских регионов.

Особенности социально-экономического развития малых городов, как показывает международный опыт, требуют серьезного внимания со стороны государства, продуманной государственной поддержки. Поддержка должна быть системной, нацеленной на регулирование комплекса проблем, включая вопросы распределения финансовых и ресурсных потоков, инфраструктуры, транспортной доступности, создания рабочих мест. Важной составляющей государственной политики является поиск оптимальных направлений формирования экономической специализации малых городов, когда делается обоснованный выбор между усилением сложившейся специализации и ее изменением в соответствии с целями повышения качества жизни населения. Необходимым условием для принятия такого рода ключевых решений является оценка социально-экономической ситуации, учет преимуществ, основанных на природном и культурно-историческом потенциале, а также возможностей комбинирования ресурсов и компетенций малых городов.

С точки зрения правовых основ деятельности малых российских городов ключевую роль играет Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003]. Особое значение при этом имеет ст. 15 данного Закона, которая определяет круг вопросов местного значения муниципального района. Так,

согласно Закону, к вопросам местного самоуправления малых городов можно отнести составление и рассмотрение бюджета, осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения, организацию охраны общественного порядка на территории, организацию предоставления общедоступных и бесплатных образования, медицинской помощи, социального обслуживания.

Однако многие нормы и правила, которые действуют в настоящее время на федеральном, региональном муниципальном уровнях, не стимулируют устойчивое развитие, а зачастую выступают серьезными препятствиями для этого и, соответственно, требуют существенных изменений.

В данной монографии представлен анализ ситуации в малых городах России и предложен ряд направлений улучшения ситуации, включая подходы к развитию взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов. Рассмотрены теоретические подходы к пониманию и изучению сетевого взаимодействия муниципальных образований, охарактеризована современная социально-экономическая ситуация в малых городах России под углом зрения устойчивого развития территорий страны с использованием их недооцененного потенциала. На примере ряда субъектов РФ проанализированы социально-демографические показатели, инвестиционный потенциал, результаты моделирования, проведенного на основе полученных в 2017–2019 гг. эмпирических данных с целью определения ключевых проблем и направлений устойчивого развития малых городов. На примере туризма более подробно рассмотрены перспективы использования интерактивных технологий и взаимовыгодного сетевого взаимодействия в обеспечении диверсификации экономики и устойчивого развития малых городов.

Коллектив авторов: С.М. Березка (главы 8, 9, приложения 2, 4), Л.А. Валитова (глава 3), Е.П. Вигушина (глава 4), Т.И. Гончаренко (глава 11), Л.М. Досайкина (глава 11), С.А. Иванова (глава 4), А.А. Костянян (приложение 2), А.Н. Максимов (глава 11, приложение 16), А.Г. Миракян (глава 8), М.С. Оборин (главы 10, 12, приложения 7, 9, 10), А.М. Пахалов (главы 5, 11), Е.Е. Полянская (глава 10, приложения 13–15), И.И. Савельев (приложение 6), А.П. Сысоев (глава 7, приложения 11, 12), В.Л. Тамбовцев (главы 1, 3), М.Ю. Шерешева (главы 2, 9, 10, 12, приложения 1–3, 5, 8, заключение), Е.Р. Шарко (приложение 9), О.В. Шимук (глава 6).

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ¹

С юридической точки зрения муниципалитеты представляют собой органы местного самоуправления, т.е. организации, которым граждане, проживающие на определенной территории и образующие местное сообщество, делегируют свои права по самостоятельной организации своего совместного проживания и решению проблем местного значения. Муниципалитеты не являются органами государственной власти, и их полномочия устанавливать правила совместного проживания представителей местных сообществ и совершать нормотворческие действия регламентируются органами государственной законодательной, исполнительной и судебной власти.

С экономической точки зрения муниципалитеты являются организациями, которые обеспечивают производство и предоставление членам местных сообществ определенного набора клубных благ (как правило, услуг) и социально-значимых благ коллективного пользования [Тамбовцев, 2017]. Состав таких благ различается от страны к стране, так что выделить какой-то типичный набор местных или муниципальных услуг достаточно сложно. Основой финансирования деятельности муниципалитетов выступают те или иные налоги (часть налогов), собираемых с представителей местных сообществ, а также иные возможные источники, включая трансферты со стороны органов государственной власти, — гранты, субсидии, дотации и т.п. Объемы и условия предоставления таких трансфертов определяется региональной политикой, проводимой в стране.

Действия муниципалитетов, направленные на предоставление клубных благ жителям своих местных сообществ, включая определение

¹ Данная глава служит фундаментальной теоретической основой исследования, проведенного в 2017–2019 гг. авторами монографии. Материал, содержащийся в данной главе, впервые представлен в статье: Тамбовцев В.Л. Межмуниципальные взаимодействия с позиций экономического анализа // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 19–31.

долей бюджетов, обеспечивающих соответствующие расходы, порождают разнообразные экстерналии. Принято разделять благоприятные внешние эффекты (*benefit spillovers*), возникающие вследствие потребления жителями некоторых клубных благ как в своих, так и в соседних местных сообществах, и внешние эффекты вытеснения (*crowding spillovers*), когда уровень потребления какого-то блага в определенном сообществе оказывается под воздействием жителей соседних сообществ [Solé-Ollé, 2006]. Экстерналии для других сообществ возникают и тогда, когда изменения происходят в результате действий государства в каком-то местном сообществе: например, за счет госбюджета строится предприятие, рабочие места в котором могут заниматься жителями всех окрестных муниципалитетов.

Существование экстерналий процессов производства и потребления клубных благ — очевидное объективное экономическое основание межмуниципального взаимодействия (далее — ММВ). Ведь рациональное использование ограниченных ресурсов не может не учитывать возможных последствий тех действий других субъектов, которые способны повлиять на конечные результаты намечаемых действий. Формы, способы и направленность таких взаимодействий определяется как минимум двумя тесно связанными факторами: целями, которые преследуют субъекты взаимодействия, и той институциональной средой, в которой они происходят.

Для кого (с какой целью) действуют и взаимодействуют муниципалитеты? Напрашивающийся очевидный ответ — для граждан, для локального сообщества жителей муниципалитета, — в действительности совершенно не очевиден. Любые правительства, от локального до центрального, обладают определенной автономностью [Skocpol, 1985], а их подотчетность гражданам в разных странах устроена существенно различающимися способами. В демократических государствах правительства любых уровней, не отвечающие на запросы граждан, не получают на очередных выборах мандат на продолжение своей деятельности. В авторитарных государствах действия правительств слабо связаны с реализацией предпочтений граждан, причем такая схема переносится и на уровень местного самоуправления, когда руководители муниципалитетов не избираются на конкурентной основе, а назначаются региональными властями. Уровень зависимости муниципалитетов от предпочтений местных сообществ, таким образом, определяется во многом влиянием институциональной среды, формируемой государством. Если в странах Европейского союза, например, граждане в целом выступают за усиление ответственности муниципалитетов перед ними, что находит отражение в институциональных изменениях, проводимых государствами

[Baker et al., 2011], то в других странах такая ответственность может последовательно снижаться, а зависимость от государства — возрастать [Hölscher et al., 2017]. Поэтому утверждения типа «публичные администрации суть устройства для выражения ценностей и предпочтений граждан, сообществ и обществ» [Bourgon, 2008] являются, мягко говоря, искажением реальности в подавляющем большинстве стран.

Важным фактором, обуславливающим расхождение между предпочтениями руководящих работников муниципалитетов и предпочтениями большинства местных сообществ, выступает коррупция, тесно связанная с непрозрачностью принятия решений в муниципалитетах. Между уровнем ее распространенности в стране и стремлением граждан, склонных к оппортунистическому поведению, занять должности во властных органах, как показывают недавние исследования, существует положительная обратная связь. В странах с высокой коррупцией изначально нечестные люди стремятся занять посты на государственной и муниципальной службе, и, наоборот, там, где коррупция низка, такие люди стремятся избегать работы в государственных и муниципальных структурах [Banerjee et al., 2015; Barfort et al., 2015; Fehrlert et al., 2016; Hanna, Wang, 2017]. Интересно отметить, что оппортунизм политических «опекунов» передается и близким к ним госслужащим [Gulzar, 2014]. При этом необходимо отметить, что уровень коррупции в стране также определяется в немаловажной степени качеством ее институциональной среды [Gerring, Thacker, 2004; Treisman, 2007].

Функционируя в институциональной среде того или иного качества, движимые теми или иными стимулами, муниципалитеты так или иначе взаимодействуют друг с другом. С нашей точки зрения, можно выделить четыре типа таких взаимодействий: 1) конкуренцию; 2) кооперацию (сотрудничество); 3) кооперацию (совмещение конкуренции и кооперации); 4) а также «предельную» форму взаимодействия — слияние (объединение) муниципалитетов.

Действия, которые в рамках этих типов взаимодействий осуществляют муниципалитеты, если они не предписаны вышестоящими органами государственной власти, являются, по сути, предпринимательскими действиями.

Представления о том, что в государственном секторе, включая правительства, вполне возможно (и даже необходимо) предпринимательство, были введены в широкое научное и общественное обсуждение в начале 1990-х годов с выходом в свет книги Д. Осборна и Т. Геблера [Osborne, Gaebler, 1992], в которой было сформулировано и охарактеризовано понятие «предпринимательское правительство» (entrepreneurial

government). Такое правительство, по их мнению, должно фокусироваться на результатах, децентрализовать власть, сократить бюрократию и продвигать конкуренцию как внутри, так и вовне правительства. Граждане при этом выступают клиентами-потребителями, наделенными возможностями выбирать между разными поставщиками услуг, включая школы, поликлиники, квартиры и т.п.

В развернувшейся дискуссии подчеркивалось, что предпринимательское принятие рисков вполне совместимо с демократическим служением обществу (democratic stewardship), если оно опирается на общественную дискуссию и выработку согласованного мнения [Bellone, Goerl, 1992]; что публичный предприниматель (public entrepreneur) в высокой степени согласен с общественными интересам [Salazar, 1997]; что его инновации, экспериментирование и креативность направлены на достижение общественных целей [Klein et al., 2010]; что публичные предприниматели в действительности являются командами, трансформирующими системы контроля действенности и эффективности правительств [Bernier, Hafsi, 2007], и т.п. Публичное предпринимательство исследовалось на уровне местных правительств [Zerbinati, Souitaris, 2005], причем соответствующие практики рекомендовались к более широкому использованию [Kim, 2010]. В последние годы вышло как минимум две книги, продвигающие и развивающие идею предпринимательских правительств [Link, Link, 2009; Mazzucato, 2013].

Между тем, наиболее проницательные исследователи еще в 2002 г. задавали вопрос: «Имеет ли публичное предпринимательство какой-либо смысл вне специфического политического, экономического и социального контекста, существующего в западных индустриальных демократиях?» [Edwards et al., 2002, p. 1539], давая на него негативный ответ. Действительно, в иных контекстах бюрократы-предприниматели отнюдь не следуют общественным интересам (как бы их ни понимать), реализуя скорее различные коррупционные практики (см., например, [Shirley, 1995]). Другими словами, когда говорят о необходимости развития предпринимательства в общественном секторе, в том числе в органах управления разных уровней, не стоит забывать о том, что предпринимательство бывает разным: продуктивным, непродуктивным и деструктивным [Baumol, 1990]. Последние две его формы широко практикуются в правительствах разных уровней тех стран, политические устройства которых далеки от конкурентных демократий западного типа.

С учетом высказанных соображений перейдем к анализу выделенных выше типов ММВ.

Конкуренция

При обсуждении проблематики межмуниципальной конкуренции (далее — ММК), прежде всего, возникают аналогии с конкуренцией фирм на различных рынках. Конкуренция — широко распространенное в природе и обществе явление. И хотя некоторые исследователи выделяют до 20 ее разновидностей [Fog, 2013], именно рыночная конкуренция, будучи наиболее хорошо изученной, представляется подходящей моделью для анализа конкурентного взаимодействия муниципалитетов.

Выходя на рынки, т.е. вступая в конкуренцию (или оказываясь в ситуации конкуренции), фирмы стремятся произвести продукцию, которая пользуется спросом у покупателей, т.е. перенаправить денежные средства последних от других товаров к своему товару. Способность фирмы производить именно такой привлекательный товар обуславливает ее конкурентное преимущество — временное или устойчивое. Эта способность, в свою очередь, зависит от совокупности компетенций и ресурсов, которыми располагает фирма.

Эта упрощенная схема может быть положена в основу анализа ММК.

И. Гордон определяет территориальную конкуренцию как «форму коллективного действия, предпринимаемого во имя экономических интересов внутри некоторой территории и призванного продвинуть их в конкуренции с интересами, расположенными в (некоторых или всех) других территориях» [Gordon, 2010, p. 30]. Хотя это определение и не представляется нам достаточно корректным, его можно принять за некоторую основу, позволяющую внести ряд уточняющих моментов.

Во-первых, нужно выделить те рынки, на которых происходит ММК. К ним относятся: рынок инвестиций в создание новых рабочих мест; «рынок жителей», ищущих новые места проживания; рынок дискреционных грантов, т.е. средств, которые в большем или меньшем объеме могут поступить в доходы муниципалитета из бюджетов вышестоящих государственных органов в рамках различных конкурсов.

Во-вторых, полезно охарактеризовать те товары, которые муниципалитеты могут предлагать на этих рынках. На рынке инвестиций в этой роли выступает комплекс условий, существующих и специально создаваемых на территории муниципалитета для того или иного инвестора. К ним относятся как физико-географические, так и инфраструктурные свойства территории, а также экономические условия, которые уже имеет (или обещает создать) муниципалитет. Последний компонент комплекса условий придает ему как товару черты опытного и доверительного блага, поскольку проверить корректность обещаний инвестор может лишь в ходе «физического» осуществления инвестиций. На «рынке жителей» предлагаемый

товар также имеет характер комплекса условий, который для разных сегментов покупателей включает разные свойства «продаваемого» населенного пункта. Если для одних потенциальных мигрантов решающим оказывается наличие рабочих мест, то для других таковым может стать близость к природе или наличие разнообразных культурных учреждений.

Общей характеристикой товаров для обоих рынков выступает их привлекательность для потенциальных покупателей: привлекательность места для мигрантов [Niedomysl, 2010] и конкурентоспособность территории для инвесторов [Kitson et al., 2004]. При этом «ускользающий» характер последнего понятия связан, очевидно, с тем, что для данного вида конкурентоспособности неоднозначно определяются те субъекты, по отношению к которым регион (или другая территориальная единица) оценивается как способный или неспособный состязаться с ними. На рынке грантов предлагаемый товар имеет уже другой характер: это документы, описывающие либо бедственное положение жителей муниципалитета, либо, наоборот, его потенциал развития, для реализации которого требуется внешнее безвозмездное финансирование.

Однако товары имеют не только потребительские свойства, но также издержки и цены. Для созданных условий инвестирования и мест проживания издержки их создания относятся к прошлым периодам деятельности муниципалитетов, так что на момент предложения соответствующих товаров инвесторам и мигрантам рассматриваются как данность. Собственно, издержками выступают текущие усилия управленцев и затраты на продвижение информации об условиях, а также ожидаемые затраты на обеспечение обещаемых приращений привлекательности (например, от снижения налогов на доходы инвесторов в течение будущих периодов или от снижения налогов на собственность для мигрантов). Выгоды муниципалитетов от приобретения инвесторами или мигрантами предложенных товаров — это будущие приросты налоговых поступлений. Легко видеть, что непосредственные денежные выгоды муниципальных руководителей здесь явно не присутствуют.

Именно здесь пролегает граница между «западными» и иными муниципальными публичными предпринимателями. Если для первых наградой выступают нематериальные выигрыши: переизбрание в конкурентной политической борьбе, репутация, удовлетворенность от выполненного гражданского долга и т.п., то для вторых интерес к конкуренции за инвесторов или жителей и к конкурентной победе или просто отсутствию, или при наличии ясно выраженного спроса сопровождается требованиями получения теневых выгод, т.е. коррупцией.

Издержки подготовки комплектов документов, необходимых для участия в конкурсах на гранты, при хорошо налаженном делопроизводстве

в муниципалитете, сравнительно невелики, в то время как возможные выгоды несопоставимо выше, в силу чего этот конкурентный рынок не может не пользоваться большой популярностью среди руководителей муниципалитетов.

В-третьих, важно очертить те конкурентные ходы, которые способны осуществлять муниципалитеты в сфере создания и продвижения названных выше товаров.

На первых двух из названных рынков репертуар конкурентных ходов различен на разных стадиях конкурентного процесса. На начальной, «обезличенной» стадии — это «косвенная» конкуренция (*yardstick competition*) по параметрам качества предлагаемых товаров (условий инвестирования или проживания). Распространенный конкурентный ход здесь — это формирование бренда муниципалитета или конкретного места [Ashworth, Kavatzis, 2010].

В рамках косвенной конкуренции, как предсказывают многие экономические модели, налоговые решения одного муниципалитета влияют на аналогичные решения соседей: все хотят выглядеть не хуже, чем другие [Wilson, 1999]. Эта зависимость получила наименование налоговых внешних эффектов (*fiscal spillovers*). Эмпирические подтверждения такой «налоговой мимикрии» достаточно неоднозначны [Isen, 2014], однако она является наглядным примером ММК.

На второй, персонифицированной стадии, когда возникает конкретный инвестор (или мигрант), стоящий перед выбором между двумя или несколькими местами, конкуренция приобретает характер торга, а конкурентные ходы становятся предложениями тех или иных обещаний со стороны муниципалитета (если он заинтересован), или со стороны «покупателя», если его заинтересованность выше. Как во всяком торге, его исход зависит как от объективных факторов, — прежде всего, ресурсного потенциала сторон, так и от субъективных, начиная от возникающей симпатии или антипатии торгующихся, способности вызывать доверие и кончая уровнем изобретательности в формировании очередных предложений. Нельзя не отметить также, что законодательства разных стран устанавливают несовпадающие границы как ресурсных потенциалов муниципалитетов, так и разнообразия допустимых (легальных) конкурентных действий.

Кооперация

Межмуниципальная кооперация, или сотрудничество (далее — ММС) — тема, широко обсуждаемая как исследователями [Hulst, van Montfort, 2007], так и практиками [Oostveen, 2010].

Экономическая теория дает четкое объяснение преимуществ ММС: они связаны с эффектом экономии на масштабах, будь то создание единого предприятия, предоставляющего какие-либо муниципальные услуги нескольким местным сообществам, или объединение муниципальных закупок, позволяющее получить большую оптовую скидку. Такое объяснение, однако, не в полной мере учитывает издержки, которые несут работники муниципалитетов, вступающие в более или менее тесное ММС. Согласно широко принимаемому определению, «сотрудничество — это процесс, в котором автономные акторы взаимодействуют посредством формальных и неформальных переговоров, совместно создавая правила и структуры, управляющие их отношениями, и способны действовать или решать совместно возникающие вопросы; это процесс, включающий разделяемые нормы и взаимовыгодные взаимодействия» [Thomson, Perry, 2006, p. 23]. Именно такой подход реализуется, когда транзакционные издержки рассматриваются как «препятствия развитию кооперации и как ключевые компоненты издержек кооперации, которые должны быть перевешены выгодами кооперации для того, чтобы сообщества осознали преимущества стратегических альянсов» [Adelaja et al., 2010].

С нашей точки зрения, «обезличенное» понимание издержек не в полной мере позволяет понять и объяснить факты заключения или не заключения ММС. Если в приведенном выше определении сотрудничества Томсона и Перри акторы — это индивиды, не занимающие какие-либо позиции в организациях, и если их действия не сопровождаются внешними эффектами, то понятие взаимовыгодности, фигурирующее в нем, не порождает никаких сложностей. Если же это не так, то вполне возможна ситуация, когда совокупная выгода, включающая внешние эффекты, велика и положительна, но личные выгоды взаимодействующих акторов отрицательны. В такой ситуации акторам для вступления в альянс нужны дополнительные стимулы.

Похоже, что именно такие ситуации достаточно типичны в рамках ММС. «Сотрудничество не самоуправяемо. Организации сотрудничают, поскольку стремятся достичь определенных целей. Чтобы достичь целей, выносимых организациями на первое место, должна существовать некоторая административная структура, обеспечивающая переход от решений к действиям» [Thomson, Perry, 2006, p. 25], и издержки функционирования такой структуры зачастую оказываются запретиительно высокими: «Очевидно, что управлять инициативами сотрудничества — не обязательно приятный или приносящий вознаграждение опыт» [Sorrentino, Simonetta, 2013, p. 899].

Поэтому в Италии, например, введена специальная программа поддержки, поощряющая создание муниципальных союзов [Labianca, 2014]. Однако и она, как показывает эмпирический анализ, не всегда позволяет преодолеть упомянутую выше проблему: по данным П. Превитали, проанализировавшего 136 малых муниципалитетов, они подписали межмуниципальные соглашения по совместному оказанию лишь небольшого числа услуг, не оказывающие ощутимого влияния ни на муниципалитеты, ни на жителей, иначе говоря, откликнулись на эту программу чисто формально [Previtali, 2015]. Однако для той же Италии есть и другие оценки. По данным М. Феррарези и др. [Ferraresi et al., 2017], участие в муниципальном союзе снижает текущие расходы на душу населения примерно на 5%, не снижая при этом уровень предоставляемых местных услуг.

Вместе с тем анализ ММС во Франции показал, что снижения муниципальных расходов в них не достигается, и, более того, отсутствует координация расходов муниципалитетов, входящих в одно межмуниципальное сообщество [Frère et al., 2014]. В целом же, как показано Дж. Бел и М. Уорнер, наличие или отсутствие экономии средств от ММС зависит от трех групп факторов [Bel, Warner, 2015]:

- 1) структуры издержек услуг, наличия в ней компонента, реагирующего на объем производимых услуг и плотность расселения их потребителей;
- 2) характеристики муниципалитета как органа управления — объем полномочий, предоставленных правительством, близость территории к столицам, размер местного сообщества;
- 3) механизмов координации в рамках ММС, преобладания формальных отношений либо неформальных тесных взаимодействий.

Таким образом, характеризуя данную форму ММВ, следует заключить, что она может быть действенным средством «расшивки» ресурсных ограничений, свойственных многим муниципалитетам, в том случае, если работники последних в большей мере ориентируются на интересы местных сообществ, чем на свои собственные, вследствие ли мотивации служения обществу либо вследствие высокого уровня подотчетности последнему. Если это условие не выполняется, даже централизованное или региональное стимулирование ММС не обеспечивает выполнение им функции сокращения неэффективных расходов: в отсутствие внутреннего интереса работники муниципалитетов начинают работать на показатель, о чем ясно свидетельствует упомянутый выше опыт Италии.

Коопкуренция

Если число исследований, посвященных конкуренции и сотрудничеству муниципалитетов, практически необъятно, то проблематика их (и шире — территориальной) коопкуренции затрагивается лишь в очень небольшом количестве публикаций. Это можно объяснить тем, что понятие коопкуренции вообще возникло недавно, причем применительно к поведению фирм, а также тем, что здесь имеет место «феномен Журдена»: обычное во все времена для муниципалитетов совмещение соперничества и кооперации «вдруг» получило новое название.

Понятие коопкуренции (coopetition), как известно, было введено в широкий оборот с выходом в свет книги А. Бранденбургера и Б. Нейлбаффа [Brandenburger, Nalebuff, 1996], хотя, как показывают исследования [Ketchen et al., 2004], спорадически использовалось и ранее.

Оно применяется для обозначения «бизнес-ситуации, в которой независимые стороны кооперируют друг с другом и координируют свои действия, чтобы достичь взаимовыгодных целей, но в то же самое время конкурируют друг с другом, равно как и с другими фирмами» [Zineldin, 2004, p. 780]. В последнее время появилось несколько уточнений (скорее — модификаций) первоначально предложенного понятия, которые тем не менее сориентированы на фирмы, но не на другие типы организаций. Так, М. Бенгтсон, Дж. Эриксон и Й. Уинсент определяют коопкуренцию как «процесс, основывающийся на одновременном и взаимном кооперативном и конкурентом взаимодействии между двумя или более акторами...» [Bengtsson et al., 2010, p. 200]; Р. Бункен и др. характеризуют ее как «стратегический и динамический процесс, в котором экономические акторы совместно создают стоимость посредством кооперативного взаимодействия, и одновременно конкурируют за присвоение части этой стоимости» [Bouncken et al., 2015, p. 591], и др.

Применительно к ММВ понятие коопкуренции используется С. ПаскиNELLI в связи с исследованием процессов формирования межтерриториальных брендов [Pasquinelli, 2013]. Отмечая, что брендование — один из типичных ходов в межмуниципальной и межрегиональной конкуренции, она приводит и анализирует ряд случаев сотрудничества территориальных единиц в создании и продвижении совместных брендов. Р. Фейок затрагивает тематику конкуренции и кооперации городов в современных условиях развития «новой экономики» в США [Feiock, 2014].

Развернутое исследование коопкуренции муниципалитетов во Франции проведено К. Ассенсом, А. Бартоли и П. Хермель [Assens et al., 2015]. Особенности политического устройства Франции, в рамках

которого решения на уровне муниципалитетов оказываются компромиссом между суждениями территориальных директоров, выражающих позиции государства, и выборных представителей местных сообществ, «коопкуренция всегда имеет парадоксальный характер, поскольку стремится усилить привлекательность территории и качество работы управления ею, что помогает выборным руководителям, которые потенциально не согласны (с решениями «технических» директоров, — *В.Т.*), рассматривать улучшения как фактор своих будущих электоральных успехов» [Assens et al., 2015, p. 11]. Интерпретация коопкуренции преимущественно в политической плоскости, как представляется, сужает аналитический потенциал этого понятия в плане анализа ММВ, однако немаловажно отметить, что данное исследование содержит количественную оценку распространенности муниципальной коопкуренции: 71% респондентов, представляющих 169 муниципалитетов и 250 территориальных директоратов, подтвердили, что местные власти могут одновременно и конкурировать, и сотрудничать друг с другом.

С нашей точки зрения, эти оценки вполне подтверждают сформулированное выше положение о том, что коопкуренция — это типичная ситуация (или типичный процесс) в рамках ММВ. Муниципалитет, с его разнообразием предоставляемых местных услуг и других видов деятельности, схож с диверсифицированной фирмой, действующей на многих независимых рынках, или с распределенной фирмой, действующей на многих площадках. Для таких фирм коопкуренция — их нормальное состояние: подразделения широко сотрудничают, обмениваются ресурсами и знаниями, выполняя свои задачи, и одновременно конкурируют за ресурсы, которые распределяет штаб-квартира, включая финансы и административную поддержку [Лuo, 2005]. Точно так же муниципалитеты, тесно сотрудничая (если это взаимовыгодно) в части предоставления услуг своим местным сообществам, могут жестко конкурировать за гранты региональных и центральных правительств, их политическую поддержку. Как представляется, анализ ММВ под этим углом зрения — перспективное направление исследований, он способен значительно расширить наши знания о поведении муниципалитетов как экономических агентов.

Такой анализ особенно актуален для России, где изучением ММВ занимаются преимущественно правоведы и специалисты по государственному и муниципальному управлению.

Слияние

Стремление сократить число муниципалитетов посредством их слияний и объединений, введение промежуточных уровней управления, также

наделяемых правами муниципалитетов — «любимая забава» многих центральных и региональных правительств самых разных стран. Публичным оправданием таких действий обычно выступает ссылка на экономию расходов за счет эффектов масштаба, хотя реальным мотивом является, скорее всего, элементарное стремление управленцев высшего уровня обеспечить обозримость объекта управления, независимо от экономических последствий, либо решение каких-то чисто политических проблем, типа устранения нежелательных руководителей. Именно об этом свидетельствуют настойчивые попытки объединений и последующих «разъединений» муниципалитетов, регулярно случающиеся в различных странах. Что говорят по этому поводу многочисленные эмпирические исследования таких реформ?

В Финляндии для большинства направлений расходов бюджетов, после слияния расходы на душу населения выросли, кроме статьи общих административных расходов, однако последние снизились гораздо меньше, чем выросли все остальные [Moisio, Uusitalo, 2013]. В Канаде, констатируют исследователи, цели сбережения затрат не были достигнуты, а для четырех видов услуг (пожарная охрана, сбор и вывоз мусора, библиотеки, парки и зоны отдыха) даже возросли; правда, увеличились финансовые возможности бывших малых муниципалитетов [Slack, Bird, 2013]. Аналогичные последствия были ранее выявлены в Австралии [Byrnes, Dollery, 2002], Дании [Blom-Hansen, 2010; Blom-Hansen et al., 2016], Швеции [Dalhberg, 2010], Боливии [Faguet, 2004], и этот список можно продолжить. Безусловно, некоторые исследования свидетельствуют о сокращении расходов по ряду направлений. Сопоставление значительного числа работ позволило Дж. Бёрнсу и Б. Доллери представить следующую статистику: в 8% исследований экономия от масштаба была засвидетельствована, в 24% работ был выявлен рост расходов, в 29% — установлена U-образная связь расходов и размеров муниципалитетов, и в 39% какая-либо связь расходов и размеров не была обнаружена [Byrnes, Dollery, 2002].

Для экономиста такого рода данные ясно говорят о том, что на издержки оказания муниципальных услуг, кроме размеров муниципалитетов, явно влияют другие факторы, прежде всего — разнородность самих услуг, технологии их производства и предоставления: для каких-то услуг технологии «отзывчивы» на масштабы их предоставления, для каких-то нет. Безусловно важно влияние на издержки оказания муниципальных услуг организации менеджмента их производства внутри муниципалитетов, где вполне может проявить себя X-неэффективность [Leibenstein, 1966]. В связи с этим безусловного внимания заслуживает опыт США, где наряду с многоцелевыми органами местного

самоуправления существуют и специализированные (одноцелевые) дистрикты (*single purpose governments*), предоставляющие услуги на территориях нескольких муниципалитетов [Foster, 1997]. Впрочем, их влияние на издержки также неоднозначно [Boyne, 1992; Hendrick et al., 2011], что означает, по нашему мнению, лишь одно: если намечаемые реформы границ муниципалитетов действительно направлены на обеспечение экономии расходов и повышение эффективности предоставления услуг, то им должен предшествовать экономический анализ технологий предоставления различных видов услуг, включая организацию процессов их предоставления. Такой анализ способен предложить для каждого типа услуг несколько дискретных институциональных альтернатив их производства и поставки, из которых и может быть осуществлен экономически обоснованный вывод. Разумеется, если реформы преследуют иные цели, экономический анализ оказывается излишним.

Проведенный анализ показывает, что ММВ включает совокупность весьма разнообразных взаимодействий, добровольное вступление в которые муниципалитетов далеко не всегда обуславливается соображениями повышения уровня и качества муниципальных услуг, предоставляемых местным сообществам. Создание внешних стимулов к взаимодействию со стороны государства часто ведет к формальному исполнению требований, т.е. к работе на показатель. Феномен экономии на масштабах, декларативно объявляемый основанием для реформ по укрупнению муниципалитетов, проявляется в действительности достаточно редко, за исключением статьи административных расходов, экономия по которой обычно перекрывается ростом расходов по другим статьям. В силу этого нормальным типом ММВ является кооперация, практически не исследованная как в отечественной, так и мировой экономической литературе.

В нормативном аспекте важно подчеркнуть, что в силу неоднородности муниципальных услуг, различий в зависимостях их издержек от размеров муниципалитетов и характера взаимодействия, для разных типов услуг существуют свои дискретные институциональные альтернативы, обеспечивающие повышение результативности и эффективности их оказания. Их выявление и обоснование также представляется значимой исследовательской задачей.

ГЛАВА 2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО МЕХАНИЗМА КООРДИНАЦИИ

С точки зрения новой институциональной экономической теории в основе складывающихся в экономике взаимодействий экономических агентов лежат специфические механизмы координации (МК). Выбор одного из способов организации экономической деятельности осуществляется посредством сопоставления свойств альтернативных структур управления и соединяющихся с ними транзакций с учетом внешней среды. В соответствии с гипотезой дифференцированной состыковки О.И. Уильямсона различные по свойствам транзакции состыковываются со структурами управления, которые различаются по силе и слабости своих адаптивных возможностей, таким образом, чтобы минимизировать транзакционные издержки [Уильямсон, 2010].

В целом ряде современных работ признается наличие, по крайней мере, трех «чистых» механизмов координации¹: МК «Рынок», МК «Иерархия» и МК «Сеть», каждый из которых имеет свои специфические характеристики [Институциональная экономика, 2011]. На наш взгляд, существенным признаком МК «Сеть» является исполнение длительного отношенческого контракта, который регламентирует долгосрочные взаимодействия хозяйствующих субъектов и является принципиально важным для участников взаимодействия [Шерешева, 2010]. Поскольку этот контракт может иметь неформальный характер или вообще быть имплицитным, точное исполнение такого контракта может восприниматься сторонним наблюдателем как необъяснимое прощение пострадавшей стороной нарушителя разовых контрактных обязательств. Однако фактически при устойчивом взаимодействии экономические агенты приобретают дополнительные стимулы, поддерживающие сотрудничество между ними: кооперационные отношения участников сетей, обусловленные повторяющимся характером взаимодействий их участников, дают все основания для трактовки разовых нарушений

¹ Вопрос о том, сколько существует «чистых» механизмов координации, остается дискуссионным: ряд исследователей предлагает ограничиться двумя МК (МК «Рынок» и МК «Иерархия»), рассматривая любые иные варианты как гибриды.

обязательств как определенной нормы взаимоотношений, в рамках которой текущие потери от нарушения компенсируются в ходе будущих взаимодействий.

Таким образом, сети могут быть рассмотрены, в том числе, сквозь призму формальных и неформальных институтов, задающих структуру сети и формирующих правила взаимодействия внутри сети [Klijn, Коррепjan, 2006]. Соответственно, под сетевыми структурами управления следует понимать коалиции взаимозависимых специализированных экономических единиц со своими индивидуальными целями (независимые фирмы, автономные организации, государственные и муниципальные учреждения или иные типы экономических агентов), которые задействованы в системе с общим целеполаганием и координируют свои действия [Методология исследования сетевых форм..., 2014]. Характерным признаком сетевых структур является длительность взаимоотношений, достаточная для создания некоей «внутренней» для группы системы норм и правил, регулирующих взаимодействие и поведение внутри сети. На этой основе происходят согласование интересов и координация действий участников сети.

Объединение участников сети осуществляется на основе вертикальных и горизонтальных взаимодействий между различными экономическими субъектами и их взаимовыгодной зависимости. Например, в случае межфирменных сетей входящие в сеть компании начинают взаимодействовать с широким кругом партнеров: поставщиками, потребителями, другими производителями, дистрибьюторами, государственными и общественными организациями, университетами и другими участниками [Шерешева, 2006]. Между ними образуются различные типы связей, помогающие выигрывать каждому элементу образовавшейся сети. Такие объединения позволяют малым и средним организациям преодолевать ресурсную ограниченность и добиваться более высокой конкурентоспособности благодаря единой информационной сети и общей ресурсной базе, а также обмену знаниями, который способствует принятию более своевременных и обоснованных управленческих решений.

Экономические агенты объединяются в сеть для достижения общих целей. Концентрируясь на них, участники сети синхронизируют друг с другом проведение операций и добиваются единой сетевой направленности, что обеспечивает устойчивость сети. Каждый партнер может развиваться самостоятельно, независимо от других, получая для себя дополнительную выгоду от участия в сетевом взаимодействии. Связи в сетевых организациях строятся на добровольном объединении сил и ресурсов их членов, каждый из которых обладает специфическими

ресурсами, пригодным на том или ином этапе процесса, ведущего к реализации общей цели, согласованной *ex ante*.

Сетевое взаимодействие осуществляется на различных уровнях. Независимо от видов структур участников сети, кооперация происходит не только между этими организациями, но и между их подразделениями, а также их сотрудниками. Все отношения между участниками сети обладают своей особой структурой связей. Как правило, различают следующие виды связей [Куш и др., 2002]:

- экономические (например, особые условия поставки и оплаты);
- юридические (например, заключение долгосрочного контракта);
- технические (адаптация продуктов, технологий и бизнес-процессов);
- когнитивные (расширение знаний о партнере);
- социальные (обобщенное доверие и личное отношение);
- связанные с общим планированием (например, управление логистикой).

Наиболее ранние исследования в области сетевого механизма координации были связаны преимущественно с межфирменными сетями, однако в дальнейшем экономисты обратили свое внимание и на сети, узлами которых являются разные экономические агенты, в том числе крупные экосистемы с собственной сложной структурой. В частности, было указано на исторические прецеденты существования устойчивых сетей городов, самым ярким из которых был Ганзейский союз [Dollinger, 1999; Hohenberg, 2004].

В конце XX в. появились первые исследования, касающиеся современных сетевых взаимодействий городов [Friedmann, 1986; Kickbusch, 1989]. В 1995 г. Д. Баттеном было введено понятие «сетевой город» (*network city*), под которым понимается объединение двух или более независимых городов с целью кооперации в области инфраструктуры, инновационного развития или культурного обмена [Batten, 1995]. Он отмечал, что по своей структуре и целям создания сети городов похожи на межфирменные сети: в обоих случаях речь идет о синергетическом эффекте для участников, создаваемом за счет продуктивного взаимодействия, обмена знаниями и идеями, освоения лучших практик.

Если под «сетевыми городами», описанными Д. Баттеном, понимались преимущественно агломерации (объединения городов, расположенных в одном географическом регионе), то в последующих исследованиях по данной теме рассматривались уже межрегиональные и международные сети городов. В частности, в целом ряде работ сетевое взаимодействие крупнейших городов изучается сквозь призму множества межорганизационных сетей, в которые вовлечены фирмы и другие

организации, офисы которых расположены в этих городах (см., например, [Beaverstock et al., 2000; Taylor et al., 2002; Taylor, 2003; Taylor, Derudder, 2015]).

Исследования Э. Мейерса, Дж. Р. Ван Экка, Д. Снеллен, Ф. Ван Оорта, М. Бургера, О. Распе, Л. Ван ден Броэка и других доказали, что современные сети городов, включающие города разного размера (крупные, средние, малые), создают синергетический эффект как для их собственного устойчивого развития, так и для регионального экономического роста [Meijers, 2005; Van Eck et al., 2005; Van Oort et al., 2010]. В начале прошлого десятилетия К. Френкен и Дж. Хёкман провели факторный анализ экономического роста в 1088 регионах Западной Европы (ЕС-25). Проанализировав набор региональных экономических показателей европейских стран, они с помощью регрессионных моделей показали, что те регионы, где организовано сетевое взаимодействие всех типов городов, характеризуются более высоким экономическим ростом по сравнению с теми регионами, где таких сетей нет [Frenken, Hoekman, 2006]. Это же подтверждено и исследованиями сетевого взаимодействия городов в Китае, Южной Корее, Японии [Kwon, 2009; Sohn, 2011; De Vries, 2012; MOLIT, 2014].

Ряд российских исследователей также подчеркивают, что устойчивое развитие регионов может быть достигнуто на основе выравнивания социально-экономического развития городских образований в рамках единой региональной сети городов, в том числе за счет включения в эту общую сеть малых и средних городов с учетом их функциональной специализации [Метелева, 2011; Довбыш, 2016; Устойчивое развитие территорий..., 2018].

Первые эмпирические и теоретические работы, посвященные сетевому взаимодействию муниципальных образований, в основном касались опыта крупных городов, прежде всего мегаполисов. По мере освоения данного поля исследований к анализу стали привлекаться все типы муниципальных образований, включая как средние и малые города, так и сельские поселения [Campbell, 2013]. В настоящее время уже накоплен достаточно большой международный опыт формирования и развития сетей муниципальных образований. Ниже будут рассмотрены наиболее известные и проработанные подходы, базирующиеся на изученном эмпирическом материале.

Глобальные сети городов (global city networks)

Принято считать, что старт развитию парадигмы глобальных городов (global cities) был дан в работе Дж. Фридмана и Дж. Вольфа, которые идентифицировали ряд крупнейших городов мира как «командные

центры» для контроля и формулирования «нового международного разделения труда», создаваемого многонациональными корпорациями [Friedmann, Wolff, 1982; Friedmann, 1986]. Эти авторы привлекли внимание к появлению новых характеристик мировой системы производства и обмена, которая действует через глобальную сеть городов. Они имели в виду быстро растущие мегаполисы, в которых сконцентрирована большая часть активного капитала и которые, по сути, представляют собой обширные, высоко урбанизированные регионы.

В дальнейшем этот подход отчасти прослеживается в известной работе М. Кастельса, который включил в свое «пространство потоков» глобальные города как «самую прямую иллюстрацию» узлов формирующейся всемирной сети [Castells, 1996].

После появления работ П. Холла [Hall, 1984] и С. Сассен [Sassen, 1991] стартовала серьезная дискуссия по поводу определения глобального, или всемирного, города (global city, или world city). В итоге было принято понимание этих городов как «командных пунктов» глобальной экономики, жизненно важных центральных узлов («хабов»), через которые проходят потоки товаров, людей и идей [Short, 2004]. Соответственно, роль их сетевого взаимодействия в устойчивом развитии современной мировой экономики признается ключевой, что повлекло за собой ряд эмпирических исследований по изучению связей между ними.

С этого времени в растущем числе публикаций высказывается стремление разрабатывать новые методы и концепции, касающиеся «нового мышления в изучении городов XXI века» [Robinson, 2016]. Существует целый ряд направлений развития в этом русле, начиная с этнографического [Simone, 2010] и заканчивая теоретическими разработками, претендующими на формирование новой аналитической и методологической повестки дня [Fariás, Bender, 2012; McFarlane, 2010; Jacobs, 2012].

Основной пласт работ по тематике глобального сетевого взаимодействия городов¹ имеет географическую направленность, однако разработанные положения и эмпирические результаты вносят существенный вклад в понимание сетевого взаимодействия городов как самостоятельных экономических субъектов, имеющих сложную внутреннюю структуру и обладающих значительной самостоятельностью в формировании и реализации стратегии социально-экономического развития.

¹ Помимо термина “Global city network” в работах встречаются также термины “Global network of cities”, “World city network”, а также синонимично употребляемые термины «глобальная урбанистическая система» (global urban network), «транснациональная урбанистическая система» (transnational urban system), «мировая функциональная урбанистическая система» (functional world city system).

Стандартные техники сетевого анализа в данной области исследований впервые применил П. Тейлор [Taylor, 2001, 2004]. Он поставил задачу точной спецификации глобальной сети городов, без которой не может быть детального изучения ее функционирования — узлов сети, их связей и того, как в результате этих связей возникает сеть как единое целое. В качестве стартового исследования он визуализировал небольшую часть глобальной сети городов: десять ведущих городов мира (так называемых «альфа-городов»¹), три лидирующих компании сферы услуг (одна из сферы рекламного бизнеса, одна финансовая, одна поставщик юридических услуг) и показал, как строятся связи между городами с учетом деятельности бизнеса.

В то же время ряд авторов указывают на ограниченность сложившейся концепции глобальной сети городов, которая состоит в практически полном игнорировании роли городов меньшего размера. Как отмечает Дж. Шорт, целенаправленный акцент на выделение городов, которые могут быть отнесены к «глобальным», привел к перекосу в исследовании: изучение сети связей только между крупнейшими городами мира сужает диапазон анализа, оставляя за пределами изучения даже те крупные города, которые по каким-либо причинам не признаются «глобальными» (не говоря уже о множестве средних и малых городов). Однако эмпирические данные показывают, что тот или иной город может активно участвовать в глобальных потоках, и исключение такого рода узлов сети из анализа приводит к ошибочным выводам. Если город не «дотягивает» до определения глобального, это не означает отсутствие у него глобальных связей, имеющих важное значение для устойчивого развития.

Соответственно, в качестве критично важных узлов глобальной сети городов следует, как минимум, рассматривать все достаточно крупные города и выявлять те, которые действуют в качестве «шлюзов для глобализации» (gateway cities) и являются неотъемлемой частью глобальной системы — как производители глобальных товаров и услуг, как хабы, через которые идет значительный поток людей, финансов, идей [Short et al., 2000].

«Промежуточные» города (intermediate cities)

Для устойчивого развития на основе сетевого взаимодействия городов в переходных и развивающихся экономиках особый интерес представляет

¹ На тот момент это были Нью-Йорк, Лондон, Париж, Франкфурт, Милан, Токио, Гонконг, Сингапур, Лос-Анджелес, Чикаго. См. [Beaverstock et al., 1999].

концепция *intermediate cities* (*i-cities*) [Rondinelli, 1982], которую в настоящее время активно продвигает United Cities and Local Governments (UCLG) — организация, которая представляет и защищает на международном уровне интересы местных администраций, независимо от размера муниципальных образований [United Cities and Local Governments, 2019]. В последние годы появился целый ряд эмпирических исследований, в которых характеризуются развитие *i-cities* и их положение в сетях городов в Европе [Ganau, Vilagrasa, 2003; Bahers et al., 2018], Африке [Oyesiku, Odufuwa, 2002; Marais, 2014; Satterthwaite, 2017], Центральной и Латинской Америке [Bolay, Rabinovich, 2004; Klaufus, 2010; Angel, 2012; Steel, 2013], и т.д.

Промежуточные города (*i-cities*) — города с населением от 50 тыс. до 1 млн человек, в которых проживает около 20% мирового населения. Эти города, как правило, играют основную роль в подключении важных сельских и пригородных районов к основным объектам и услугам и, по сути, являются центрами сети муниципальных образований, которая придает жизнеспособность сельским регионам. В этом смысле они выступают как «жизненная связь между локальным и глобальным» [Intermediary Cities, 2019]. В силу своего масштаба *i-cities* могут гарантировать и обеспечить базовые потребности в жилье для своего населения более эффективно и дешево, чем метрополии. Их решающая роль в достижении «всеобъемлющего, безопасного и устойчивого» урбанизма [UN-Habitat, 2018], а также в развитии более сбалансированных и устойчивых региональных систем означает, что им следует уделять больше внимания в повестке дня современной урбанизации.

Узловые регионы, агломерации и конурбации (nodal regions, agglomerations and conurbations)

Примечательно, что еще в 1960-е годы ряд исследователей использовали теорию графов для характеристики пространственного размещения городов, опираясь на теорию узловых регионов (*nodal regions*) [Nystuen, Dacey, 1961].

Понятие узлового региона было введено для описания взаимосвязей между центральным, или узловым, городом и прилегающим к нему ареалом (районами). Узловые регионы определяются путем оценки внешних контактов малых территориальных единиц и определения той точки (места), с которым имеются наиболее тесные связи¹. Обычно это

¹ Это не отрицает существования других потоков или связей: безусловно, все районы и находящиеся на территории муниципальные образования соединены с другими многочисленными типами связей.

будет ближайший город, и этот город оказывается узловой точкой для ориентированных на него прилегающих районов. Агрегация этих территориальных единиц называется узловым регионом. При этом в зависимости от исследовательской задачи точками (узлами сети) могут быть и только населенные пункты, и районы, абстрагированные до уровня точек. В этом последнем случае получается визуализация узлового региона — множество точек, связанных с одной центральной точкой. В этих межгородских сетевых структурах косвенные связи так же важны, как и прямые.

В качестве примера можно привести Перспективу европейского пространственного развития (European Spatial Development Perspective — ESDP), в которой определяются три основные цели политики устойчивого территориального развития стран ЕЭС: экономическая и социальная сплоченность, сохранение природных ресурсов и культурного наследия и управление ими, а также более сбалансированная конкурентоспособность всех регионов Евросоюза и ЕЭС в целом [ESDP, 1999]. Для достижения этих целей проводилось изучение текущего состояния регионального развития, которое должно служить в качестве основы для дальнейших экономических и политических решений. Каждый анализируемый регион рассматривался как динамическая система, которая очень сложна и которой крайне сложно управлять с административной точки зрения. В связи с этим было введено понятие «функциональный регион» как наиболее подходящей единицы для экономического анализа и взаимодействия политических, социальных и экономических процессов [Tomaneu, Ward, 2000].

В настоящее время самым важным функциональным уровнем городских и региональных систем стали городские агломерации / конурбации [Antikainen, 2005]. Сформировалась концепция функционального городского района (региона) (Functional Urban Area, Functional Urban Region). Функциональный городской район — это территория, для которой характерны гораздо более интенсивные экономические взаимодействия внутри нее, чем с любой другой областью за ее пределами, и наличие развитой транспортной инфраструктуры, способствующей большой мобильности людей, продуктов и т.п. в пределах его границ. Эта концепция легла в основу изучения пространственных различий и социально-экономических проблем в городских и пригородных районах. В частности, речь идет о жилой сегрегации (residential segregation) [Massey, Denton, 1988; Charles, 2003; Marcińczak, 2012; Fujita, 2016], дисбалансе на рынках труда, «вымывании» из центра людей и экономической деятельности (outward diffusion of economic activities) [Hall, 2005; Ye, Carroll, 2011]. Рассматриваются также принципы выделения

субцентров и эффекты функциональной полицентричности (functional polycentricity) [Vasanen, 2012].

Рассмотрим опыт Словении. Согласно реализации иерархии центральных мест, для пространственного планирования и целей региональной политики в Словении были выделены семь уровней: 1–4 — более низкий уровень (местные центры); 5–7 — более высокий уровень и (региональные центры) в Долгосрочном плане развития Словении до 2000 г., принятом в 1986 г. в качестве всеобъемлющей стратегии для социального, экономического, пространственного, регионального и экологического развития страны. Этот план был сформулирован в соответствии с концепцией полицентрического развития с учетом специфики различных (географических) зон и сети региональных и местных центров (58 городов) с разным размером населения и функциями. Наиболее важные региональные центры — Любляна, Марибор, Целе, Крань, Ново Место, Нова Горица, Мурска Собота, Постойна — и несколько кластеров городов (конурбаций), таких как: Копер-Изола-Пиран, Трбовое-Загорье-об-Сави-Храстник, Словен-Градец-Равне-на-Корошкем-Драгограде, Кршко-Брежице, Есенице-Радовлица, с тяготеющими к ним районами, в итоге охватывали всю территорию Словении. В результате удалось наладить координацию и распределение ресурсов (в частности, рабочей силы, услуг и финансовых субсидий) и сформировать достаточно действенные инструменты сбалансированного и устойчивого регионального развития в такой традиционно полицентрической (хотя и небольшой по размеру) стране, как Республика Словения [Drobne et al., 2010].

Примечательны также примеры реструктуризации агломерации города Острава (Чехия) и конурбации Катовице (Польша) на фоне общего упадка региона. В работе Й. Сухачека [Suchacek, 2005] проведен сравнительный анализ и показано, что в случае Оставской области реструктуризация оказалась далека от успеха, в то время как в Катовице, наоборот, пессимистический сценарий не оправдался. Проанализировав различные направления реструктуризации в этих двух регионах как с точки зрения рангов территорий (национальных и региональных), так и с точки зрения функциональной (реструктуризация традиционных отраслей, развитие новых видов деятельности, уровень реструктуризации коммуникаций), Й. Сухачек сделал вывод, что в случае Катовицкой конурбации реструктуризация отрасли опиралась на тщательный предварительный (ex ante) анализ существующих связей, проводилась относительно медленно и сопровождалась и созданием рабочих мест в других секторах, в отличие от агломерации Оставы, где ex post был сделан акцент на подчеркнуто рыночное развитие.

Для реструктуризации агломерации Оставской области были типичны многочисленные, но плохо скоординированные проекты. В случае конурбации Катовице на основе проведенного анализа был сделан выбор в пользу отдельных значимых проектов, которые получали достаточное финансирование.

Влияние центрального правительства в Варшаве на развитие конурбации Катовице было намного выше, чем в любом другом регионе Польши. Напротив, внимание, уделяемое Огравской агломерации, было крайне мало, поскольку она и географически, и психологически воспринимается Прагой как наиболее отдаленный регион. Оставе предложили развиваться эндогенно за счет собственных возможностей. Однако в ситуации, когда местным и региональным субъектам не хватает компетенций и финансовых ресурсов, трансформация, основанная на внутреннем, эндогенном потенциале, не приносит успеха. Различные трансформационные траектории обоих регионов отражают различные региональные неформальные институты. В конурбации Катовице траектория предшествующего развития была учтена, интенсивное лоббирование повлияло на процесс реструктуризации положительным образом. В Оставской агломерации, предоставленной сама себе, произошло усугубление негативных тенденций. Сильное лобби в Катовицкой конурбации трансформировало прежнюю экономическую власть в нынешнее политическое влияние. Наоборот, в Оставе прежде влиятельные структуры стали терять свои возможности после начала реструктуризации из-за рестриктивного подхода центрального правительства, а также из-за низкого уровня взаимного доверия и сотрудничества между региональными и местными субъектами.

Таким образом, в развитии агломераций и конурбаций роль государственного управления и принимаемых центром решений является ключевой, однако и траектория предыдущего развития, и состояние взаимоотношений, в том числе наличие или отсутствие доверия между стейкхолдерами агломерации / конурбации, оказывают существенное влияние на перспективы устойчивого развития.

Транснациональные сети городов в рамках «горизонтальной европеизации» (Europeanization)

ЕС содействует сотрудничеству между странами-членами на уровне муниципалитетов, стимулируя обмен и передачу передового опыта между городами, совместный поиск решений и совместную деятельность по целому ряду направлений, при этом особое значение придается

вопросам устойчивого развития. Совместные проекты с участием городов из разных государств — членов ЕС создают ряд «транснациональных пространств» за пределами национальных государств.

В настоящее время существуют активно работающие ассоциации местных органов власти и транснациональные сети европейских городов не ограничивают свою деятельность агрегированием и представлением интересов их членов. Ассоциации местных органов власти, транснациональные сети и трансграничные проектные сети поддерживают передачу передовых практик и совместную разработку инновационных решений [Frenken, Hoekman, 2006]. Это, наряду с лоббированием интересов, основная миссия транснациональных сетей.

Связи между местными органами власти, которые разрабатываются на четко добровольной основе, могут быть двусторонними или многосторонними. Двусторонние отношения между субнациональными органами власти выступают отличной основой для создания транснациональных сетей городов и очень полезно, когда необходимы партнеры для проектов. Такие связи способствуют «горизонтальной европеизации» (Europeanization) [Pflieger, 2014], поскольку они используются местными субъектами в качестве инструментов для транснационального сетевого взаимодействия, трансфера лучших практик и обучения на основе передового опыта. Один из примеров — «горизонтальная европеизация» в такой области сотрудничества в сфере устойчивого развития, как управление климатом: создание специализированных транснациональных сетей, таких как Альянс по климату (Climate Alliance), обеспечивает обмен опытом и трансфер лучших практик между участниками сети [Keiner, Kim, 2008; Kern, Bulkeley, 2009].

Трансфер лучших практик требует наличия прямых связей между субнациональными субъектами в разных странах, поэтому в последние годы значение горизонтальной европеизации растет, и это предоставляет дополнительные возможности местным и региональным субъектам [Kern, 2014]. При этом «горизонтальная европеизация» может происходить даже в тех случаях, когда институты ЕС не участвуют в этом напрямую.

Устойчивая сеть городов-побратимов [Jayne et al., 2017; Sergunin, Joenniemi, 2017] или членство в такой транснациональной сети городов, как Energie-Cités [Magnin, 2007; Bulkeley, 2010], обеспечивают отличную основу для поиска городов-партнеров, если это требуется для подачи заявки на проект. Членство в транснациональных сетях окупается для большинства городов, поскольку транснациональные городские сети не только иницируют проекты, но и осуществляют управление проектами.

Города и регионы участвуют также в сетях краткосрочных проектов, которые значительно отличаются от таких форм, как города-побратимы и транснациональные сети городов, которые представляют собой долгосрочные формы взаимоотношений. Формально-правовые и долгосрочные отношения между муниципалитетами здесь вытесняются институциональными механизмами ограниченного срока действия. Проектные сети могут, хотя и не обязательно, перекрываться с парными связями городов и транснациональными сетями. Долгосрочные отношения могут быть использованы для стабилизации краткосрочных проектов и наоборот.

Города в Германии и некоторых других развитых странах Евросоюза рассматриваются как модель эффективности городского планирования для менее развитых муниципалитетов, прежде всего тех, которые расположены в странах Восточной Европы. В качестве примера выступает хорошо спланированная и управляемая городская инфраструктура — в частности, комплексная транспортная инфраструктура с пунктуальным и экологически чистым общественным транспортом, с пешеходными зонами и велосипедными дорожками, которые делают передвижение по городу очень комфортным. Но основное их преимущество — это длительный опыт городского планирования с привлечением общественности (участие жителей в круглых столах, партисипаторное бюджетирование, и т.д.). Соответственно, менее развитые муниципалитеты, где в течение долгого времени принцип соучастия не был актуальной составляющей в политической повестке дня, «втягиваются» в эту деятельность за счет межмуниципального сетевого взаимодействия: успешные меры, применяемые в других, «более опытных» городах сети, адаптируются к новому контексту. В данном случае действует принцип «единства в многообразии»: с одной стороны, преследуется цель обеспечения согласованности в рамках реализации единых руководящих принципов Евросоюза; с другой стороны, уникальные характеристики европейских городов становятся предметом внимания при обмене опытом, создавая диалог на местном уровне для совместного преодоления возникающих вызовов.

В качестве примера можно привести реализацию «концепции устойчивой мобильности» (*sustainable mobility concept*). Сетевое взаимодействие европейских городов, от Португалии до Эстонии и от Греции до Норвегии, осуществляется на основе общих установленных стандартов, таких как SUMP¹, признаваемых в качестве комплексных подходов к

¹ Sustainable Urban Mobility Plan (SUMP) — план устойчивой городской мобильности, являющийся основой или встраиваемый в существующую долгосрочную стратегию будущего развития городской территории.

решению вопросов пространственного планирования, охраны окружающей среды, экономического развития, социальной политики, здравоохранения, безопасности на дорогах, устойчивых видов транспорта, пешеходных зон, и т.д. [Wallim, 2017]. В ЕС разработан общий пакет руководящих принципов (Urban Mobility Package), в соответствии с которым поощряется обмен опытом и совместная работа национальных, региональных и местных органов власти: стимулируются платформы обмена знаниями, внедряются инновационные программы и обеспечивается финансовая поддержка проектам устойчивой мобильности [European Commission, 2013].

Отметим, однако, что трансфер передовых практик стал общим «защитным» и часто объявляется в тех случаях, когда не получается гармонизация интересов, он сталкивается с аналогичными вызовами. Хотя города-лидеры участвуют в национальных и транснациональных сетях и улучшают свои результаты благодаря обучению у своих «соратников» в стране и за рубежом, нет никакой гарантии, что отстающие тоже смогут усвоить передовые практики [Kern, Vulkeley, 2009]. Это может быть обусловлено, во-первых, отсутствием возможностей у потенциальных последователей, в частности, у небольших городов. Во-вторых, есть также свидетельства того, что распространение политики не всегда оказывается самоорганизующимся процессом, даже если существуют успешные модели и достаточные возможности, поскольку рациональной стратегией (в частности, для сильных и доминирующих игроков) может быть неприменение тех или иных практик. Многие исследования, касающиеся переноса и распространения политики, показывают, что передача лучших практик зависит от конкретного контекста, т.е. даже успешные инновации не могут быстро распространяться, поскольку локальные эксперименты сталкиваются с проблемами при попытке перенести их в другие контексты.

Если Лондон, Роттердам, Мюнхен и Стокгольм могут быть признаны на международном уровне лидерами, других города и поселки в Великобритании, Нидерландах, Германии и Швеции таковыми не являются. То есть, даже в ведущих странах очевиден разрыв между лидерами и «отстающими» муниципалитетами. Возможности местных и региональных органов власти не только значительно варьируются, но также представляется, что существует зависимость роста возможностей от предшествующего развития (*development of capacities is path-dependent*). Так, города и регионы, которые зарекомендовали себя в экологической политике и устойчивом развитии, как правило, становятся пионерами в политике управления климатом. Таким образом, не удивительно, что инновационные подходы к защите климата начали вводить наиболее

активные города, такие как Лондон, Роттердам или Стокгольм. Традиционные инструменты политики, например, субсидии, не могут решить эту проблему. Существующие различия могут стать еще более выраженными, если «города-пионеры» укрепят свои возможности за счет национального финансирования, в то время как остальным не хватит возможностей даже на простую подачу заявки на дополнительные ресурсы.

Сеть Cittaslow — движение «медленных городов»

Cittaslow — организованная сеть малых городов (с числом жителей не более 50 тыс.), которая стремится сфокусировать планы городского и регионального развития на первичном активе местной идентичности, на поддержании и сохранении уникальности каждого отдельного города [Farelник et al., 2017]. Инициаторами создания сети в 1999 г. были мэр города Грече-ин-Кьянти Паоло Сатурнини и мэры городов Орвьето (Стефано Чемики), Бра (Франческа Гуида), Позитано (Доменико Марроне), а также основатель и президент движения Slow Food¹ Карло Петрини. Как подчеркивали основатели движения, необходимо было противостоять превращению городов в унифицированные урбанизированные территории, потерявшие «и идентичность, и душу» [Radstrom, 2014]. Таким образом, цель повышения качества жизни жителей города основана на возвращении к истокам и поиске тех особенностей, которые определяют «лицо» того или иного города. По мнению сторонников движения, активная защита традиционно сложившихся особенностей и жизненного уклада — единственный способ избежать превращения малых городов в «сообщества без лица».

Cittaslow идентифицирует себя как сетевая организация, состоящая только из малых городов, добровольно ставших участниками сети [Cittaslow International, 2019]. Если в 2004 г. в сеть входили в основном итальянские малые города, то к 2014 г. это были уже более 140 городов

¹ Экологическая и культурная инициатива Slow Food («медленная еда») возникла в городе Бра в 1989 г. Она имела целью защиту местных продуктов, местной кухни и связанных с этим культурных особенностей от наступления международных сетей фаст-фуда, число которых в итальянских городах стало угрожающе нарастать, привнося с собой чуждую для Италии культуру. В настоящее время это быстро растущее международное движение. Слово сочетание «слоу-фуд» подразумевает ассоциацию не со скоростью поглощения пищи, а с местной традиционной едой высокого качества, с сохранением рецептов, характерных для конкретной местности, с общением во время разделения трапезы. Как отмечает К. Оноре, по своей сути это движение «за все то, чего нет в МакДональдсе: свежие, местные, сезонные продукты; рецепты, передаваемые из поколения в поколение; устойчивое фермерство; партизанские производства; приятный обед в кругу семьи и друзей» [Нопорé, 2004]. В настоящее время это быстро растущее международное движение.

из почти 20 стран, а в 2019 г. — 264 малых города из 30 стран и регионов (Приложение 1).

В философии движения Cittaslow, администрирование которого имеет муниципальную основу, термин «медленный» (slow) подразумевает не прямой перевод, а понятную для Италии коннотацию: необходимость «уделить время качеству жизни», т.е. не просто добиться высокого качества жизни, но и ощутить это качество, насладиться им. Основная идея состоит в том, что городу совершенно не обязательно гнаться за модными тенденциями в урбанистике, чтобы быть привлекательным местом для жизни. Это не означает сопротивление любым изменениям, а лишь требует более вдумчивого отношения к тому, какие изменения реально приведут к росту качества жизни в городе.

Шесть главных компонент политики Cittaslow, которые характеризуют область общего целеполагания участников сети [Radstrom, 2014]:

1) *экологическая политика* (environmental policies):

- защита качества воздуха, воды и почвы;
- распространение современных практик утилизации отходов — включая компост и очистные установки для сточных вод;
- планы энергосбережения;
- запрет на использование генетически модифицированных растений в агрокультуре;
- контроль электромагнитного, шумового и светового загрязнения;
- принятие систем менеджмента качества окружающей среды (таких как EMAS и ECOLABEL);

2) *инфраструктурная политика* (infrastructure policies):

- планы на улучшение и восстановление исторических центров и (или) строений, имеющих культурную и историческую ценность;
- планы по безопасности движения и трафику;
- акцент на планы по развитию альтернативного транспорта, включая велодорожки, пешеходные зоны и общественный транспорт;
- повышение доступности общественных мест и мест общественного интереса;
- продвижение программ развития рекреации, социальных и семейных связей, поддержки нуждающихся;
- качественные зеленые зоны и пешеходная доступность;
- планы дистрибуции товаров местного производства и создание «коммерческих центров натуральных продуктов»;
- поддержка гостеприимных и дружественных торговых площадок;
- возрождение городской жизни, включая осовременивание и восстановление деградирующих районов;

- 3) *технологии и мощности для обеспечения качества городской жизни* (technologies and facilities for urban quality):
- оснащение городов оптоволоконными кабелями и системами беспроводной связи;
 - внедрение систем мониторинга электромагнитных полей;
 - размещение мусорных контейнеров в соответствии с требованиями окружающей среды и ландшафта, соблюдение сроков вывоза мусора;
 - высадка автохтонных, дружественных к окружающей среде растений, как в общественных местах, так и в частных владениях;
 - предоставление услуг жителям, в том числе электронных муниципальных услуг, разработка планов формирования социальной сети горожан на основе развития их умений как пользователей интернета;
 - планы контроля шума в особо шумных зонах;
 - планирование цветковых решений;
 - стимулирование дистанционной работы;
- 4) *охрана автохтонной продукции* (safeguarding autochthonous production), которая сфокусирована на устойчивости местных традиционных производств и сохранении элементов локальной идентичности:
- развитие органического фермерства;
 - сертификация качества ремесленной продукции, объектов и художественных промыслов;
 - программы сохранения ремесел и художественных промыслов, традиционных методов работы, исчезающих профессий;
 - использование органических и местных продуктов, сохранение местных традиций в ресторанах, школьных кафетериях и т.п.;
 - программы обучения принципам правильного питания и вкуса в школах (в сотрудничестве с движением Slow Food);
 - поддержка усилий Slow Food в сфере производства вина и гастрономии, нацеленные на сохранение специй и способов готовки, находящихся под угрозой исчезновения;
 - создание реестра типичных местных продуктов и поддержка их коммерциализации (обновление рынков и создание удобных площадок);
 - создание реестра городских деревьев и повышение ценности особенно больших или «исторических» деревьев;
 - продвижение и сохранение локальных культурных событий;
 - стимулирование «городских» и школьных садов с автохтонными культурами, выращенными традиционными методами;

- 5) *осведомленность* (awareness) — подразумевает общественное обучение и продвижение организации:
- предоставление жителям информации о целях и задачах Cittaslow, предваряемой информацией о намерениях администрации города вступить в сеть Cittaslow;
 - программы вовлечения местных сообществ в «медленную» философию и реализацию проектов Cittaslow;
 - программы распространения активностей Cittaslow и Slow Food;
- 6) *гостеприимство* (hospitality) — нацелено на то, чтобы и жители, и гости города, входящего в сеть Cittaslow, чувствовали себя комфортно, «как дома»:
- обучающие курсы по гостеприимству и общению с туристами;
 - использование международных знаков и указателей для туристов в историческом центре, развитие сопровождаемых гидами туристических маршрутов;
 - политика гостеприимства и планы по облегчению доступа гостей города к информации и услугам (оборудование парковок, увеличение сроков работы государственных учреждений, и т.п.) с особым акцентом на событийный календарь;
 - разработка «медленных» маршрутов в городе (включая брошюры, веб-сайты, домашние страницы, и т.п.);
 - ознакомление туроператоров и владельцев магазинов с необходимостью прозрачной ценовой политики и размещения информации о ценах и тарифах.

По сути, сходные цели и политика могут «работать» и в случае более крупных городов, однако в малых городах, которые тесно связаны с окружающими их сельскими территориями, существует гораздо больше возможностей для сохранения традиций, локальных производств и ремесел, а также для тесного сетевого взаимодействия, основанного на соединении уникальных особенностей и сильных сторон городов-участников. Кооперация и ответственность признаны базовыми принципами организации, в которой сотрудничество не сводится к взаимодействию географически близких городов, а историческая уникальность и ярко выраженная специфика места являются ключевыми конкурентными преимуществами, продвигаемыми зонтичным брендом Cittaslow. Сеть оказывает поддержку руководителям городов, они совместно разрабатывают идеи и решения для каждого конкретного города [Кнох, Мауер, 2006]. При этом принадлежность к сети Cittaslow создает дополнительный и довольно мощный маркетинговый эффект: положительное впечатление туристов от посещения одного из городов сети зачастую становится стимулом для посещения других «медленных городов» в разных странах.

Таким образом, на целом ряде примеров видно, что сетевой механизм координации играет значимую роль в достижении целей устойчивого развития. В условиях ограниченных собственных ресурсов малых городов сетевое взаимодействие создает предпосылки для развития инфраструктуры и усиления межфирменного сотрудничества, для согласования интересов в экономической и социальной сфере, для стимулирования инвестиционных и туристических потоков, для реализации совместных проектов, обмена трудовыми ресурсами и компетенциями, обмена лучшими практиками муниципального управления.

Важно также отметить, что опыт зарубежных стран основан на попытке решения специфических проблем и противоречий, обусловленных спецификой их институциональной среды и характерных для современного состояния их экономики и социальной сферы. Если говорить о России, то следует учесть отличительные особенности нашей страны, связанные, в первую очередь, с наличием институциональных «провалов» и сильных диспропорций по уровню развития территорий [Зубаревич, Сафронов, 2013; Нуреев, Латов, 2015]. В связи с этим далеко не все направления могут быть адаптированы применительно к малым городам нашей страны, хотя данный опыт может быть очень полезным.

ГЛАВА 3

МАЛЫЕ ГОРОДА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Неотъемлемую часть системы расселения населения любой страны составляют малые и средние города (МСГ). Занимая промежуточное место между сельскими поселениями и крупными городами, они играют важную роль в процессах урбанизации, помогая сельским жителям адаптироваться к городскому образу жизни. Их динамика — рост или снижение числа самих городов и численности их населения, — выступает следствием общих процессов урбанизации, начавшихся со времени появления первых городов на заре человеческой истории. Рассмотрим их место в системе расселения Российской Федерации, чтобы затем определить, какие варианты стратегий возможны для малых российских городов.

Малые и средние города в системе расселения РФ

В современных исследованиях процесс урбанизации описывается как стадийный, подчиняющийся определенной закономерности [Gibbs, 1963; Paddison, 2001; Nefedova et al., 2015]. В рамках первой, доиндустриальной стадии рост численности сельского населения опережает рост численности городского. С началом индустриального развития, во второй стадии, напротив, начинается опережающий рост численности горожан, в то время как рост сельского населения замедляется. На третьей стадии сельское население сокращается, а города растут за счет миграции из сельской местности. Четвертая стадия характеризуется ростом городов, в первую очередь — крупных, которые разрастаются до мегаполисов, а МСГ сокращаются и по числу, и по численности их жителей. На пятой стадии начинается происходить дезурбанизация — население переезжает из перенаселенных мегаполисов в МСГ, которые привлекают жителей более благоприятными условиями жизни [Fielding, 1989; Berry, 1976; Richardson, 1980; Устойчивое развитие территорий, 2018].

Приведенная последовательность стадий урбанизации тесно связана с уровнем развития экономики страны, что позволяет корректно оценивать состояние урбанизации, а также строить качественные прогнозы динамики не только городского и сельского населения, но и МСГ как подсистемы системы расселения. Более того, поскольку для больших стран их отдельные регионы могут находиться на разных уровнях экономического развития в плане индустриализации, эта логика позволяет также понять и отличия таких регионов с точки зрения их систем расселения.

Уровни экономического развития и характер отраслевой структуры регионов России отличаются большим разнообразием, однако анализ показывает, что во всех из них происходит (а в большинстве уже произошло) «стягивание» экономической активности в «региональные столицы» и другие крупные города [Коломак, 2014]. Как отмечают В. Лексин и В. Карачаровский, «в «региональных столицах» проживает около трети населения страны, но во многих субъектах РФ их доля в населении своего региона существенно выше. Например, в Новосибирской области «столица» поглощает 53% областного населения, в Камчатской — 55, в Томской — 47, в Калининградской — 45, в Республике Удмуртия — 40% [Лексин, Карачаровский, 2007]. Соответственно, МСГ утрачивают население, в первую очередь — экономически активное, что во многом ограничивает потенциал их развития.

Единообразие процессов сверхконцентрации экономического и социального потенциалов страны практически во всех ее регионах, отмеченное В. Лексиным и В. Карачаровским, оказывается слабо связанным с различиями в уровнях экономического развития и индустриализации этих регионов.

Наиболее вероятное объяснение этого явления — специфический характер урбанизации, осуществлявшейся в период существования СССР. «Урбанизация в СССР была результатом не органического, а вынужденного, навязанного развития, ее экономическая база развивалась как нерыночная на протяжении 70 лет. Население наших городов практически полностью состояло из наемных рабочих и служащих, действовавших в рамках командной экономики» [Пчелинцев, 1993]. «Урбанизация была лишь побочным продуктом расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке, обогащению и перегрузке сырья; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждавшихся в селитьбе для размещения трудовых ресурсов» [Меерович, 2015]. Искусственность советской урбанизации отмечается и многими другими исследователями (см., например, [Вишневский, 1998; Пивоваров, 2001]).

Как следствие, вопросы качества городской среды, благоустройства, комфортности проживания и т.п. — все то, что при прочих равных определяет привлекательность города, оказывалось на втором плане. МСГ и поселки городского типа, массово возникавшие в период индустриализации СССР, часто застраивались бараками, предназначенными лишь для сна после работы. Исключение составляли только «региональные столицы», в которых в силу концентрации в них властно-административных функций создавались более комфортные условия проживания, а переезд в них из других населенных пунктов сдерживался административными методами — разрешительным характером «прописки».

Снятие этих ограничений с началом рыночных преобразований в совокупности с выявившейся массовой неконкурентоспособностью предприятий, созданных для работы в нерыночной среде, приведшей к их остановке, и обусловило то, что именно «региональные столицы» и крупные города стали расти, принимая экономически активных мигрантов из населенных пунктов других типов (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Динамика структуры городского населения в РФ (2012–2017 гг.)

Показатель	01.01.2012	01.01.2017
Численность городского населения, тыс. чел.	98 113,2	102 044,4
Доля городского населения, %	68,6	69,5
Количество малых и средних городов	935	942
Численность населения малых и средних городов, тыс. чел.	27 082,9	26 704,8
Доля малых и средних городов в общем числе городов, %	85,0	84,7
Доля населения малых и средних городов в общей численности населения страны, %	18,9	18,2
Доля населения малых и средних городов в общей численности городского населения, %	27,6	26,2

Источник: [Росстат, 2018].

Как видно из табл. 3.1, доля жителей МСГ в РФ на начало 2017 г. составляла 18,2% населения страны и 26,2% ее городского населения. Для сравнения, в Европе в МСГ и очень малых городах (very small towns) проживает более трети населения, причем число МСГ составляет 8414, а очень малых — более 69 тыс. [ESPON on the Road Project, 2013].

Важно подчеркнуть, что исследования показывают экономическую неэффективность сверхконцентрации. Согласно анализу, проведенному Е.А. Коломак, «пространственный ресурс роста экономической эффективности в России связан скорее с изменениями структуры городской системы. Одним из результатов анализа стал вывод о положительном влиянии разнообразия городской системы на уровень общей региональной продуктивности. Крупные городские центры имеют возможность обмениваться ресурсами развития с малыми и средними городами, снижать негативные эффекты конкуренции, окружающие территории, в свою очередь, используют положительные импульсы развития городской экономики. Концентрация же ресурсов в одном центре негативно сказывается на экономическом развитии региона, лишая преимуществ маневра в размещении различных производств и гибкости в использовании экономик разного размера» [Коломак, 2015, с. 71].

Современная система расселения РФ стала объектом фундаментального исследования В.Я. Любовного, который очертил также и варианты ее эволюции, подчеркивая непродуктивность унифицированного подхода к разным типам городов, в том числе МСГ [Любовный, 2013]. Волны и стадии этой эволюции проанализированы Т.Г. Нефедовой, Н.Е. Покровским и А.И. Трейвишем [Нефедова, Трейвиш, 2010, 2017; Нефедова и др., 2015]. О.В. Бондарская и Т.А. Бондарская специально рассмотрели место малых городов в отечественной системе расселения, подчеркнув несоответствие восприятия властными структурами малых городов как «пережитков советского наследия», и их потенциала в переходе к устойчивому развитию [Бондарская, Бондарская, 2014].

Проведенные исследования малых городов в системе расселения позволили выявить их различные классификации. Так, И.Н. Кодина выделяет такие типы малых городов, как промышленные микроцентры, города-спутники крупных индустриальных центров, центры сельской округи, мемориально-реликтовые города, рекреационные центры, а также транспортные узлы [Кодина, 2009]. В.И. Ильин предлагает функциональную классификацию малых населенных пунктов, «которая, во-первых, стремится к полноте охвата всего спектра, во-вторых, включает не только малые города, как чаще всего делается в литературе, но и все населенные пункты» [Ильин, 2014, с. 260]. Он выделяет следующие типы: сельские поселения; поселения — форпосты Российской империи, трансформировавшиеся к XX в. либо в обычные сельские поселения или малые города, либо в закрытые военные городки; малые индустриальные поселения, вырвавшиеся вокруг какого-либо предприятия; ресурсные поселения, отличающиеся от предыдущего типа тем, что создавались в связи с освоением какого-либо месторождения полезных ископаемых; инфраструктурные

центры, выполняющие функцию предоставления социальных и административных услуг жителям окружающих мельчайших поселений; вахтовые поселения; рекреационные зоны, включающие санаторно-курортные населенные пункты, рекреационные зоны спортивного типа, туристические достопримечательности и дачные населенные пункты.

Эти классификации весьма полезны для диагностики проблем МСГ, выяснения потенциала взаимодействий малых городов с их окружением, выявления потенциальных партнеров и конкурентов и т.п. Не менее значимо, однако, и понимание более общих причин возникновения и продолжения существования проблем, с которыми сталкиваются МСГ. Как отмечает А.В. Подсвинова, «реформы, проводимые в России уже более двадцати лет, не создали для малых городов достаточных условий для их развития ни в направлении формирования собственной экономической основы, в частности развития муниципальной собственности, муниципальных предприятий и муниципального хозяйства в целом; ни в направлении стимулирования их внутренних ресурсов, а именно поддержки развития малого предпринимательства; ни в направлении оживления возможностей, интересов и удовлетворения потребностей самого населения малых городов, особенно молодых горожан» [Подсвинова, 2016, с. 54].

В приведенной цитате верно подмечены основные ограничения на развитие малых городов, обуславливающие их современное состояние. Формированию собственной экономической базы препятствует бюджетная система страны, централизующая налоговые и иные бюджетные доходы и делающая бюджеты подавляющего большинства муниципальных образований изначально дефицитными, не оставляющая в распоряжении городов средств на развитие. Стимулированию внутренних ресурсов МСГ, раскрытию человеческого потенциала предпринимателей мешает низкое качество институциональной среды хозяйствования: индекс качества регулирования (Regulatory quality index) составил в 2016 г. отрицательную величину $-0,42$; его среднее значение за период 1996–2016 гг. было $-0,35$, с минимумом $-0,58$ в 2000 г. и максимумом $-0,12$ в 2004 г. [The Worldwide Governance Indicators, 2018], после проведения достаточно масштабных административных реформ. Соответственно, отечественные малые города не имеют тех «предпринимательских экосистем», которые играют важнейшую роль в других странах в процессах развития и роста качества жизни в МСГ [Roundy, 2017]. Самостоятельные действия жителей малых и средних городов, направленные на улучшение качества городской среды, затрудняет низкий уровень их доходов, обуславливающий крайне незначительные размеры среднего класса, что, в свою очередь, «закрывается» на низком качестве институциональной среды экономики.

Роль и место малых городов в национальной стратегии пространственного развития

Анализируя роль и место малых городов в региональном развитии, необходимо понимать, что малые города являются системообразующими элементами региона, их трудовой, природно-климатический, ресурсный и производственный потенциал является основой устойчивого регионального развития [Хорев, Овчинникова, 2003; Орлова, 2015; Устойчивое развитие территорий..., 2018].

Для России, где порядка 70% от общего числа городов являются малыми городами, их значение для устойчивого экономического развития регионов трудно переоценить. Однако в течение нескольких постсоветских десятилетий наблюдалось явное игнорирование их роли в региональной и национальной экономике. Как результат, большинство малых российских городов оказались в ситуации «выживания поодиночке», начал нарастать разрыв между ними и более крупными городами по уровню развития и по качеству жизни населения [Оборин и др., 2017; Шерешева и др., 2017]. Отток населения из малых городов обусловил устойчивую тенденцию к росту неоднородности в городской системе Российской Федерации, избыточному росту населения крупнейших городов и снижению населенности малых городов. Это подтверждают расчеты, которые показывают увеличение коэффициента Ципфа [Растворцева, Манаева, 2015].

При этом многие урбанисты, на рекомендациях которых основывались действия российских властей в постсоветский период, выступали в поддержку либо идеи о формировании небольшого числа крупных агломераций, либо «стратегии пространственного сжатия» (см. [Любовный, 2012; Минакир, 2016]) и «адаптационной стратегии» [Стехина, 2007], предполагающей адаптацию к меняющемуся расселению вместо сокращения территориальных неоднородностей. Согласно этой позиции, процесс угасания ряда малых поселений России и роста и развития других — это процесс естественный и рациональный.

На наш взгляд, данный подход является крайне дискуссионным и требует серьезного пересмотра. В зарубежной литературе также нарастает число работ с критикой неолиберального подхода к пространственному развитию¹, при котором оно должно определяться исключительно «невидимой рукой рынка» и экономической целесообразностью [Sager, 2013]. Целый ряд современных авторов указывают на то, что необходимо

¹ Ряд авторов в этой связи говорят об устаревании «агрессивных неолиберальных моделей городского и регионального развития» [Albrechts, 2015, p. 512].

стратегическое планирование, которое обеспечивает «пространство совещательных возможностей» [Forester, 2010] — с открытым диалогом, в котором учитываются множество интересов и требований, мнений, конфликтов, ценностей, отношений власти. Акторы в этом пространстве обдумывают и осознают, кем они являются и к чему стремятся, и на этой основе способны сформулировать свою идентичность, традиции и ценности» [Albrechts, 2015, p. 512]. Стратегическое пространственное планирование такого рода предполагает, что в него вписано нормативное измерение этического характера [Campbell, Marshall, 2006]¹, для которого значимы ценности и специфические практики, рассматриваемые в конкретных политических, культурных, институциональных контекстах [Healey, 2010]. Как справедливо отмечает Л. Элбрехтс [Albrechts, 2015], без этого мы рискуем впасть в «пагубный релятивизм», где и так «все сойдет» [Metzger, 2012].

Соответственно, должен быть четко сформулирован ответ на вопрос о том, какой подход должен быть заложен в федеральную стратегию пространственного развития, которая является основополагающей для развития субъектов РФ и муниципальных образований [Зубаревич, 2015]. Как справедливо подчеркивает П.А. Минакир, это должна быть **общенациональная** стратегия пространственного развития, которая не игнорирует, а делает акцент на межсистемные связи, межрегиональные агломерационные и интеграционные эффекты, эффекты специализации [Минакир, 2016].

Президент РФ В.В. Путин в рамках обращения с посланием к Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. призвал развернуть программу пространственного развития России и особо подчеркнул: «Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны. Активная, динамичная жизнь России с ее огромной территорией не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах» [Послание Президента России..., 2018]. По сути, это означает особое внимание к сбалансированной модели пространственного развития и управления российской экономикой, которая позволит, «с одной стороны, создавать каркас региональных (республиканских, областных, краевых, окружных) и территориальных (городских, районных) центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы модернизации и развития

¹ План, политика или подход называются нормативными, когда они придают законность своему объекту (так называемый предписывающий план, политика, подход). При таком подходе пространственное планирование рассматривается как «деятельность, касающаяся выбора между хорошим и плохим, правильным и неправильным, с другими и для других, в отношении конкретных мест» [Campbell, Marshall, 2006, p. 240].

экономики. С другой — управлять этими процессами, опираясь на рыночные институты, выводя на траекторию ускоренного и устойчивого развития глубинные и окраинные регионы и территории» [Татаркин, 2012, с. 42–43].

Чтобы подойти к решению поставленных задач, необходима разработка единого комплексного подхода к устойчивому развитию малых городов на основе комбинирования их ресурсного потенциала и потенциала территорий, на которых эти города расположены. Для этого, в свою очередь, требуется понимание того, какие показатели деятельности региона и его городов могут быть выбраны в качестве мониторинговых для оценки уровня их развития, какие характеристики институциональной среды благоприятствуют устойчивому развитию экономики городов и территорий, что приводит к развитию межтерриториальных и межотраслевых барьеров. Кроме того, необходимо понимание стратегических задач, которые должны решать малые города, и освоение современного управленческого инструментария, позволяющего решать соответствующие задачи.

Небольшие города значительно различаются по количеству проживающих, месту расположения, административной структуре, удаленности от других городов и населенных пунктов, экономическому развитию, социальной сфере, инфраструктуре, потенциалу развития, специализации, транспортным связям с другими городами и регионами. Все это определяет конкретные проблемы каждого малого города и перспективы его развития. Соответственно, стратегические решения должны, с одной стороны, учитывать специфику контекста, с другой — опираться на некую общую логику, позволяющую координировать действия администрации города и региона, а также взаимодействовать с другими городами и регионами в рамках общего стратегического направления развития страны.

Стратегии развития малых городов России: основные результаты анализа

Несмотря на то, что каждый малый город обладает своей историей, уникальным сочетанием человеческого фактора, ресурсов, расположения, происхождения, можно выделить некоторые общие черты развития малых городов в современное время.

В основу гипотез, проверяемых в данной работе, легла классификация стратегий развития малых городов В.Л. Глазычева. Для успешных малых городов это стратегии «Агломерация», «Сервисный центр»,

«Туристический потенциал», «Транспортный узел» — в противовес тем малым городам, где отсутствует стратегия развития и наблюдается сильная депопуляция [Глазычев, 2008].

Стратегию «Агломерация» реализуют те малые города, которые находятся вблизи мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург), крупных городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград), университетских городов (Екатеринбург, Самара, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Казань, Воронеж, Краснодар, Пермь, Омск, Челябинск, Ставрополь, Смоленск, Уфа, Хабаровск, Волгоград, Махачкала, Калининград, Киров, Рязань, Саратов, Ярославль, Курск, Мурманск, Якутск, Барнаул, Набережные Челны, Иркутск, Томск). Малые города являются частью агломерации, реализуя задачи спутников — в них удобно и дешево жить, а ездить на работу в центр, где есть рабочие места; рекреационные функции при деловом центре. Присоединение происходит как физически за счет застройки, так и транспортно — за счет создания радиальных и хордовых транспортных путей, связывающих центр агломерации с городами-спутниками.

Стратегия реализации туристического потенциала предполагает активное развитие бренда города как туристской дестинации, превращение города в туристический центр (Мышкин, Дмитров, Елабуга, Углич, Болгар, города «Золотого кольца» и т.д.).

Стратегия «Сервисный центр» аграрного района. Такие малые города встречаются на сельском юге России и в республиках Поволжья, где сохранилось сельское население. Это малые города, обслуживающие крупные агрокомплексы: небольшое предприятие по ремонту и обслуживанию, ремонтно-машиностроительный завод и т.д.

Стратегия «Транспортный узел». Малые города, как правило, не обладают потенциалом полноценного транспортного хаба, но могут работать своеобразным «клапаном», постоянным двором на транспортных дорогах с большим трафиком, предоставляющим гостиничные и дорожно-сервисные услуги для транзитных пассажиров. Это возможный сценарий развития для тех малых городов, которые расположены на транспортных путях между отдаленными крупными городами или малые города и поселения, находящиеся недалеко от границы (Валдай, Торжок, Вышний Волочёк, Себеж, Остров, Гдов, Сланцы, Кингисепп и т.д.).

Депопуляция происходит, прежде всего, в тех малых городах, преимущественно монопрофильных, которые держатся на горнодобывающих предприятиях при выработанных приисках, остатках оборонной

промышленности, бывших леспромхозах. Для таких поселений характерны отток населения в трудоспособном возрасте по причине отсутствия рабочих мест, старение населения, отрицательный естественный прирост.

При этом следует подчеркнуть, что далеко не все моногорода обречены столкнуться с депопуляцией. Так, города с нефтяным и энергетическим монопрофилем таких проблем не испытывают. Как показало исследование АНКОР, проведенное в мае 2010 г. и охватившее 40 моногородов (всего, по разным методикам, их 400–500), только 33% из них могли быть отнесены к депрессивным [Степанян, 2010].

Целью нашей работы была проверка следующих гипотез о тенденциях развития российских малых городов:

- движение населения может быть одним из индикаторов «самочувствия» малого города. В тех малых городах, где была найдена и реализована успешная стратегия развития по одному из вышеперечисленных вариантов, имеет место прирост населения (относительный прирост);
- за последние 20 лет большинство малых городов России, как правило, определились со стратегией развития, в группе малых городов со схожей ресурсной базой уже реализован целый ряд «лучших практик», которые могут быть применены в других городах с аналогичными характеристиками и ресурсным потенциалом;
- в группе малых городов с особенной сильной депопуляцией нет возможностей для возрождения города ввиду экономической неэффективности поддержания старого производства и отсутствия иных ресурсов для удержания населения / привлечения туристов.

Единственным источником полноценной статистики по малым городам являются данные переписи населения, содержащие информацию о движении наличного населения между переписями и досчеты в промежуточные периоды.

Рассмотрим выборку из 747 малых городов и поселений городского типа, численность населения которых в 2017 г. не превышала 50 тыс. человек. По каждому из этих городов имеются данные о численности населения в 1989 и 2017 гг. Кроме того, есть данные о естественном приросте городского населения в среднем по стране за каждый год, что дает возможность оценить движение населения города в сравнении с общестрановой демографической тенденцией.

Рисунок 3.1 иллюстрирует темпы прироста населения малых городов за последние 28 лет в сравнении со средним естественным приростом (убылью) по городскому населению за тот же период. Для анализа использовались данные портала «Мой город» [Мой Город, 2017] и статистика естественного прироста Росстата [Росстат, 2017].

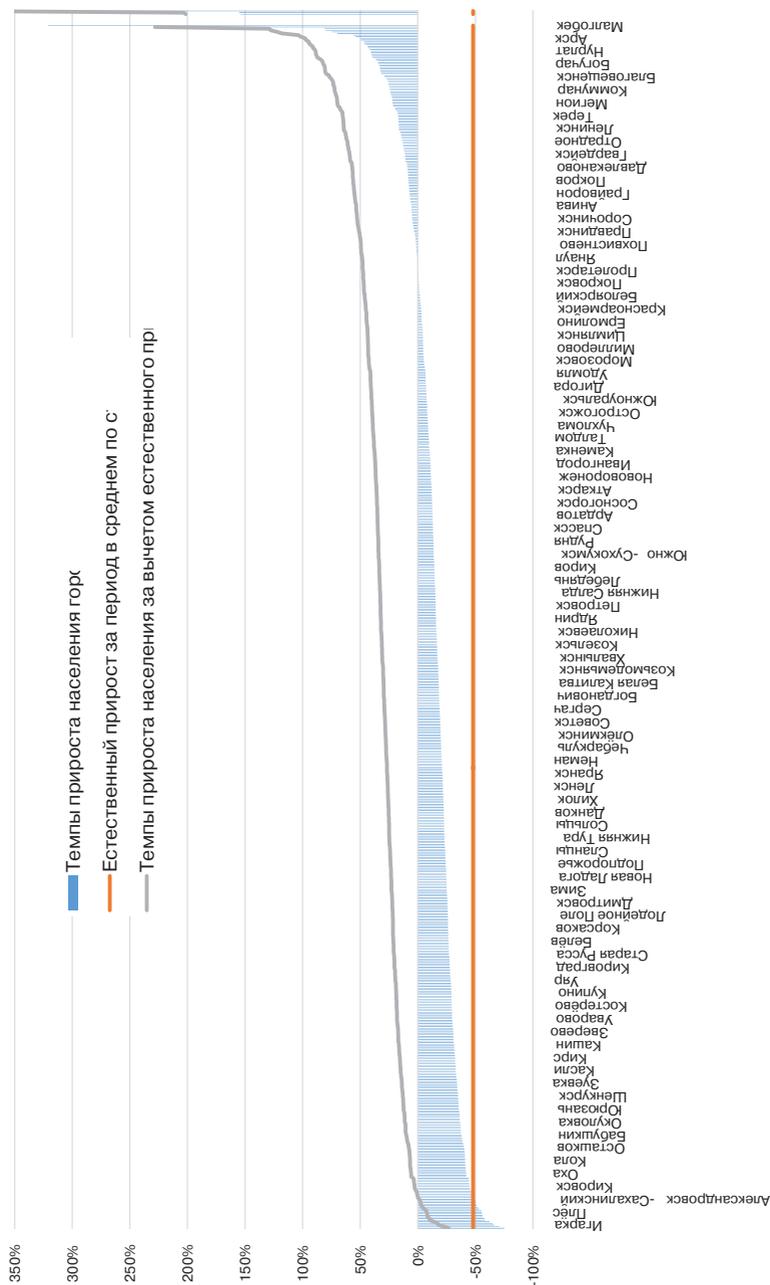

Рис. 3.1. Темпы роста населения малых городов России за период 1989–2017 гг.

Группы малых городов

Можно выделить несколько групп малых городов на основе данных об убыли населения.

В *группу малых городов с наибольшей депопуляцией* (убыль населения составила от 48 до 75% наличного населения 1989 г., т.е. ниже среднего показателя естественной убыли по городам за этот период) попали некоторые малые города Сахалинской, Амурской области, Забайкальского края, Магаданской области, Чукотского АО, Пермского края, Республики Коми, а также Ивановской области.

Ниже дана краткая характеристика экономики малого города, принадлежащего к данной группе: это города, где расположены леспромхозы, добывающие и горно-обогатительные предприятия, речные порты, пришедшие в упадок в постсоветское время (данные сайта «Мой город»):

- Игарка (Красноярский край). Крупный порт, доступный для захода морских судов из Енисейского залива. Основные предприятия — лесокомбинат и рыбозавод;
- Артемовск (Красноярский край). ПО «Енисейзолото». Наряду с золотом добывают медь и серебро;
- Сусуман (Магаданская область). Горно-обогатительный комбинат (добыча золота). Месторождения золота, угля серебра, олова, вольфрама, ртути;
- Билибино (Чукотский АО). Добыча золота, горно-обогатительный комбинат, Билибинская АТЭЦ. Месторождения россыпного и рудного золота, меди, вулканического туфа и стройматериалов;
- Певек (Чукотский АО). Горно-обогатительный комбинат, кислородный и ремонтно-механический заводы. Производство стройматериалов;
- Кизел (Пермский край). Центр Кизеловского угольного бассейна;
- Гремячинск (Пермский край). Добыча каменного угля. Завод «Автоспецоборудование», трикотажная фабрика (рис. 3.2);
- Инта (Республика Коми). Добыча каменного угля (концерн «Интауголь»), ремонтно-механический, кирпичный заводы, деревообрабатывающий комбинат;
- Шиханы (Саратовская область) (ЗАТО);
- Плётс (Ивановская область);
- Юрьеvec (Ивановская область). Лёнопрядильная фабрика (основана в 1871 г.) и деревообрабатывающий комбинат;
- Балей (Забайкальский край). Крупный центр золотодобывающей промышленности (Балейское месторождение);

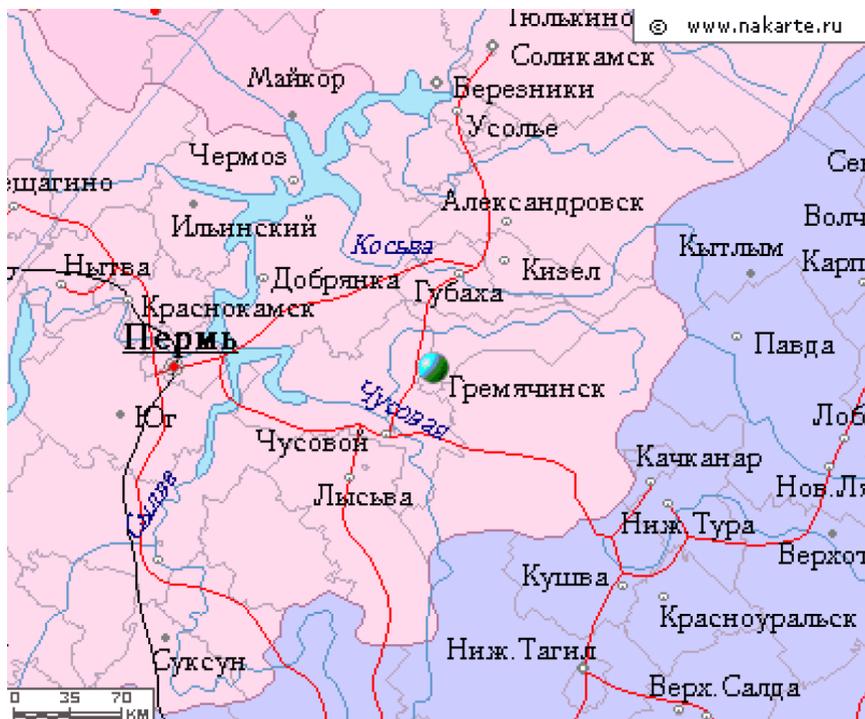

Рис. 3.2. Пермский край

- Завитинск (Амурская область). Месторождения стекольных песков, огнеупорных глин;
- Томари (Сахалинская область). Заводы: целлюлозно-бумажный, лесотарный, шлакоблочный, пивоваренный. Мебельная фабрика. Леспромхоз;
- Невельск (Сахалинская область). Невельск — центр рыбной промышленности Сахалина;
- Северо-Курильск (Сахалинская область). Рыбный порт (база северного флота);
- Углегорск (Сахалинская область). Комплексный леспромхоз. Целлюлозно-бумажный завод;
- Шахтерск (Сахалинская область). Добыча угля, обогатительная фабрика;
- Александровск-Сахалинский (Сахалинская область). Центр каменноугольной промышленности Сахалина (рис. 3.3).

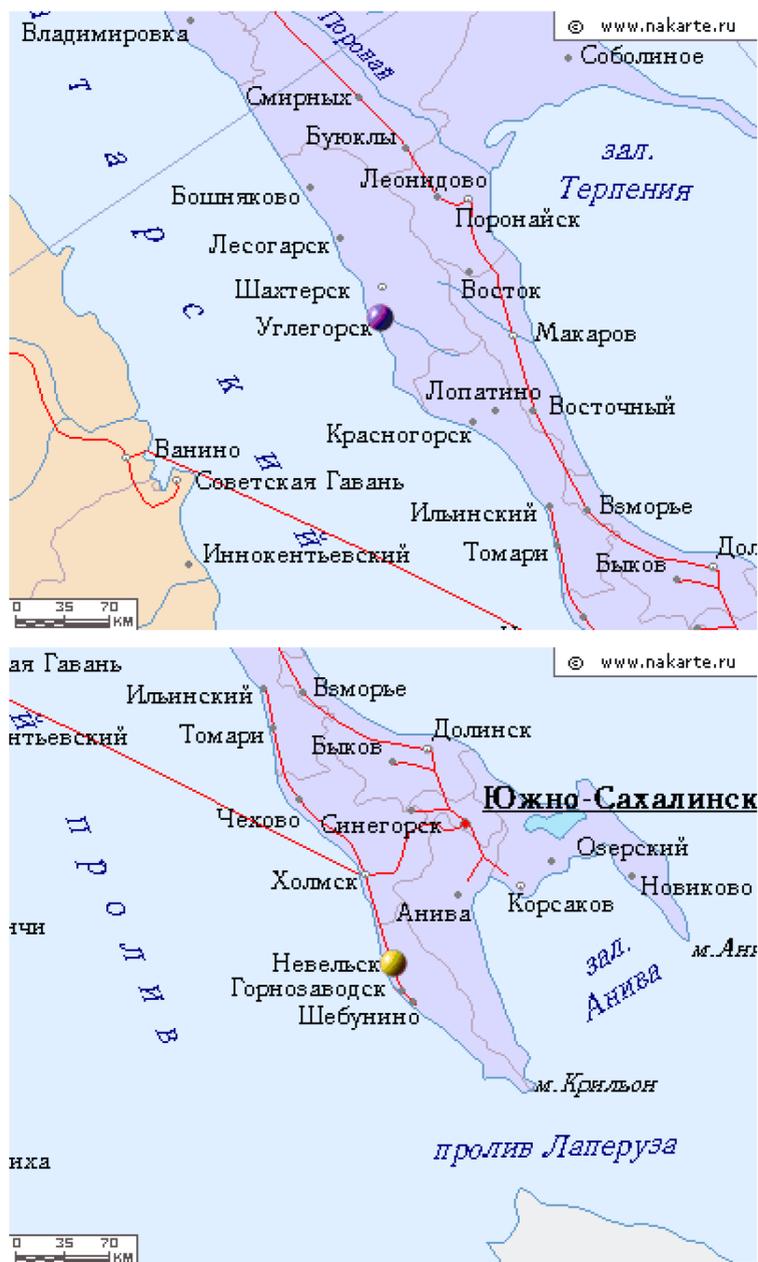

Рис. 3.3. Сахалинская область

Группа малых городов со средними темпами прироста населения (90% всех малых городов выборки, темп прироста населения от -48% до $+20\%$ за 28 лет, что относительно среднего естественного прироста по всем городам с 1989 по 2017 г. составляет от 0 до 70% прироста) многочисленна, в нее входят города практически из всех регионов Российской Федерации. Ниже приведен полный список городов этой группы:

Беломорск, Николаевск-на-Амуре, Вуктыл, Тында, Кировск, Холмск, Ужур, Губаха, Ковдор, Курильск, Горбатов, Пучеж, Оха, Верхоянск, Себеж, Мончегорск, Петровск-Забайкальский, Гдов, Большой Камень, Макаров, Кола, Поронайск, Дудинка, Дмитриев, Оленегорск, Ясный, Кандалакша, Чёрмоз, Осташков, Тырнауз, Бологое, Волчанск, Удачный, Сортавала, Южа, Полярный, Бабушкин, Печора, Осинники, Райчихинск, Порхов, Бодайбо, Кемь, Демидов, Окуловка, Заволжск, Белый, Сенгилей, Катав-Ивановск, Опочка, Александровск, Нижние Серги, Юрюзань, Мураши, Заполярный, Сретенск, Сурск, Нелидово, Новоржев, Красноуральск, Шенкурск, Орлов, Пустошка, Карабаш, Котельнич, Заозёрный, Вельск, Красный Холм, Зуевка, Сим, Кушва, Мезень, Озёрск, Дальнереченск, Алзамай, Петушки, Касли, Усть-Катав, Гаврилов Посад, Невель, Добрянка, Михайлов, Спасск-Рязанский, Пласт, Кирс, Верхняя Тура, Нея, Салаир, Олонец, Кимовск, Свирск, Спасск-Дальний, Кашин, Красавино, Темников, Амурск, Нязепетровск, Усть-Кут, Торопец, Емва, Зверев, Новосokolьники, Чекалин, Шимановск, Мантурово, Сковородино, Верхний Уфалей, Кологрив, Уварово, Малмыж, Дно, Киренск, Вичуга, Харовск, Бирюсинск, Дальнегорск, Костерёво, Шумерля, Михайловск, Петухово, Советская Гавань, Медвежьегорск, Западная Двина, Шилка, Купино, Остров, Холм, Сегежа, Спас-Деменск, Бокситогорск, Струнино, Лахденпохья, Уяр, Бежецк, Сасово, Кулебаки, Вяземский, Малая Вишера, Закаменск, Любим, Кировград, Фурманов, Чердынь, Ирбит, Белозерск, Комсомольск, Козловка, Облучье, Старая Русса, Боготол, Карпинск, Нерехта, Железнодорожский, Шигры, Асино, Шацк, Белёв, Советск, Буй, Североуральск, Зeya, Онега, Пыталово, Вышний Волочёк, Корсаков, Миньяр, Томмот, Вятские Поляны, Ясногорск, Тавда, Пошехонье, Эртиль, Лодейное Поле, Кораблино, Макарьев, Судогда, Городовиковск, Кимры, Мещовск, Кувшиново, Дмитровск, Макушино, Далматово, Сосновка, Колпашево, Жердевка, Долинск, Туринск, Зима, Сердобск, Льгов, Катайск, Валдай, Спас-Клепики, Ахтубинск, Медногорск, Новая Ладога, Полярные Зори, Инза, Партизанск, Каргат, Алапаевск, Духовщина, Сафоново, Подпорожье, Питкяранта, Алатырь, Новая Ляля, Луза, Голицыно, Суджа, Андреаполь, Сланцы, Сорск, Новосиль, Приволжск, Собинка, Меленки, Наволоки, Малоархангельск,

Нижняя Тура, Чкаловск, Невьянск, Велиж, Родники, Куса, Карталы, Новодвинск, Сольцы, Болохово, Суоярви, Алдан, Горнозаводск, Курлово, Лакинск, Нижнеудинск, Данков, Коркино, Байкальск, Аша, Новохопёрск, Могоча, Верхняя Салда, Гусиноозёрск, Хилок, Называевск, Среднеколымск, Галич, Ворсма, Болотное, Омутнинск, Белосово, Ленск, Тайшет, Чусовой, Назарово, Белая Холуница, Микунь, Никольск, Новоаннинский, Яранск, Енисейск, Моршанск, Тулун, Данилов, Камбарка, Татарск, Котовск, Неман, Вытегра, Камышлов, Борзя, Мценск, Дятьково, Ряжск, Шумиха, Чебаркуль, Нижний Ломов, Барыш, Барабинск, Сокол, Навашино, Талица, Суворов, Олёкминск, Солигалич, Суздаль, Углич, Звенигово, Сельцо, Кирсанов, Карачев, Советск, Починок, Северобайкальск, Вязники, Киреевск, Сясьстрой, Каргополь, Лабытнанги, Сергач, Няндом, Гурьевск, Яхрома, Лесозаводск, Дорогобуж, Гаврилов-Ям, Качканар, Богданович, Иланский, Ершов, Гороховец, Чудово, Туран, Бабаево, Светлогорск, Белая Калитва, Пудож, Калининск, Касимов, Калач, Краснознаменск, Боровск, Бакал, Козьмодемьянск, Усинск, Кыштым, Горняк, Калтан, Чулым, Уржум, Елизово, Хвалынск, Лагань, Первомайск, Красноуфимск, Нюрба, Чаплыгин, Сатка, Бикин, Козельск, Пикалёво, Топки, Канаш, Ветлуга, Сосенский, Яровое, Рыльск, Николаевск, Юрьев-Польский, Калязин, Красный Кут, Ярцево, Печоры, Трубчевск, Камешково, Ядрин, Палласовка, Ивдель, Зубцов, Бутурлиновка, Тюкалинск, Слободской, Шарья, Петровск, Аркадак, Оханск, Новоульяновск, Карабаново, Мариинский Посад, Кондопога, Гай, Нижняя Салда, Бирюч, Сухиничи, Змеиногорск, Краснослободск, Абдулино, Надым, Красновишерск, Лебедянь, Чадан, Кириллов, Верхнеуральск, Нестеров, Сычёвка, Болхов, Верхний Тагил, Киров, Мыски, Луга, Унеча, Задонск, Рошаль, Нытва, Севск, Южно-Сухокумск, Тейково, Реж, Фокино, Новомичуринск, Жуковка, Заволжье, Куйбышев, Рудня, Приморск, Лысково, Славгород, Липки, Очёр, Зарайск, Белинский, Спасск, Кадников, Старица, Ростов, Ликино-Дулёво, Куртамыш, Десногорск, Устюжна, Ардатов, Обоянь, Тайга, Берёзовский, Кондрово, Славск, Великий Устюг, Сураж, Сосногорск, Оса, Нерчинск, Старая Купавна, Вельск, Поворино, Таштагол, Исилькуль, Аткарск, Бородино, Дегтярск, Лихославль, Железноводск, Инсар, Щучье, Петров Вал, Нововоронеж, Котово, Абаза, Черепаново, Красный Сулин, Коряжма, Людиново, Ртищево, Ивановгород, Нолинск, Урюпинск, Вихоревка, Городец, Рассказово, Дрезна, Ак-Довурак, Каменка, Богородск, Фролово, Волхов, Серафимович, Рузаевка, Любань, Новозыбков, Талдом, Озёры, Мышкин, Шахунья, Анадырь, Грязовец, Володарск, Скопин, Чухлома, Веряя, Калачинск, Еманжелинск, Мирный, Мосальск, Тогучин, Слюдянка, Острогоск,

Приозерск, Руза, Хотьково, Ливны, Урень, Черняховск, Торжок, Южноуральск, Верещагино, Высоковск, Бугуруслан, Ипатово, Переславль-Залесский, Конаково, Ковылкино, Дигора, Карасук, Сухой Лог, Ельня, Шарыпово, Никольск, Богородицк, Семёнов, Удомля, Заринск, Луховицы, Тотьма, Кудымкар, Константиновск, Новый Оскол, Курчатов, Морозовск, Кингисепп, Жирновск, Алейск, Чернушка, Агидель, Камень-на-Оби, Костомукша, Миллерово, Медынь, Алагир, Шебекино, Мариинск, Усолье, Шелехов, зерноград, Цимлянск, Багратионовск, Саяногорск, Усмань, Нефтегорск, Плавск, Новоузенск, Октябрьск, Ермолино, Стрежевой, Кольчугино, Павловск, Советск, Верхотурье, Красноармейск, Бобров, Красноармейск, Дивногорск, Карачаевск, Отрадный, Семикаракорск, Пестово, Дедовск, Харабали, Белоярский, Грязи, Злынка, Пионерский, Усть-Лабинск, Почеп, Радужный, Теберда, Покровск, Можайск, Лермонтов, Светлоград, Донецк, Валуйки, Истра, Стародуб, Пролетарск, Заречный, Маркс, Кедровый, Юхнов, Нариманов, Агрыз, Куровское, Янаул, Пугачёв, Котельниково, Светогорск, Заводоуковск, Городище, Гагарин, Зеленокумск, Повхистнево, Полесск, Тутаев, Адыгейск, Короча, Саянск, Жиздра, Болгар, Правдинск, Мглин, Рыбное, Светлый, Дубовка, Суровикино, Усть-Джегута, Волгореченск, Сорочинск, Малоярославец, Гусев, Алексеевка, Шатура, Мамоново, Фатеж, Новоалександровск, Анива, Калач-на-Дону, Таруса, Кинель, Белокуриха, Приморско-Ахтарск, Камызяк, Протвино, Грайворон, Киржач, Урай, Перевоз, Сольвычегодск, Венёв, Тара, Можга, Покров, Ялуторовск, Пушкино, Азнакаево, Нарткала, Гулькевичи, Тетюши, Кизилюрт, Давлеканово, Шагонар, Моздок, Кяхта, Баймак, Кировск, Заинск, Лосино-Петровский, Гвардейск, Приморск, Электроугли, Бавлы, Арамил, Нефтекумск, Кохма, Благодарный, Отрадное, Майский, Мензелинск, Беслан, Княгинино, Волоколамск, Лукоянов, Звенигород, Ленинск, Кодинск, Учалы, Изобильный, Апшеронск, Тосно, Черноголовка, Кореновск, Терек, Обь, Новокубанск, Шлиссельбург, Каменногорск, Волосово.

Группа малых городов с *высокими темпами прироста населения* (темпы прироста населения +20–50% или +70–100% относительно среднего естественного прироста населения городов за 1989–2017 гг.) составляет около 6% всех малых городов. Это следующие города: Хадыженск, Лаишево, Мегион, Среднеуральск, Кизляр, Дюртюли, Высоцк, Нарьян-Мар, Менделеевск, Темрюк, Коммунар, Семилуки, Балтийск, Буинск, Тарко-Сале, Апрелька, Электрогорск, Вилуйск, Благовещенск, Никольское, Краснослободск, Абинск, Пыть-Ях, Ладушкин, Сосновоборск, Бирск, Богучар, Мамадыш, Аксай, Дагестанские Огни,

Балабаново, Чегем, Бронницы, Советский, Нурлат, Муравленко, Новопавловск, Цивильск, Аргун, Зеленоградск, Ардон, Кувандык, Арск, Югорск, Салехард.

Анализ показывает, что можно объединить города этой группы в несколько категорий:

- промышленные центры аграрных областей (Краснодарского, Ставропольского края, Ростовской, Воронежской области, Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики и т.д.);
- малые города, обслуживающие предприятия газовой и нефтяной отраслей (ХМАО, ЯНАО, Республика Башкортостан);
- малые города Калининградской области, развивающие туристическую составляющую экономики;
- города-спутники Москвы и Санкт-Петербурга.

Так, в г. Хадыженск (Краснодарский край) расположены машиностроительный завод и лесокombинат, в окрестностях Хадыженска размещены добыча нефти, лесоразработки (рис. 3.4); в г. Темрюк (Краснодарский край) действует ОАО «Темрюкский морской торговый порт»; г. Абинск (Краснодарский край) и г. Новопавловск (Ставропольский край) — центры сельскохозяйственного района с промышленностью, ориентированной на переработку местного сельскохозяйственного сырья; г. Аксай (Ростовская область) — промышленный город-спутник Ростова-на-Дону; в г. Семилуки (Воронежская область) расположены предприятия черной металлургии ОАО «Латненский огнеупорный завод», ОАО «Семилукский огнеупорный завод»; в г. Богучар (Воронежская область) действуют предприятия пищевой промышленности, производство стройматериалов.

В республиках Северного Кавказа к городам с высокими темпами прироста населения относятся г. Кизляр (Республика Дагестан), в котором работает Кизлярский электромеханический завод; г. Дагестанские Огни (Республика Дагестан), где расположен стекольный завод «Дагестанские Огни»; г. Ардон (Республика Северная Осетия — Алания), где есть ремонтно-механический завод и производство стройматериалов; г. Чегем (Кабардино-Балкарская Республика) — город-спутник Нальчика; г. Аргун (Чеченская Республика) — промышленный пригород Грозного (рис. 3.5). Отметим, однако, что демографическая ситуация на Северном Кавказе напрямую связана с национальным составом населения: национальные традиции большинства населяющих этот регион народов способствуют высоким показателям естественного прироста населения [Савельев, 2013], поэтому необходимо при анализе делать поправку на действие этого фактора.

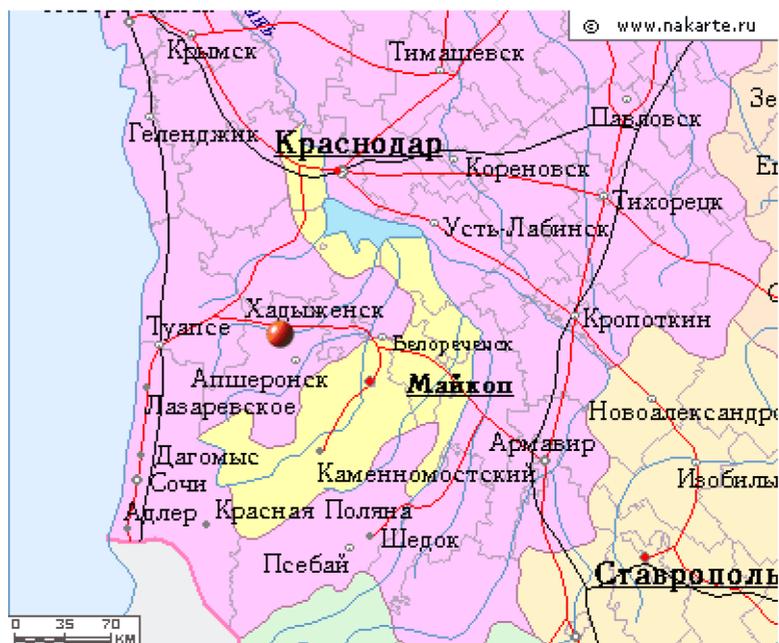

Рис. 3.4. Краснодарский край

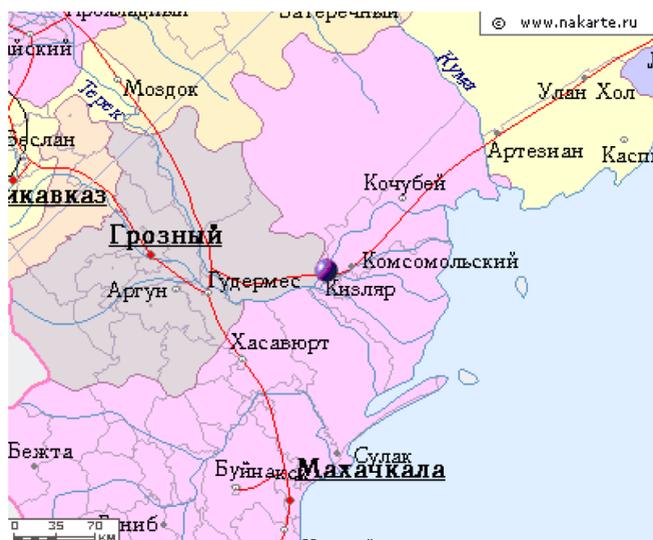

Рис. 3.5. Республика Дагестан

Относительно городов с высокими темпами прироста населения в Ненецком АО, Республике Башкортостан (рис. 3.6) и Республике Татарстан (рис. 3.7) необходимо учитывать тот факт, что в данном регионе действуют предприятия нефтегазовой отрасли. Так, в г. Нарьян-Мар (Ненецкий АО), помимо обслуживания морского порта и речной пристани, важны присутствие ОАО «Ненецкая нефтяная компания» и наличие газопровода от Василковского месторождения, в г. Дюртюли (Республика Башкортостан) — НГДУ «Чекмагушнефть» и ОАО «Башнефть»; г. Нурлат (Республика Татарстан) развивается в первую очередь благодаря «нефтяному фактору» (АО «Татнефть», нефтебаза). То же самое можно сказать о г. Советский (ХМАО, предприятия нефтедобывающей и деревообрабатывающей промышленности) и г. Вилюйск (Республика Саха-Якутия, административный центр, газодобывающее производство).

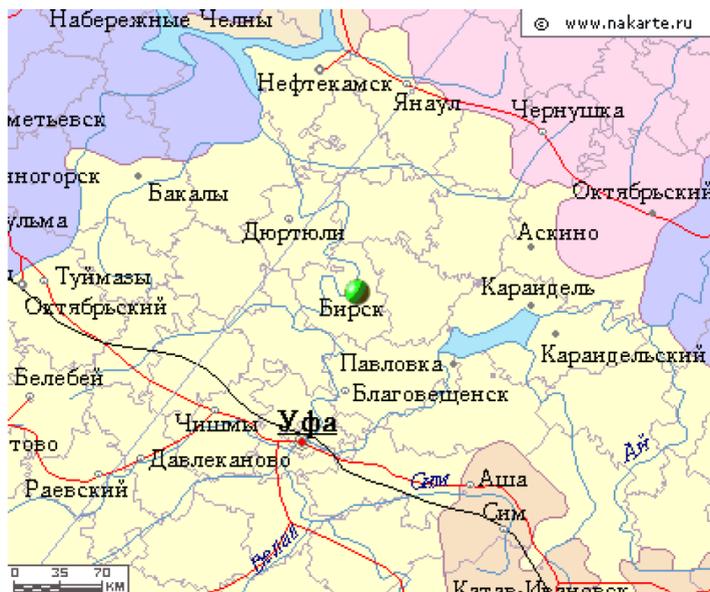

Рис. 3.6. Республика Башкортостан

В то же время в этих регионах есть и примеры достаточно хороших результатов вне влияния «нефтяного» фактора. В г. Благовещенск (Республика Башкортостан) работает ОАО «Благовещенский арматурный завод», в г. Бирск (Республика Башкортостан), как и в г. Цивильск (Чувашская Республика), опорой служат предприятия пищевой и легкой промышленности, кирпичный и авторемонтный заводы.

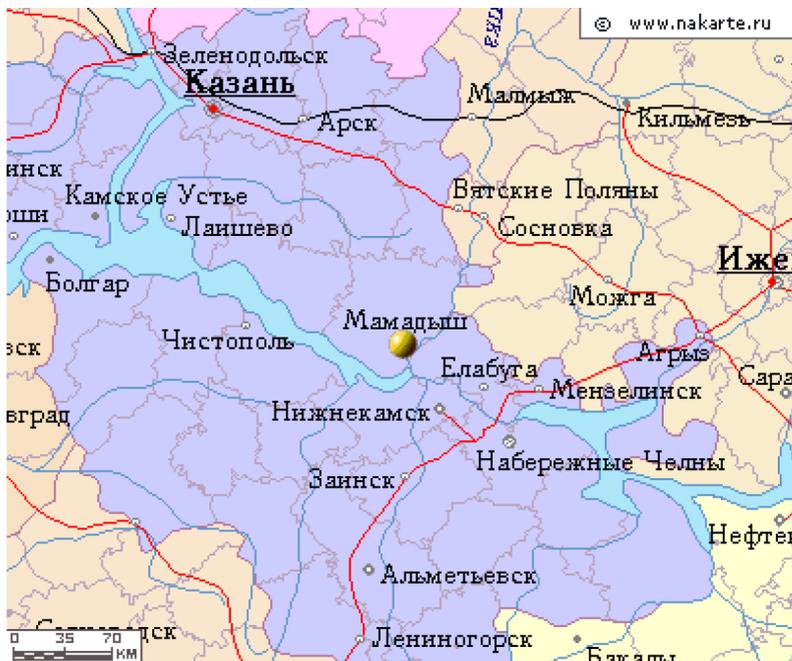

Рис. 3.7. Республика Татарстан

Диверсифицированное развитие является основой хороших показателей целого ряда малых городов Республики Татарстан: г. Менделеевск (АО «Химзавод имени Л.Я. Карпова», Новоменделеевский химзавод, СП «Менде-Россия», Завод «Автокам-Тойма», другие предприятия), г. Мамадыш (пристань, промышленный парк «Вятка»), г. Буинск (электротехнический завод, предприятия пищевой промышленности).

Примером достаточно хорошо диверсифицированного развития является г. Кувандык (Оренбургская область) — центр сельскохозяйственного региона, есть также цветная металлургия, станкостроительная и инструментальная промышленность.

При промышленной специализации все же более частым является наличие одного крупного предприятия, максимум двух: г. Балабаново (Калужская область) — спичечный завод «Гигант», г. Сосновоборск (Красноярский край) — ОАО «Красноярский завод автомобильных прицепов», г. Среднеуральск (Свердловская область) — Североуральская ГРЭС, г. Коммунар (Ленинградская область) — ОАО «Санкт-Петербургский картонно-полиграфический комбинат», г. Никольское (Ленинградская область) — химический и машиностроительный

заводы, г. Краснослободск (Волгоградская область) — город-спутник, заводы: судостроительно-судоремонтный, рыбный.

Можно отметить и более специфичные варианты специализации городов, находящихся в этой группе, такие как г. Зеленоградск (Калининградская область, приморский и бальнеогрязевой курорт) или г. Салехард (ЯНАО) — административный центр ЯНАО, где расположены филиалы государственных университетов.

Выделенная при анализе группа малых городов с *очень высокими темпами прироста населения* (+50–180% прироста населения или +100–230% прироста населения относительно среднего естественного прироста населения городов за 1989–2017 гг.) малочисленна, в нее входят всего десять городов: Югорск, Покачи, Лангепас, Строитель, Лянтор, Пыть-Ях, Мегион, Малгобек, Губкинский, Карабулак.

В каждом из случаев очень высокого темпа прироста населения — особые экономические условия развития данного малого города. Лангепас, Лянтор, Покачи, Пыть-Ях, Мегион, Югорск (ХМАО) возникли на месте вахтовых поселков нефтяников и в настоящее время обслуживают нефтедобывающие и газовые производства «Лангепаснефтегаз», «Покачевнефть», «Тюменьтрансгаз», «Югорскстройгаз» (транспортировка газа) и т.д. (рис. 3.8).

Градообразующим предприятием г. Муравленко, Губкинского и Тарко-Сале (ЯНАО) является ОАО «Роснефть-Пурнефтегаз» (рис. 3.9).

Город Малгобек (Ингушетия) является центром района нефтепромыслов, в нем работает газоперерабатывающий завод, есть также производство стройматериалов. Опорой развития г. Карабулак (Ингушетия) являются химическая и нефтехимическая промышленность. Здесь сходятся в одной точке и «нефтегазовый фактор», и фактор демографической специфики Северного Кавказа, о котором сказано выше.

Как показало проведенное исследование, все три гипотезы подтверждаются. В то же время гипотеза о том, что в группе малых городов с особенной сильной депопуляцией нет возможностей для возрождения города ввиду экономической неэффективности поддержания старого производства и отсутствия иных ресурсов для удержания населения / привлечения туристов, будучи подтверждена, не касается большинства существующих в стране малых городов. С учетом общей естественной убыли городского населения страны с 1989 по 2017 г. можно утверждать, что особенно глубокая депопуляция коснулась лишь 2% малых городов России. Это преимущественно моногорода Дальнего Востока, Сахалинской области и Магаданского края, поддержка градообразующего производства которых ныне экономически неэффективна, однако общая стратегия руководства страны, нацеленная на опережающее развитие дальневосточных регионов России, дает даже этим городам шанс на выживание и постепенное встраивание в новую систему территориального развития.

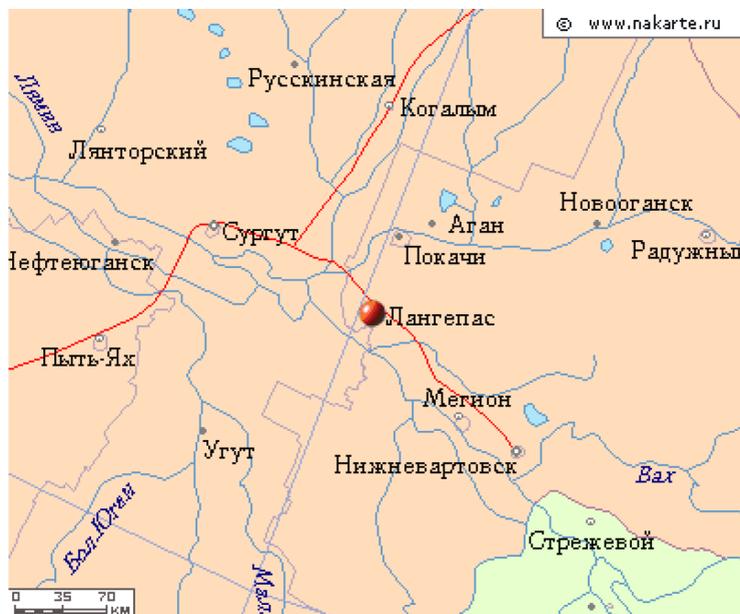

Рис. 3.8. Ханты-Мансийский АО

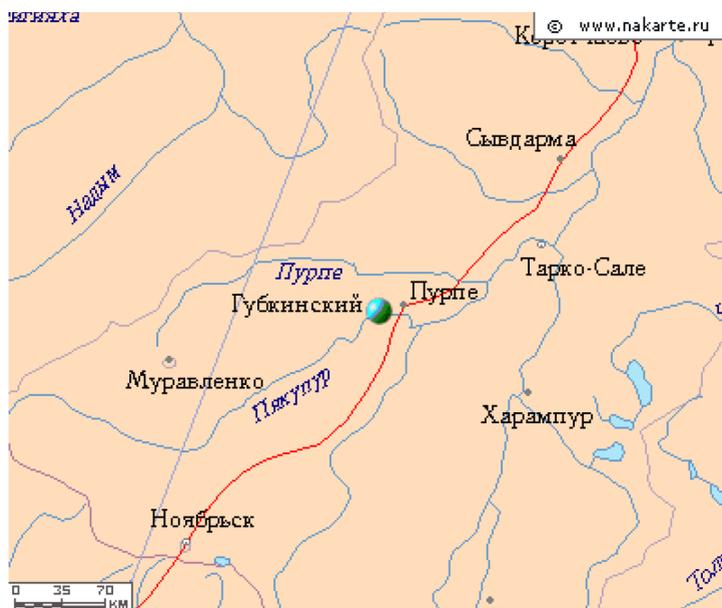

Рис. 3.9. Пурпе, ЯНАО

Подавляющее число малых городов (98%) показывают темп убыли населения ниже средней естественной убыли населения по всем городам России, что говорит об их адаптационных возможностях даже в рамках условий существования малых поселений, отсутствия значительных ресурсов, крупного промышленного производства, государственной поддержки.

Основными стратегиями развития малых городов РФ являются стратегии «Агломерация», «Сервисный центр аграрного края», «Туристическая карта». Стратегия «Транспортный узел» практически нигде не реализована, хотя этим потенциалом обладают многие малые города, расположенные на транспортных путях между отдаленными крупными городами или находящиеся недалеко от границы.

По-прежнему самые высокие темпы роста демонстрируют малые города нефтяных и газодобывающих регионов, возникшие на базе поселений нефтяников, что, как показывает история, не является ни лучшей практикой, ни основой устойчивого развития для малого города.

Одним из направлений дальнейших исследований может быть уточнение классификации стратегий развития малых городов РФ. В частности, целесообразно более тщательно проанализировать стратегии малых городов, входящих в самую большую группу, с целью более точного определения различий в стратегических подходах. Интересным направлением может быть также кросс-культурное сравнение стратегий малых городов в России и зарубежных странах, прежде всего в странах Европы и странах БРИКС.

В целом исследование подтверждает необходимость выработки методологии формирования сетевого взаимодействия малых городов, создания системы норм и правил, способствующих комбинированию их ресурсов и компетенций в рамках сетевого взаимодействия для достижения общей цели. Целесообразно смоделировать структуру факторов, оказывающих непосредственное влияние на устойчивое развитие территорий, и прогнозировать дальнейшее развитие сети малых городов и райцентров российской Федерации в рамках новой парадигмы пространственного планирования, способствующей достижению целей устойчивого развития.

ГЛАВА 4

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Экономическая стабильность общества и направления основных преобразований в нашей стране в значительной мере зависят от степени решения проблемы повышения уровня жизни населения. Обеспечение достойного уровня жизни граждан страны является приоритетной целью государства, которая отражена в Конституции РФ, где указано: «Российская Федерация — это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция Российской Федерации, 2019]. Развитие творческого и интеллектуального потенциала человека является ключевым условием развития и социально-экономического роста.

Социальная направленность государственной политики определяет необходимость совершенствования деятельности в области социальной сферы и создания эффективной системы социальной защиты населения с помощью целенаправленных мер по созданию новых социальных институтов.

Экспертные оценки показывают, что «длительный, более четырех лет подряд, период снижения уровня реальных доходов населения законсервировал структурные проблемы, связанные с достаточно низким уровнем жизни большей части российского населения. При текущих уровнях доходов крайне сложно рассчитывать на динамичное повышение качества жизни, расширение уровня частных вложений в развитие человеческого капитала, выстраивание эффективной системы социальной поддержки и пенсионного обеспечения» [Аганбегян, 2018]. В связи с этим проблемы повышения уровня жизни граждан выходят на первый план, приобретая не менее значимый характер, чем наращивание инвестиций, поскольку все составляющие качественной жизни населения напрямую связаны с уровнем доходов населения.

Данные задачи требуют от государства принятия эффективных управленческих решений, разработки действенных социально-экономических механизмов, направленных на повышение уровня жизни населения и поиск

точек роста и резервов, способствующих решению этой задачи на уровне муниципальных и административно-территориальных единиц. Поскольку, как уже отмечено выше, разрыв в уровне и качестве жизни населения малых и крупных городов является одним из ключевых с точки зрения устойчивого развития российских регионов. В связи с этим важно рассмотреть более подробно показатели уровня жизни населения малых городов.

Уровень жизни населения как экономическая категория

Проблемы уровня жизни и его повышения рассматривались многими поколениями зарубежных и отечественных ученых. В их работах представлен довольно широкий спектр подходов к исследованию содержания этой категории, факторов, показателей оценки, их динамике и трансформации. Основы теоретической и практической разработки данной проблемы, включая различные национальные модели уровня жизни, инструменты, показатели их оценки и методы регулирования, представлены в исследованиях Дж. Гэлбрейта [Гэлбрейт, 2004], Дж.М. Кейнса [Кейнс, 1936], К. Маркса [Маркс, 1980], А. Маршалла [Маршалл, 1993], А. Маслоу [Маслоу, 2008], А. Пигу [Пигу, 1985], П. Самуэльсона [Самуэльсон, 2006], А. Сена [Сен, 2004], С. Фишера [Фишер, 2001], Л. Эрхарда [Эрхард, 1991] и др.

В изучение вопросов теории и практики уровня жизни населения значительный вклад внесли работы отечественных ученых (см., например, [Бузляков, 1969; Майер, 1998; Бобков, 2006; Анимича и др., 2003., 2009; Жеребин, Романов, 2003; Зубаревич, 2013, 2014, 2015; Римашевская, 2012; Ржаницына, 2015]). Российские работы посвящены как исследованию самого понятия «уровень жизни», так и совокупности показателей и проблем его повышения. Значительный вклад в теоретическую и практическую разработку проблемы уровня жизни были внесены результатами исследования Всероссийского центра уровня жизни, проведенного под руководством В.Н. Бобкова [Бобков, Гулюгина, 2011].

В современной отечественной научной литературе отсутствует однозначное определение категории «уровень жизни». Разнообразие точек зрения свидетельствует о сложности и значимости этого понятия. В соответствии с позицией ряда исследователей, уровень жизни определяется с точки зрения производства, т.е. исходным пунктом является взаимозависимость между уровнем жизни и общественным производством. В этом случае уровень жизни рассматривается как количество потребляемых материальных, культурных, бытовых и социальных благ и степень удовлетворения потребностей в них в соответствии с уровнем

развития производительных сил. Характеристика уровня потребления населения, потребности людей, их развитие и степень их удовлетворения (изменение доходов, расходов и потребления населением благ и услуг) выступают основным элементом, определяющим уровень жизни, который выражается в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг. Однако, как справедливо подчеркивают многие современные авторы, данный подход является необоснованно узким.

Характеристика уровня жизни через призму социально-экономических условий, обеспечивающих удовлетворение материальных и духовных потребностей, включая среду обитания, безопасность, состояние здоровья и другие возможности для удовлетворения потребностей, является более широким подходом к толкованию понятия уровень жизни.

Следует отметить, что потребности характеризуются кумулятивным характером роста: появление новых потребностей не приводит к исчезновению старых, при этом формирование потребностей происходит под влиянием субъективных факторов (вкусы, наклонности, предпочтения, привычки), а также объективных, таких как экономические, социально-психологические и организационные. Перечень потребностей варьируется в зависимости от классификации, выбранной исследователями.

Безусловно, характеристика уровня жизни с точки зрения удовлетворения потребностей не вызывает возражений. Вместе с тем возможности и условия их удовлетворения не принимаются во внимание. Формирование новой системы производства, способной быстро переориентироваться и адаптироваться к новым условиям, позволило увеличить объем производства, расширить ассортимент массовой продукции и создать условия для появления новых видов благ. Потребности в продуктах питания, в предметах быта, обеспечивающих ему комфортную жизнь в условиях массового производства, удовлетворяются быстрее, и происходит переход на новый уровень, предполагающий удовлетворение потребности в знаниях, реализацию духовных потребностей, творческую реализацию.

В настоящее время структура потребления приобретает особую значимость, оказывая существенное воздействие на рост производства, и в этом смысле категория уровень жизни расширяется. В последние годы в подходах к содержанию понятия «уровень жизни» наметились изменения, сместился акцент от количественных, материальных характеристик в сторону качественных, при этом данное понятие часто используется как ключевая составляющая понятия «качество жизни» (quality of life) [Portney, 2013; Węziak-Białowska, 2016]¹.

¹ Качество жизни зависит от социальных, культурно-исторических факторов, природных и экологических условий, производственных и других факторов.

Однако, хотя дифференциация в структуре потребления находится в тесной зависимости от уровня доходов, эта зависимость не является линейной. Рост экономических возможностей человека может не приводить к соответствующему росту потребления, поскольку вкусы потребителей способны изменяться медленнее, чем уровень его доходов, и изменения этих вкусов могут привести, напротив, к добровольному ограничению определенных видов потребления в группах с высокими доходами, где существуют свои предпочтения [Радаев, 2008]. На фоне роста уровня доходов происходит уменьшение доли продуктов питания в структуре потребления, что свидетельствует о повышении уровня благосостояния населения. Основные изменения в модели потребления можно оценить, используя информацию о доходах, расходах и потреблении, публикуемую Росстатом.

Как показывает анализ российской и зарубежной научной литературы, на современном этапе основные методологические и методические положения в области изучения и измерения уровня жизни населения на макроуровне можно считать сформированными [Бабинцев и др., 2010]. Сложился широко принятый подход, при котором уровень жизни рассматривается как с точки зрения характеристики уровня потребления и степени удовлетворения потребностей, так и с точки зрения уровня человеческого развития (состояние здоровья и возможности удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности населения (состояние среды обитания и безопасности населения) [Политика доходов и качество жизни..., 2003]. Нам представляется, что определения, которые имеют интегрирующий характер [Гурьев, 1991; Елисеева, 2007; Жеребин, Романов, 2003] наиболее полно отражают современные условия и дают возможность категорию «уровень жизни» рассматривать объемно и комплексно. В исследовании мы будем придерживаться данного подхода и рассматривать уровень жизни как сложную многогранную категорию, зависящую от ряда факторов, включая состав и величину потребностей общества, возможности удовлетворения этих потребностей, политическое, экономическое и социальное положение в стране, эффективность национальной экономики, уровень научно-технического прогресса, культуры, образования населения, и т.д.

Для оценки уровня жизни населения в международной статистике Статистической комиссией ООН [ILO, 2018] было рекомендовано применять подгруппы показателей, характеризующих количество и качество потребляемых жизненных благ, в том числе:

- демографические характеристики населения (рождаемость, смертность, заболеваемость, продолжительность жизни и т.д.);

- доходы (реальные и номинальные), расходы и сбережения населения;
- показатели условий труда, занятости и безработицы;
- показатель стоимости жизни;
- потребительские цены и потребление продовольственных товаров и услуг;
- обеспеченность населения жильем и предметами длительного пользования;
- показатели свободного времени;
- показатели социального обеспечения;
- показатели доступности образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта, туризма и отдыха.

Исследования уровня жизни российского населения

Существенная роль в исследовании уровня жизни населения России принадлежит социологическим исследованиям, которые проводят Росстат и различные исследовательские организации (Независимый институт социальной политики, Левада-Центр и др.), в том числе и на региональном уровне. Ежегодные мониторинги социально-экономического положения населения проводятся специалистами НИУ ВШЭ [Овчарова и др., 2017].

Вместе с тем, поскольку в экономической литературе отсутствует единый подход к определению категории «уровень жизни населения», то среди исследователей нет единства по вопросу системы показателей. Выбор интегрального показателя, характеризующего уровень жизни, является достаточно сложной задачей, он должен отражать взаимозависимость и многомерность многочисленных факторов, включая не только личный доход, но и природно-климатические, экологические условия, возможность получения образования, доступность здравоохранения, обеспеченность инфраструктурой, коммунальными услугами и т.д. [Зубаревич, 2015].

В нашей стране уровень жизни населения оценивается системой количественных и качественных показателей. Среди них: общий объем потребляемых благ и услуг; среднедушевые и реальные доходы населения; уровень дифференциации населения по доходам; численность малоимущего населения, доходы которого ниже уровня прожиточного минимума; уровень пенсионного обеспечения; социальные выплаты; накопленное имущество и денежные сбережения; условия труда и отдыха; уровень занятости и др. [Крыжановская, 2009]. Ряд

показателей количественно измерить весьма затруднительно. Тем не менее можно сопоставить отдельные индикаторы качества жизни в разные периоды.

При оценке уровня жизни ведущая роль принадлежит доходам населения, поскольку уровень доходов позволяет человеку вести определенный образ жизни, который воспринимается как стандарт материального благосостояния. Кроме того, доходная обеспеченность формирует и структуру потребления. Так, в ряде исследований было выявлено наличие серьезных изменений в структуре потребления всех групп населения за последние десять лет [Андрушак и др., 2011].

Исследования показывают, что нынешний экономический кризис в Российской Федерации в условиях санкций характеризуется значительным падением реальных доходов населения и ростом уровня бедности за последние годы, а также дефицитом финансовых и институциональных возможностей государства, что приводит к значительному снижению уровня и качества жизни граждан [Ежемесячный мониторинг..., 2015].

Следует отметить, что сохраняющееся значительное межрегиональное неравенство по показателям уровня и качества жизни населения субъектов РФ оказывает негативное влияние на социально-экономические показатели России в целом. Ряд социальных индикаторов уровня и качества жизни населения имеют огромные межрегиональные разрывы. Уровень социально-экономического неравенства населения в стране, рассчитанный по децильному коэффициенту фондов, остается очень высоким. Значительные различия отмечаются в регионах по показателю уровня абсолютной бедности — численности населения, имеющего доходы ниже уровня прожиточного минимума и др. [Бобков и др., 2017].

Исследование уровня жизни населения на территориальном уровне целесообразно проводить с помощью системы частных индикаторов, характеризующих в динамике отдельные стороны уровня жизни и, в зависимости от целей исследования, они могут быть агрегированы по различным критериям. В данной главе мы ограничимся группой социально-экономических показателей, таких как: среднедушевые доходы населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, средний размер пенсий, структура доходов, соотношение доходов, пенсий и заработной платы с величиной прожиточного минимума, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и других, позволяющих оценить достигнутый уровень материального обеспечения граждан, в соответствии с которым формируется их потребительское поведение. Эти показатели будут рассмотрены на примере четырех регионов

РФ: Владимирской, Тульской, Оренбургской областей и Пермского края. Отобранные для анализа регионы являются типичными для России, как и находящиеся на их территории малые города.

Оценка малых городов Владимирской, Тульской, Оренбургской областей и Пермского края по основным показателям уровня жизни населения

В рассматриваемых субъектах РФ преобладают малые города с численностью от 10 тыс. до 20 тыс. человек. Численность населения малых городов (табл. 4.1) в указанных субъектах Российской Федерации по оценке на 1 января 2018 г. составляет:

- во Владимирской области 29,9%, т.е. практически треть всего населения;
- в Тульской области 20,8% — пятая часть населения;
- в Оренбургской области — 18,7% — почти пятая часть населения;
- в Пермском крае 17,2%, что составляет чуть более среднего уровня по стране.

Принимая во внимание, что в большинстве случаев малые города являются и районными центрами, соответственно концентрируя вокруг себя значительное количество сельских поселений, можно утверждать, что их социально-экономическая роль в регионах значительно возрастает [Зубаревич, 2014].

Малые города значительно различаются по численности (см. табл. 4.2 и 4.3). Так, например, г. Чекалин — самый маленький город в Тульской области — насчитывает менее одной тысячи жителей, в то время как в Ефремове проживает более 20 тыс. жителей, а в Богородицке и Кимовске — более 30 тыс. жителей. Аналогичная ситуация и во Владимирской области. Так, в Курлово, Костерево, Суздале насчитывается менее 10 тыс. жителей, а в Кольчугино и Вязниках — около 40 тыс. жителей. В Пермском крае разброс численности в малых городах составляет более 12 раз: от 3,5 тыс. человек в Чермозе до почти 45 тыс. человек в Чусовом. Дифференциация малых городов по численности заметна и в Оренбургской области. Правда, здесь нет небольших городов с численностью до 10 тыс. человек, как во Владимирской и Тульской областях и Пермском крае. Мы не случайно придаем такое значение показателю численности населения малых городов, поскольку данный показатель прямо или косвенно оказывает существенное влияние практически на все социально-экономические показатели региона [Зубаревич, 2015].

Таблица 4.1
Группировка малых городов Владимирской, Тульской, Оренбургской областей и Пермского края по численности постоянного населения в 2018 г.

Показатели	Всего малых городов	До 3 тыс. жителей	От 3 до 4,9 тыс. жителей	От 5 до 9,9 тыс. жителей	От 10 до 19,9 тыс. жителей	От 20 до 49,9 тыс. жителей
Владимирская область (всего 23 города с населением 1 023 291 человек)						
Число малых городов	18	–	–	3	12	3
Численность населения, человек	306 032	–	–	23 826	176 576	105 630
Тульская область (всего 19 городов с населением 1 058 869 человек)						
Число малых городов	13	1	–	3	5	4
Численность населения, человек	220 349	914	–	24 989	76 447	117 999
Пермский край (всего 25 городов с населением 1 874 557 человек)						
Число малых городов	18	–	2	3	7	6
Численность населения, человек	321 884	–	8134	22 142	106 844	184 764
Оренбургская область (всего 12 городов с населением 1 188 958 человек)						
Число малых городов	8	–	–	–	2	6
Численность населения, человек	222 269	–	–	–	34 605	187 664

Источник: составлено авторами на основании данных: [Росстат. Регионы России, 2018].

Таблица 4.2

**Численность малых городов Владимирской и Тульской областей ЦФО
(тыс. человек)**

Малые города Владимирской области	Численность населения по данным на 01.01.2018	Малые города Тульской области	Численность населения по данным на 01.01.2018
Курлово	6,0	Чекалин	0,9
Костерево	8,2	Советск	7,4
Суздаль	9,6	Липки	8,5
Судогда	10,5	Болохово	9,0
Камешково	12,5	Белев	13,2
Гороховец	12,8	Венев	14,2
Струнино	13,1	Ясногорск	15,7
Петушки	13,1	Плавск	15,9
Меленки	13,8	Суворов	17,5
Лакинск	14,3	Киреевск	25,7
Карабаново	14,8	Кимовск	26,0
Покров	17,1	Богородицк	31,1
Собинка	17,8	Ефремов	35,2
Юрьев-Польский	18,4		
ЗАТО Радужный	18,5		
Киржач	26,7		
Вязники	35,9		
Кольчугино	43,1		
Всего 18 городов		Всего 13 городов	

Источник: [Росстат. Регионы России, 2018].

Таблица 4.3

**Численность малых городов Пермского края и Оренбургской области ПФО
(тыс. человек)**

Малые города Пермского края	Численность населения по данным на 01.01.2018	Малые города Оренбургской области	Численность насе- ления по данным на 01.01.2018
Чермоз	3,5	Ясный	15,6
Чердынь	4,7	Абдулино	19,0
Усолье	6,3	Кувандык	23,8
Оханск	7,1	Медногорск	25,3
Гремячинск	8,7	Соль-Илецк	27,1
Горнозаводск	11,4	Сорочинск	27,5
Александровск	12,6	Гай	34,7
Очер	14,2	Бугуруслан	49,2
Кизел	14,9		
Красновишерск	15,4		
Нытва	18,6		
Губаха	19,8		
Оса	21,1		
Верещагино	22,0		
Кудымкар	31,4		
Добрянка	32,7		
Чернушка	32,9		
Чусовой	44,8		
Всего 18 городов		Всего 8 городов	

Источник: [Росстат. Регионы России, 2018].

В качестве методов оценки социально-экономического развития субъектов РФ используются системы региональных мониторингов. Рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» в 2019 г. был составлен «Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2018 года» [Рейтинг, 2018] на основе ключевых показателей регионального развития, который позволяет оценить позицию того или иного субъекта РФ и определить диспропорции в уровне регионального развития. Это уже девятый подобный рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, первый был составлен в 2011 г. При построении данного рейтинга были использованы объективные показатели официальной статистики, полученные на сайтах Росстата, Минфина РФ и Федерального казначейства.

В работе над рейтингом использовался комплексный анализ социально-экономической ситуации в субъектах РФ, выборочная информация из которого представлена в табл. 4.4. В процессе работы был проведен сравнительный анализ регионов по широкому кругу показателей, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития, на основе которого впоследствии был сделан расчет агрегированного показателя, позволившего определить позицию того или иного субъекта РФ среди других регионов.

Таблица 4.4

Выборочный рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ

Место субъекта РФ по итогам 2018 г.	Субъект РФ	Интегральный рейтинг, итоги 2018 г.	Интегральный рейтинг, итоги 2017 г.	Место субъекта РФ по итогам 2017 г.	Интегральный рейтинг, итоги 2016 г.	Место субъекта РФ по итогам 2016 г.
29	Тульская область	46,921	43,629	28	50,652	25
41	Владимирская область	41,185	39,722	42	43,846	40
16	Пермский край	57,054	55,338	14	56,236	15
25	Оренбургская область	48,810	43,596	29	50,710	24

Источник: [Рейтинг, 2018].

Следует отметить, что по итогам рейтинга за 2018 г. Пермский край занимает наиболее высокие позиции по сравнению с Владимирской, Тульской и Оренбургской областями. Тем не менее он несколько ухудшил свои результаты по сравнению с более высокими показателями

рейтинга 2017 г., опустившись на две позиции вниз. Далее идет Оренбургская область, которая, несмотря на улучшение показателя 2017 г. на четыре пункта, занимает позицию в данном рейтинге на десять ступеней ниже по сравнению с Пермским краем. Тульская область снизила результаты предыдущих двух лет и находится в данном рейтинге на 29-м месте. Владимирская область занимает самую нижнюю позицию по отношению к рассматриваемым субъектам РФ, ближе к середине рейтинга, отставая от Пермского края на 25 пунктов, при этом, улучшив свои позиции на один пункт в 2018 г., она снизила свой уровень на одну позицию по сравнению с 2016 г.

Актуальность данного рейтинга определяется необходимостью повышения информационной прозрачности субъектов РФ, а также потребностью в получении информации о реальном положении дел в регионах и диспропорциях регионального развития со стороны органов власти федерального уровня, органов власти местного самоуправления, бизнеса [Медведева, 2004].

Наряду с этим следует отметить, что в рамках субъектов РФ в той или иной форме осуществляется собственная оценка муниципальных образований по ряду социально-экономических показателей. Так, например, в Пермском крае аналитиками аудиторской компании «Инвест-аудит» уже в течение ряда лет проводится рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости. Данные рейтинги проводятся по целому ряду показателей, в том числе, таких как численность населения, уровень безработицы, потребность в работниках, среднемесячная заработная плата и др., что позволяет оценить и проранжировать уровень социально-экономического развития муниципальных образований. Всего в каждом рейтинге принимало участие 47 муниципальных образований Пермского края. Следует отметить, что в 2015 г. из 18 муниципальных образований, районные центры которых являются малыми городами, в первую десятку вошли лишь три муниципальных района: Усольский, Добрянский и Чернушинский. 12-е место занял Осинский муниципальный район, в котором оказались достаточно высокие показатели по средней заработной плате (она составляла более 26 тыс. руб.), и уровню занятости населения, что связано со значительным уровнем собственного производства. Наиболее слабые социально-экономические показатели были отмечены в Чердынском (15,25 балла) и Кизеловском (17,25 балла) муниципальных районах [Социальный атлас российских регионов, 2015]. Эти районные центры соответственно и заняли последние места в рейтинге 2015 г. (см. табл. 4.5).

В 2018 г. аналитиками аудиторской компании «Инвест-аудит» был проведен очередной рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости по состоянию на 31 декабря 2017 г. (см. табл. 4.5). Как уже было отмечено выше, данное исследование проводилось в Пермском крае уже не первый раз и позволило на основе статистических данных более детально исследовать, как живет и развивается регион. Результаты рейтинга, который проводился по той же методологии исследования, что и все предыдущие, позволяют более точно определить ориентиры для оценки инвестиционной привлекательности территорий Пермского края.

Таблица 4.5

**Рейтинг муниципальных районов Пермского края
на 31 декабря 2015 г., 31 декабря 2017 г. и 31 декабря 2018 г.
(районные центры, малые города)**

Муниципальный район	Общий балл по СЭ			Общий балл по Р			Общий балл, итог		
	2015	2017	2018	2015	2017	2018	2015	2017	2018
Добрянский	40,5	42,0	41,5	47,5	48,5	44,0	88,0	90,5	85,5
Чернушинский	38,75	41,5	37,5	37,5	35,0	44,0	76,25	76,5	81,5
Усольский	33,5	32,0	30,0	42,5	30,0	30,0	76,0	62,0	60,0
Осинский	31,0	31,5	31,5	40,0	36,5	35,5	71,0	68,0	67,0
Нытвенский	35,5	28,0	27,0	35,0	27,0	31,0	70,5	55,0	58,0
Очерский	29,75	24,0	23,0	37,5	13,5	25,5	67,25	37,5	48,5
Губаха ГО	37,0	39,0	41,0	27,5	9,5	19,5	64,5	48,5	60,5
Кудымкар	31,25	31,0	35,0	30,0	40,0	42,0	61,25	71,5	77,0
Верещагинский	35,5	39,0	38,0	22,5	15,5	29,0	58,0	54,5	67,0
Чусовской	34,75	38,0	40,5	22,5	13,0	20,5	57,25	51,0	61,0
Горнозаводский	28,5	31,5	34,0	25,0	24,0	32,5	53,5	55,5	66,5
Оханский	22,25	19,0	21,5	17,5	9,5	11,5	39,75	28,5	33,0
Гремячинский	23,75	20,0	13,0	12,5	2,50	5,5	36,25	22,5	18,5
Александровский	27,25	24,0	29,5	7,5	10,5	9,5	34,75	34,5	39,0
Красновишерский	17,5	19,5	19,5	15,0	6,5	9,5	32,5	26,0	29,0

Муниципальный район	Общий балл по СЭ			Общий балл по Р			Общий балл, итог		
	2015	2017	2018	2015	2017	2018	2015	2017	2018
Чермоз (Ильинский)	17,0	25,5	24,5	15,0	20,0	16,0	32,0	45,5	40,5
Кизеловский	17,25	17,5	18,0	10,0	4,0	9,5	27,25	21,5	27,5
Чердынский	15,25	14,5	15,5	10,0	2,5	10,0	25,25	17,0	25,5

Обозначения: СЭ — социально-экономическое развитие; Р — развитие рынка недвижимости.

Источник: составлено авторами по материалам рейтингов [Рейтинг городских округов и муниципальных районов, 2015, 2017, 2018].

Результаты рейтинга по состоянию на 31 декабря 2018 г. показывают, что существенных изменений по сравнению с рейтингом 2017 г. не произошло, в топ-10 лучших муниципальных образований вошли те же малые города Пермского края, что и в предшествующем 2017 г.: Кудымкар, Добрянский и Чернушинский муниципальные районы. На последних местах рейтинга муниципальных образований по-прежнему находятся Гремячинский, Кизеловский и Чердынский муниципальные районы.

Наибольшее снижение по рейтингу на пять пунктов в 2018 г. произошло в Усольском муниципальном районе в связи с ростом безработицы и снижением цен на квартиры. А самый значительный рост был продемонстрирован в Кудымкарском муниципальном районе, который поднялся на девять позиций в рейтинге в связи с ростом цен на жилую недвижимость. Очерский муниципальный район продемонстрировал рост в рейтинге на пять пунктов, в связи с ростом цен на земельные участки и коммерческую недвижимость. По аналогичным причинам был осуществлен подъем на четыре позиции в Губахе и Чусовском муниципальных районах [Рейтинг городских округов и муниципальных районов, 2015, 2017, 2018].

В рамках исследования использовалась информация по следующим социально-экономическим показателям (табл. 4.6):

- численность населения (человек) по данным Пермьстата;

- среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций за январь–сентябрь 2017–2018 гг. (руб.) по данным Пермьстата;
- уровень безработицы по состоянию на декабрь 2017–2018 гг., по данным Пермьстата;
- удельная заявленная работодателями потребность в работниках на 1000 человек, декабрь 2017–2018 гг., отн. ед. Данный показатель рассчитывается исходя из запрошенной в Пермьстате информации об абсолютном количестве заявлений работодателями потребности в работниках.

Анализируя данные табл. 4.6, следует отметить, что исследование социально-экономических показателей малых городов Пермского края показывает, что наибольшие баллы получили Губаха, Добрянский и Чусовской муниципальные районы, а Чернушинский муниципальный район и Кудымкар оказались на несколько ступеней ниже, заняв соответственно пятую и девятую ступени в рейтинге. Что касается муниципальных образований, получивших наименьшее количество баллов, то они остались неизменными: Гремячинский, Чердынский и Кизеловский муниципальные районы. Основной целью составления подобных рейтингов является получение более полной информации о снижении уровня жизни населения того или иного муниципального образования и выявление социальных рисков для их устранения.

В 2019 г. рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» был составлен ежегодный рейтинг российских регионов по качеству жизни за 2018 г., в сравнении с 2017 г. При составлении рейтинга учитывались 72 различных показателя, собранных в 11 тематических групп, которые характеризуют качество жизни в субъектах РФ: уровень доходов, занятость, жилищные условия, безопасность проживания, уровень экономического развития, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, демографическая ситуация и др. Для составления рейтинга использовались данные из официальных источников: Росстата, Минфина России, Минздрава России, Центробанка РФ и др. В данном рейтинге было зафиксировано существенное улучшение показателей Тульской области, которая сумела перебраться с 23-го на 17-е место по итогам 2017 г. и удержаться на данной позиции по итогам рейтинга 2018 г. (табл. 4.7).

Таблица 4.6
Социально-экономические факторы развития муниципальных образований Пермского края в 2017–2018 гг.

Муниципальное образование (МР и ГО)	Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.		Уровень безработицы, %		Удельная заявленная потребность в работниках, отн. ед.		Общий балл по СЭ	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Добрянский	39 417,0	40 305	1,88	1,81	11,55	7,42	42,0	41,5
Чернушинский	31 710,0	33 968	1,11	1,11	4,32	1,84	41,5	37,5
Губаха	28 678,5	32 118	1,15	1,07	5,84	9,46	39,0	41,0
Верещагинский	26 205,1	27 797	0,91	0,98	0,92	2,32	39,0	38,0
Чусовской	26 905,9	28 781	1,63	1,24	3,60	4,96	38,0	40,5
Усольский	47 281,0	52 706	1,40	1,63	70,68	30,5	32,0	30,0
Кудымкар	26 380,5	28 864	2,10	1,8	1,38	5,45	31,5	28,5
Осинский	31 612,7	33 836	2,28	2,29	4,31	4,62	31,5	31,5
Горнозаводский	30 795,9	33 377	2,14	1,74	4,75	5,80	31,5	34
Нытвенский	26 397,2	28 508	2,55	2,66	1,64	1,44	28,0	27,0
Чермоз (Ильинский)	24 428,7	27 111	2,17	2,24	4,78	3,75	25,5	24,5
Александровский	25 293,6	28 364	2,75	2,71	1,80	9,52	24,0	29,5
Очерский	28 712,6	30 430	2,65	2,88	2,76	2,72	24,0	23,0
Гремячинский	29 001,2	31 175	2,19	3,03	0,71	2,10	20,0	13,0
Красновишерский	25 692,1	28 278	6,15	5,17	10,37	18,36	19,5	19,5
Оханский	20 306,7	22 478	2,53	2,44	2,79	4,05	19,0	21,5
Кизеловский	24 117,7	26 295	3,35	3,29	3,46	4,02	17,5	18,0
Чердынский	23 622,5	25 352	3,76	3,88	1,45	3,30	14,5	15,5

Источник: [Рейтинг городских округов и муниципальных районов, 2015, 2017, 2018].

Таблица 4.7

Рейтинг регионов по качеству жизни

Субъект РФ	Балл в рейтинге за 2018	Позиция в рейтинге 2018	Балл в рейтинге за 2017	Позиция в рейтинге 2017	Позиция в рейтинге 2016
Тульская область	54,769	17	53,20	17	23
Владимирская область	47,573	34	47,34	32	34
Оренбургская область	47,763	33	45,86	41	43
Пермский край	46,650	42	45,26	44	41

Источник: [Рейтинг российских регионов..., 2019].

Успехи региона не в последнюю очередь связаны с ростом инвестиций в основной капитал Тульской области, по которому она вышла на 1-е место в ЦФО и 10-е место в Российской Федерации, с темпами роста заработной платы, ростом внешнеторгового оборота, превышением экспорта над импортом в 3 раза и другими причинами, позволившими Тульской области оказаться, по мнению экспертов, в числе регионов с наименьшим уровнем социального риска.

Владимирская и Оренбургская области, находящиеся значительно ниже по уровню в рейтинге, по сравнению с Тульской областью, также улучшили свои результаты на две позиции в 2017 г. по сравнению с 2016 г. Но в 2018 г. Владимирская область опять скатилась на две ступеньки вниз к уровню 2016 г., а Оренбургская область значительно улучшила свои позиции, поднявшись на восемь ступеней вверх. Пермский край в 2017 г., наоборот, ухудшил свои показатели, опустившись на три позиции вниз по сравнению с 2016 г., но в 2018 г. опять поднялся на две ступеньки вверх.

Проанализируем динамику основных индикаторов уровня жизни населения в рассматриваемых нами субъектах Российской Федерации в сравнении с малыми городами.

Неравенство в распределении доходов является одним из индикаторов достойного труда, рекомендуемых Международной организацией труда [ILO, 2018] из перечня показателей. В Российской Федерации данные показатели остаются очень высокими на протяжении целого ряда лет, и это представляет угрозу общественной стабильности, поскольку неравенство доходов является источником социальной напряженности и серьезным препятствием на пути экономического развития. Вместе с тем, по мнению ряда независимых экспертов, данные Федеральной

службы государственной статистики, касающиеся величины децильного коэффициента фондов и коэффициента Джини, являются существенно заниженными [Зубаревич, 2013].

Если в стране происходит постоянное усиление социального неравенства, то даже при формально благополучных показателях увеличения ВВП, роста промышленности и бюджетных доходов, снижения инфляции нельзя утверждать, что все социально-экономические процессы идут нормально.

В связи с этим необходимо подробнее остановиться на вопросах исследования динамики децильного коэффициента фондов и коэффициента Джини, измеряющих степень неравенства доходов населения России (рис. 4.1). Как видим, пик увеличения данных показателей приходился на 2007 г., период, предшествующий началу мирового финансово-экономического кризиса, который охарактеризовался сильным снижением основных социально-экономических показателей в большинстве стран мира, который впоследствии перерос в глобальную рецессию экономики.

В 2008–2010 гг. произошла стагнация обоих показателей на практически максимальном уровне, и далее пошло едва заметное снижение с небольшими отскоками вверх. В настоящее время оба показателя незначительно снизились, но все еще остаются на достаточно высоком уровне, принятом считать критическим.

Рис. 4.1. Динамика децильного коэффициента фондов и коэффициента Джини в целом по Российской Федерации

Источник: [Росстат, 2017].

По данным Росстата, в 2017 г. неравенство по доходам в России немного уменьшилось: децильный коэффициент фондов снизился с 15,5 в 2017 г. до 15,3 в 2018 г., а коэффициент Джини стал равен 0,412. Следует отметить, что в России неравенство по доходам ниже, чем в остальных

странах БРИКС, но значительно выше, чем в развитых странах мира [Росстат. Оперативные данные, 2018].

Теперь необходимо остановиться на динамике децильного коэффициента фондов в рассматриваемых нами субъектах РФ, подтверждающих аналогичную дифференциацию социального неравенства в российских регионах, а также рассмотреть особенности решения данной проблемы (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Динамика дифференциации доходов населения во Владимирской, Тульской, Оренбургской областях и Пермском крае в сравнении с данными по России в целом (децильный коэффициент фондов) (раз)

Субъект РФ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	16,6	16,2	16,4	16,3	16,0	15,7	15,5	15,3	15,3*
Владимирская область	11,1	11,1	11,8	12,0	11,4	10,9	10,4	10,2	10,0*
Тульская область	11,9	12,0	12,9	12,7	12,2	11,5	11,5	11,3	10,4*
Пермский край	17,8	17,3	17,5	17,7	17,3	17,0	15,5	14,6	14,5*
Оренбургская область	12,7	12,5	13,3	13,5	13,6	12,6	12,2	12,7	

* Предварительные данные.

Источник: [Росстат. Регионы России. 2018].

Исходя из данных, представленных в табл. 4.8, можно сделать вывод, что такая высокая дифференциация в распределении доходов граждан на протяжении последнего десятилетия является одной из наиболее существенных проблем современного российского общества. Величину децильного коэффициента, равную 10, принято считать критическим уровнем, а показатели по Российской Федерации превосходят этот критический уровень более чем в полтора раза. Однако следует учитывать, что социально-экономическая дифференциация присуща всем без исключения странам с большим числом регионов, где доходы населения и уровень экономического развития отличаются друг от друга в разы и полностью преодолеть разницу в уровне их социально-экономического развития невозможно. Вместе с тем необходимо стремиться к более значительному снижению степени социального неравенства общества.

Анализ динамики дифференциации доходов в представленных субъектах РФ свидетельствует о более низком уровне коэффициента фондов во Владимирской и Тульской областях за весь период с 2010 по 2018 г.

по сравнению с показателями коэффициента фондов по Российской Федерации в целом. Тем не менее начиная с 2010 г. в данных субъектах РФ наблюдалась устойчивая тенденция незначительного роста данного показателя вплоть до 2013 г. включительно по Владимирской области и до 2012 г. — по Тульской области. Затем последовало некоторое снижение данного коэффициента, которое продолжается в течение последних трех-четырёх лет. Что касается Оренбургской области, то здесь показатели немного выше, чем во Владимирской и Тульской областях, но значительно ниже средних показателей по стране в целом. Анализируя показатели Пермского края, следует отметить более высокие цифры коэффициента фондов по сравнению с данными по России в целом. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что Пермский край является более стабильным промышленным регионом с высокой покупательной способностью. Тенденция роста данного показателя в Пермском крае не была четко выражена, коэффициент фондов установился на уровне 17 с незначительными колебаниями, а с 2015 г. началось незначительное снижение вплоть до 2018 г. включительно. Тем не менее, несмотря на некоторое улучшение ситуации в последние годы, в целом кардинальных изменений в динамике данного показателя, свидетельствующего о значительном расслоении общества, не последовало, и снижение коэффициента продолжается очень медленными темпами.

Другим не менее значимым вопросом является исследование уровня оплаты труда и его дифференциации, поскольку заработная плата нередко выступает основным, а иногда и единственным, источником дохода малоимущих граждан (табл. 4.9).

Таблица 4.9

Динамика основных индикаторов уровня жизни населения Пермского края, Владимирской, Тульской и Оренбургской областей

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
Пермский край					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	27 102	28 528	30 651	32 952	35 577,5*
ПМ в среднем на душу трудоспособного населения, руб.	8624	10 168	10 251	10 673	10 804
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с величиной ПМ, %	314,3	280,6	299,0	308,7	329,3
Региональный МРОТ, руб.	5554	5965	10 251	10 804	11 163

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	488,0	428,0	299,0	300,2	318,7
Владимирская область					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	22 581 25134,7 26974,9 30459,9	23 877	25 135	26 975	30 460
ПМ в среднем на душу трудоспособного населения, руб.	8432	10 135	10 058	10 296	10 435
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с величиной ПМ, %	267,8	235,6	249,9	262,0	291,9
Региональный МРОТ, руб.	5554	5965	7500	7800	9489** 11163
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	406,6	400,2	335,1	345,8	321,0 272,9
Тульская область					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	25 873	27 555	29 402	31 637	34 660
Прожиточный минимум в среднем на душу трудоспособного населения, руб.	7918	9598	9781	9986	10 404
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с величиной ПМ, %	326,8	287,1	300,6	316,8	333,1
Региональный МРОТ, руб.	5554	5965	7500	7800	11 440** 13 520
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	465,8	461,9	392,0	405,6	303,0 256,4
Оренбургская область					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	23 469	24 591	26 209	27 445	30 370,5
Прожиточный минимум в среднем на душу трудоспособного населения, руб.	7216	8540	8886	9218	9391

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с величиной ПМ, %	325,2	288,0	294,9	297,7	323,4
Региональный МРОТ, руб.	5554	5965	7500	7800	9489 11 163
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	422,6	412,2	349,4	351,8	320,1 272,1

* По данным оперативной отчетности, январь—ноябрь 2018 г.

** 11 440 руб. — для работников: государственных и муниципальных учреждений; 13 520 руб. — для работников внебюджетного сектора экономики.

Источник: [Росстат. Регионы России. 2018].

Анализ динамики среднемесячной номинальной начисленной заработной платы за последние пять лет показывает, что во всех исследуемых регионах отмечается устойчивый рост данного показателя. Тем не менее темпы роста реальной заработной платы населения этих регионов оказались недостаточными в связи с инфляционными процессами в стране, вызванными кризисными явлениями в экономике.

Реальное содержание денежных доходов населения выбранных нами субъектов РФ отражает их соотношение с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения. Соотношение номинальной начисленной заработной платы с прожиточным минимумом в Пермском крае в период с 2014 по 2018 г. в целом увеличилось незначительно с 3,14 до 3,29 раза. В течение данного периода времени был отмечен минимум соотношения начисленной заработной платы к прожиточному минимуму в 2015 г. — 2,8 раза. В Тульской и Владимирской областях данное соотношение также немного выросло — с 3,27 до 3,33 раза и с 2,68 до 2,92 раза соответственно. При этом во Владимирской области зафиксирован самый низкий уровень номинальной начисленной заработной платы среди представленных регионов. За ним с низкими значениями номинальной начисленной заработной платы следует Оренбургская область. Здесь соотношение с прожиточным минимумом имело тенденцию к уменьшению, но к 2018 г. немного выросло и почти достигло уровня 2014 г.

Наряду с процессами региональной дифференциации в уровне заработной плат, необходимо отметить заметную внутрирегиональную дифференциацию номинальной заработной платы (табл. 4.10).

Таблица 4.10

Выборочная дифференциация заработной платы в малых городах Владимирской, Тульской, Оренбургской областей и Пермского края

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Владимирская область, г. Камешково (12,5 тыс. человек)*						
Региональный МРОТ, руб.	5205	5554	5965	7500	7800	9489
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	18 300,7	21 727,2	22 823,1	26 211,6	29 975,5	32 461,1
Соотношение с региональным МРОТ, %	351,6	391,2	382,6	349,5	384,3	342,1
Муромский муниципальный район (15,9 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	14 604,1	17 012,9	17 926,4	18 833,3	20 834,2	23 054,1
Соотношение с региональным МРОТ, %	280,6	306,3	300,5	251,1	267,1	243,0
Меленковский муниципальный район (33,3 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	17 002,4	18 585,5	19 795,0	21 247,6	22 060,3	26 936,3
Соотношение с региональным МРОТ, %	326,7	334,6	331,9	283,3	282,8	283,9
Пермский край, Чердынский муниципальный район (20,3 тыс. человек)						
Региональный МРОТ, руб.	5205	5554	5965	10 251	10 804	11 163
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	20 312,3	21 454,7	22 770,6	23 919,4	24 490,9	26 341,9
Соотношение с региональным МРОТ, %	390,2	386,3	381,7	233,3	226,7	236,0

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Александровский муниципальный район (28,2 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	20 622,6	21 746,1	22 622,9	23 927,0	–	28 710,0
Соотношение с региональным МРОТ, %	396,2	391,5	379,3	233,4	–	257,2
Кудымкарский муниципальный район (31,4 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	14 294,3	16 346,8	16 701,3	17 693,8	18 553,3	20 627,7
Соотношение с региональным МРОТ, %	274,6	294,3	280,0	172,6	171,7	184,8
Тульская область, г. Венев (14,2 тыс. человек.)						
Региональный МРОТ, руб.	5205	5554	5965	7500	7800	11440
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	20 354,4	24 200,7	25 652,1	27 334,5	27 557,5	29 733,4
Соотношение с региональным МРОТ, %	391,1	435,7	429,6	364,5	353,3	259,9
г. Белев (13,2 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	17 845,0	20 467,7	21 896,6	21 201,0	25 663,2	29 738,3
Соотношение с региональным МРОТ, %	342,8	368,5	367,1	282,7	329,0	259,9
Одоевский муниципальный район (12,6 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	16 346,1	19 178,9	19 996,0	21 097,7	22 551,4	21 936,0

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Соотношение с региональным МРОТ, %	314,0	346,1	337,4	281,3	289,1	191,7
Оренбургская область, Абдулино (19,0 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	21 360,8	22 521,5	–	23 893,2	25 975,0	32 576,6
Соотношение с региональным МРОТ, %	410,4	405,5	–	318,6	333,0	291,8
Соль-Илецк (27,1 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	15 405,4	–	–	21 061,1	22 318,5	24 404,2
Соотношение с региональным МРОТ, %	296,0	–	–	280,8	286,1	218,6
Бугуруслан (49,2 тыс. человек)						
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	14 048,9	18 809,9	20 310,2	21 734,9	–	21 987,0
Соотношение с региональным МРОТ, %	269,9	338,7	340,5	289,8	–	197,0

* Численность малых городов и муниципальных районов дана по состоянию на 01.01.2018.

Источник: составлено авторами по данным [Росстат. Регионы России, 2018].

Анализ данных табл. 4.10 показывает значительную внутрирегиональную дифференциацию номинальной начисленной заработной платы в муниципальных образованиях исследуемых регионов. Так, например, во Владимирской области, отмечались значительные колебания данного показателя в 2018 г. от 23 054,1 до 32 461,1 руб. по муниципальным образованиям. В Меленковском и Муромском муниципальных образованиях среднемесячная номинальная начисленная заработная плата не достигала среднего размера по Владимирской области в целом. Аналогичная ситуация отмечалась и в других субъектах РФ. Во

Владимирской области отмечается также зависимость номинальной заработной платы от уровня развития городского округа или муниципального района, что характерно и для остальных субъектов РФ.

В целом во всех муниципальных районах и малых городах наблюдается достаточно устойчивая динамика роста номинальной заработной платы по годам. Однако размер номинальных начисленных заработных плат не может служить единственным параметром для определения благосостояния граждан. Данный показатель должен использоваться в сравнении с величиной минимального размера оплаты труда (МРОТ) для определения реальных значений начисленной заработной платы. И в этом случае данный показатель практически не растет, а иногда даже уменьшается, особенно в последние несколько лет, что свидетельствует о снижении реальных денежных доходов населения.

По состоянию на 2019 г. наибольшие значения по номинальной заработной плате наблюдались в г. Ковров (38 617 руб.). Размер номинальной заработной платы в городских округах региона составлял: Владимир — 35 936 руб.; Гусь-Хрустальный — 30 391 руб.; Муром — 29 399 руб.

Среди муниципальных районов Владимирской области лидирующие позиции по уровню заработной платы занимают: Александровский — 31 471 руб.; Камешковский — 33 735 руб.; Киржачский — 37 076 руб.; Кольчугинский — 31 577 руб.; Петушинский — 38 714 руб.; Собинский — 31 931 руб.

Жители Гороховецкого, Гусь-Хрустального, Ковровского, Меленковского, Селивановского, Судогодского, Суздальского, Юрьев-Польского и Вязниковского муниципальных районов зарабатывали менее 30 000 руб. в месяц. Самый низкий уровень заработных плат сложился в Муромском районе — 23 234 руб. Аналогичная ситуация складывается и в ряде других субъектах РФ.

В отличие от крупных городов, таких как Владимир, Тула, Пермь, Оренбург, где показатели величины номинальной начисленной заработной платы почти в полтора раза превышают средние значения по региону [Росстат. Регионы России, 2018], соотношение номинальной начисленной заработной платы и регионального МРОТ в малых городах и районных центрах является более сопоставимым с аналогичным показателем по субъекту РФ в целом. Здесь нет такого значительного контраста. Тем не менее, как уже было отмечено выше, дифференциация показателя присутствует во всех четырех субъектах РФ.

Далее рассмотрим динамику среднедушевых денежных доходов населения в исследуемых субъектах РФ, представленную в табл. 4.11 в сравнении с данными по РФ в целом.

Таблица 4.11

Динамика среднедушевых денежных доходов населения во Владимирской, Тульской, Оренбургской областях и Пермском крае (руб.)

	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	27 766	30 467	30 747	31 745	33 010
Центральный ФО	34 970	38 767	39 371	41 731	42 893
Владимирская область	19 530	22 712	22 365	23 438	23 632
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной ПМ, %	264,7	254,0	246,7	253,5	252,2
Тульская область	23 040	26 290	27 432	27 774	27 775
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной ПМ, %	312,7	293,7	300,5	298,5	286,1
Приволжский ФО	24 020	26 287	25 708	25 870	26 572
Пермский край	28 315	32 043	27 749	28 177	28 441,4
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной ПМ, %	349,7	336,9	297,0	282,4	281,7*
Оренбургская область	20 724	22 954	22 035	23 206	23 923,2
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной ПМ, %	305,4	285,0	262,8	266,6	254,7

Источник: [Росстат. Среднедушевые денежные доходы населения..., 2019].

Анализ динамики среднедушевых денежных доходов населения (табл. 4.11) показывает, что наибольшие денежные доходы на душу населения отмечаются в Центральном федеральном округе, занимающем 1-е место по величине среднедушевых денежных доходов населения среди федеральных округов РФ. Это федеральный округ с самой высокой стоимостью жизни.

Следует отметить, что Владимирская и Оренбургская области имеют достаточно низкие показатели величины среднедушевых денежных доходов населения. В Тульской области показатели среднедушевых денежных доходов населения несколько выше. По состоянию на 2018 г. Приволжский федеральный округ находился на 5-м месте среди федеральных округов РФ по данному показателю. Пермский край, входящий

в него, имеет более высокую величину среднедушевых денежных доходов населения по сравнению со средними показателями Приволжского федерального округа, а также существенно превосходит среднедушевые показатели Владимирской, Оренбургской и Тульской областей [Росстат. Регионы России. 2018, 2019]. Это объясняется тем, что Пермский край является более стабильным промышленным регионом с высокой покупательной способностью населения.

По сравнению со средним размером начисленной заработной платы в период с 2013 по 2018 г. средний размер пенсии составлял немногим более 30%. В 2015 г. он был на уровне 35,3%, т.е. заметного роста данного соотношения за весь ознанченный период времени практически не произошло (табл. 4.12).

Таблица 4.12

**Динамика среднего (руб.) и реального (%) размера назначенных пенсий
во Владимирской, Тульской, Оренбургской областях
и Пермском крае (руб.)**

Субъекты РФ	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	9154 103,3	10 030 103,3	10 889 97,5	12 081 101,1	12 426 17 426* 97,9 137,3	13 323 104,9
Отношение среднего размера пенсий к среднему размеру начисленной зарплаты	33,9	33,8	35,8	34,6	33,8	31,3
Владимирская область	9018 103,1%	9874 102,3%	10 686 95,5%	11 871 103,3%	12 207 17 207* 98,1% 138,3%	13 093 105,1% 74,6%
Тульская область	8998 102,2%	9804 102,4%	10 688 97,0%	11 875 102,5%	12 248 17 248* 98,0% 138,0%	13 153
Пермский край	9017 102,7%	9882 103,7%	10 745 98,5%	11 942 101,2%	12 323 17 323* 98,9% 139,0%	13 250 105,9% 75,3%
Оренбургская область	8336 103,4%	9128 103,8%	9882 97,6%	10 976 103,5%	11 334 16 334* 98,8% 142,4%	12 251 106,4% 73,8%

* Включая единовременную надбавку — 5000 руб.

Источник: [Росстат. Регионы России. 2017, 2018].

Анализируя данные о среднем размере пенсий во Владимирской, Тульской, Оренбургской областях и Пермском крае в период с 2013 по 2018 г., можно сделать вывод, что его динамика имела устойчивый рост на протяжении всего означенного периода времени, но недостаточный, так как в условиях сохраняющейся инфляции реальный уровень пенсионного обеспечения не отвечает современным требованиям.

Все четыре субъекта Российской Федерации имеют приблизительно одинаковый уровень средних размеров пенсионного обеспечения населения, который находится на уровне чуть ниже средних размеров пенсионного обеспечения по Российской Федерации в целом, за исключением Оренбургской области, где эта разница более заметная. Необходимо подчеркнуть, что меры социальной защиты и социальной поддержки населения, прежде всего, направлены на повышение уровня жизни малообеспеченных слоев населения и нетрудоспособных членов общества.

В соответствии с законодательством минимальный уровень пенсионного обеспечения граждан устанавливается не ниже регионального прожиточного минимума для пенсионеров. Причем в случае, если размер пенсии в совокупности с другими выплатами у неработающего пенсионера будет ниже величины прожиточного минимума в регионе, ему устанавливается социальная доплата к пенсии. Институт прожиточного минимума был установлен Правительством РФ в качестве критерия бедности населения [Уровень и профиль бедности..., 2014]. Граждане РФ, получающие доход ниже этой величины в субъекте РФ, признаются малоимущими людьми, живущими за чертой бедности, и имеют право на получение государственной социальной помощи.

Анализируя данные табл. 4.12, следует отметить, что в 2015 г. в РФ наблюдалось сокращение реального размера назначенных пенсий: до 98,5–95,5% от уровня предыдущего года по исследуемым субъектам РФ и России в целом. Данное сокращение реального размера назначенных пенсий является не чем иным как свидетельством нарастания рисков бедности для лиц старшего возраста в нашей стране, которого ни в коем случае нельзя допускать.

В табл. 4.13 в качестве примера наглядно представлено распределение численности населения в зависимости от имеющихся среднедушевых денежных доходов в целом по Российской Федерации в сравнении с исследуемыми регионами.

Таблица 4.13

**Распределение численности населения в зависимости от величины сред-
недушевых денежных доходов во Владимирской, Тульской, Оренбургской
областях и Пермском крае в 2017 г. (%)**

Субъекты РФ	Величина среднедушевых денежных доходов, руб. в месяц								
	ПМ в регионе	До 7000	7001– 10 000	10 001– 14 000	14 001– 19 000	19 001– 27 000	27 001– 45 000	45 001– 60 000	Свыше 60 000
Российская Федерация	10 088	5,5	7,4	11,7	14,2	18,3	23,2	8,8	10,9
Владимир- ская область	9467	5,5	9,4	15,4	18,1	21,0	21,0	5,6	4,0
Тульская область	9303	4,4	7,5	12,9	16,2	20,6	23,8	7,7	6,9
Пермский край	9978	6,5	8,5	12,9	15,1	18,6	22,0	7,8	8,6
Оренбург- ская область	8706	9,0	11,4	16,1	17,2	18,8	18,4	5,1	4,0

Источник: [Росстат. Регионы России. 2017, 2018].

Данная таблица построена на основе статистических данных 2017 г., по которой можно подсчитать численность населения в целом по Рос-сии и в представленных субъектах РФ, живущих за чертой бедности за данный период. В табл. 4.14 представлена динамика численности дан-ной категории населения за ряд лет.

Таблица 4.14

**Динамика численности населения в регионах с денежными доходами ниже
величины прожиточного минимума (в % от общей численности)**

Год	Российская Федерация	Владимирская область	Тульская область	Пермский край	Оренбургская область
2011	12,7	17,5	10,9	14,4	14,4
2012	10,7	15,0	9,5	12,2	12,7

Год	Российская Федерация	Владимирская область	Тульская область	Пермский край	Оренбургская область
2013*	10,8	13,5	9,7	11,4	12,1
2014	11,2	13,5	9,8	12,0	11,9
2015	13,3	14,1	10,6	12,6	13,9
2016	13,3	14,3	10,0	14,9	14,7
2017	13,2	13,0	9,9	14,9	14,6
2018**	12,9	12,8	9,7	14,9	13,9

* На основании Федерального закона от 03.12.2012 № 233 «О внесении изменений в Федеральный закон “О прожиточном минимуме в Российской Федерации”» с 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума.

** Предварительные данные.

Источник: [Росстат. Регионы России. 2018].

На основании анализа динамики численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (табл. 4.14) можно сделать вывод, что в целом по Российской Федерации за истекший восьмилетний период существенного снижения общей численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума не произошло. Численность малоимущего населения в Российской Федерации оставалась практически без изменения, за исключением 2012 и 2013 гг., когда величина данного показателя снизилась почти на 16% и составила 10,7 и 10,8% соответственно.

Во Владимирской области, где данный показатель в 2011 г. был значительно завышен по сравнению с другими регионами, снижение численности малоимущего населения произошло с 17,5 до 12,8%, т.е. практически на 27%.

По Тульской области снижение численности малоимущего населения составило около 11% — с 10,9 до 9,7%. Минимальная численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в Тульской области была также достигнута в 2012–2013 гг.

В Пермском крае все эти годы происходило незначительное снижение данного показателя, но начиная с 2016 г. произошло его повышение, которое привело к увеличению численности малоимущего

населения по итогу за весь период времени. Экономическая нестабильность последних лет привела к росту численности малоимущего населения в Пермском крае, что не могло не сказаться на снижении уровня жизни граждан.

В Оренбургской области с 2011 по 2014 г. шло незначительное снижение численности малоимущего населения, но, начиная с 2015 г., произошло увеличение данного показателя. И только в 2018 г. опять началось снижение. В результате за восьмилетний период численность малоимущего населения снизилась всего с 14,4 до 13,9%.

Таким образом, проблема снижения численности малоимущего населения в нашей стране по-прежнему остается актуальной, и ее решение является одной из приоритетных задач.

Социально-экономические возможности муниципальных образований находятся в тесной зависимости от бюджетной обеспеченности регионов. В связи с этим необходимо отметить, что в Российской Федерации разрыв между субъектами РФ по уровню собственной бюджетной обеспеченности является крайне высоким. Максимальный уровень бюджетной обеспеченности регионов до распределения дотаций из федерального бюджета в расчете на одного жителя в 2017 г. был зафиксирован в Москве и составлял 2,585, а минимальный уровень — в Республике Ингушетии — 0,169, т.е. разрыв в уровне бюджетной обеспеченности между субъектами РФ составлял 15,2 раза. По состоянию на 2019 г. этот разрыв незначительно снизился и составил 14,1 раза (Москва — 2,720, Республика Тыва — 0,193) [Ростат. Регионы России. 2017, 2019].

На 2017 г. критерий выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных районов и городских округов Владимирской области составлял 8856 руб. на одного жителя, т.е. с ростом 108% к уровню 2016 г. Минимальный уровень бюджетной обеспеченности городских поселений был равен 3706 руб. на одного жителя с ростом 110% к уровню 2016 г., сельских поселений — 3076 руб. на одного жителя с ростом 110% к уровню 2016 г.

Значительные различия в уровне развития муниципальных образований, находящиеся в тесной зависимости от бюджетной обеспеченности регионов, отмечаются в большинстве субъектов РФ, в том числе и в Тульской области. Несмотря на сложность данной проблемы, в субъектах идет работа по выравниванию бюджетов муниципальных образований. Так, например, в 2016 г. удельный вес собственных доходов местных бюджетов в муниципальных образованиях Тульской области отличался друг от друга более чем 6 раз. Если в Киреевском районе удельный вес собственных доходов местного бюджета составлял всего

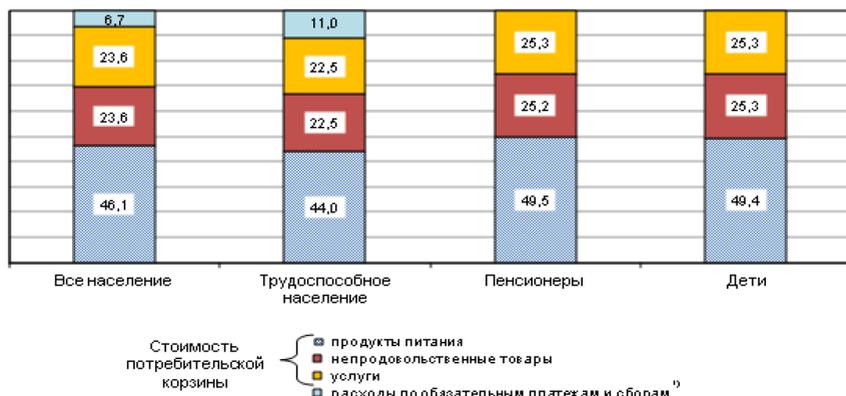
14,3%, то в муниципальном образовании г. Тула достигал отметки 90,6% [Тульская область в цифрах, 2017, 2018].

В 12 муниципальных образованиях Тульской области удельный вес собственных доходов местных бюджетов не превышал 45%: Арсеньевский район — 41,1%, Белевский район — 32,2%, Богородицкий район — 33,8%, Воловский район — 35,1%, Каменский — 44,6%, Кимовский район — 32,1%, Киреевский район — 14,3%, Одоевский район — 38,8%, Тепло-Огаревский район — 43,2%, Узловский район — 28,9%, Чернский район — 28,8%, г. Донской — 38,5%.

В шести муниципальных образованиях доля налоговых и неналоговых доходов бюджетов муниципальных образований (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджетов муниципальных образований (без учета субвенций) оказался существенно выше среднего показателя по Тульской области, равного 63,6%: Алексин — 88,1%, Ефремов — 75,5%, Новомосковск — 80,0%, Славный — 70,4%, Тула — 90,6%, Щекинский район — 82,7%.

Для решения данной проблемы в Закон «О межбюджетных отношениях между органами государственной власти Тульской области и органами местного самоуправления муниципальных образований Тульской области» [Закон Тульской области № 639-ЗТО, 2005], были внесены изменения, устанавливающие единый норматив отчислений от налога на имущество организаций бюджетам городских округов в размере 5%. Кроме того, был принят пакет документов, регулирующих бюджетные отношения в субъекте РФ. Данное решение позволило создать условия для повышения доходной части и выравнивания бюджетов муниципальных образований, а также создать стимулы для городских округов в работе с имущественным комплексом. Были также внесены изменения в закон Тульской области по расчету и предоставлению дотаций. Эти изменения касаются распределения дотации из бюджета муниципального района, сформированной за счет субвенций из бюджета области, что позволит существенно сократить разрыв между наиболее и наименее обеспеченными муниципальными образованиями. В итоге в Тульской области практически отсутствуют муниципальные образования, в которых дефицит бюджета и предельный объем муниципального долга превышают уровень, установленный бюджетным законодательством, а разрыв в уровне бюджетной обеспеченности между пятью наиболее и пятью наименее обеспеченными муниципальными образованиями в 2017 г. составляет 1,7 раза (до выравнивания разрыв составлял 5,1 раза) [Тульская область в цифрах, 2018].

Основными показателями **потребительского поведения населения** являются показатели структуры потребительских расходов. В структуре потребительских расходов наиболее важным экономическим показателем являются расходы на покупку продуктов питания. Чем больше денежных средств тратится на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов, тем ниже уровень жизни населения, и наоборот. На рис. 4.2 представлена структура величины прожиточного минимума по основным группам населения в целом по России.

¹ Величина прожиточного минимума для пенсионеров и детей определяется без учета расходов по обязательным платежам и сборам.

Рис. 4.2. Структура величины прожиточного минимума по основным группам населения, % (в целом по России, III квартал 2019 г.)

Отметим, что в большинстве развитых стран мира доля расходов на питание составляет в среднем 10–15% (Люксембург — 8,7%, Великобритания — 10,0%, Нидерланды — 10,6%, Ирландия — 11,5%, Финляндия — 11,7%, Австрия, Норвегия, Швейцария — 11,8%, Дания и Германия — 12,1%) всех потребительских расходов [Рейтинг стран Европы..., 2018]. Российская Федерация в 2018 г. с показателем доли расходов на продукты питания 31,2% находилась на 31-м месте рейтинга, в котором участвовало 40 европейских государств. По сравнению с аналогичным рейтингом 2016 г. наша страна улучшила свой результат, поднявшись на одну позицию с 32-го места.

В табл. 4.15 отражена доля продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств по Российской Федерации в целом в сравнении с Владимирской, Тульской, Оренбургской областями и Пермским краем, представленная Росстатом.

В табл. 4.15 показано, что структура потребительских расходов домашних хозяйств Российской Федерации в целом и выбранных нами регионов свидетельствует о наличии высокой доли расходов на продукты питания. Она почти в три-четыре раза превышает уровень развитых европейских стран, что говорит о достаточно низком уровне жизни граждан в данных субъектах и в Российской Федерации в целом. Следует отметить, что доля затрат на продукты питания в разрезе субъектов РФ в немалой степени зависит от уровня благосостояния региона, а также от уровня цен на продукты питания и исторически сложившихся традиций быта в том или ином регионе.

Таблица 4.15

Доля продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств (%)

Субъект РФ	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	36,1	32,9	31,2	31,9	35,4	35,5	34,3
Владимирская область	46,2	36,6	36,2	36,6	38,2	38,0	37,4
Тульская область	48,2	40,5	34,6	34,2	38,9	36,3	39,0
Пермский край	31,4	31,2	30,6	30,8	34,4	34,7	31,4
Оренбургская область	35,6	34,3	30,9	28,2	34,1	35,0	32,2

Источник: [Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2016–2017].

По данным Пермьстата, потребление основных продуктов питания Пермского края за 2017 г. не соответствовало медицинским нормам. Жители края чрезмерно потребляли такие продукты, как яйца и хлеб, и недостаточно активно — фрукты, мясо и молоко. Согласно статистике Пермьстата, потребность населения края в основных продуктах питания удовлетворяется как за счет собственного производства, так и за счет ввоза с других территорий [Росстат. Пермский край в цифрах, 2018].

Ежегодно на среднестатистического жителя Пермского края приходится 63 кг мясопродуктов (86,3% от рекомендуемых норм), 230 кг молока и молочных продуктов (70,8% от нормы), 61 кг картофеля (67,8% от нормы) и 101 кг овощей (72,1%). Фруктов потребляется всего 56 кг на человека в год, что составляет 56% от рекомендуемых медицинских норм.

В то же время жители Пермского края потребляют 269 кг яиц (103,5% от нормы), хлеба и хлебобудованных изделий — 115 кг в год (119,8% от нормы). Следовательно, потребление яиц, хлеба и продуктов переработки зерна в Пермском крае превышает рациональную норму потребления [Росстат. Пермский край в цифрах, 2018].

Увеличение потребительского спроса населения является одним из главных факторов роста российской экономики, однако в 2015 г. на фоне усугубления макроэкономических проблем потребительский спрос снизился, перестав быть стимулятором экономического роста. В результате повышения уровня среднегодовой потребительской инфляции до 15,5% и девальвации рубля в стране произошли обесценивание заработных плат и пенсий российских граждан, рост безработицы, которые продолжились и в 2016 г. По данным Агентства Bloomberg, приводящего статистические данные Центробанка за сентябрь 2016 г., в России происходило падение розничных продаж, а также снижение доходов населения на уровне 7,1% в ежегодном исчислении темпами — 5,8% [Bloomberg, 2016].

В 2017 г. произошло снижение среднегодовой потребительской инфляции до уровня 3,7% [Росстат. Оперативные данные, 2018]. Тем не менее продолжалось падение реальных располагаемых денежных доходов российских граждан, но его темпы значительно замедлились до -1,7%. В целом за период с 2014 по 2017 г. реальные располагаемые денежные доходы населения России снизились на 11% от уровня 2013 г.

Индекс физического объема оборотов розничной торговли сократился в большинстве регионов РФ. Этот процесс затронул Тульскую (93,8%) и Владимирскую (89,1%) области, но в большей степени — Пермский край (86,7%), что является косвенным свидетельством снижения уровня жизни населения.

В 2017 г. ситуация несколько изменилась. При продолжающемся падении доходов населения потребление стало возрастать, что было связано, на наш взгляд, преимущественно с банковским кредитованием, поскольку задолженность граждан по банковским кредитам в 2017 г. выросла на 1,01 трлн руб., в том числе по потребительским кредитам — на 0,56 трлн руб. В январе 2018 г. опять произошло замедление темпов роста объема розничных продаж до уровня 2,8%.

Реальные располагаемые денежные доходы населения, по данным за 11 месяцев 2017 г., снизились в 65 субъектах РФ. Наибольшее снижение доходов произошло в Ямало-Ненецком автономном округе (-15%), Магаданской области (-11,1%) и Республике Бурятия (-7,6%), а максимальный рост доходов в этот же период времени был зарегистрирован в Республике Крым (+13,8%). При этом в 2017 г. в структуре денежных

доходов населения значительно увеличилась доля социальных выплат, которая достигла уровня 19,8%. Это произошло в основном за счет единовременной выплаты лицам пенсионного возраста в январе 2017 г. в размере 5000 руб.

Существенным социально-экономическим фактором является занятость населения, поскольку доходы в первую очередь формируются за счет заработной платы. В настоящее время решение всех вопросов по обеспечению занятости населения и по снижению напряженности на рынке труда малых городов легло на российские регионы и их бюджеты. На наш взгляд, мероприятия по поддержанию рынка труда малых городов, организуемые органами службы занятости, способствуют некоторому снижению безработицы и сдерживанию социальной напряженности, но в большинстве своем носят временный, эпизодический характер и не могут постоянно поддерживать занятость населения. Для сохранения и развития трудового потенциала необходимо создание постоянных рабочих мест, в том числе за счет использования возможностей, заложенных в программах социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований.

Определенную положительную роль в деле повышения занятости населения сыграли временные и общественные работы как форма поддержки занятости населения, несмотря на то, что они фактически являются одной из форм скрытой безработицы. [Зубаревич, 2010]. В данном случае речь идет не только о тех, кто не состоит на учете в службах занятости, но и о тех, кто работает неполный рабочий день или находится в отпуске без сохранения содержания, что является серьезной проблемой, так как снижается фактический уровень безработицы.

Так, по данным Росстата, число скрытых безработных во втором квартале 2018 г. составляло 972 тыс. человек, из них [Привалов, 2018]:

- в простое — 142,6 тыс. человек;
- на неполном рабочем времени по инициативе работодателя — 52,6 тыс. человек;
- по соглашению с работодателем, т.е. в отпуске без сохранения содержания — 778 тыс. человек.

Вместе с тем, на наш взгляд, использование населения городов на общественных работах, направленных на предотвращение безработицы, путем сохранения неэффективных рабочих мест низкой квалификации, низкого качества и с оплатой труда на уровне прожиточного минимума, приводит к тому, что в депрессивных регионах фактически воспроизводится следующее поколение людей с крайне низким уровнем запросов,

т.е. происходит процесс деградации человеческого капитала. Сохранение рабочих мест такого уровня является значительным тормозом повышения эффективности российской экономики и способствует росту социальной напряженности в регионах.

Например, в органах занятости населения Тульской области на 1 января 2017 г. в качестве ищущих работу зарегистрированы 6,6 тыс. человек, из них безработных — 5,9 тыс. человек (на 1 декабря 2016 г. безработных было 5,5 тыс. человек) [Тульская область в цифрах, 2017, 2018]. В табл. 4.16 представлен уровень зарегистрированной безработицы в целом по Российской Федерации и в исследуемых субъектах РФ в 2017–2018 гг.

Уровень регистрируемой безработицы по Тульской области на сегодняшний день составил 0,73% от численности экономически активного населения. Наименьший уровень безработицы зарегистрирован в городском округе Тула — 0,44%, Дубенском районе — 0,5%, Щекинском районе — 0,56%. Самый высокий уровень безработицы отмечен в Каменском районе — 2,9%, Тепло-Огаревском районе — 1,77%, Арсеньевском районе — 1,83%, Ефремовском районе — 1,78%.

Таблица 4.16

Уровень регистрируемой безработицы (%)

Субъект РФ	Ноябрь 2017	Ноябрь 2018
Российская Федерация	1,0	0,9
ЦФО	0,6	0,5
Владимирская область	1,0	0,8
Тульская область	0,5	0,5
ПФО	0,8	0,8
Пермский край	1,2	1,1
Оренбургская область	1,4	1,3

Источник: [Росстат. Регионы России, 2017, 2018].

По Владимирской области уровень безработицы в настоящее время составляет 1,1%. При этом следует обратить внимание, что этот показатель остается без изменения на протяжении последних лет. В то же время по ряду муниципальных районов он значительно выше. Так, в

Селивановском районе он составляет 2,5%, Гороховецком — 2,1%, Судогодском — 1,9%, Камешковском — 2,0%, г. Радужный — 1,6%, Киржачском и Меленковском районах — 1,6%, в Юрьев-Польском районе — 1,2% (см. рис. 4.3).

Кроме того, коэффициент напряженности, т.е. соотношение незанятых и вакансий, в Вязниковском и Селивановском районах (он равен — 2) почти в три раза выше среднего коэффициента по Владимирской области (0,7) [Владимирская область в цифрах, 2018].

Однако данные территориальных органов федеральной службы государственной статистики не в полной мере отражают реальную ситуацию на рынке труда, поскольку оценка ведется на основании соотношения численности трудоспособного населения к численности тех, кто встал на учет и получил статус безработного. В то время как оценка уровня безработицы по методике Международной организации труда предполагает проведение анонимных опросов.

Проблема занятости, чрезвычайно остро обозначившаяся в малых и моногородах, обусловила необходимость особого внимания к проблеме регулирования трудовых ресурсов. Стратегическое планирование занятости трудовых ресурсов — одно из ключевых направлений политики не только поддержки жителей проблемных городов, но и региональной политики страны в целом.

В малых и моногородах рынок труда практически отсутствует, и трудоспособные жители ограничены в выборе места работы в своем городе. В этой ситуации важным фактором становится уровень мобильности населения, хотя она имеет двоякий характер. В частности, по данным Росстата, за последние годы удаленные и экологически неблагоприятные малые индустриальные города покинул каждый 16-й взрослый житель, а с другой стороны, по различным данным доля не готового к переезду населения крайне высока и колеблется от 30 до 40%. Наряду с этим, следует отметить, что изменился характер миграции, ее поток в основном идет не из сел в города, а из малых городов в крупные [Миграция в России и в мире, 2011].

Итак, благодаря масштабной перераспределительной политике государства региональная дифференциация в доходах населения несколько сократилась. Вместе с тем результаты оценки объективных статистических показателей уровня жизни населения в рассмотренных выше регионах за длительный период показывают, что, несмотря на положительную динамику основных социально-экономических показателей уровня жизни населения по стране в целом, на уровне субъектов РФ высокая дифференциация по-прежнему сохраняется.

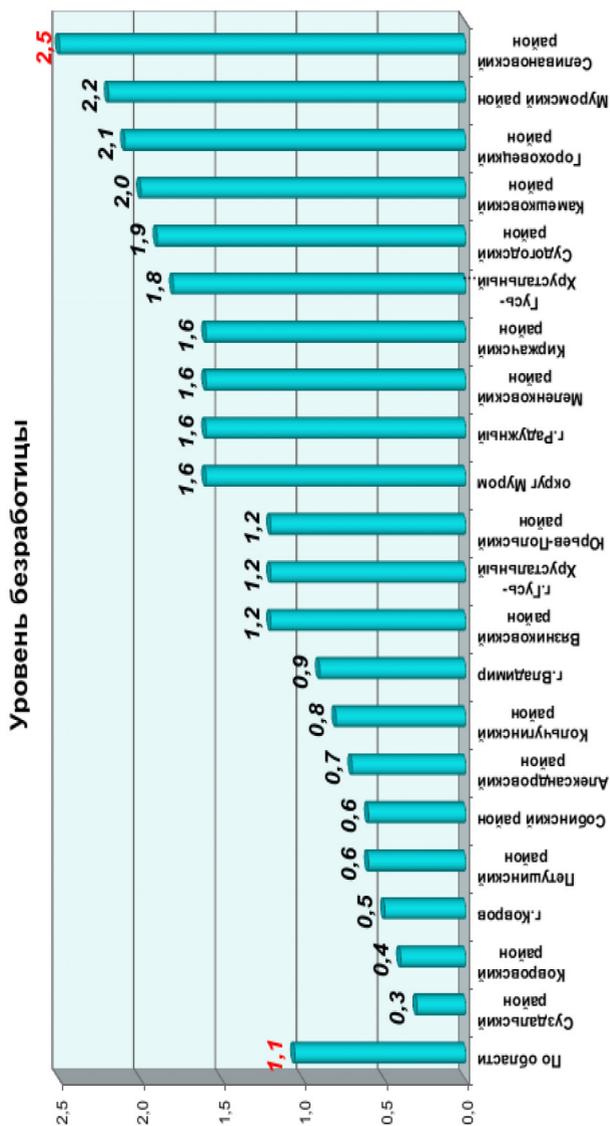

Рис. 4.3. Рынок труда Владимирской области в разрезе муниципальных образований на 01.01.2018

Источник: составлено по [Владимирская область в цифрах, 2018].

Структура потребительских расходов домашних хозяйств исследуемых нами регионов свидетельствует о наличии высокой доли расходов на продукты питания, что говорит о достаточно низком уровне жизни граждан в этих субъектах Российской Федерации. Состояние бюджетов субъектов РФ, напрямую зависящее от уровня и динамики доходов и расходов, а также их сбалансированности, в последние годы было крайне нестабильным.

Значительных институциональных изменений, касающихся источников денежных доходов, за последние годы не произошло. В отличие от развитых стран, где достаточно высока доля доходов от собственности и предпринимательской деятельности, основным источником роста доходов для большинства российских граждан является заработная плата.

Отмечается заметная внутрирегиональная дифференциация номинальной заработной платы. Несмотря на устойчивую динамику роста данного показателя, сохраняются его значительные колебания. Как показал анализ, отношение номинальной заработной платы к региональному МРОТ в крупных городах более чем в полтора раза превышает аналогичный показатель малых городов и районных центров. В то же время, в отличие от крупных городов, соотношение номинальной начисленной заработной платы и регионального МРОТ в малых городах и районных центрах является более сопоставимым с аналогичным показателем по субъекту РФ в целом. Тем не менее дифференциация показателя присутствует во всех исследуемых субъектах РФ, но ее уровень значительно снизился.

Как показывают результаты исследования, на достаточно низком уровне по сравнению со средним размером начисленной заработной платы остается средний размер пенсий, составляя немногим более 30%. Заметного роста данного соотношения за весь означенный период времени практически не произошло ни в одном из исследуемых субъектов Российской Федерации.

Таким образом, исследование показало, что за последние годы отмечается значительное падение реальных доходов населения и рост уровня бедности, что обусловлено условиями санкций, а также дефицитом финансовых и институциональных возможностей государства, что привело к значительному снижению уровня и качества жизни граждан. Наряду с этим, социально-экономические факторы, спровоцированные реформационными процессами, также привели к снижению уровня жизни, уменьшению поддержки со стороны социальных институтов.

В связи с этим повышение уровня жизни населения остается одним из важнейших условий обеспечения устойчивого развития современного российского общества. Это требует разработки и проведения действенной социальной политики, максимально учитывающей особенности социально-экономического развития страны в целом и ее регионов.

На основании результатов проведенного исследования мы можем сформулировать ряд выводов, направленных на совершенствование политики государства с целью повышения уровня жизни, как на уровне субъектов Российской Федерации, так и муниципальных образований. От успешного решения данной задачи зависит в первую очередь социальная и экономическая стабильность не только регионов, но и страны в целом.

Во-первых, необходимо направить усилия на формирование эффективных институтов развития малых городов, которые должны быть обеспечены комплексом государственных и муниципальных мероприятий, имеющих социальную направленность, включая профессиональное переобучение населения (создание в малых городах новых образовательных центров, способствующих повышению образовательного и научного потенциала населения); социальную поддержку населения с помощью введения системы различных инструментов (длительных оплачиваемых отпусков, предоставления льгот, содействия созданию новых рабочих мест и др.); поддержку развития малого бизнеса с использованием государственных средств.

Во-вторых, выдвигается задача перехода к устойчивому развитию, сокращению дифференциации регионов и в связи с этим совершенствование бюджетно-налоговой политики государства, использующего функцию перераспределения ресурсов и доходов для снижения уровня дифференциации, а также снижения бедности населения.

В-третьих, необходимо направить усилия на формирование в малых городах и районных центрах новой экономической и интеллектуальной среды с целью более активного вовлечения в решение проблемы занятости. Развитие человеческого потенциала означает расширение возможностей выбора, что оказывает непосредственное влияние на уровень и качество жизни.

В-четвертых, наиболее актуальным для повышения уровня жизни в малых городах является формирование их внутреннего экономического пространства, создание условий для привлечения инвестиций и развития малого предпринимательства, несмотря на ряд чрезвычайно сложных и острых проблем, лежащих за пределами влияния этих

муниципальных образований, имеющих значительный потенциал для самостоятельных действий.

В-пятых, необходимо усиление принципа адресности на уровне местного самоуправления при предоставлении мер социальной поддержки отдельным малообеспеченным категориям граждан с целью повышения их социальной защищенности.

Проблема повышения уровня жизни на региональном и муниципальном уровнях носит системный характер, и ее решение в первую очередь зависит от формирования действенных механизмов поддержки этих территорий на федеральном уровне, включая создание системы финансовых инструментов и развитие институтов.

ГЛАВА 5

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Инвестиционная привлекательность является важной предпосылкой социально-экономического развития территорий [Snieska, Zykiene, 2015]. Российский опыт показывает, что приход крупных инвесторов может стать драйвером роста малых городов. Например, в конце 1990-х годов небольшой город Чудово, расположенный в Новгородской области, благодаря привлечению иностранных инвесторов превратился из депрессивной территории в успешное муниципальное образование, внесившее наряду с Новгородом наибольший вклад в развитие региона в целом. В дальнейшем истории успеха малых городов, связанные с реализацией инвестиционных проектов, появились и в других регионах страны, в том числе в Калужской, Липецкой, Владимирской, Ленинградской областях.

Вопрос о том, какие факторы влияют на привлечение инвестиций в малые города, остается недостаточно изученным: малые города остаются за рамками большинства тематических рейтингов и исследований. В данной главе на основе данных, полученных в ходе эмпирических исследований в нескольких российских регионах, будут проанализированы основные факторы, влияющие на приток инвестиций в малые города России, и предложены пути повышения их инвестиционной привлекательности.

Факторы и индикаторы инвестиционной привлекательности малых городов

Эмпирические исследования, проведенные в последние два десятилетия, показывают важную роль инвестиций (прежде всего прямых иностранных инвестиций — ПИИ) в экономическом развитии городов и прилегающих к ним территорий [Jacobs, 1970]. Более того, некоторые исследования также свидетельствуют о позитивной роли ПИИ в достижении целей устойчивого развития территорий [Narula, 2012;

Kucharčíková et al., 2015]. Следует отметить, что этот эффект возможен только при условии привлечения в качестве прямых инвесторов компаний, соблюдающих в своей деятельности принципы социальной и экологической ответственности.

Необходимым условием привлечения ПИИ в тот или иной город является его инвестиционная привлекательность, включающая широкий спектр факторов — от наличия необходимых трудовых ресурсов до благоприятной институциональной среды [Pakhalov, Yandiev, 2014; Snieska, Zykiene, 2015]. В совокупности все эти факторы (рис. 5.1) влияют на выбор инвестором того или иного города в качестве локации для реализации инвестиционного проекта.

Рис. 5.1. Факторы инвестиционной привлекательности города

Источник: составлено авторами.

Различные рейтинги и исследования показывают значительную дифференциацию российских регионов по уровню инвестиционной привлекательности¹. Вместе с тем распределение инвестиций внутри регионов (между городами и иными муниципальными образованиями)

¹ Регулярные (ежегодные) рейтинги качества инвестиционного климата или уровня инвестиционной привлекательности регионов России публикуют три организации: «Агентство стратегических инициатив», «Национальное рейтинговое агентство» и «РА-ЭКС-Аналитика» (рейтинговое агентство «Эксперт РА»).

практически не изучалось, однако немногочисленные имеющиеся данные позволяют предположить существенные различия в уровне инвестиционной привлекательности городов, расположенных в границах одного региона.

Как правило, малые города уступают по уровню инвестиционной привлекательности региональным центрам и крупным населенным пунктам, расположенным в границах того же региона. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опубликованного «Аналитическим центром НРА»¹ рейтинга инвестиционной привлекательности муниципалитетов Московской области (табл. 5.1). Среди 20 лидеров рейтинга нет ни одного малого города, в то время как среди 20 аутсайдеров преобладают как раз малые города².

Таблица 5.1

Рейтинг инвестиционной привлекательности муниципальных образований (городских округов и городских поселений) Московской области

Место	Муниципальное образование	Население на 1 января 2019 г., человек	Категория города ³
1	Химки	254 748	Крупный
2	Красногорск	171 793	Большой
3	Балашиха	490 047	Крупный
4	Мытищи	222 739	Большой
5	Подольск	304 245	Крупный
6	Домодедово	133 528	Большой

¹ Независимая исследовательская компания, предоставляющая рейтинговые и аналитические услуги в области управления и финансов, входящая в группу компаний «Национального рейтингового агентства».

² Полученный результат нельзя полностью объяснить «эффектом масштаба», так как в методике рейтинга используются преимущественно статистические показатели, пересчитанные на душу населения. Использование аналогичного подхода при расчете индекса инвестиционной привлекательности регионов позволяет занимать высокие позиции, в том числе малонаселенным регионам (например, Магаданской области) со значительными инвестиционными возможностями и предпочтениями для инвесторов.

³ В представленной таблице города с численностью населения до 50 тыс. человек отнесены к малым, от 50 до 100 тыс. — к средним, от 100 до 250 тыс. — к большим, от 250 тыс. — к крупным. Такой подход является традиционным для российской практики, а с 2019 г. используется Минстроем РФ при расчете и публикации индексов и рейтингов городов [Индекс качества..., 2019].

Место	Муниципальное образование	Население на 1 января 2019 г., человек	Категория города ³
7	Ногинск	102 295	Большой
8	Видное	71 482	Средний
9	Ступино	65 990	Средний
10	Одинцово	137 528	Большой
11	Раменское	119 903	Большой
12	Люберцы	207 349	Большой
13	Коломна	141 106	Большой
14	Сергиев Посад	101 967	Большой
15	Солнечногорск	51 612	Средний
16	Дмитров	68 666	Средний
17	Королёв	224 533	Большой
18	Клин	79 387	Средний
19	Щёлково	124 831	Большой
20	Егорьевск	72 070	Средний
21	Воскресенск	93 205	Средний
22	Электросталь	157 371	Большой
23	Истра	33 535	Малый
24	Наро-Фоминск	62 970	Средний
25	Долгопрудный	112 007	Большой
26	Реутов	106 962	Большой
27	Пушкино	106 836	Большой
28	Орехово-Зуево	118 004	Большой
29	Чехов	71 932	Средний
30	Фрязино	59 987	Средний
31	Серпухов	124 897	Большой
32	Жуковский	107 922	Большой

Место	Муниципальное образование	Население на 1 января 2019 г., человек	Категория города ³
33	Ликино-Дулёво	29 036	Малый
34	Кашира	48 016	Малый
35	Дубна	75 001	Средний
36	Ивантеевка	79 346	Средний
37	Луховицы	30 290	Малый
38	Павловский Посад	63 940	Средний
39	Руза	12 973	Малый
40	Серпухов	124 897	Большой
41	Котельники	46 763	Малый
42	Волоколамск	19 162	Малый
43	Можайск	30 056	Малый
44	Шаховская	10 555	Малый
45	Лобня	89 339	Средний
46	Озёры	25 012	Малый
47	Талдом	12 652	Малый
48	Шатура	32 384	Малый
49	Красноармейск	26 463	Малый
50	Лосино-Петровский	25 317	Малый
51	Бронницы	22 643	Малый
52	Звенигород	21 931	Малый
53	Электрогорск	22 842	Малый
54	Лыткарино	58 606	Средний
55	Дзержинский	56 257	Средний
56	Серебряные Пруды	8792	Малый
57	Рошаль	20 225	Малый
58	Зарайск	22 887	Малый

Место	Муниципальное образование	Население на 1 января 2019 г., человек	Категория города ³
59	Протвино	35 807	Малый
60	Пушино	20 797	Малый
61	Черноголовка	21 059	Малый
62	Лотошино	10 334	Малый

Источник: расчеты АЦ НРА, данные из [Российский статистический ежегодник, 2019].

Несмотря на то, что представленный в табл. 5.1 рейтинг вносит определенный вклад в оценку инвестиционной привлекательности малых городов, он не отвечает на два принципиально важных вопроса.

1. С чем связана низкая инвестиционная привлекательность малых городов?
2. Как можно повысить инвестиционную привлекательность малых городов?

В условиях весьма скудной муниципальной статистики единственным способом поиска ответа на данные вопросы является сбор первичных данных на основе опросов, экспертных интервью и других методов, предполагающих получение информации от представителей делового сообщества, реализующих инвестиционные проекты и ведущих бизнес в малых городах.

В 2015–2017 гг. авторами было проведено эмпирическое исследование, нацеленное на оценку инвестиционного климата в городах, расположенных на территории девяти регионов России: Владимирской, Калининградской, Калужской, Ленинградской, Липецкой, Магаданской, Псковской и Томской областей и Республике Татарстан. В ходе исследования было проведено 12 интервью с инвесторами (1–2 интервью в каждом регионе) и 9 интервью с представителями органов власти (1 интервью в каждом регионе). Дополнительно в 2017 г. было проведено анкетирование администраций малых городов Владимирской области. Таким образом, в ходе исследования были изучены мнения всех трех ключевых групп заинтересованных сторон, вовлеченных в региональные инвестиционные процессы (рис. 5.2).

Рис. 5.2. Взаимодействие заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в региональных инвестиционных процессах

Источник: составлено авторами.

В двух следующих разделах данной главы будут проанализированы основные ограничения, с которыми сталкиваются инвесторы, ведущие бизнес в малых городах, а также инструменты, которые региональные и муниципальные власти используют для преодоления этих ограничений и улучшения инвестиционного климата.

Инвестиционный климат малых городов: точка зрения инвесторов

В ходе интервью предпринимателям и инвесторам, ведущим бизнес в малых городах, были заданы вопросы о сложностях при реализации инвестиционных проектах. Ответы, встречавшиеся в интервью, представлены в табл. 5.2.

Как видно из табл. 5.2, наибольшие сложности у инвесторов связаны с налоговой нагрузкой, проверками налоговых органов и низкой защищенностью инвестиций. Данную проблему нельзя считать специфической для малых городов. Территориальные подразделения налоговой инспекции не подчиняются муниципальным органам власти; кроме того, неоптимальное налоговое регулирование является проблемой инвестиционного климата России в целом. Не является специфической для малых городов и проблема низкой защищенности инвестиций — незащищенность прав собственности также является хронической «болезнью», российской экономики, существующей не национальном уровне [Капелюшников, 2012].

Однако две следующие по значимости проблемы — плохая работа муниципальных властей и неразвитость инфраструктуры — во многом связаны именно с особенностями малых городов, ограниченностью их ресурсов и управленческих возможностей.

Таблица 5.2

Результаты контент-анализа вопроса о сложностях в процессе реализации инвестиционных проектов и возможностях их решения (интервью с инвесторами)

Типы сложностей, с которыми инвесторы столкнулись в процессе реализации	Количество интервью с упоминанием данного типа сложностей	Доля интервью с упоминанием типа сложностей, %
Налоговая нагрузка и проверки	5	41,70
Низкая защищенность прав инвесторов	5	41,70
Плохая работа муниципальных властей	3	25,00
Административные барьеры	3	25,00
Инфраструктурные проблемы	2	16,70
Сложности с экспортными поставками	1	8,30
Отсутствие сложностей	1	8,30

Источник: составлено авторами на основе анализа интервью в пакете QDA Miner.

Институциональные несовершенства инвестиционного климата малых городов связаны не столько с пробелами в муниципальном законодательстве, сколько с недостаточными возможностями муниципальных властей содействовать реализации инвестиционных проектов [Оборин и др., 2017]. Иногда этих возможностей действительно нет, о чем говорит в интервью один из инвесторов: «Администрация города старается помочь, обещает дорогу (к предприятию) отремонтировать. Но не может. У них весь бюджет города как стоимость квартиры в Москве...». В других случаях речь идет не об отсутствии возможностей, а об отсутствии желания городских администраций содействовать реализации инвестиционных проектов. Иногда с подобными проблемами помогают справиться региональные власти, у которых есть формальные и неформальные рычаги влияния на муниципальные власти, что отмечает в интервью другой респондент: «Если все делать строго по закону — тогда будет долго и трудно. Если получится завести контакты

в областной администрации — тогда быстрее и легче. Просто объясняют чиновникам на местах, что не нужно вставлять палки в колеса».

Инфраструктурные ограничения связаны с типичной для многих малых городов (не только российских) проблемой неразвитости или изношенности инфраструктуры [Verbyla et al., 2013]. Несмотря на то, что инвестиционные площадки в малых городах и сельских территориях более доступны по цене, размещение на них производственных мощностей сопряжено с дополнительными расходами на строительство или модернизацию объектов городской инфраструктуры, а также со слабыми возможностями местных властей решить эти проблемы. Инвестор, реализующий проект в одном из регионов, рассказывает о такой ситуации: *«Мы планировали открыть цех в городе, выгодно расположенном с логистической точки зрения. Буквально пара часов езды от Москвы, рядом прекрасная магистраль. Но оказалось, что все сети в городе изношены, энергетических мощностей не хватает, резерв очистных сооружений на исходе... Власти города развели руками. Нам строить самим новые линии, тянуть трубы? Нет, на это просто не хватило денег».* Одним из распространенных решений инфраструктурных проблем инвесторов в малых городах является создание промышленных парков [Йогман, Гусаков, 2007]. Однако на практике это часто оказывается лишь формальным решением, о чем также свидетельствуют выдержки из интервью инвесторов: *«Нам предложили (для размещения производства) площадку в промышленном парке. Красивое название — “индустриальный парк”, да? А что это такое на самом деле? Это полузаброшенный завод, градообразующий в советское время. Система теплоснабжения на территории разрушена, котельная в простое пятый год. Кто с этим должен разбираться? Резиденты? Но их в таком парке просто нет и не будет!»*

Инвестиционный климат малых городов: точка зрения представителей власти

В рамках действующей в России с 2012 г. программы реформ инвестиционного климата основная ответственность за привлечение инвестиций лежит на органах исполнительной власти регионов. Именно региональные правительства и администрации несут ответственность за внедрение «Регионального инвестиционного стандарта» — пакета реформ, предполагающего внедрение лучших практик привлечения инвестиций во всех регионах страны. Результаты анализа интервью, проведенных с представителями региональных администраций, представлены в табл. 5.3.

Таблица 5.3

Результаты контент-анализа вопроса об основных сложностях, препятствующих реформам инвестиционного климата (интервью с представителями органов власти)

Типы сложностей, препятствующих реформам инвестиционного климата	Количество интервью с упоминанием данного типа сложностей	Доля интервью с упоминанием типа сложностей, %
Нехватка в «Региональном стандарте» нужных для инвесторов элементов	5	55,60
Специфические для региона барьеры	4	44,40
Проблемы на муниципальном уровне	4	44,40
Нехватка компетенций и мотивации чиновников	3	33,30
Отсутствие сложностей	3	33,30

Источник: составлено авторами на основе анализа интервью в пакете QDA Miner.

Представители региональных властей, как и инвесторы, отметили нехватку компетенций и опыта работы муниципальных властей. В частности, один из собеседников из числа представителей власти отмечает: *«На местах часто банально не хватает опыта и компетенций работы с инвесторами. Мы это хорошо понимаем, поэтому стараемся брать на областной уровень некоторые вопросы»*. Аналогичную точку зрения высказывает заместитель главы еще одного региона: *«Мы вполне успешно справились с внедрением инвестиционного стандарта, что подтверждают оценки экспертов и высокие места в рейтинге АСИ. Однако для нас сразу стало очевидным, что одним стандартом ограничиться нельзя, потому что он предусматривает меры только регионального уровня, а ведь инвесторы приходят в конкретные города и районы. Поэтому мы практически сразу начали работу по улучшению инвестиционного климата и на муниципальном уровне»*.

Есть понимание важности улучшения инвестиционного климата и у самих представителей муниципальных органов власти. В частности, проведенное нами анкетирование представителей администраций 18 малых городов Владимирской области дало следующие результаты:

- 14 из 18 администраций малых городов Владимирской области отметили низкую инвестиционную активность в числе трех наиболее острых экономических проблем;

- 15 из 18 администраций малых городов Владимирской области назвали улучшение инвестиционного климата в числе трех приоритетов развития;
- в трех городах не видят проблем с инвестиционной активностью, но хотят улучшать инвестиционный климат;
- в двух городах признают проблемы с инвестиционной активностью, но улучшать инвестиционный климат не хотят.

Повышение инвестиционной привлекательности малых городов — сложная задача, требующая координации органов власти регионального и муниципального уровней, а также поиска нестандартных решений и механизмов. Примеры таких решений можно встретить, проанализировав стратегии и инструменты, разработанные как на федеральном уровне, так и отдельными регионами. В следующем разделе главы будут представлены три подхода к повышению инвестиционной привлекательности малых городов: создание особых институциональных режимов, тиражирование лучших управленческих практик и развитие межмуниципальных кластеров.

Пути повышения инвестиционной привлекательности малых городов

Подход 1. Создание особых институциональных режимов для инвесторов. Данный подход предполагает создание на территории малых городов особых преференций для инвесторов (прежде всего налоговых льгот и упрощенного доступа к земельным участкам). В частности, данный подход реализуется в рамках механизма создания в малых городах (прежде всего — малых моногородах) «территорий опережающего социально-экономического развития» (ТОСЭР) [ТОСЭР, 2019]. Несмотря на то, что концепция ТОСЭР выглядит достаточно привлекательной и действительно предполагает создание в городах конкурентоспособных и комфортных условий для инвесторов на практике реализация данной инициативы сталкивается с рядом серьезных барьеров. Например, инвесторы, работающие в ТОСЭР в городах Челябинской области, испытывают значительные сложности с подключением к инфраструктурным сетям и отсутствием подходящих производственных площадок. В результате сам по себе статус ТОСЭР хотя и является преимуществом, но не способен решить все хронические проблемы инвестиционного климата малых городов.

Подход 2. Тиражирование лучших управленческих практик в сфере инвестиционного климата. Руководители ряда регионов России

предпринимают меры по более активному вовлечению муниципалитетов. В частности, в Ленинградской области сразу же после завершения процесса внедрения «Регионального инвестиционного стандарта» стартовал проект по внедрению «Муниципального инвестиционного стандарта». С 2015 г. «муниципальные инвестиционные стандарты» начали внедряться сразу в нескольких российских регионах, при этом конкретное содержание таких документов не регламентировалось на федеральном уровне и в значительной степени варьировалось между регионами. Однако все компоненты стандартов деятельности муниципальных властей по улучшению инвестиционного климата можно разделить на две категории: информационные (нацеленные на повышение прозрачности муниципальных властей) и институциональные (нацеленные на внедрение новых правил взаимодействия муниципальных властей с инвесторами). Обе эти категории нацелены на решение актуальных проблем инвестиционного климата малых городов: как показывают исследования, низкая информационная открытость является такой же значимой проблемой для малых городов [Feeneey, Brown, 2017], как и недостаточно развитые институты. Сложности с внедрением «муниципальных инвестиционных стандартов» связаны прежде всего с тем, что в них отсутствуют положительные стимулы для более успешных городов и отрицательные стимулы для менее успешных — в отличие от стандарта регионального, где система «кнутов и пряников» присутствует.

Подход 3. Развитие межмуниципальных кластеров и инвестиционных площадок. Как было показано выше, зачастую малые города не обладают необходимыми ресурсами (финансовыми, управленческими, инфраструктурными и другими) для привлечения инвесторов. В такой ситуации эффективным решением могут стать межмуниципальные проекты, повышающие инвестиционную привлекательность сразу нескольких малых городов. Такими проектами могут стать кластеры, индустриальные площадки и промышленные зоны. Примером создания нового межмуниципального индустриального района с высокой инвестиционной привлекательностью может служить индустриальный парк «Ворсино» в Калужской области (рис. 5.3). Данный парк, расположенный вблизи сразу трех малых городов (Боровска, Ермолина и Балабанова), оказался оптимальным сочетанием преимуществ, где, с одной стороны, инвесторами были доступны подготовленные инвестиционные площадки, не «завязанные» на инфраструктуру малых городов, а с другой стороны — доступны находящиеся в этих городах ресурсы (прежде всего кадровые).

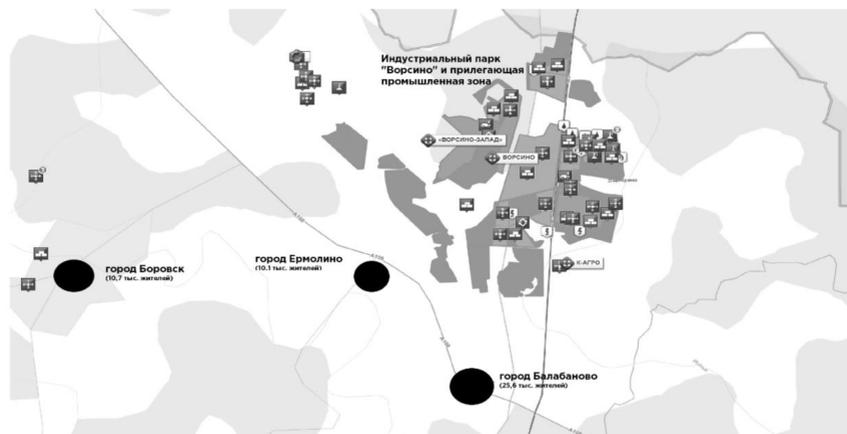

Рис. 5.3. Расположение индустриального парка «Ворсино» и прилегающей промышленной зоны в Боровском районе Калужской области

Источник: [Инвестиционный портал Калужской области, 2018; Росстат. Калужская область в цифрах, 2018].

Перечисленные выше три подхода к повышению инвестиционной привлекательности малых городов не являются альтернативными: наоборот, максимального эффекта можно достичь за счет их сочетания. Однако для этого потребуются готовность к сотрудничеству органов управления разных уровней и разных территорий, а еще — необходимые стимулы, поощряющие межмуниципальную кооперацию и обмен лучшими практиками.

ГЛАВА 6

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Сельские территории играют важную роль в масштабах национальной экономики, в том числе, в экономике России. В сельской местности сосредоточен значительный ресурсный потенциал, рациональное использование которого будет способствовать экономическому росту. Начинает изменяться отраслевая структура экономики в сельской местности, в ней начинают преобладать новые виды деятельности, что оказывает определенное влияние на изменение деятельности основных производителей сельскохозяйственной продукции. Появилась даже слабая тенденция возвращения людей из городов в сельскую местность.

Однако в целом социально-экономическая ситуация в сельской местности ухудшается: сокращается численность сельского населения, растёт уровень безработицы в сельской местности, сокращаются реальные доходы сельского населения. Согласно данным исследований, проведенных учеными НИУ ВШЭ и Института географии, в России с 2002 г. вымерли 36 тыс. деревень [Богданова, 2020].

Одной из основных проблем сельских территорий, как в России, так и за рубежом является неравномерность их социально-экономического развития, которая выражается в том, что одни регионы демонстрируют устойчивый рост, в то время как другие находятся в состоянии рецессии. В связи с этим на государственном уровне был разработан ряд программ, направленных на регулирование политики сельского развития, а также содержащих меры, направленные на улучшение устойчивости в аграрном секторе и в экономике сельских территорий.

Так, в 2010 г. в РФ была утверждена «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года», в которой подчеркивается, что создание условий для устойчивого развития является одной из наиболее важных стратегических целей на государственном уровне, что в конечном итоге позволит обеспечить

продовольственную безопасность и конкурентоспособность российской сельскохозяйственной продукции, сформировать эффективно функционирующий рынок сельскохозяйственного сырья и продовольствия, повысить уровень и качество жизни в сельской местности, а также сократить существующий разрыв между городом и селом [Концепция устойчивого развития сельских территорий..., 2010]. При этом под *устойчивым развитием сельских территорий* понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель [Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», 2018].

Особую важность роли сельского хозяйства в устойчивом развитии придает то, что оно может стимулировать экономический рост, способствовать сокращению бедности, а также обеспечивать экологическую устойчивость. Подтверждением этому служит теория многофункционального сельского хозяйства, в основе которой лежит расширение набора функций, которые выполняет данная отрасль. Отличительной особенностью вышеобозначенной теории является то, что сельскохозяйственная деятельность помимо своих традиционных функций — производства продовольствия, а также ресурсного обеспечения других отраслей, специализирующихся на пищевой и непищевой промышленной переработке сельскохозяйственного сырья, выполняет ряд следующих социально-значимых функций: экономическую — осуществление хозяйственной деятельности в процессе производства, обмена, потребления сельскохозяйственной продукции; трудо-ресурсную, которая выражается в том, что сельское хозяйство обеспечивает занятость и доходы сельского населения; экологическую — способствует сохранению исторически сложившегося ландшафта и традиционной культуры сельских территорий [OECD, 2001]. Таким образом, многофункциональное сельское хозяйство предполагает диверсификацию экономики в сельской местности.

В связи с этим можно утверждать, что диверсификация экономики в сельской местности приобретает особую актуальность, становится одним из наиболее значимых факторов, способствующих повышению устойчивости социально-экономического развития в сельской местности. Между диверсификацией экономики и устойчивым экономическим ростом существует прямая взаимосвязь, что характерно как для развитых стран, так и для стран с переходной экономикой [Abouchakra et al., 2008].

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года также подчеркивается, что диверсификация сельской экономики является одним из основных направлений повышения устойчивости развития сельских территорий [Концепция устойчивого развития сельских территорий..., 2010]. Диверсификация способна снизить уязвимость к влиянию экономических кризисов, так как в ее основе лежит расширение разнообразия видов деятельности и развитие новых производств, которые чаще всего не связаны друг с другом. Рассмотрим более подробно концептуальные основы диверсификации в экономике и обозначим ее особенности в аграрном секторе, а также в экономике сельских территорий.

Особенности диверсификации в аграрном секторе и в экономике сельских территорий

Понятие диверсификации широко применяется в экономической литературе. В переводе с позднелатинского термин “diversification” означает изменение, которое отражает разнообразие явления¹.

В экономической литературе проблема диверсификации в экономике нашла отражение в работах многих как зарубежных, так и отечественных исследователей, однако все авторы предлагают рассматривать диверсификацию с разных позиций, что обуславливает многообразие ее трактовок в разных работах. Рассмотрим более подробно определение диверсификации применительно к экономике сельских территорий и к аграрному сектору экономики.

В ряде работ отечественных ученых (Н.В. Зыковой, О.В. Иконниковой, О.Д. Кононова, Л.С. Корбут, Б.М. Лямина) можно встретить устойчивый термин «диверсификация сельской экономики» (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Походы к определению диверсификации сельской экономики

Определение диверсификации сельской экономики	Источник
«...развитие несельскохозяйственных видов деятельности, услуг и на этой основе расширение занятости и доходов сельского населения»	[Корбут, 2007, с. 467]
«...выход за пределы традиционных сельскохозяйственных видов деятельности»	[Кононов и др., 2011, с. 151]

¹ От от лат. diversus (разный), facio (делаю).

Определение диверсификации сельской экономики	Источник
«...это переход ресурсов (человеческих, земельных, финансовых) в новые виды сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности, где их использование наиболее эффективно и способствует осуществлению расширенного воспроизводства»	[Лямин, 2017]

Особенность позиций приведенных выше авторов состоит в том, что они обращают особое внимание на возможность расширения разнообразия отдельного вида ресурсов, в данном случае — трудовых ресурсов и определяют диверсификацию через изменение характера трудовой деятельности в сельской местности, которая преимущественно становится несельскохозяйственной, т.е. не связанной с производством сельскохозяйственного сырья и продукции.

Другими исследователями диверсификация рассматривается с иной позиции — применительно к основной отрасли экономики сельских территорий — сельскому хозяйству. Например, в работе Р. Лона диверсификация обозначает переход от производства низкодоходных сельскохозяйственных культур к высокоценным рыночно ориентированным культурам [Lone, 2013], т.е. переход к производству более дорогостоящих продуктов, которые приносят больший доход.

То есть в данном случае под диверсификацией понимается расширение разнообразия отдельных видов производственной деятельности, которые являются более экономически эффективными, в отраслях сельского хозяйства — растениеводстве и животноводстве.

Наконец, следует отметить еще одну позицию к определению диверсификации, согласно которой она рассматривается как расширение направлений деятельности отдельных хозяйственных единиц — фермерских хозяйств, по природе своей данная деятельность является несельскохозяйственной, а по своему характеру — предпринимательской [Briefing European Parliamentary..., 2016]. В некоторых работах подчеркивается, что диверсификация будет способствовать увеличению источников доходов и добавленной стоимости фермы [Sutherland et al., 2016].

В данном случае диверсификация выступает в качестве инструмента повышения экономической эффективности деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей-домохозяйств.

Проведенный анализ также позволил нам выделить ряд особенностей диверсификации в экономике сельских территорий и в отраслях сельского хозяйства: во-первых, изменение характера производственной деятельности в сельской местности — преобладание

несельскохозяйственных видов экономической деятельности в структуре производства; во-вторых, развитие новых видов деятельности внутри сельскохозяйственных отраслей — растениеводства и животноводства, причем таких, которые связаны с производством более высококорентабельных сельскохозяйственных культур; в-третьих, расширение возможных взаимодействий между сельским хозяйством и отраслями, специализирующимися на переработке сельскохозяйственного сырья.

Под диверсификацией мы будем понимать процесс, направленный на расширение перечня видов сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности в различных формах хозяйствования и способствующий увеличению их доли в общем объеме производства. Результатами процесса диверсификации являются структурная трансформация экономики сельских территорий и сближение их с экономикой городов, в особенности малых.

Отраслевой состав экономики в сельской местности и в малых городах

Экономика сельских территорий, как и экономика малых городов, является составной частью региональной, а также национальной экономики. Она представляет собой совокупность отраслей и видов экономической деятельности, связанных в первую очередь с использованием сельскохозяйственных ресурсов.

Базовыми отраслями в структуре сельской экономики являются растениеводство и животноводство. Особая значимость этих отраслей состоит в том, что в них производится сельскохозяйственное сырье, которое в дальнейшем используется другими отраслями для производства продовольствия и различных видов промышленной продукции.

В настоящее время структура отраслей экономики в сельской местности расширяется, ее можно охарактеризовать как многоотраслевую. Наряду с сельским хозяйством она включает несельскохозяйственные виды экономической деятельности, специализирующиеся на переработке сельскохозяйственного сырья, его хранении, транспортировке. Активно развиваются виды деятельности, связанные с оказанием различных услуг в сельской местности, в первую очередь туристических.

В ряде зарубежных работ для обозначения разнообразия видов несельскохозяйственной деятельности в сельской местности введен специальный термин «сельская несельскохозяйственная экономика» (*rural nonfarm economy — RNFE*) [Haggblade et al., 2007]. Следует отметить, что данные виды деятельности являются мелкомасштабными и осуществляются преимущественно в малых формах хозяйствования.

К несельскохозяйственным видам экономической деятельности в сельской местности относятся: пищевая переработка, обрабатывающие производства, строительство, торговля, развитие различных видов услуг. Разнообразие видов экономической деятельности в сельской местности представлено на рис. 6.1.

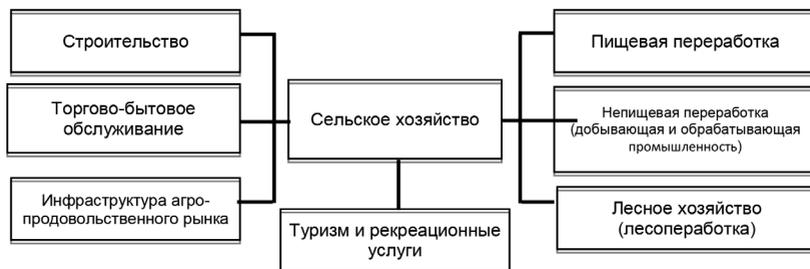

Рис. 6.1. Состав отраслей экономики в сельской местности и в малых городах

Следует отметить, что в сельской местности сельское хозяйство играет большую роль и является более развитым, чем в малых городах (в данном случае диверсификацию можно осуществлять внутри одной отрасли). Тем не менее видовой состав отраслей экономики в сельской местности максимально приближен к экономике малых городов.

Для малых городов более значимыми будут отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья и производством различных благ (продовольственных товаров или услуг), в силу того, что численность населения в малых городах выше, чем в сельской местности. Кроме того, многие малые города являются центрами притяжения туристических потоков, что также влияет на специфику производства в них.

Система элементов процесса диверсификации экономики

Для разработки управленческих решений по выстраиванию возможных взаимодействий между сельскими территориями и малыми городами нами предлагается ввести систему элементов диверсификации. Данная система включает уровни, виды, стратегии и направления.

В качестве первого из обозначенных выше элементов диверсификации рассмотрим уровни, на которых возможно ее проведение. В одном из исследований Всемирного банка подчеркивается, что вопросы диверсификации можно рассматривать на следующих уровнях: ферм (сельских домохозяйств), региональном, секторальном (отраслевом) и межотраслевом [World Bank, 1992]. С опорой на обозначенную выше

классификацию, мы предлагаем выделять такие уровни, как межотраслевой, внутриотраслевой и уровень отдельных субъектов хозяйствования, т.е. предприятий и домохозяйств, которые территориально могут быть расположены как в сельской местности, так и в малых городах.

Следующим элементом диверсификации являются ее виды. В зависимости от специфики отраслей, между которыми возможно расширение взаимодействий, могут быть выделены два возможных вида диверсификации — вертикальная и горизонтальная.

При этом вертикальная диверсификация предполагает развитие дополнительных отраслей или стадий переработки наряду с основным производством. Вертикальная диверсификация предполагает углубление сопряженности между отраслями, производящими сельскохозяйственное сырье, и отраслями, специализирующимися на его дальнейшей переработке, хранении и реализации. В качестве ее примера можно рассмотреть производство зерна и развитие отраслей птицеводства и свиноводства в масштабах деятельности одного предприятия. При этом территориально часть производства может располагаться в сельской местности, а часть производства — в малом городе.

Горизонтальная диверсификация основана на расширении номенклатуры продукции за счет создания нового продукта, однако в пределах основной специализации. Примером горизонтальной диверсификации может являться дифференциация сельскохозяйственной продукции в зависимости от предпочтений потребителей, например, производство козьего или овечьего молока и продукции из них, либо производство продукции с различными вкусовыми свойствами и качественными характеристиками. Горизонтальная диверсификация также может проявляться в расширении каналов или рынков сбыта продукции.

Важными элементами процесса диверсификации являются ее стратегии и направления. В зависимости от характера связей между отраслями экономики могут быть выделены две основные стратегии диверсификации: связанного типа и несвязанного типа. Так, стратегия диверсификации связанного типа имеет место в том случае, если наряду с продукцией растениеводства (в масштабах предприятия или домохозяйства) производится продукция животноводства: в силу того, что обе отрасли относятся к сельскому хозяйству, между ними существует непосредственная взаимосвязь.

Особенностью стратегии несвязанного типа является то, что она предполагает проникновение в другие отрасли и сферы, являющиеся более выгодными с финансовой точки зрения, при этом она не требует координации с основными отраслями. В качестве примера в данном случае можно привести развитие наряду с традиционными отраслями

сельского хозяйства — растениеводством и животноводством сферы услуг в сельской местности (особенно туристических — например, агротуризма).

Наконец, последним элементом процесса диверсификации, который мы предлагаем выделять, являются ее направления. Можно выделить две группы направлений диверсификации — развитие сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности. Развитие сельскохозяйственных видов деятельности связано с расширением разнообразия видов продукции в отраслях растениеводства и животноводства — при этом как традиционных ее видов, так и новых видов продукции, пользующихся большим спросом и приносящих больший доход.

Распространение несельскохозяйственной деятельности связано, в первую очередь, с развитием переработки сельскохозяйственной продукции; лесопереработки и лесозаготовки; обрабатывающих производств; различных видов услуг в дополнение к производству сельскохозяйственной продукции; развитием различных видов туризма, в том числе, аграрного туризма, гастрономического, экологического и др.

Таким образом, нами были обозначены основные элементы процесса диверсификации — уровни, виды, стратегии и направления. Мы полагаем, что выделенные элементы следует рассматривать комплексно, так как все они имеют отношение к процессу диверсификации.

Состояние диверсификации видов деятельности сельскохозяйственных производителей

Оценку состояния диверсификации видов экономической деятельности можно провести, используя данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи (ВСХП). На основании сопоставления данных ВСХП-2006 и ВСХП-2016 нами была проанализирована динамика численности основных сельскохозяйственных производителей, специализирующихся как на сельскохозяйственных, так и на несельскохозяйственных видах деятельности.

Следует отметить, что диверсификация проходит противоречиво, что, с одной стороны, выражается в расширении видов деятельности в сельском хозяйстве, в развитии новых видов несельскохозяйственной деятельности, однако, с другой стороны, наблюдается сокращение общей численности основных производителей сельскохозяйственной продукции.

Так, в период с 2006 по 2016 г. в разрезе по категориям сельскохозяйственных производителей более всего снизилась численность сельскохозяйственных организаций (далее СХО), сокращение составило 39,1%, или 23,1 тыс. единиц. При этом следует отметить, что существенно возросла численность малых сельскохозяйственных предприятий и, особенно, микропредприятий. По данным ВСХП-2016, последние составляют практически половину (47%) от общей численности СХО.

Рассмотрим динамику численности малых форм хозяйствования, к которым относятся малые СХО, крестьянские (фермерские) хозяйства (далее — К(Ф)Х), индивидуальные предприниматели (далее — ИП) и частично личные подсобные хозяйства населения (далее — ЛПХ). Численность представителей малого агробизнеса изменилась следующим образом: количество К(Ф)Х сократилось с 253,1 тыс. до 136,7 тыс. единиц (46%), количество остальных категорий хозяйств, напротив, увеличилось. Так, численность ИП выросла с 32 тыс. до 38,1 тыс. единиц (на 20%), количество самой многочисленной части сельскохозяйственных производителей — ЛПХ и других индивидуальных хозяйств граждан увеличилось на 688,3 тыс. единиц (на 3%).

Следует также отметить, что, несмотря на увеличение численности ЛПХ и некоммерческих хозяйств граждан, доля обозначенных выше производителей, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность, в их общей численности сокращается. Это может свидетельствовать о том, что в ЛПХ происходит снижение интереса к ведению личного приусадебного хозяйства, которые все чаще превращаются в места рекреации.

Несмотря на диверсификацию видов экономической деятельности, сельскохозяйственная деятельность до сих пор остается наиболее значимой для сельской экономики.

Количество сельскохозяйственных производителей, осуществляющих несельскохозяйственные виды экономической деятельности, сокращается. За 2006–2016 гг. в данной сфере более существенно снизилась численность К(Ф)Х — с 16,6 тыс. до 1,9 тыс. единиц (на 88,5%), численность СХО сократилась с 9,6 тыс. до 1,6 тыс. единиц (на 83,3%), ИП — с 3,5 тыс. до 885 единиц (на 74,7%).

К факторам, сдерживающим развитие несельскохозяйственных видов экономической деятельности, можно отнести недостаточный уровень развития материально-технической базы, нехватку производственных мощностей, слабый доступ к новым технологиям производства, недостаточный уровень развития инфраструктуры.

Определение точек роста и целевых ориентиров для выстраивания взаимодействий между малыми городами и сельскими территориями с целью повышения устойчивости

Согласно программам сельского развития стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) диверсификация сельской экономики способствует увеличению возможных взаимодействий между экономикой сельских территорий и городов, при этом она должна быть основана на взаимодополняемости их активов [OECD, 2013, 2015].

Для выявления и усиления взаимодействий между малыми городами и сельскими территориями и определения возможных направлений диверсификации их экономик необходимо осуществлять поиск возможных точек роста, а также определить стратегические ориентиры для повышения устойчивости.

В качестве возможных точек роста могут быть рассмотрены:

- ресурсный потенциал малого города;
- внедрение инновационных технологий;
- разработка комплексных государственных программ, направленных на создание совместных стратегий развития малых городов и сельских территорий;
- поиск новых потребительских ниш и развитие нишевых видов продукции.

Одной из основных точек роста является *ресурсный потенциал малых городов*.

Ресурсный потенциал каждого малого города имеет свои конкурентные преимущества, среди которых можно отметить наличие объектов культурно-исторического наследия и благоприятную экологическую обстановку; выгодное местоположение, например, близость некоторых малых городов к столице или близость к федеральной трассе, что может способствовать как привлечению дополнительных туристических потоков, так и расширению возможностей для взаимодействия с другими муниципальными образованиями. В ряде малых городов к конкурентным преимуществам можно отнести диверсифицированную экономику (структуру производства) и наличие предприятий различной специализации, особенно занимающихся переработкой (табл. 6.2).

В зависимости от особенностей ресурсного потенциала могут быть выделены такие типы малых городов, как: моногород с промышленной специализацией, малые города с диверсифицированным производством, культурно-исторические центры, рекреационные центры с благоприятными экологическими условиями [Шерешева и др., 2017b].

Таблица 6.2

Типология малых городов Пермского края, Владимирской и Тульской областей в зависимости от особенностей ресурсного потенциала

Субъекты РФ	Малые города с диверсифицированным производством	Малые города — центры туризма (культурно-исторические и рекреационные центры)	Малые города с моноотраслевой экономикой
Владимирская область	Юрьев-Польский, Киржач, Судогда, Покров, (Кольчугино)	Суздаль, Юрьев-Польский, Гороховец, Покров	Курлово, Костерово, Карабаново, Гороховец, Вязники, Камешково
Тульская область	Богородицк, Кимовск, Венёв, Киреевск, Суворов, Ясногорск	Белев, Венев, Плавск	Алексин, Ефремов, Болохово, Плавск
Пермский край	Чермоз, Усолье, Оханск	Чердынь, Чермоз, Усть-Качка, Добрянка, Краснокамск	Горнозаводск, Нытва, Губаха, Чусовой, Чердынь, Кизел

Так, при условии, что экономика малого города является диверсифицированной (т.е. многоотраслевой) и в нем расположены предприятия различной отраслевой специализации, основой для углубления взаимодействия между малым городом и сельскими территориями может выступать создание совместных производств. В данном случае возможно развитие направлений (диверсификации), предполагающих расширение как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных видов экономической деятельности. При этом возможно внедрение вертикальной диверсификации, основанной на расширении межотраслевых связей, а также горизонтальной диверсификации, предполагающей увеличение разнообразия ассортимента производимой продукции.

Отметим, что если в малом городе осуществляются переработка и реализация продукции, то в сельской местности целесообразно осуществлять производство различных видов сельскохозяйственного сырья в отраслях растениеводства и животноводства, которое в дальнейшем используется в других отраслях промышленности. Кроме того, на сельских территориях могут быть расположены объекты, относящиеся к инфраструктуре агропромышленного комплекса (АПК), например, зернохранилища.

Особое внимание также следует уделять развитию малых форм хозяйствования: крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных

предпринимателей, так как именно они являются основными товаро-производителями продукции сельского хозяйства.

В том случае, если малый город представляет собой местный центр туризма, обладает богатым культурно-историческим наследием и имеет благоприятное местоположение (расположен вблизи крупных автомагистралей), в качестве основы для его взаимодействия с сельскими территориями можно рассматривать создание совместной индустрии туризма, что также будет способствовать объединению городских и сельских сообществ.

Данный случай предполагает реализацию стратегии диверсификации несвязанного типа (т.е. развитие не связанных между собой отраслей экономики) и, соответственно, развитие направления несельскохозяйственных видов экономической деятельности, в первую очередь, сферы услуг в сельской местности.

В связи с тем, что в большинстве малых городов находятся объекты культурно-исторического наследия, развиты местные народные промыслы и ремесла, следует расширять набор возможных туристических направлений. Возможными видами могут стать развитие аграрного, экологического, гастрономического, паломнического, событийного и других видов туризма [Шерешева и др., 2017b]. При этом важно определить особенности и предпочтения целевых аудиторий. Например, среди жителей мегаполисов и крупных городов особой популярностью пользуются аграрный, гастрономический, экологический туризм, среди молодежи — событийный, среди туристов старших возрастных категорий — паломнический и санаторно-курортный.

Производство и реализация сувенирной продукции, организация совместных ярмарок и фестивалей, как в сельской местности, так и в малых городах, создаст дополнительные возможности для занятости сельского населения и позволит увеличить их доходы.

Следует отметить, что в наименее благоприятном социально-экономическом положении чаще всего находятся малые города, экономика которых имеет моноотраслевую направленность, основная часть производства сконцентрирована на единственном градообразующем предприятии, на котором также занята большая часть местного населения. Такие малые города могут быть охарактеризованы как депрессивные. В данном случае необходимо осуществлять преобразование экономики города в нескольких направлениях: развитие перерабатывающих производств, туристических услуг, а также создание благоприятных условий для развития малых форм хозяйствования (мелкого бизнеса).

Помимо характеристики конкурентных преимуществ ресурсного потенциала малых городов и определения возможных направлений для

совместного взаимодействия интересным также представляется изучение опыта по разработке и реализации проектов сельского развития в Пермском крае, Владимирской и Тульской областях. Проекты, направленные на диверсификацию экономики в сельской местности, сгруппированные по различным направлениям, представлены в табл. 6.3.

Таблица 6.3

**Проекты, направленные на диверсификацию экономики
в сельской местности**

Название проекта	Инновационное сельское хозяйство (сельскохозяйственное производство, фермерство)	Брендинг сельских территорий и сельский туризм	Сельские усадьбы
Тульская область	Ферма «Лесные сады», экопарк «Ясно Поле»	«Сила села»	Музей-заповедник И.С. Тургенева «Бежин луг», музей-усадьба А.Т. Болотова «Дворяниново», Усадьба Богучарова, Усадьба Малое Пирогово, Усадьба Якшино, Усадьба Поленово
Владимирская область	«Царская дичь» — утиное мясо, производство мяса утки	Агрокультурный туристический комплекс «Богдарня», Агрохутор «Казачий Курень»	
Пермский край	Строительство овощехранилища на базе сельскохозяйственного потребительского сбытового кооператива (СПСПК) «Колос»	Проекты по развитию туристического потенциала Оханского района («Оханна. Туризм и отдых с удовольствием!», Открытый фестиваль Бур Сур (Кудымкарский район))	

Источник: [Развитие села.рф, 2017].

Так, следует заметить, что в Тульской области широкое распространение получила практика развития сельского туризма и сельских усадеб. В качестве примеров можно привести: историко-культурный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Бежин луг», музей-усадьбу

А.Т. Болотова «Дворяниново», усадьбы «Богучарово», «Малое Пирогово», «Якшино», «Поленово» и др. К проектам по инновационному сельскому хозяйству относится ферма «Лесные сады», производство в которой основано на принципах органического земледелия и агролесоводства, все это предназначено для производства органических продуктов питания.

Во Владимирской области наиболее диверсифицированной, на наш взгляд, является деятельность агрокультурного туристического комплекса «Богдарня», которая включает развитие как сельскохозяйственных видов деятельности — производство фермерских продуктов, так и несельскохозяйственных — агротуризм и оказание иных видов разнообразных услуг. Интерес представляет проект под названием «Царская дичь», особенностью которого является углубление технологий глубокой переработки продукции и создание новых продуктовых ниш на рынке мяса.

Для Пермского края в большей степени характерно развитие крестьянских (фермерских) хозяйств различной специализации — растениеводства и животноводства, а также организация производства в форме сельскохозяйственных потребительских сбытовых кооперативов. В регионе также реализуется ряд проектов по развитию туризма в сельской местности и брендинга сельских территорий в районе малых городов Оханск и Кудымкар.

Продолжим определение и характеристику возможных точек роста. В качестве следующей значимой точки роста мы предлагаем рассматривать активное внедрение *инновационных технологий* (инноваций).

В настоящее время инновации используются практически во всех отраслях экономики и видах производственной деятельности, не являются исключением и отрасли аграрного сектора. Напротив, все большее распространение получает развитие «цифрового сельского хозяйства», «точного земледелия», основанного на автоматизации технологических процессов в отраслях растениеводства и животноводства.

Инновационные технологии будут способствовать диверсификации как в отраслях сельского хозяйства, так и в смежных отраслях, имеющих отношение к аграрному сектору — в первую очередь в перерабатывающих, создавая дополнительные возможности для увеличения глубины переработки продукции, следствием чего является расширение ее ассортимента. Так, отходы от переработки сырья могут быть впоследствии не утилизированы, а использованы для производства вторичной продукции (новых видов сырья), биотоплива, технических веществ, удобрений, растительных волокон, строительных материалов.

На наш взгляд, использование инновационных технологий в производстве, расположенном в сельской местности, а также в малых городах,

позволит сократить издержки производства, увеличить производительность в отраслях.

Следует отметить, что инновации — основа диверсификации деятельности, связанной с производством альтернативных источников энергии в сельской местности, например, ветровой, водной, солнечной энергии [OECD, 2015].

Кроме того, инновации могут быть использованы для улучшения качества оказываемых услуг между жителями сел и городов. Так, развитие системы навигации (геолокации) позволит ускорить процесс взаимодействия поставщиков сельскохозяйственной продукции с ее потребителями. Новые технологии также могут быть использованы для увеличения объемов продажи сельскохозяйственной продукции, например, посредством создания и активного использования интернет-сайтов для размещения заказов и взаимодействия с потребителями, проживающими как в малых, так и в крупных городах и мегаполисах.

Важную роль при углублении взаимодействий между малыми городами и сельскими территориями играет государство, которое проводит политику регулирования, а также выступает основным источником финансирования различных проектов и мероприятий. Поэтому мы предлагаем в качестве еще одной возможной точки роста рассматривать разработку комплексных государственных программ, направленных на создание совместных стратегий развития малых городов и сельских территорий, а также предполагающих привлечение дополнительных инвестиций и расширение возможных источников финансирования.

Интерес в данном случае представляет опыт стран ЕС, в которых наряду с государством существуют различные структурные подразделения, отвечающие за финансовое обеспечение политики сельского развития, например, финансово-инвестиционные компании или специально созданные фонды: Европейский сельскохозяйственный фонд гарантии, который осуществляет выплаты фермерам и поддержку экспорта, государственные закупки излишков продукции, а также Европейский сельскохозяйственный фонд для развития сельского хозяйства (EAFRD).

В связи с опорой на международный опыт экономического развития следует отметить, что в России также необходимо создавать более разветвленную систему источников финансирования, внедрять практику создания специальных фондов сельского развития и фондов развития малых городов на районном (муниципальном) уровне, а также распространять практику привлечения венчурного инвестирования.

Наконец, к точкам роста можно отнести *поиск новых потребительских ниш* и развитие в малых городах и сельской местности производств нишевых видов продукции.

В отраслях аграрного сектора — растениеводстве и животноводстве, которые, как ранее упоминалось, являются основными в экономике сельских территорий, специфика диверсификации определяется фактором спроса на определенные виды сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Спрос на продукцию, производимую в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях, является неэластичным, так как данные виды продукции чаще всего представляют собой товары первой необходимости, их потребление практически не изменяется с ростом цен или с увеличением реальных доходов населения. В периоды экономических кризисов, когда социально-экономическая ситуация обостряется, снижается потребление отдельных категорий продовольственных товаров, являющихся более дорогостоящими, что обусловлено сокращением экономической доступности продовольствия. Так, во время рецессий снижается потребление мясо-молочной продукции, так как она является более дорогостоящей, в то время как увеличивается потребление хлеба, круп, картофеля, овощей. Поэтому прежде чем диверсифицировать производство, необходимо выявить предпочтения определенных категорий потребителей, в противном случае можно столкнуться с проблемой перепроизводства, что негативно скажется на товаропроизводителях.

При выборе направления диверсификации производства следует занимать «свободные» потребительские ниши и ориентироваться на определенные категории потребителей, учитывая уровень их доходов. В связи с этим наиболее перспективными направлениями представляются развитие тех видов продукции, которые пользуются устойчивым спросом как на внутреннем, так и на мировом рынке. Так, в последнее время все более популярной становится продукция органического сельского хозяйства, фермерская продукция, особенно ее нетрадиционные виды, например, козье или овечье молоко, нетрадиционные виды мяса и птицы.

Основными потребителями нишевых видов продукции являются жители мегаполисов и крупных городов. А ее производство зачастую территориально расположено в сельской местности или в малых городах в связи с тем, что в них более благоприятная экологическая обстановка.

Перспективными направлениями в сельском хозяйстве, развитие которых также можно осуществлять не только в сельской местности, но и в малых городах, являются тепличное овощеводство, производство плодово-ягодной продукции, семеноводство, производство лекарственных растений и сырья для изготовления растительных волокон.

Кроме того, следует учитывать ситуацию на мировом рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и развивать

производство новых видов культур (и продукции), пользующихся высоким спросом на мировом рынке и являющихся более рентабельными: кукурузы, дурума (пшеница твердых сортов), чечевицы. К нишевой культуре на мировом рынке можно также отнести хлопчатник.

Помимо поиска обозначенных выше точек роста, необходимо также разрабатывать стратегические ориентиры для повышения устойчивости в малых городах и сельских территориях.

В качестве одного из основных стратегических ориентиров мы предлагаем выделить расширение возможных видов экономических связей между малыми городами и сельскими территориями, что выражается в создании:

- новых совместных производств или в выстраивании эффективных взаимодействий между мелкими товаропроизводителями сельскохозяйственной продукции, проживающими как в сельской местности, так и в малых городах, а также между ее переработчиками и торговыми сетями;
- демографических связей, последние выражаются в миграции сельского населения в малые города с целью поиска рабочих мест;
- экологических, предполагающих организацию совместных предприятий по сохранению окружающей среды;
- институциональных связей, которые выражаются в развитии партнерских отношений государственного и частного сектора, представленного крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, индивидуальными предпринимателями, занимающимися производством сельскохозяйственной продукции, личными подсобными хозяйствами населения.

Важным ориентиром является создание эффективных цепочек создания стоимости в сельскохозяйственных отраслях. Как известно, как в странах с переходной экономикой, так и в урбанизированных странах в общей цепочке создания стоимости на долю производств и услуг, связанных с сельским хозяйством, приходится более 30% ВВП. Кроме того, к стратегическим ориентирам также следует отнести повышение конкурентоспособности товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции, чье производство является мелкомасштабным. Территориально их деятельность может быть расположена как в сельской местности, так и в малых городах. Необходимо усиливать поддержку малых форм хозяйствования — индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Для повышения устойчивости развития и улучшения

социально-экономической ситуации в сельской местности и малых городах необходимо осуществлять диверсификацию видов экономической деятельности. В связи с этим необходимо уделять особое внимание разработке соответствующих мер, направленных на создание дополнительных условий для развития новых видов производств, учитывая территориальные особенности. Создание дополнительных производств позволит в большей степени обеспечивать потребности местного населения.

В основе диверсификации видов экономической деятельности должно лежать развитие новых, наиболее востребованных направлений в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях. Одним из таких направлений, по нашему мнению, является развитие производства органической сельскохозяйственной продукции. При этом развитие данного производства должно сопровождаться разработкой соответствующей системы законодательства, норм сертификации и подготовкой соответствующих кадров.

Во многом развитию новых производств и совершенствованию имеющихся может способствовать использование цифровых технологий, а также усиление государственной поддержки. Особое внимание следует уделять поддержке и восстановлению местных предприятий перерабатывающей промышленности, предприятий, специализирующихся на несельскохозяйственных видах экономической деятельности — изготовлении строительных материалов, деревообрабатывающих предприятий.

Интеграция между малыми городами и сельскими территориями и поиск общих точек для усиления взаимодействий позволит определить вектор развития региона и будет способствовать улучшению социально-экономической обстановки на районном (муниципальном), региональном и на общероссийском уровне.

ГЛАВА 7

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ — ДРАЙВЕРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА МАЛЫХ ГОРОДОВ

Территории опережающего развития (ТОР) — сравнительно новый институт пространственной модернизации российской экономики. Идея создания ТОР впервые была выдвинута Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. Он предложил создать сеть специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт [Послание Президента России ..., 2013]. Для новых предприятий, размещенных в таких территориях, Президент рекомендовал ввести пятилетние каникулы: по налогу на прибыль, налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ), взимаемого с недропользователей (за исключением нефти и газа); налогу на землю, имущество, а также, что очень важно для высокотехнологичных производств, предусмотреть льготные ставки страховых взносов в государственные внебюджетные фонды.

Под территорией опережающего развития, в качестве синонима которой довольно широко используется еще понятие «территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)»¹, понимается часть территории субъекта РФ, где в соответствии с постановлением Правительства РФ установлен особый (льготный) правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания необходимых условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Активное использование соответствующих механизмов может позволить в течение текущего десятилетия поднять инвестиционную привлекательность субъектов РФ и муниципальных образований для отечественного и зарубежного бизнеса, за счет чего существенно увеличить доходную часть их бюджетов [Пучкин, Аврамчикова, 2017];

¹ В дальнейшем изложении будет преимущественно использоваться данный термин.

создать значительное число новых высокотехнологичных рабочих мест, что особенно важно для территорий монопрофильных муниципальных образований (моногородов) [Акинфеева, Никонова, 2019]; диверсифицировать экономику целого ряда дотационных регионов [Мякишева, 2015; Туктаев и др., 2016]; повысить уровень социально-экономического развития многих малых городов и муниципальных образований [Территории опережающего социально-экономического развития..., 2017].

Правовой режим создания территорий опережающего социально-экономического развития, меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях определяются Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и рядом других законодательных и нормативных правовых документов, представленных в табл. 7.1.

Таблица 7.1

Законодательная и нормативная правовая база создания и деятельности территорий опережающего социально-экономического развития

№	Наименование документа или регламента
1	Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»
2	Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О свободном порте Владивосток”»
3	Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации” и Федеральный закон “О свободном порте Владивосток”»
4	Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
5	Постановление Правительства РФ от 22 июня 2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)»
6	Налоговый кодекс РФ. Статья 284.4. Особенности применения налоговой ставки к налоговой базе, определяемой налогоплательщиками, получившими статус резидента территории опережающего социально-экономического развития в соответствии с Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»

№	Наименование документа или регламента
7	Трудовой кодекс РФ
8	Законы и нормативно-правовые акты субъектов РФ
9	Постановления и решения муниципальных органов местного самоуправления
10	Иные законодательные и нормативно-правовые акты, разъясняющие отдельные положения деятельности территории опережающего социально-экономического развития

Следует подчеркнуть, что территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) создается на территории муниципального образования или нескольких муниципальных образований в границах одного субъекта РФ.

Муниципальными образованиями, где могут быть созданы ТОСЭР, являются крупные, средние и малые города, моногорода, муниципальные районы, закрытые административные территориальные образования (ЗАТО), городские и сельские поселения.

Территории опережающего социально-экономического развития образуются на 70 лет по решению Правительства РФ на основании предложения уполномоченного федерального органа. После принятия Правительством РФ решения о создании конкретной ТОСЭР уполномоченный Правительством РФ федеральный орган, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации и исполнительно-распорядительный орган муниципального образования или исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований, на территориях которых создается ТОР, должны заключить соглашение о создании территории опережающего социально-экономического развития и приступить к регистрации резидентов.

Резидентом ТОСЭР может быть индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, которые заключили в соответствии с Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» соглашение об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития. Данное соглашение должно содержать сведения:

- о видах экономической деятельности заявителя;
- площади земельного участка или об ином имуществе, необходимых для осуществления заявленной деятельности;
- величине необходимой присоединяемой мощности энергопринимающих устройств заявителя, о видах, об объеме и о планируемой

величине иных ресурсов, необходимых для осуществления деятельности;

- сроке, на который предполагается заключить соглашение.

Ниже, на примере ТОСЭР «Тольятти» в Самарской области, представлены основные условия, которые обязан будет выполнить заявитель для получения статуса резидента территории опережающего развития [ТОСЭР Тольятти, 2019]:

1. Вложить в проект не менее 20 млн руб., из них в первый год работы — не меньше 5 млн руб.
2. Вновь образованное предприятие должно создать в первый год работы не менее 20 новых рабочих мест, а действующее предприятие — не менее среднесписочной численности работников за последние три года.
3. Предприятие должно быть зарегистрировано в Тольятти и не иметь филиалов за его пределами.
4. Разрешенными видами деятельности на ТОСЭР «Тольятти» являются:
 - сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство;
 - обрабатывающие производства;
 - водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений;
 - транспортировка и хранение различных товаров;
 - гостиничный бизнес и общественное питание;
 - деятельность в области информации и связи;
 - профессиональная, научная и техническая деятельность;
 - деятельность в области здравоохранения и социальных услуг;
 - деятельность в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

После прохождения конкурсного отбора заявитель получает статус резидента соответствующей ТОСЭР.

Через несколько дней со дня принятия Правительством РФ постановления о создании конкретной ТОСЭР уполномоченный Правительством РФ федеральный орган, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации и исполнительно-распорядительный орган муниципального образования (или исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований), на территориях которых создается ТОСЭР, должны заключить соглашение о создании территории опережающего социально-экономического развития.

Постановление Правительства РФ о создании территории опережающего социально-экономического развития должно содержать:

- виды деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности;
- минимальный объем капитальных вложений резидентов в осуществление соответствующих видов деятельности;
- положение о применении (или неприменении) на территории опережающего социально-экономического развития таможенного режима свободной таможенной зоны;
- описание границ территории опережающего социально-экономического развития.

Действующим законодательством предусмотрен особый (льготный) правовой режим налогообложения и уплаты сборов в государственные внебюджетные фонды для резидентов территории опережающего социально-экономического развития (табл. 7.2). При этом налогоплательщиком — резидентом ТОСЭР, на которого распространяется названный выше льготный правовой режим, признается только российская организация. Это подтверждает неоднократные заявления Правительства РФ о том, что ставка в создании ТОСЭР будет делаться на россиян.

Следует отметить, что отечественное законодательство допускает расторжение ранее заключенного соглашения об осуществлении деятельности резидента на территории опережающего социально-экономического развития по соглашению сторон или решению суда в связи с существенным нарушением условий такого соглашения другой стороной, в связи с существенным изменением обстоятельств или по иным предусмотренным законом основаниям.

Таблица 7.2

Налоговые и страховые льготы для налогоплательщиков-резидентов территории опережающего социально-экономического развития

Налоги и страховые взносы	Общие условия для всех предприятий (организаций) России	Для налогоплательщиков — резидентов ТОСЭР
Налог на прибыль, в том числе:	20%	5% в течение пяти лет
в федеральный бюджет	2%	0% в течение пяти лет
в региональный бюджет	18%	5% в течение пяти лет
Налог на имущество	2,2%	0%

Налоги и страховые взносы	Общие условия для всех предприятий (организаций) России	Для налогоплательщиков — резидентов ТОСЭР
Земельный налог	0,3–1,5% в зависимости от назначения использования земли	0%
Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды (для работодателей), в том числе:	30%	7,6% в течение десяти лет
в Пенсионный фонд	22%	6% в течение десяти лет
в Фонд социального страхования	2,9%	1,5% в течение десяти лет
в Фонд обязательного медицинского страхования	5,1%	0,1% в течение десяти лет

При этом существенным нарушением резидентом территории опережающего социально-экономического развития условий соглашения об осуществлении деятельности признаются следующие основания:

- неосуществление работы в течение двух лет с даты заключения соглашения об осуществлении деятельности;
- отсутствие в течение трех лет, начиная с года включения в реестр резидентов ТОСЭР, прибыли от деятельности, осуществляемой на территории опережающего социально-экономического развития;
- непредставление в указанный срок проектной документации и результатов инженерных изысканий, необходимых для осуществления предусмотренных бизнес-планом мероприятий;
- неосуществление инвестиций в объеме и в сроки, которые предусмотрены соглашением об осуществлении деятельности;
- отсутствие в течение первых двух лет юридических лиц, зарегистрированных на данной территории опережающего социально-экономического развития;
- наличие филиала или представительства за пределами ТОСЭР;
- иные действия резидента и (или) управляющей компании, признаваемые сторонами существенным нарушением условий соглашения об осуществлении деятельности.

Необходимо заметить, что в течение первых трех лет со дня вступления в силу Федерального закона № 473-ФЗ ТОСЭР могли создаваться лишь на территориях субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного ФО. По истечении данного срока, т.е. с конца марта 2018 г., ТОСЭР стали образовываться на территориях остальных субъектов РФ.

В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации” и Федеральный закон “О свободном порте Владивосток”» в ч. 1-1 ст. 35 Федерального закона № 473-ФЗ были внесены существенные изменения, разрешающие несколько ранее чем другим регионам — с 1 января 2017 г., создавать ТОСЭР на территориях монопрофильных муниципальных образований (моногородов) с наиболее сложным социально-экономическим положением.

После принятия Федерального закона № 252-ФЗ процесс образования ТОСЭР в моногородах существенно ускорился. Так, за все время их существования в моногородах — с 1 января 2017 г. — было привлечено 43 млрд руб. инвестиций и создано 20 тыс. новых рабочих мест, а резиденты данных территорий только за 2018 г. заплатили в разные бюджеты 3,3 млрд руб. Если говорить о географических регионах, то по числу образованных в них ТОСЭР впереди идут: Дальний Восток, Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ. По вновь созданным рабочим местам — Республики Татарстан (4,5 тыс.), Башкортостан (1 тыс.) и Самара (3,2 тыс.) [Алмакунова, 2019].

По данным Росстата, ТОСЭР оказались эффективнее особых экономических зон (ОЭЗ), которые за почти 15-летнюю историю привлекли меньше инвестиций, чем ТОСЭР в моногородах и на Дальнем Востоке, начиная с 2017 г.

Моногорода не всегда были привлекательны для развития бизнеса, и в первое время инвесторы относились настороженно к создаваемым там условиям. Но ситуация резко поменялась за последние годы. Наметился устойчивый рост числа ТОСЭР с параллельным увеличением количества самих инвесторов, о чем свидетельствует создание целого ряда ТОСЭР в моногородах. За неполный 2019 г. в территориях опережающего развития, расположенных в моногородах, количество резидентов увеличилось с 281 до 500 [Алмакунова, 2019]. Столь активный рост числа инвесторов специалисты объясняют повышением интереса предпринимателей к ТОСЭР и пониманием преимуществ работы в них. Данная тенденция связана еще и с тем, что большинство ТОСЭР были созданы в период 2017–2019 гг., а потенциальные инвесторы приступили к реализации своих проектов только после получения статуса резидента, что произошло далеко не сразу. Наилучшие показатели, в первую очередь, имеют достаточно крупные города: на конец 2019 г. среди моногородов лидерами по количеству резидентов ТОСЭР стали Тольятти, Новокузнецк и Набережные Челны.

В настоящее время в Минэкономразвития РФ прорабатывается вопрос, как можно компенсировать субъектам РФ, где в малых городах

расположены ТОСЭР, их вложения в инфраструктуру данных территорий, а также снижение доходов из-за инвестиционных вычетов. Все это говорит о том, что механизм формирования ТОСЭР начинает работать. Однако ситуация в малых городах зачастую крайне сложная, во многих из них достаточно старые предприятия, существует угроза неполной рабочей недели либо их закрытия. Требуется как можно быстрее формировать новые рабочие места, создавать благоприятные условия для развития малого и среднего предпринимательства, привлекать инвестиции на основе государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

Сейчас жители малых моногородов, находящихся в кризисе, начинают понимать, что для выхода из кризиса надо активнее использовать новые инициативы и институты развития, среди которых не последнее место занимают ТОСЭР, которые привлекательны для бизнеса налоговым режимом и, как правило, низким минимальным денежным порогом входа. Эксперты также уверены, что реализация нацпроектов окажет положительное влияние на развитие бизнеса в малых городах России и улучшение в них инвестклимата. По мнению специалистов, к позитивным изменениям в социально-экономическом развитии малых городов должны привести и принимаемые в последнее время организационные меры. В частности, проведение «регуляторной гильотины», запуск цифровой платформы для жалоб бизнеса на незаконные проверки со стороны правоохранительных структур.

Популяризация ТОСЭР и увеличение их числа по стране стали основными причинами роста в них резидентов. На активность бизнеса, помимо этих двух факторов, повлияло и то, что предприниматели, устав ждать улучшений, адаптировались к реалиям рынка. На инвестиционный климат в целом ряде ТОСЭР влияет не только налоговая политика, но и другие факторы. Например, фиксированный перечень видов деятельности, который предлагают ТОСЭР, может не совпадать с желанием предпринимателей. И все же налоговые льготы и административная поддержка остаются главными стимулами привлечения инвесторов в ТОСЭР. Практика свидетельствует, что в отдельные малые города, где слабая экономика и нет рычагов для ее диверсификации, только с их помощью можно привлечь инвесторов.

По данным Росстата, отечественная экономика медленно, но развивается, опережающими темпами начинают расти инвестиции в основной капитал, хотя заданных параметров они пока не достигли, увеличивается частное потребление, снижается инфляция. И тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, ключевые проблемы малых городов решаются слишком медленно и неэффективно. Прежде всего, это

неконкурентоспособная экономика, высокий отток населения, особенно молодежи, неразвитость социальной и транспортной инфраструктуры. Качество трудовых ресурсов, проблемы накопления человеческого капитала также остаются среди основных вызовов эффективного социально-экономического развития малых городов. Практически во всех малых городах доля ветхого и аварийного жилья гораздо выше, а заработная плата существенно ниже, чем в среднем по России. Поэтому одна из первостепенных задач государства заключается в том, чтобы не просто закрепить достигнутые положительные тенденции, но и за счет гибкого государственного регулирования помочь бизнесу активнее вкладываться в новые проекты, в том числе и в ТОСЭР, причем именно в малых городах, где эта помощь особенно необходима, где жизнь и благополучие тысяч людей нередко зависят от одного градообразующего предприятия. Нужны новые эффективные инвестиционные проекты. В их числе могут быть и ТОСЭР, которые создаются для привлечения инвестиций, стимулирования производства и ускорения социально-экономического развития соответствующей территории. Мы считаем, что государственные и частные инвестиции должны осуществляться через такие и подобные им проекты, которые стимулируют инвестиционную активность предпринимателей, как через участие в самих этих проектах, так и вокруг них. Именно в этом заключается суть государственно-частного и муниципально-частного партнерств, способных помочь реализовать столь необходимый России масштабный инвестиционный прорыв.

Следует отметить, что среди экспертов отсутствует общий взгляд по поводу будущего малых моногородов, и в частности, целесообразности формировать в них ТОСЭР. Некоторые эксперты считают, что если в городе осталась «только нефтяная скважина и несколько домов», то стоит подумать, насколько целесообразно сохранять город, тем более, если он находится, например, на Севере страны. По их мнению, дешевле будет переселить людей на новое место жительства. Другие полагают, и мы с ними согласны, что переселение — это крайняя мера. Если есть хоть небольшая надежда возрождения города — людей нельзя срывать с привычного места. В условиях низкой внутренней мобильности нашего населения и сложности найти пригодное жилье в другом регионе, особенно людям с детьми, нужно семь раз подумать, прежде чем принимать решение о ликвидации моногорода.

В настоящее время в России более 13,5 млн человек проживает в 319 моногородах, на которые приходится около 45% промышленного производства страны [Выжурович, 2019]. В соответствии с решением Правительства РФ, если моногород претендует на создание ТОСЭР и соответствующую

господдержку, ему необходимо подготовить подробный инвестиционный план, реальность реализации которого должна оценить рабочая группа. Прежде всего, экспертов интересует, есть ли реальные инвесторы под этот проект в регионе. Как известно, на создание инфраструктуры для новых объектов в ТОСЭР выделяются деньги в следующей пропорции: 95% муниципалитет, где будет находиться ТОСЭР, получает в виде федеральной поддержки и 5% составляют средства своего субъекта РФ.

Напомним, что вначале территориями опережающего социально-экономического развития в России стали дальневосточные города и муниципальные образования: Комсомольск (Хабаровский край), Белогорск (Амурская область), Михайловский (Приморский край), Надеждинский (Приморский край), Приамурская (Амурская область), Чукотка (Чукотский автономный округ). Указные ТОСЭР были отобраны в первую очередь потому, что имели в своем составе по несколько «якорных» инвесторов — надежную гарантию того, что бюджетные средства не будут израсходованы напрасно, а окупятся созданием новых рабочих мест и предприятий, вернутся в бюджет возросшими налогами и сборами.

Среди моногородов первыми 29 января 2016 г. статус ТОСЭР получили города: Гуково в Ростовской области, Юрга в Кемеровской области, Усолье-Сибирское в Иркутской области и Набережные Челны в Республике Татарстан. В названных выше моногородах было запланировано организовать более 20 тыс. новых рабочих мест, из них около 5 тыс. в Гуково и до 10 тыс. в Набережных Челнах. При создании ТОСЭР в моногородах предпочтение было отдано тем проектам, которые предполагали общее экономическое оживление на территории, а не просто создание отдельного предприятия.

Следует отметить, что постановления о создании в один день новых ТОСЭР принимались, как правило, в отношении не более 3–5 муниципальных образований. Но 16 марта 2018 г. Правительство РФ сделало исключение и присвоило статус ТОСЭР сразу 19 муниципальным образованиям, среди которых были и малые города, и небольшие поселки.

На середину февраля 2019 г. в России насчитывалось 99 ТОСЭР (Приложение 11), среди которых преобладали ТОСЭР образованные в моногородах. Однако на этом процесс формирования новых ТОСЭР в 2019 г. не закончился, до конца года были образованы еще 10 ТОСЭР (Приложение 12.) В ближайшее время в данные ТОСЭР планируется привлечь значительные деньги — более 150 млрд руб. инвестиций и создать 30 тыс. рабочих мест. Новые ТОСЭР должны будут охватить разные сферы экономики. Они станут производить продукты питания, мебель, строительные материалы, продукцию переработки природных ресурсов, а также химическую продукцию и т.д.

Важно обеспечить, чтобы в эти ТОСЭР пришли интересные и эффективные инвестиционные проекты. И это, в первую очередь, зависит от профессионализма губернаторов регионов и глав соответствующих муниципальных образований, а также квалификации их команд. Качество управления заключается в умении найти особые преимущества, которые каждый регион могут сделать привлекательным для потенциальных инвесторов, помогут создать новые рабочие места, обеспечить дополнительные бюджетные поступления и поддержать социальную сферу региона. Накопленный опыт формирования ТОСЭР, в том числе и в малых городах России, говорит о том, что эффективно решать проблемы, накапливавшиеся в них несколько десятилетий, можно только в партнерстве государства, местных властей, бизнеса и населения.

Из всех принятых за последнее время документов о деятельности ТОСЭР, с нашей точки зрения, одно из центральных мест занимает постановление Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1240. Этим постановлением была утверждена методика оценки эффективности и мониторинга показателей деятельности ТОСЭР, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях моногородов. В методике определены показатели и критерии, при выполнении которых будет приниматься общая оценка деятельности ТОСЭР. Данная оценка будет строиться с учетом:

- соотношения частных и бюджетных инвестиций¹;
- стоимости для федерального бюджета создания одного нового рабочего места;
- процента выполнения обязательств по заключенным соглашениям между управляющими компаниями и резидентами ТОР;
- объема добавленной стоимости, создаваемой резидентами ТОР, на один рубль бюджетных инвестиций.

При одновременном выполнении любых трех из установленных критериев деятельность ТОСЭР может быть признана эффективной.

Последней образованной в нашей стране территорий опережающего социально-экономического развития в 2019 г. стала ТОСЭР «ТУЛУН», созданная в соответствии с постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2019 г. № 1682 на территории монопрофильного малого города Тулун Иркутской области. В настоящее время полностью уточнены границы данной ТОСЭР, определены виды экономической деятельности,

¹ По мнению экспертов, участие бизнеса в совместных проектах с государством и местными органами самоуправления должно быть примерно на уровне 5 к 1. Однако полномочный представитель Президента России в ДФО — вице-премьер Ю.П. Трутнев убежден, что такое соотношение должно быть не менее чем 10 к 1, тогда это будет выгодно и государству, и муниципальным образованиям [Смолякова, 2014].

при которых на этой территории будет действовать особый правовой режим предпринимательской деятельности, предусматривающей льготный налоговый режим, а также минимальный объем капитальных вложений резидентов и количества новых постоянных рабочих мест.

Правительством Иркутской области по поручению Кабинета министров РФ уже заключены рамочные соглашения с инвесторами о реализации целого ряда инвестиционных проектов. В рамках этих проектов планируются в ближайшее время восстановление Тулунского завода железобетонных изделий и вывод его на проектную мощность, строительство завода стеклокомпозитов, модернизация кондитерского цеха, помощь жителям города в организации промышленной переработка дикоросов, создание более благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса. Помимо этого, намечено возведение и капитальный ремонт целого комплекса социальных объектов — новой школы на 1270 человек, поликлиники, оснащенной современным оборудованием, создание центра МРТ, стадиона с закрытыми подтрибунными помещениями и спортивными залами, восстановление старых и строительство новых пешеходных и шоссейных дорог.

В целом создание ТОСЭР «Тулун» позволит к 2029 г. существенно диверсифицировать экономику этого сильно пострадавшего от наводнения летом 2019 г. малого города, снизить его бюджетную зависимость от градообразующего предприятия, повысить инвестиционную привлекательность территории города, создать более 650 постоянных рабочих мест, привлечь новых резидентов и более 1,5 млрд руб. инвестиций.

Следует обратить внимание на то, что помимо формирования новых ТОСЭР происходит расширение уже действующих территорий и привлечение в них новых инвесторов. Например, в 2018 г. по просьбе инвесторов и администраций муниципальных образований были расширены территории опережающего социально-экономического развития «Хабаровск», «Михайловский», «Комсомольск», «Южная Якутия», «Приамурская». Кроме того, 3 декабря 2019 г. Правительство России в целях реализации инвестиционного проекта по транспортировке сжиженного природного газа и создания новых рабочих мест приняло постановление № 1580 о расширении ТОСЭР «Камчатка». Данным постановлением в границы ТОСЭР «Камчатка» включены новые земельные участки, на которых потенциальным резидентом ТОСЭР «Камчатка» ООО «НОВАТЭК-Камчатка» планируется реализация инвестиционного проекта «Морской перегрузочный комплекс сжиженного природного газа в Камчатском крае». Расширение ТОСЭР «Камчатка» позволит привлечь около 70 млрд руб. частных инвестиций, создать более 200 новых рабочих мест, обеспечить до 2028 г. дополнительные поступления в бюджеты всех уровней примерно 24,5 млрд руб. В ближайшее время

Правительство РФ планирует рассмотреть еще ряд просьб региональных и местных органов власти о расширении действующих ТОСЭР. Интересно заметить, что в административном центре региона — Петропавловске-Камчатском, находящимся в составе ТОСЭР «Камчатка», в 2017 г. был сдан аквапарк, который стал первым крупным проектом в сфере туризма, реализованным в стране в рамках ТОСЭР.

В настоящее время в проработке находится проект создания территории опережающего социально-экономического развития «Остров Русский» (Приморский край). Там не планируется размещение никаких предприятий и производств. Вся деятельность данной ТОСЭР ориентирована на успешно функционирующий на острове Дальневосточный федеральный университет (ДФУ) и должна будет иметь внедренческую направленность, связанную со стартапами и новыми проектами в бизнесе. Однако постоянно возникающие финансовые, организационные и кадровые проблемы до сих пор не позволяют решить вопрос о создании этой ТОСЭР — единственной в России территории такой направленности.

Весьма острой, особенно для ТОСЭР, расположенных в малых городах, остается проблема сохранения и привлечения квалифицированных кадров. На фоне определенного экономического роста постепенно сокращается миграционный отток из малых городов и сельских поселений, но фактом остается то, что количество трудоспособных людей, покидающих эти территории, из года в год превышает число приезжающих туда на постоянное местожительство и работу. Проблема кадров усугубляется еще тем, что новых предприятий в ТОСЭР создается немного, а резидентами территорий опережающего социально-экономического развития становятся уже действующие в регионах предприятия. В связи с этим одна из главных задач формирования ТОСЭР — привлечение в регион предприятий и создание новых рабочих мест — не выполняется в полной мере. Поэтому руководителям муниципальных образований для привлечения трудовых ресурсов на ТОСЭР больше внимания следует уделять вопросам обеспечения людей доступным и современным жильем, повышения качества услуг здравоохранения, образования, связи, транспортной доступности ТОСЭР, строительству современных объектов культуры и спорта.

Необходимо отметить, что в соответствии с постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2019 г. № 1770 был утвержден новый перечень из 20 субъектов РФ, на территориях которых впредь допускается создание ТОСЭР:

- в 11 Республиках: Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Карелия, Северная Осетия — Алания, Тыва, Чеченской Республике;

- в трех краях: Забайкальском, Камчатском и Приморском;
- в пяти областях: Архангельской, Ивановской, Курганской, Магаданской и Псковской;
- в Еврейской автономной области.

В завершение напомним основные новеллы закона о ТОСЭР и разъясняющих его документах. В частности, на территориях опережающего социально-экономического развития введен особый режим землепользования, понижены или отменены арендные ставки, как и ставки ряда налогов, в том числе на прибыль, на землю и имущество. Следует заметить, что налоговый режим для резидентов ТОСЭР является не только самым льготным в России, но и вполне сопоставимым с режимами наших соседей — странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Почти вчетверо ниже стали отчисления в государственные внебюджетные фонды. Упрощен порядок проведения экологической экспертизы, введены заявительный порядок возмещения НДС и возможность использования режима свободной таможенной территории. В отличие от других точек роста, на территориях опережающего социально-экономического развития разрешено производство подакцизных товаров (легковых автомобилей и запасных частей к ним, пива, ликеро-водочной и табачной продукции). На резидентов ТОСЭР распространяется и действие так называемой «дедушкиной оговорки»: запрет использовать нормативные правовые акты, которые могли бы ухудшить их положение как налогоплательщиков и плательщиков страховых взносов в течение десяти лет со дня получения ими статуса резидента. Льготным является также подключение резидентов к объектам инфраструктуры, и т.д. Следует отметить и позитивную инвестиционную политику по отношению к ТОСЭР, которая выражается в постоянном совершенствовании законодательной и нормативной правовой базы, в концентрации региональных и федеральных средств на строительстве объектов опорной инфраструктуры и социальной сферы, поддержке субъектов предпринимательства.

Таким образом, с появлением института ТОСЭР можно говорить о создании более благоприятных условий для привлечения инвестиций и ускоренного развития территорий, в том числе малых городов и сельских поселений. Представляется, что за счет совместных скоординированных действий государственных и местных органов власти, а также бизнеса, направленных на формирование новых и повышение эффективности работы уже действующих территорий опережающего социально-экономического развития, возможно в обозримый период времени поднять социально-экономическое развитие многих малых городов и сельских поселений до среднероссийского уровня.

ГЛАВА 8

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЛИДЕРСТВА В РАЗВИТИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ

В настоящее время внимание исследователей и практиков обращено к проблемам и перспективам развития предпринимательства. Существует значительное число исследований, которые показывают, что предпринимательство является одним из важных источников экономического роста, внося вклад в реализацию общественных целей [Scott, Twomey, 1988; Dias, McDermott, 2006; Estrin, Prevezer, 2011; Liñán et al., 2011; Широкова, 2016]. Предпринимательство способствует созданию рабочих мест, а соответственно, создает возможность для обеспечения занятости и профессиональной реализации не только самого предпринимателя, но и работающих на него сотрудников. В условиях благоприятной среды предпринимательство может вносить вклад в реализацию общественных целей, способствуя повышению качества жизни населения, улучшению ценностного предложения малого города для местных жителей и туристской ценности.

Роль предпринимательства в экономическом развитии малых городов

Как отмечено выше, необходимость поиска возможностей для формирования точки стратегического роста в малых городах для обеспечения их устойчивого развития стала важной темой, на которую обращено внимание ученых [Courtney, Errington, 2000; Courtney et al., 2007; Saraci, Askndy Sani, 2007; Ebrahimzadeh et al., 2012; Шерешева и др., 2018; Оборин и др., 2017b]. В малых городах, экономика которых часто характеризуется низкой диверсифицированностью, особенно остро проявляются проблемы недостатка возможностей для профессионального развития и реализации, а также дефицита квалифицированных кадров [Sheresheva, Kopiski, 2016; Иванова, 2017; Иванова, Иванов, 2017; Ризов, 2014; Шерешева, 2018], что является результатом миграции молодежи в более крупные города, мотивированной поиском этих возможностей

и стремлением к улучшению качества жизни. В связи с этим предпринимательство, которое играет существенную роль как возможность реализовать собственный профессиональный и творческий потенциал в своем городе, требует особого внимания.

В рамках предпринимательских инициатив реализуются образовательные, культурно-познавательные проекты, обеспечивается расширение предложения товаров и услуг на локальном рынке, соответствующих широкому спектру потребностей и предпочтений целевых аудиторий и имеющих потенциал дистрибуции и за пределами малого города.

Представители администрации малых городов в качестве одного из важнейших факторов, снижающих возможности улучшения социально-экономических показателей, называют слабое развитие малого и среднего бизнеса [Шерешева, Березка, 2018], который обеспечивает рабочие места, востребованность и возможность самореализации молодых квалифицированных кадров, а также вносит вклад в ценностное предложение территории [Березка, 2016а; Шерешева, Оборин, Березка, 2017; Иванова, 2017]. В табл. 8.1–8.3 приведены результаты проведенного в 2017–2018 гг. опроса представителей органов местного самоуправления малых городов трех регионов — Владимирской области (16 городов), Пермского края (18 городов) и Тульской области (10 городов).

Таблица 8.1

Неразвитость малого и среднего бизнеса как одна из наиболее остро ощущаемых проблем малых городов

Характеристики	Владимирская область	Пермский край	Тульская область	Всего по трем регионам
Количество малых городов, исследованных в области	16	18	10	44
Количество малых городов, в которых неразвитость малого и среднего бизнеса отмечена как одна из наиболее острых проблем	6	5	0	11
Доля малых городов, в которых неразвитость малого и среднего бизнеса отмечена как одна из наиболее острых проблем, %	37,5	27,78	0	25

Источник: составлено авторами на основе эмпирического исследования.

Как видно из табл. 8.1, в совокупности в трех регионах неразвитость малого и среднего бизнеса в качестве одной из наиболее острых проблем отмечают в 25% малых городов, при этом во Владимирской области большее число представителей администрации малых городов выделили именно этот вариант — 6 из 16, что составляет 37,5%. Представители Тульской области в меньшей степени склонны уделять внимание этой проблеме, придавая более высокую значимость низкой инвестиционной активности — 7 из 10 анкет (см. табл. 8.2), которая также необходима для развития предпринимательской деятельности.

При этом во всех трех регионах представители не менее половины малых городов отмечают, что стимулирование предпринимательской деятельности, малого и среднего бизнеса будет способствовать развитию их города (табл. 8.3).

Диаграмма (рис. 8.1) наглядно показывает сходства и различия в отношении к необходимости развития малого и среднего бизнеса для развития малых городов в трех регионах, на примере которых производилось исследование.

Таблица 8.2

Низкая инвестиционная активность как одна из наиболее остро ощущаемых проблем малых городов

Характеристики	Владимирская область	Пермский край	Тульская область	Всего по трем регионам
Количество малых городов, исследованных в области	16	18	10	44
Количество малых городов, в которых низкая инвестиционная активность отмечена как одна из наиболее острых проблем	10	8	7	25
Доля малых городов, в которых низкая инвестиционная активность отмечена как одна из наиболее острых проблем, %	62,5	44,44	70	56,81

Источник: составлено авторами на основе эмпирического исследования.

Таблица 8.3

**Активизация деятельности малого и среднего бизнеса как катализатор
развития малого города**

Характеристики	Владимир- ская область	Пермский край	Тульская область	Всего по двум регионам
Количество малых городов, исследованных в области	16	18	10	44
Количество малых городов, в которых активизация малого и среднего бизнеса может стать катализатором развития	8	12	5	25
Доля малых городов, в кото- рых активизация малого и среднего бизнеса может стать катализатором разви- тия, %	50	66,67	50	56,8

Источник: составлено авторами на основе эмпирического исследования.

Хотя в Тульской области респондентами состояние малого и среднего бизнеса не было указано среди ключевых проблем, но и они отмечают важную роль предпринимательства как катализатора развития малых городов. Во Владимирской области представители 5 из 6 малых городов, отметившие развитие малого и среднего бизнеса в качестве одной из наиболее острых проблем, рассматривают рост предпринимательской активности как возможный катализатор развития города, в Пермском крае — 4 из 5. Соответственно, представители еще 3 малых городов во Владимирской области и 8 в Пермском крае сообщают, что активизация малого и среднего бизнеса, нынешнее состояние которого неудовлетворительно, будет способствовать развитию города.

В качестве перспективных секторов для развития малого и среднего бизнеса респонденты в основном выделяют сферу обслуживания (в том числе туризм и гостеприимство) и торговлю, пищевую и легкую промышленность, ремесленные производства. Развитие предпринимательства названо многими и в качестве возможности для расширения источников доходов населения.

В то же время для развития предпринимательства и формирования благоприятной предпринимательской культуры необходима система институтов, которая бы обеспечивала необходимые для этого условия и возможности.

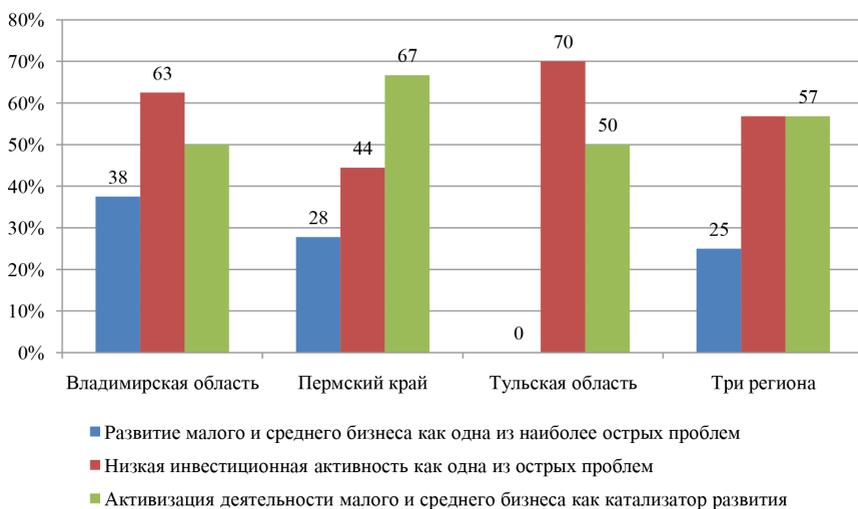

Рис. 8.1. Роль инвестиционной активности, малого и среднего бизнеса в развитии малых городов, % от числа анкет, полученных в регионе

Источник: составлено авторами на основе эмпирического исследования.

Система институтов, необходимая для развития предпринимательства в малых городах

Вопросы взаимодействия формальных институтов, их влияния на развитие предпринимательства, а также особенности предпринимательской активности привлекают пристальное внимание исследователей во всем мире. На основании целого ряда исследований подтверждено, что сеть неформальных институтов, основанная на личных взаимоотношениях, компенсирует недостатки и провалы в формальной институциональной среде [Bowen, De Clercq, 2008; Estrin, Prevezer, 2011; Leitch et al., 2013].

Результаты исследований демонстрируют, что восприятие внешних факторов сказывается на особенностях формирования предпринимательских намерений. Так, Г.В. Широкова и др. выделили пять составляющих, необходимых для успешного развития предпринимательской экосистемы в университетах: университетский контекст, институциональный контекст, региональный контекст, поддержка семьи и индивидуальные факторы [Широкова, 2016].

Несмотря на то, что в указанной работе внимание исследователей было направлено на предпринимательские намерения студентов, на

основании полученных результатов и сравнения их с другими работами (см., например, [Kloosterman, 2000; Bowen, De Clercq, 2008; Pavlov et al., 2017]) можно утверждать, что институциональный и региональный контексты определенно существенны для всех категорий предпринимателей.

Важно также учитывать, что национальная культура играет роль в том, насколько внешняя среда оказывает поддержку реализации предпринимательских намерений или создает дополнительные барьеры. Необходимо обратить внимание и на культурный контекст, характерный для регионов России и особенно сильно проявляющийся в малых городах, где многие проблемы более выражены по сравнению с крупными городами ввиду низкой обеспеченности ресурсами, сложной социально-экономической ситуации и низкой диверсификации экономики, а вместе с тем и возможностей для реализации профессионального потенциала.

Безусловно, в таких условиях предпринимательская деятельность дает возможность для самореализации, однако серьезная проблема состоит в том, что в российском обществе нет устойчивой культуры предпринимательства в силу исторического контекста. Для России предпринимательство выступает относительно новым явлением, которое начало активное развитие после перехода страны к рыночной экономике и претерпевает значительные изменения под действием цифровой трансформации.

Соответственно, требуются дополнительные усилия для развития институциональной и региональной составляющих предпринимательской экосистемы, необходимых для формирования среды, поддерживающей предпринимательское поведение. В этом контексте важно и создание условий для кооперации (coopetition), способствующей развитию экосистем бизнеса и возникновению синергии как результата сетевого взаимодействия участников экосистемы [Gretzel et al., 2015; Тамбовцев, 2017].

Все это обуславливает трансформации, происходящие в предпринимательской культуре и формировании управленческих подходов, отвечающих потребностям современного российского общества. Одной из важнейших составляющих предпринимательской культуры является предпринимательское лидерство, состоящее во «влиянии на работу членов группы и руководство ими с целью создания новой фирмы» [Карпинская, Широкова, 2019, с. 241]. В основе предпринимательского лидерства лежат особенности личности и поведения предпринимателя, а также его подходы к ведению бизнеса и компетенции [Fernald et al., 2005; Gupta et al., 2004; Harrison et al., 2018; Leitch et al., 2013; Renko et al., 2015].

Модель лидерства для развития предпринимательской культуры в малых городах

Предпринимательское лидерство как особое явление сегодня играет значимую роль в распространении предпринимательской деятельности, связанной с поиском и внедрением новаторских возможностей и созданием новых организаций. Однако нельзя не отметить, что в современных условиях существует множество типов предпринимателей (например, традиционных, инновационно-технологических, серийных, социальных и др.), и каждому из них присущи характерные черты и особенности, в том числе связанные с теми целями и задачами, которые они решают. Так, традиционный предприниматель стремится, в первую очередь, к достижению экономической цели (получение богатства), а социальный предприниматель ориентирован на решение социальных проблем (бедность, безграмотность и др.) и создание социальной ценности, т.е. в основе деятельности последнего находится общественно значимая цель [Виханский, Миракян, 2018a].

Из-за существующих различий между разными категориями предпринимателей, а также обозначенных проблем, связанных с развитием малых городов, возникает вопрос: *какие лидеры-предприниматели могут способствовать развитию культуры предпринимательского лидерства для улучшения жизни населения в малых городах?* Для поиска ответов следует обозначить ключевые особенности лидеров-предпринимателей, способных создавать организации, которые бы вносили вклад в развитие малых городов, а также обратиться к существующим моделям предпринимательства и лидерства.

Для развития потенциала малого города и решения существующих социальных, экономических и экологических проблем необходимы предприниматели, способные «заметить» *специфические проблемы*, характерные для малых городов. К таким проблемам относят неблагоприятную демографическую ситуацию (например, миграция молодежи), ограниченность экономической базы, низкий уровень или недоступность здравоохранения, высокий уровень безработицы, низкое качество жилищно-коммунального хозяйства, загрязнение окружающей среды и др. [Кудрякова, 2012; Оборин и др., 2017с; Попов, Гнатюк, 2017; Акинфеева, Никонова, 2018]. Так, одним из первостепенных условий является *умение видеть проблемы*, которые отрицательно влияют на качество жизни населения и на среду в целом.

Следующая характеристика — это *внутреннее желание решить актуальную проблему и поиск возможностей для реализации конкретных действий*. Так, малым городам требуются лидеры-предприниматели,

ориентированные на создание ценности для города, а также определенного общественного блага, необходимого его населению. Другими словами, одной из важнейших характеристик для развития культуры предпринимательского лидерства является *наличие осознанного и высокого социально-ориентированного лидера-предпринимателя, желающего внести положительный вклад*. Именно такие предприниматели способны создавать новые возможности для развития малых городов и территорий.

Наконец, не менее значимый критерий — это *стремление предпринимателя к созданию устойчивой бизнес-модели*. Чтобы решить существующие проблемы, недостаточно реализовывать временные проекты. Необходимо открывать и развивать компании и предприятия, которые обеспечат стабильное социально-экономическое развитие малого города и улучшение качества жизни его населения в долгосрочной перспективе.

Вышеперечисленные особенности характерны для предпринимательства социального типа. Малые города нуждаются в предпринимателях, имеющих про-социальную мотивацию. Это предприниматели, желающие и способные решать актуальные проблемы и значимые задачи, создающие дополнительные возможности и помогающие реализовать другим индивидам.

Все выделенные аспекты неразрывно переплетаются с внутриличностными особенностями индивида. Они связаны с индивидуальными и поведенческими характеристиками предпринимателя как лидера, способного оказывать влияние на индивидов, группы людей, компании и конкретные малые города.

Для формирования культуры предпринимательского лидерства, которая бы способствовала развитию малых городов и созданию ценности для жителей, стоит обратить особое внимание на так называемые *позитивные этические концепции лидерства* — аутентичное (authentic leadership), духовное (spiritual leadership), жертвенное (self-sacrificial leadership), лидерство-служение (servant leadership), моральное (moral leadership), трансформационное (transformational leadership), устойчивое (sustainable leadership) и др. [Виханский, Миракян, 2018b; Миракян, 2018a]. Опираясь на результаты сравнительного анализа, можно утверждать, что для многих вышеперечисленных моделей этического лидерства характерными являются следующие отличительные параметры [Миракян, 2018a, с. 137]:

- преобладание морально-этической компоненты;
- отражение ценностей и установок лидера;
- описание поведения лидера с опорой на фундаментальные нравственные принципы (доверие, ответственность, честность и др.);

- формирование определенной ценностной ориентации внутри организации;
- верность лидера и последователей единым морально-этическим нормам.

В целом, данные особенности закладывают необходимый фундамент для развития особой культуры лидерства, ориентированной на положительную самореализацию как самого лидера (через проявление социально-направленных ценностей, нравственных принципов и установок), так и его сотрудников.

Высокоответственные лидеры проявляют заботу о благосостоянии своих сотрудников, обеспечивая достойные условия работы. Совместно со своими сотрудниками бизнес-лидеры формируют новые решения (например, разрабатывают специальные продукты и услуги, обладающие общественной значимостью и полезностью), создают новые перспективные возможности и поддерживают благоприятные условия для общества. В конечном счете, деятельность лидера-предпринимателя оказывает сильное положительное влияние на макроокружение в целом.

Лидер-предприниматель — это индивид, вбирающий в себя лучшие характеристики разных концепций и моделей лидерства. В будущем представляется возможным формирование универсальной модели, культивирующей положительную практику предпринимательского лидерства и включающей характеристики из разных концепций. Ниже представлены яркие примеры некоторых отличительных особенностей, необходимых для лидера-предпринимателя, который смог бы обеспечить вклад в устойчивое развитие малого города (табл. 8.4).

Для уточнения образа лидера-предпринимателя, обеспечивающего устойчивое развитие малых городов, предлагается дополнить список его особенностей. Чтобы расширить описание ключевых параметров, требуется углубленное изучение таких концепций лидерства, как трансформационное (*transformational leadership*), коллективное (*collective leadership*), комплексное (*complex leadership*), развивающее и расширяющее (*empowering leadership*), распределенное (*shared leadership*), стратегическое (*strategic leadership*), этическое (*ethical leadership*) и др.

В целом можно констатировать, что современный лидер-предприниматель как часть социального целого должен иметь нравственно-этический стержень и про-социальную мотивацию, обеспечивать внутриорганизационное благополучие в коллективе, транслируя положительную ролевую модель поведения остальным сотрудникам, формировать взаимовыгодные формы отношений не только с внутренними, но и

внешними стейкхолдерами, создавать устойчивые бизнес-модели, развивать «здоровые» организации и достигать долгосрочных результатов, оказывающих благоприятное воздействие на развитие малых городов.

Таблица 8.4

Отличительные особенности лидера-предпринимателя

Концепция лидерства	Значимые характеристики для развития культуры предпринимательского лидерства
Аутентичное лидерство	<p>Высокий уровень самосознания (ясное представление лидера-предпринимателя о себе, своих ценностях и др.) [Петрушихина, 2016a; Avolio, Gardner, 2005]</p> <p>Стремление обеспечить развитие своих подчиненных [Петрушихина, 2016b]</p> <p>Выстраивание доверительных отношений [Gardner et al., 2011]</p>
Духовное лидерство	<p>Формирование устойчивой связи внутри компании, основанной на духовных ценностях [Виханский, Миракян, 2018b]</p> <p>Усиление внутренней мотивации последователей, повышение ценности совместно выполненной работы [Fry, 2003]</p>
Жертвенное лидерство	<p>Готовность лидера отказаться от собственных интересов в пользу интересов организации [Choi, Yoon, 2005; De Cremer et al., 2006; Ruggieri, Abbate, 2013]</p> <p>Высокий уровень приверженности лидера и его последователей (сотрудников) к организации [De Cremer et al., 2009; Matteson, Irving, 2006]</p>
Лидерство-служение	<p>Способность воодушевлять, выслушивать, поддерживать сотрудников, желание лидера-предпринимателя помочь им удовлетворить потребности, расти и развиваться [Greenleaf, 2015]</p> <p>Мотивирование других ради общего блага [Максвелл, 2016]</p> <p>Проявление высокой заботы об обществе в целом [Petrovskaya, Mirakyan, 2018; Van Dierendonck, Patterson, 2015]</p>
Устойчивое лидерство	<p>Высокий уровень ответственности и сознательности, а также наличие таких качеств, как честность, гуманность и др. [Hargreaves, Fink, 2012]</p> <p>Внимание к социальным и экологическим проблемам [Миракян, 2018a]</p> <p>Забота об окружающей среде и об обществе [Hargreaves, Fink, 2012]</p> <p>Развитие «здоровых» компаний, сообществ и экосистем, создающих устойчивую ценность [Ferdig, 2007; Metcalf, Benn, 2013]</p>

Источник: составлено авторами на основе [Виханский, Миракян, 2018a, 2018b; Миракян, 2018a, 2018b].

Чтобы предпринимательская деятельность современного лидера действительно вносила существенный вклад в процветание малых территорий, требуется активное распространение культуры предпринимательского лидерства, в том числе с помощью продвижения ярких историй успеха. В свою очередь, устойчивый положительный эффект будет достигнут в случае, когда истории одних предпринимателей будут вдохновлять других потенциальных лидеров-предпринимателей на активные действия с использованием лучших практик. В этом случае положительная культура предпринимательского лидерства будет становиться не красивым исключением из правил, а нормой, способствовать взаимным контактам и формированию устойчивых экосистем бизнеса.

ГЛАВА 9

МАРКЕТИНГОВАЯ СТРАТЕГИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Классический маркетинговый инструментарий, включающий продуктовую политику, ценовую политику, политику продвижения и распределения, применим к малым городам [Aitken, Campelo, 2011], но требует адаптации. Признавая высокую значимость территориального маркетинга как фактора устойчивого развития малого города [Токарева, 2013; Dinnie, 2015; Dril et al., 2016], необходимо обратить внимание на ресурсный потенциал территории, особенности внешней среды и возможность создания дифференцированной позиции [Березка, 2016b; Hanna, Rowley, 2013]. Дополнительно выделены такие факторы, составляющие системную модель брендинга территории, как культурная среда, институциональные особенности, экономические условия и развитие инфраструктуры.

В качестве продукта выступает не конкретный товар или услуга, а комплексное ценностное предложение территории для целевого сегмента. При этом ценность может быть различна для разных категорий стейкхолдеров: местные жители, гости города, представители бизнеса и другие группы обладают разными потребностями. Характерная особенность территориального маркетинга состоит в невозможности игнорировать ни одну из групп стейкхолдеров, что требует особого внимания к поиску баланса их интересов.

Специфика *продвижения* территории обусловлена ограниченностью ресурсов малого города: высока значимость неоплачиваемых форм коммуникаций и продвижения на основе взаимного оказания услуг, а также развития взаимоотношений с общественностью. При этом даже если продвижение малого города начинается централизованно, с конкретной инициативы городской администрации или общественной организации, в дальнейшем происходит его децентрализация: в продвижении и коммуникациях начинают участвовать все категории стейкхолдеров.

Наибольшего переосмысления в контексте маркетинга малых городов требует понятие *каналов распределения*: в соответствии со

специфичностью города как продукта оно преобразуется в понятие инфраструктуры и транспортной доступности территории, которые требуют значительных затрат. Здесь может помочь комбинирование ресурсов, которыми обладают малые города.

Маркетинг территории может быть направлен на решение следующих задач:

- привлечение инвестиций развитие бизнеса;
- повышение занятости и доходов населения;
- повышение качества жизни населения;
- рост доходов бюджета.

Эти задачи полностью согласуются с ключевой целью по обеспечению устойчивого развития региона. Для их решения необходимо понимание ресурсного и компетентностного потенциала, что дополнительно усиливает роль исследовательской функции маркетинга.

Брендинг города

Анализ определений бренда территории (города, региона, страны), представленных в научной литературе, приводит к выводу о значительном многообразии подходов к трактовке данного понятия. При этом все современные авторы сходятся во мнении, что бренд территории, как и бренд продукта, — это нечто большее, чем сумма физических характеристик, они включают в определение такие составляющие бренда, как «эмоции», «ассоциации», «узнаваемость», «уникальный и позитивный опыт», а также подчеркивают необходимость развития взаимоотношений бренда территории со стейкхолдерами территории — заинтересованными сторонами, которые могут оказывать влияние на ее развитие или находиться в зависимости от этого развития.

То есть, бренд города можно рассматривать как совокупность ценностей, эмоций, ассоциаций целевых аудиторий (стейкхолдеров) города, его материальных и нематериальных характеристик, системно выраженных в идентичности, уникальности и положительном имидже города. Уникальность городского бренда заключается прежде всего в его форме как сети, а не организации с четкими границами и внутренними структурами, поскольку город представляет собой сеть частных лиц, предприятий, общественных служб, местных органов власти и партнерств с разнообразными и часто конкурирующими интересами [Parkerson, Saunders, 2005].

Брендинг города — это процесс создания ценности для целевых аудиторий города в рамках определенной стратегии развития

бренда. Успех брендинга в основном зависит от высшего руководства и включает все уровни заинтересованных сторон территории [Rainisto, 2003].

В свою очередь, имидж города — это совокупность рациональных и эмоциональных представлений о городе, сложившихся в сознании целевой аудитории в результате получения информации из различных источников. На имидж города положительно влияет степень, в которой известен город, и репутация любого города хороша или плоха, только если она оценивается как таковая. При построении имиджа города люди будут использовать то, что им известно; поэтому, если продвигаемый образ города неправдоподобен, это негативно скажется на репутации города [Hospers, 2003].

Формирование имиджа опирается на уникальный набор ассоциаций, которые целесообразно донести до целевых аудиторий в рамках стратегии формирования бренда. Здесь речь идет о городской идентичности — способе самоопределения, который выбирает для себя город.

Стремясь показать, как территории коммуницируют с внешним миром и таким образом создают имидж в сознании целевых групп, С. Анхольт разработал шестиугольную модель, где туризм, местные бренды, государственная политика, инвестиции, культура, люди выступают естественными каналами коммуникации [Anholt, 2002]. Он утверждает, что восприятие места формируется, прежде всего, под воздействием нескольких факторов: что и как сделано в городе, что люди говорят о нем и что город «говорит» о самом себе. При этом, как подчеркивает Д. Визгалов, «больше говорить о себе» — это наименее эффективный и самый дорогой способ. Гораздо лучше, когда о вас говорят и тем более, если вы наглядно доказываете чьи-то слова своими действиями [Визгалов, 2011].

Городская среда определяет восприятие города жителями и создает городские смыслы, которые переносятся в городскую среду и вновь заставляют менять представления жителей о городе. Символический капитал города порой настолько тесно и быстро срастается с городской действительностью, что его уже нельзя считать субъективной категорией [Визгалов, 2011; Динни, 2013].

Таким образом, городскую идентичность графически можно представить в следующем виде (рис. 9.1).

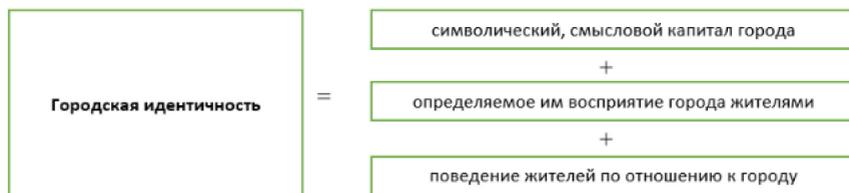

Рис. 9.1. Формула городской идентичности

Источник: [Визгалов, 2011].

Можно выделить три основных направления приложения усилий при осуществлении брендинга территории [Динни, 2013; Горелова, 2016]:

- 1) создание имиджа территории;
- 2) привлечение внимание к ресурсам территории;
- 3) реализация потенциала использования ресурсов территории и обеспечение их воспроизводства.

Актуальным направлением становится совместный брендинг коммерческих продуктов и территории, основанный на формировании устойчивой ассоциативной связи производимых в регионе товаров и географической локации, на которой началось или осуществляется их производство. Ко-брендинговый подход позволяет комбинировать возможности комплекса маркетинга как для коммерческих продуктов, так и территорий.

Примерами ко-брендинга городов и коммерческих продуктов в России могут быть «Тульский пряник» (г. Тула), «Вологодское масло» (г. Вологда), «Белевская пастила» (г. Белев, Тульская область), «Покровский пряник» (г. Покров, Владимирская область). Эти продукты узнаваемы на российском рынке, что способствует привлечению внимания целевых групп к этим городам.

Территория как объект брендинга имеет более сложную структуру в сравнении с товарами или услугами, интересы разных групп стейкхолдеров характеризуются меньшей однородностью. На основе анализа ряда подходов к категоризации потребителей бренда города мы считаем целесообразным провести разделение потребителей по двум ключевым критериям (рис. 9.2): внутренние или внешние для территории; частные или коммерческие. Восприятие бренда территории для таких групп будет существенно различаться и требует дифференциации программ выстраивания взаимоотношений с ними.

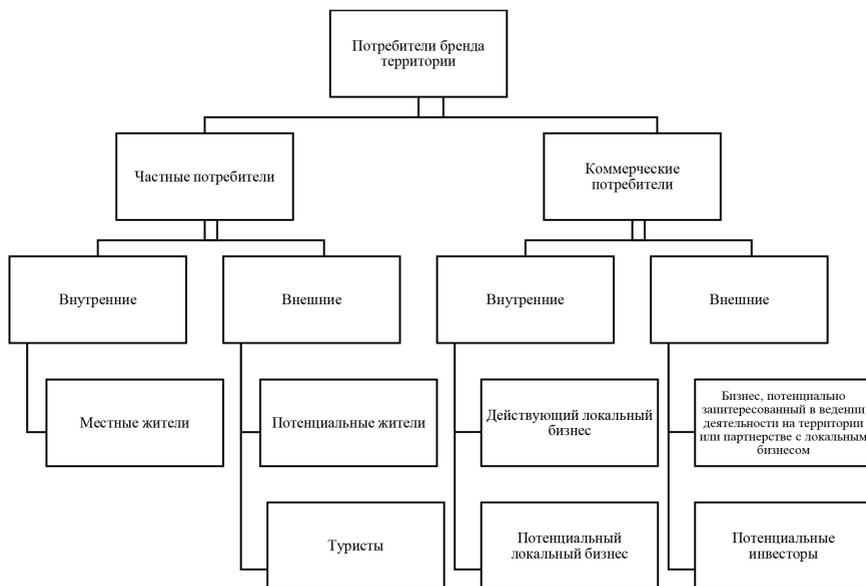

Рис. 9.2. Потребители территориального бренда

Источник: составлено авторами на основе [Kavaratzis, 2004; Hankinson, 2012; Medway et al., 2015; Ranasinghe et al., 2017].

При разработке конкретной маркетинговой стратегии территории необходимо более детальное сегментирование приведенных на схеме целевых групп, основанное на выявленных потребностях. Кроме того, важна оценка ресурсного потенциала с учетом возможностей построения сетевого взаимодействия субъектов¹, располагающих ресурсами различного рода: материально-техническими, финансовыми, природно-рекреационными, научными и интеллектуальными ресурсами, историко-культурными объектами и нематериальным культурным наследием.

Безусловно, привлекательность для внешних потребителей важна; однако системный подход к территориальному брендингу предполагает особый акцент на соответствие разрабатываемой концепции потребностям внутренних потребителей [Maheshwari et al., 2011]. Для территориального бренда игнорирование потребностей внутренних потребителей

¹ Сетевое взаимодействие и межотраслевая кооперация ориентированы на расширение возможностей использования компетенций и ресурсов на основе их комбинирования и критичны для достижения устойчивого развития территории.

недопустимо [Braun et al., 2013], поскольку результаты маркетинговых усилий, ориентированных на любую из целевых групп, будут влиять на положение внутренних потребителей, включая качество жизни местного населения и условия для развития локального бизнеса. И жители территории, и локальный бизнес не только выступают в роли потребителей бренда, но и формируют его сущность, являясь носителями и создателями коммуницируемых территорией ценностей [Foroudi et al., 2016; Rinaldi, Cavicchi, 2016]. Поэтому в систему оценки результатов маркетинговой деятельности необходимо включать показатели удовлетворенности внутренних потребителей, улучшения качества жизни населения и условий ведения бизнеса.

По данным опроса Фонда Общественное мнение, проведенного в октябре 2016 г., 59% жителей малых городов не удовлетворены положением дел в своем регионе, в то время как в целом по стране этот показатель составляет 52%, а для крупных городов находится в рамках 32–48%. Жителей малых городов беспокоит низкий уровень заработной платы (52%) и рост цен (51%), а также проблемы занятости (23%) [Фонд Общественное мнение, 2016].

В целом можно констатировать, что брендинг города сложнее, чем брендинг продукта — прежде всего вследствие значительного разнообразия разнообразия аспектов, на которые необходимо обращать внимание (люди, культура, история, политика руководства и т.д.) и которые усложняют формирование ясного и привлекательного бренда города. Здесь особенно важен системный подход к созданию бренда.

Поскольку территория России характеризуется различным уровнем социально-экономического развития административно-территориальных единиц и муниципальных образований, при разработке каждого конкретного территориального бренда необходимо учитывать цели и задачи, которые являются приоритетными для конкретного региона, а также исторически сложившуюся экономическую специализацию территории. Это хорошо прослеживается на конкретных примерах российских регионов.

В рамках исследования мы начали анализ имеющейся практики и потенциала использования территориального брендинга для малых городов во Владимирской и Тульской областях и Пермском крае. Опыт применения инструментария брендинга территорий на данный момент имеется в каждой из областей, но результативность использования в значительной мере различается.

Владимирская область, расположенная в центре Европейской части России и граничащая с Московской, Ярославской, Ивановской, Рязанской и Нижегородской областями, имеет выгодное территориальное

расположение как для привлечения и активизации бизнеса, так и для развития возможностей туризма, обладает богатым историко-культурным наследием, включая нематериальные формы культурного наследия [Шерешева, 2016a]. Предварительный анализ позволяет выделить достаточно успешный опыт применения комплекса территориального брендинга для развития, в первую очередь, туристских брендов — «Малое золотое кольцо России», объединившее девять городов области, из которых пять являются малыми городами (Суздаль, Вязники, Покров, Юрьев-Польский, Гороховец). Ряд городов области стремятся развивать бренд города, формируя собственное уникальное ценностное предложение. Так, туристская ценность г. Гороховец выстраивается на основе его купеческого наследия, а г. Муром — на основе использования сочетания инструментария территориального маркетинга и событийного туризма, включая позиционирование на значимости семейных ценностей и культурного наследия, связанного с Петром и Февронией Муромскими. Можно отметить и использование практики ко-брендинга территории и коммерческих продуктов, поскольку с развитием бренда «Покровский пряник» возрастает осведомленность населения о г. Покров и интерес к нему, в том числе к туристским продуктам, предлагаемым компанией. Кроме того, в г. Покров используются возможности партнерского взаимодействия с компанией Mon'delez, имеющей одно из крупнейших в России производств шоколада, для создания совместного проекта «Праздник Шоколада» и формирования имиджа города с использованием этого компонента. Потенциал ко-брендинга используется и в продвижении туристской дестинации АТК «Богдарня», где организуются соревнования по экипажной езде и ряд других мероприятий, объединенных общим именем «Владимирский тракт», а также производство сыров Джона Кописки [АТК «Богдарня», 2019].

Тульская область также имеет выгодное географическое положение, гранича с Московской, Калужской, Рязанской, Липецкой и Орловской областями. Если восприятие центра области — Тулы у туристов исторически закрепилось как города самоваров, пряников и оружейных мастеров, то бренд малого города Белев, сформированный на основе возрожденного по историческим рецептам производства пастилы [Фабрика-музей города Белев, 2019], стал известен недавно. Стоит отметить потенциал развития брендов на основе таких культурных объектов области, как Ясная поляна и усадьба Поленово, а также на традициях филимоновской игрушки п. Одоев (см. также Приложение 8).

Опыт использования инструментария территориального брендинга в Пермском крае, хотя и включает два масштабных проекта по разработке брендов для городов Пермь и Добрянка, пока сложно назвать

успешным, поскольку еще нельзя утверждать о закреплении в восприятии населения предложенных концепций. Кроме того, эти проекты были ориентированы в основном на создание символики и идентификаторов бренда, а не на использование комплекса брендинга территории системным образом.

Первичный анализ возможностей и экономического положения во Владимирской и Тульской областях и Пермском крае показывает, что все рассмотренные регионы обладают высоким туристическим потенциалом, а также имеют базу для развития предприятий как реального сектора экономики, так и сферы услуг. Анализ показателей, характеризующих удовлетворенность населения ситуацией в регионе и качество жизни населения [Botschen et al., 2017], показывают необходимость тщательной работы, ориентированной на развитие территории на основе принципов маркетинга.

Системный подход к брендингу территории важен для получения эффективного результата, предполагающего качественные структурные преобразования, включая такие положительные эффекты, как рост инвестиционной привлекательности, развитие локального бизнеса, туристской инфраструктуры, создание условий для использования преимуществ ко-брендинга территории и коммерческих продуктов, более продуктивное использование ресурсов на основе сетевого взаимодействия и повышение качества жизни местного населения.

Малые города Пермского края, Владимирской и Тульской областей неоднородны, некоторые из них могут быть охарактеризованы как промышленно развитые, другие обладают хорошим потенциалом для развития различных направлений туристско-рекреационной деятельности [Оборин, 2013]. Даже те города, которые являются депрессивными территориями, при грамотном подходе могут извлекать выгоды из благоприятной экологии и природных ландшафтов, культурно-исторического наследия, удачного транспортного расположения.

Среди важнейших задач стоит отметить привлечение инвестиций в развитие инфраструктурных объектов, образовательных и культурных организаций, создание возможностей для самореализации молодежи, определение возможностей модернизации существующей транспортной системы и туристской инфраструктуры для создания условий развития внутреннего туризма, ориентированного на оздоровительные и культурно-познавательные цели, ознакомление с материальными и нематериальными ценностями региона.

Для повышения туристской привлекательности нецелесообразно использование шаблонов брендинга уже известных территорий. Такие варианты всегда уступают оригиналу и воспринимаются туристами как

копирование, а не как уникальное предложение ценности. Так, в двух из трех рассматриваемых в данном исследовании регионов присутствуют малые города, стремящиеся построить позиционирование на идее «настоящего провинциального города». Это делают г. Судогда (Владимирская область) и г. Крапивна (Тульская область), при этом высокой степени узнаваемости не смог добиться ни один из этих городов. В то же время использование г. Крапивна ассоциаций с названием города — например, организация Фестиваля Крапивы [Календарь событийных мероприятий в Тульской области, 2017] — значительно более перспективный вариант.

В качестве примера в туристско-рекреационной сфере рассматриваемых регионов можно выделить несколько ключевых потенциальных брендов (табл. 9.1).

Таблица 9.1

Потенциальные бренды

Наименование	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
Курортно-рекреационные бренды	Санатории: им. Абельмана, Заглязьменский, Русский лес, Вольгинский	Курорты: Краинка, Велегож, Егнышовка	Курорты: Усть-Качка, Ключи, Демитково
Туристские бренды	Купеческий город Гороховец, Провинциальный город Судогда	«Тульский Петергоф» г. Богородицк, Самый маленький город Чекалин	Родина солеварения Соликамск

Источник: составлено авторами на основе открытых источников.

Формирование ценностного предложения для жителей малых городов

На сегодня вопрос ориентации на потребителя при управлении малыми городами слабо разработан, существует крайне небольшое количество исследований в этой сфере. В контексте управления малыми городами ориентация на потребителя часто основывается на идее, в соответствии с которой городская администрация должна фокусироваться на предоставлении услуг жителям на основе совместного с ними создания ценности [Cassia, Magno, 2009; Eshuis et al., 2014]. Реализация такого подхода, включающая переориентацию сервисов с односторонней направленности оказания услуг населению на партнерское взаимодействие, требует существенных преобразований в системе управления, процессах и культуре организаций [Sáez et al., 2013].

Основополагающим аспектом в маркетинге является понятие потребительской ценности и ценностного предложения для целевой

аудитории. В маркетинге территорий, в отличие от маркетинга коммерческих продуктов, не представляется возможным концентрироваться только на одном узком сегменте потребителей, важно принимать во внимание потребности как внешних, так и внутренних стейкхолдеров.

Местные жители являются приоритетной целевой группой, основными стейкхолдерами города. Это обусловлено тем, что они, во-первых, непосредственно участвуют в формировании ценностного предложения территории как носители локальной культуры [Березка, 2016b; Hanna, Rowley, 2013; Taecharungroj, 2016], во-вторых, являются основными бенефициарами маркетинговой деятельности. Кроме того, для жителей восприятие города связано с целым комплексом встроенных личных и культурных значений, индивидуальных для каждого человека.

Ориентированная на местных жителей маркетинговая деятельность органов местного самоуправления предполагает в качестве результата повышение занятости, доходов и в целом качества жизни населения. Для достижения этих целей необходимо строить маркетинговую стратегию территории, понимая специфику потребностей и систему приоритетов населения.

Основываясь на изучении российской и зарубежной релевантной литературы и международной практики, можно выделить следующие факторы, важные для обеспечения устойчивого развития территории:

- природные ресурсы (в том числе рекреационные) и климатические особенности;
- занятость населения;
- научный потенциал;
- качество образования и спектр образовательных возможностей;
- диверсифицированность экономики;
- инвестиционная привлекательность;
- поддержка развития инноваций.

Окружающая среда, включающая как природно-экологические составляющие, так и социально-общественные, — одна из важнейших составляющих уровня жизни населения. Исследования показывают, что люди, удовлетворенные окружающей средой, как правило, более удовлетворены своей жизнью [Insch, Florek, 2008]. Для повышения уровня жизни в городе, а также потребительской удовлетворенности ценностным предложением города, необходимо при осуществлении маркетинга территории ориентироваться на максимизацию выгод местного населения и приоритет их потребностей.

Отношение местных жителей непосредственно влияет на воспринимаемое качество ценностного предложения, которое имеет определяющее значение для формирования привлекательности территории для

других внутренних и внешних целевых групп. Удовлетворенность резидентов территории государственными услугами и удобством городской среды выступают важнейшей основой стабильности развития городов [Potarov et al., 2016]. То есть, улучшение условий жизни в малом городе позволяет заложить основу для создания его привлекательного бренда [Anholt, 2005; Källström, Ekelund, 2016].

В настоящее время в малых городах России практически не проводятся исследования удовлетворенности жителей уровнем жизни и их отношением к своему городу, методология исследований в этой сфере недостаточно развита. Это часто приводит к тому, что удовлетворенность жителей и их отношение к городу определяют по оценке ими качества государственных услуг. Однако такой вариант позволяет выявить восприятие жителями их места проживания, отражая только удовлетворение действиями конкретной администрации, в то время как для оценки удовлетворенности качеством жизни в городе необходимо изучение различных групп населения. При анализе изучаемых групп следует учитывать восприятие ими своего положения в обществе и такие объективные персональные показатели, как уровень благосостояния, образование, характер занятости, возраст и семейное положение [Insch, Florek, 2008]. То есть, качество жизни в городе необходимо анализировать, учитывая как объективную оценку фактических результатов на основе количественных показателей [Шерешева и др., 2017а], так и субъективную оценку удовлетворенности потребителей жизнью в городе и работой городской администрации в целом и над конкретными проектами [Potarov et al., 2016].

Модель формирования удовлетворенности местных жителей городом можно представить следующим образом (рис. 9.3).

Стратегии маркетинга территории, приоритизирующие потребности местного населения и поощряющие активное участие не только в поддержании ценностного предложения, но и в его дополнении и развитии, т.е. совместном создании ценности, в долгосрочной перспективе позволяют добиться более устойчивого результата [Kemp et al., 2012]. Мировой опыт исследований показывает, что основу потребительской ценности малого города для местных жителей составляют географическое положение и природная среда, доступность и качество основных услуг, обеспечиваемых государством (в том числе образование, здравоохранение и социальное обеспечение), жилищные условия, городская среда, возможности для отдыха и культурная среда [Källström, Ekelund, 2016]. Соответственно, можно представить эти факторы в виде четырех укрупненных блоков: «городская среда и разнообразие», «природа и отдых», «карьерные возможности» и «стоимость жизни» [Zenker, Beckmann, 2013].

Рис. 9.3. Модель формирования удовлетворенности городом местными жителями

Источник: [Insch, Florek, 2008].

Чтобы ценностное предложение города было интересным для высококвалифицированных профессионалов, при создании стратегии развития необходимо учитывать мотивы, ожидания и потребности как действительных, так и будущих жителей малого города. При этом роль городской администрации заключается в том, чтобы обеспечить условия и сформировать предложение ценности, непосредственное создание которого обеспечивается индивидуально каждым из жителей. Другими словами, органы местного самоуправления производят ресурсы и процессы, которые могут быть использованы жителями по своему усмотрению.

Если взаимодействие с жителями построено на принципах маркетинга партнерских отношений, руководство малого города может рассчитывать на преимущества совместного создания ценности с жителями [Källström, Ekelund, 2016]. Для этого необходимо наладить механизмы обратной связи для органов местного управления (рис. 9.4) и обеспечить простой и понятный алгоритм работы с инициативами местных жителей, ориентированной на реализацию идей, способных оказать положительное влияние на развитие территории.

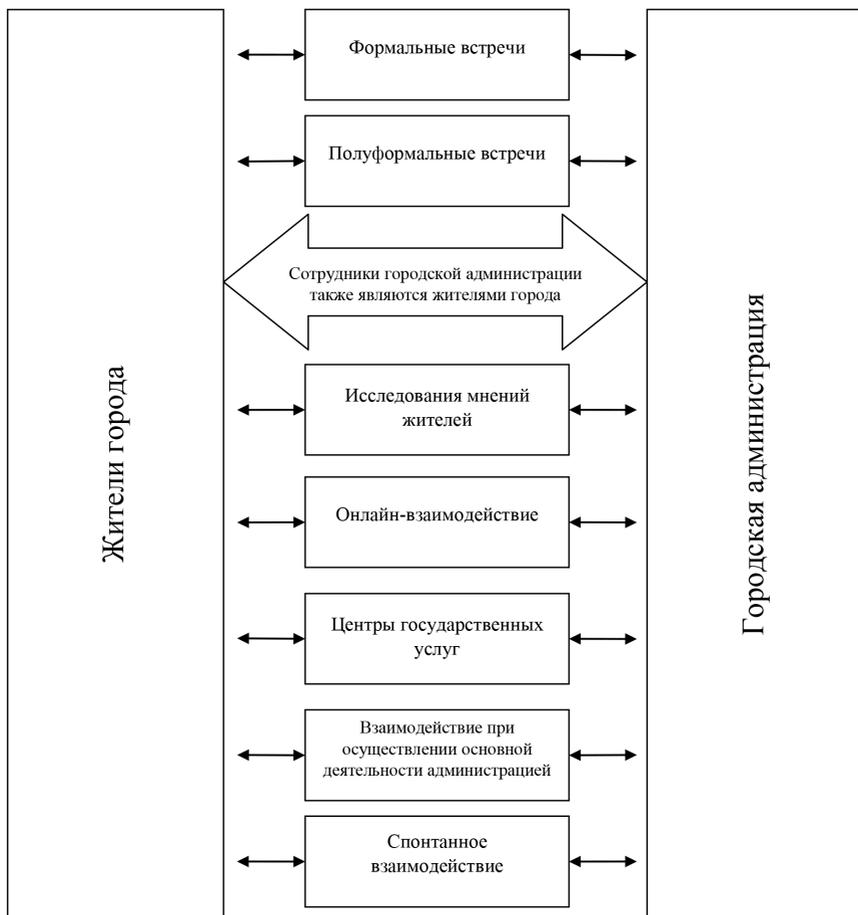

Рис. 9.4. Формы двустороннего взаимодействия городской администрации с местными жителями

Источник: [Källström, Ekelund, 2016].

Исследования, проведенные за рубежом, демонстрируют важность целостного видения, которое не сводится к дискретным предложениям ценности для стейкхолдеров города. Общая совокупность предлагаемых ценностей, а также то, как они взаимодействуют и какой эффект производят в различных сочетаниях, обладают более высокой значимостью, чем отдельные предложения. Это объясняется тем, что жители города заинтересованы в сбалансированности возможностей и получении, по крайней мере, адекватного уровня качества во всех базово необходимых

для человека сферах, формирующих комфортную для проживания среду. Исследователи сходятся во мнении, что в число этих базовых сфер входят доступное жилье, транспорт, здравоохранение, образование, возможности отдыха и общения с людьми, разделяющими интересы индивида [Insch, Florek, 2008; Kemp et al., 2012].

Степень удовлетворенности человека своим уровнем жизни в конкретном городе с течением времени может меняться и влиять на решение продолжать жить в этом городе или искать возможности переезда. Так, исследование, проведенное в г. Пермь, показало, что хотя жители в целом довольны городской средой, они проявляют интерес к возможностям дальнейшего улучшения работы городских служб, особенно выделяя в качестве актуальных направлений безопасность и культуру, а также отмечая необходимость улучшения здравоохранения и возможностей образования [Potapov et al., 2016].

Для определения того, каким образом городская администрация может улучшить ценностное предложение города и повысить удовлетворенность жителей, необходимо выделить систему компонент, определяющих ценностное предложение города, оценка которых жителями, с учетом влияния их ожиданий, будет определять воспринимаемое качество. Проанализировав результаты исследований, проведенных зарубежными и российскими учеными, мы выделили следующие компоненты:

- 1) городские услуги (культура, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, безопасность, транспорт);
- 2) экономика (диверсификация, карьерные возможности, уровень благосостояния населения);
- 3) экология;
- 4) социализация (система ценностей общества, возможности общения).

Роль взаимоотношений с жителями в формировании привлекательности города

Учет потребностей и особенностей восприятия местных жителей является критичным для формирования устойчивого положительного имиджа территории, поскольку резиденты выступают проводниками локальной культуры и системы ценностей. По сути, именно от отношения, способностей, навыков и деловых возможностей резидентов наиболее сильно зависят устойчивость развития города или региона, а также репутация и имидж территории. Если внутренние потребители разделяют предложенное видение, они могут способствовать привлечению

интереса других целевых групп, формированию отношенческой лояльности [Березка, 2016а].

Существует три возможные роли жителей в брендинге города: жители как неотъемлемая часть города, жители как амбассадоры бренда города и жители как граждане [Braun et al., 2013].

Вследствие существующих взаимодействий между жителями возникают особые социальные характеристики, которые определяют их идентификацию с городом [Insch, 2010]. Жители взаимодействуют с гостями города, и именно они в конечном итоге являются ответственными за восприятие города. Более того, уникальные характеристики и культура жителей города делают их дифференцирующим фактором. Таким образом, горожане в значительной степени отвечают за положительную оценку места — как туристами, так и потенциальными жителями.

Жители города имеют как права, так и обязательства. В этом смысле жители города имеют право участвовать в выборах и самостоятельно выбирать, например, руководителя местного правительства. То есть, жители участвуют в процессе принятия решений и разделяют ответственность за них.

В табл. 9.2 представлены причины, по которым важно вовлекать жителей города в процесс создания бренда города и его поддержание его имиджа и репутации.

Таблица 9.2

Значимость вовлечения жителей города в процесс создания бренда города

Роль жителей города в процесс создания бренда города	Вовлечены во взаимодействие с туристами
	Основной источник культуры
	Те, кто оценивает бренд
	Обладают влиятельной силой «сарафанного радио» для внешних целевых групп
	Амбассадоры бренда города

Источник: [Braun et al., 2013; García et al., 2015].

Развитие бренда города и благоустройство окружающей среды с вовлечением горожан полезны для всех участников проектного процесса города, так как в этом случае они усиливают общий и персональный результат. Этот подход — соучастующее проектирование — построен на вовлечении горожан в развитие городской среды (Приложение 5), он популярен в США, Великобритании, Германии, Франции, Японии, Финляндии [КБ «Стрелка», 2016]. Например, по инициативе горожан или в тесном сотрудничестве с ними были

созданы парк на месте аэропорта Темпельхоф в Берлине, Брайант-парк в Нью-Йорке, построено социальное жилье в Иль-де-Франс.

В табл. 9.3 представлены примеры инструментов вовлечения, которые могут быть применены для большинства форматов участия в различных городских проектах.

Таблица 9.3

Примеры форматов участия граждан в жизни города и инструменты вовлечения

Формат участия	Инструменты
Участие в обсуждениях, предпроектном анализе и формировании видения проекта	Опросы Интервью с заинтересованными сторонами Совместная оценка жителями и представителями власти территории предстоящего мероприятия Встречи с пользователями Мастерские по формированию видения проекта Проектные семинары Коммуникативные онлайн-площадки Открытая достоверная информация, доступная каждому интересующемуся жителю
Участие в опросах	Разные виды вознаграждения (баллы, подарки, статусы, приглашение на встречи)
Участие в благоустройстве территории	Взаимодействие с рабочей группой Мастерские по реализации проектов Лекции, дискуссии, экскурсии Конкурсы Пикники, ярмарки, концерты
Вовлечение горожан в управление территорией и событийное наполнение	Проведение регулярных оценок территории и разработка решений по ее улучшению Разработка правил и регламентов использования территории открытого календаря мероприятий Организация и проведение фестивалей, концертов, лекций, мастер-классов, спектаклей, соревнований, субботников, и т.д. Организация работы разных зон: уличная библиотека, игровые и обучающие занятия с детьми, изучение природы, спортивные занятия тренировки на открытом воздухе, ярмарки с уличной едой и фермерские рынки
Участие в продвижении туристического бренда города	Поддержка создания городских сообществ по интересам, в том числе НКО Образовательные курсы (клубы разговорного английского языка, экскурсии, квесты) Разработка атрибутики бренда города

Источник: составлено на основе [Панкрухин, 2006; КБ «Стрелка», 2016].

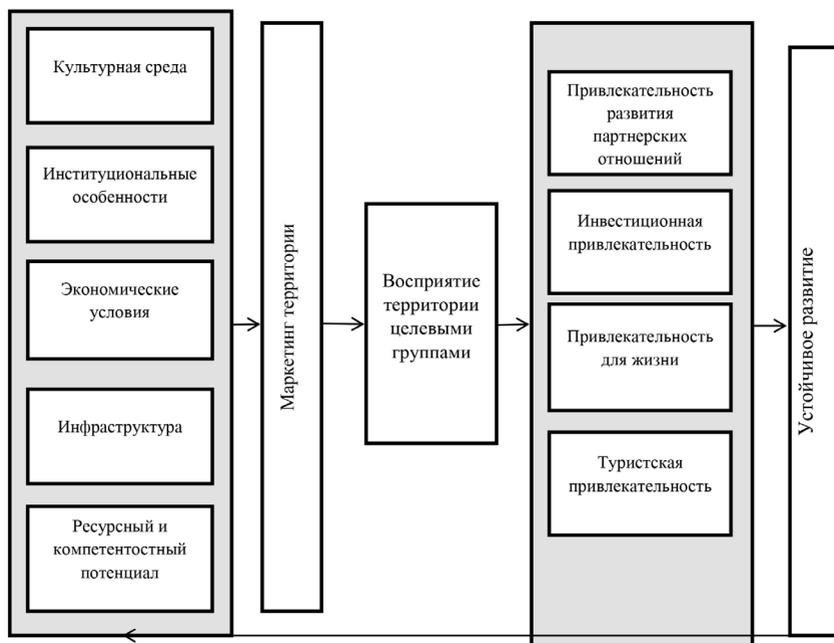

Рис. 9.5. Концептуальная модель взаимосвязи маркетинга территории и устойчивого развития

Источник: [Hanna, Wang, 2017; Hanna, Rowley, 2013].

Вовлеченность жителей в жизнь города гораздо выше, если они чувствуют свою причастность, «отождествляют» себя с городом [Wang, Xu, 2015]. Меры по вовлечению жителей в процесс развития бренда города направлены на удовлетворение как личных потребностей жителей, например, в образовании, принадлежности к той или иной группе, так и общегородских нужд. Кроме того, эти меры способствуют естественному развитию местного бизнеса и увеличению прибыли от такого развития, как для частных лиц, так и для городского бюджета.

Особенно важным в процессе формирования взаимоотношений с жителями является общение, т.е. не просто информирование жителей о проводимых мероприятиях и проектах, например, с помощью наружной рекламы, телевидения, радио, а коммуникация, которая подразумевает под собой взаимный обмен информацией. Важным условием успешной коммуникации является возможность высказаться без особых препятствий и барьеров.

На основе проведенного анализа мы можем представить концептуальную модель взаимосвязи маркетинга малых городов и устойчивого развития (рис. 9.5).

Роль Интернета в формировании взаимоотношений со стейкхолдерами города

Развитие Интернета изменило способы коммуникации городов практически со всеми группами стейкхолдеров, включая жителей. Большую роль в продвижении мест стали играть онлайн-сервисы и платформы, с помощью которых любой желающий способен найти интересующую его информацию о городе, поделиться впечатлениями о нем или найти интересующие события и проекты, чтобы принять в них участие.

К онлайн-инструментам, используемым в рамках брендинга территорий, относятся: сайты как носители идентичности бренда города, городской брендинг через блогосферу, социальные сети, мобильные приложения и виртуальная среда 3D [Dinnie, 2011].

Рассмотрим ряд наиболее характерных направлений формирования узнаваемого имиджа малых городов России.

Веб-сайт города — это первое «официальное» знакомство с ним, которое помогает познакомиться с городом, повысить осведомленность о нем, почувствовать его ритм. Таким образом, основная задача сайта города заключается в том, чтобы сообщать о бренде города, передавая соответствующую информацию. Это сообщение может принимать форму пассивной передачи информации (общая информация, картинная галерея, брошюры, проекты и планы городского совета) или интерактивной коммуникации (индивидуальная информация, консультации, обратная связь, календарь событий, интерактивные карты, виртуальные осмотры достопримечательностей). В отличие от традиционных средств массовой информации, содержание веб-сайта может быть адаптировано для ориентации на различные аудитории с помощью настраиваемых параметров. Кроме того, веб-сайты позволяют городам узнать больше об их аудитории, включая интерактивные функции на сайтах, чтобы поощрять посетителей к вступлению в диалог с городом [Nurme, 2001].

На большинстве туристических сайтов зарубежных городов можно найти информацию о ресторанах, местах размещения, достопримечательностях, городских событиях, тематические маршруты по городу, новости и блоги гостей и жителей города. Что же касается сайтов администрации города, которые используют для коммуникации с жителями, то они, особенно в России, зачастую наполнены отчетами, постановлениями правительств, контактной информацией департаментов и прочими материалами, не отражающими основные преимущества города¹.

¹ Тем не менее есть примеры попыток создать более «живые» и современные сайты с возможностью обратной связи для жителей города. Так, система городских решений Москвы «Вместе!», созданная по инициативе мэра Москвы С.С. Собянина, объединяет

Существует ряд инструментов, которые помогут вовлечь пользователей в онлайн-коммуникацию с представителями власти. Прежде всего, это генерация интересного и правдивого контента в форме, понятной большинству пользователей. Важно создание дружественной к пользователям коммуникативной платформы, своего рода городского клиентского сообщества с возможностью общения в открытой форме, анонимно или личными сообщениями. Должна быть создана возможность для обучения, оказания помощи другим гражданам, получения советов от экспертов. Кроме того, для наиболее активных граждан, участвующих в обсуждениях, опросах, конкурсах, необходимо создавать систему поощрений — например, в виде баллов, которые можно обменять на что-либо материальное: атрибутика бренда города, билеты в кино, квесты, экскурсии и т.д. Возможно создание системы статусов («активный гражданин», «новичок» и т.д.), приглашение на личные встречи с известными людьми, представителями власти. Но главное: система должна работать, быть прозрачной и понятной каждому.

Социальные сети — онлайн-сообщества, где люди объединяются по интересам и видам активности — еще один мощный инструмент продвижения города, а также платформа для получения обратной связи от горожан и гостей. Наиболее популярными социальными сетями в России являются Вконтакте, Instagram и Facebook. У многих городов России уже существуют страницы в социальных сетях, где идет активное взаимодействие с пользователями посредством генерации интересного контента о городе, фото и видео подписчиков, проведения конкурсов и т.д.

Еще одним инструментом продвижения города может быть блогосфера. Создатели блога, как и читатели, могут быть резидентами города, гостями города или потенциальными туристами, студентами, инвесторами и т.д. В случае с городами люди пишут и читают о туристических развлечениях, разного вида мероприятиях, качестве жизни в городе, социальных вопросах, политике, искусстве и культуре, образовании, спорте и т.д., подкрепляя свои тексты фото-, аудио- и видеоконтентом. Блогеры становятся новыми лидерами мнений, способными формировать представления о городах. Например, BlogTO (<http://www.blogto.com/about/>) — сайт о Торонто, который ведут его жители — группа заинтересованных художников, музыкантов, фотографов, политиков, представителей рекламного и медиабизнеса, индустрии моды, танцоров, программистов, любителей еды, режиссеров и даже ветеринаров

два направления: «Активный гражданин» для опросов и голосования, и «Наш город», где жители контролируют реализацию проектов, могут сообщить о городских проблемах или предложить идеи по благоустройству города.

[Динни, 2013]. Соответственно, важно обращать внимание на сотрудничество с блогерами, стимулировать их становиться амбассадорами бренда города, размещая положительные отзывы о городе.

В последнее время особую популярность набирает видеоконтент. Официальные и, в особенности, неофициальные, снятые местными жителями, видео могут наглядно рассказать о городе, продемонстрировать плюсы и вскрыть недостатки. Например, пятиминутный фильм «Звуки Владивостока» подчеркивает идентичность города через звуки, которые есть в городе — это море, корабли, чайки, звон колоколов, шум дорог, музыка оркестра театра оперы и балета, рычание тигра, песни местных музыкальных групп и т.д. [Звуки Владивостока, 2018].

Ценными инструментами для продвижения бренда города являются мобильные приложения и мультиплатформенность. Визуальные элементы бренда могут быть интегрированы в городские путеводители (TripAdvisor), интерактивные карты (2Gis) и сервисы по покупке авиабилетов (Aviasales). В качестве примера мультиплатформенности, свойственной новым медиа, можно привести TopTripTip — гид по городам России, созданный совместно с Телерадиокомпанией МИР, где может опубликовать информацию любые город России, администрация города, официальный туристическо-информационный центр города или НКО по туризму. У гида есть мобильное приложение, отдельные аккаунты в социальных сетях, видеоролики на Youtube и страница с фотографиями в Instagram.

Виртуальная среда 3D также может стать платформой для продвижения бренда территории. Так, например, Visit 3D Vegas (www.visit3dvegas.com) — социальная сеть, где пользователь может познакомиться с городом Лас-Вегас еще до того, как оказался там в реальности, завести реальных друзей и общаться с ними, развлекаться, делать покупки, путешествовать — все это в виртуальной реальности. Кроме того, играя в онлайн-игры, где действие происходит в том или ином городе, потенциальный турист может гораздо лучше понять идею города и узнать интересные факты о нем [Why a mobile game..., 2019].

Таким образом, пользовательский текстовый, аудио- и видеоконтент в рамках продвижения городов, регионов, стран может как помочь формированию положительного бренда территории, так и испортить уютную картину, созданную бренд-разработчиками. Именно поэтому так важно совпадение заявлений о городе с реальной картиной места.

На основании анализа информации, представленной на официальных сайтах администраций Владимирской и Тульской областей и Пермского края, можно судить о том, какое внимание уделяется ключевым компонентам, составляющим восприятие территории жителями

(табл. 9.4), и каким образом администрации представляют ценностное предложение территории для населения (табл. 9.5).

Все три изученных региона представляют на официальных сайтах информацию по большинству из компонент, при этом уделяют особое внимание вопросам экономического состояния. На сайтах Владимирской области и Тульского края представлены новости и анонсы культурных мероприятий, в то время как на сайте Пермского края эти категории не разделены, что затрудняет восприятие и возможности использования информации.

Таблица 9.4

Упоминание администрацией регионов ключевых компонент ценности для жителей

Субъекты РФ	Городские услуги						Экономика	Экология	Социализация
	Культура	Образование	Здравоохранение	Социальное обеспечение	Безопасность	Транспорт			
Владимирская область http://avo.ru/	+	+	+	-	+	+	+	+	+
Тульская область https://www.tularegion.ru/	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пермский край http://www.permkrai.ru/	+	+	+	-	-	+	+	-	-

Источник: [Администрация Владимирской области..., 2018; Портал правительства Тульской области... 2018; Портал Правительства Пермского края..., 2018].

Все изученные сайты предоставляют жителям возможность обращения в администрацию через электронную приемную. Порталы Владимирской и Тульской областей предлагают более широкий функционал взаимодействия на основе форума «Вопрос-ответ» (Владимирская область) и портала «Открытый регион» (Тульская область), на которых жители могут сообщить о проблемах и получить ответ по широкому

кругу вопросов. Администрация Пермского края, помимо электронной приемной, позволяет дать обратную связь только по двум направлениям в рамках проекта развития «Управляем вместе» — «Дороги» и «Дворы».

Представленная на портале Тульской области комплексная программа развития региона позволяет получить целостное видение осуществляемой работы по формированию ценности для жителей на основе информации и новостях о программе и опубликованных отчетах. Поскольку во Владимирской области действует несколько специальных программ развития по разным направлениям, информация о них представлена отдельно, что несколько затрудняет восприятие. Однако в целом можно выделить ориентацию на поддержку развития предпринимательской активности и повышение интереса потребителей к локальным продуктам. На портале Пермского края можно найти информацию о действиях и планах в рамках программы развития региона, но пока практически не присутствует информация о результатах. На портале Тульской области существует актуальная система опроса жителей.

Таблица 9.5

Коммуницированное на официальных сайтах ценностное предложение для жителей

	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
Ценность для жителей	Многоотраслевой, динамично развивающийся регион с хорошо развитой промышленностью. Высокий научно-технический потенциал. Богатое культурное наследие. Живописная природа и хорошая экология	Высокое развитие промышленного сектора, в особенности предприятий оборонного комплекса. Развитая транспортная сеть грузовых и пассажирских перевозок. Обеспеченность природно-сырьевыми ресурсами. Высокий научно-технический потенциал. Значительный туристский потенциал. Хорошие перспективы экономического роста	Ориентация администрации Пермского края на благополучие населения и качества жизни
Система обратной связи	Электронная приемная; форум «Вопрос-ответ»	Электронная приемная; Система «Открытый регион» — полезные городские сервисы; социологические опросы	Электронная приемная; возможность сообщения о проблемах в разделах «Дороги» и «Дворы» в программе развития региона
Приоритетные направления	Поддержка предпринимательской деятельности в регионе; Программа «Покупай Владимирское. Покупай Российское»	Программа социально-экономического развития области — 2021; Реализация стратегических инициатив Президента Российской Федерации в Тульской области	Проект «Управляем вместе» (комплексная программа развития)

Источник: [Администрация Владимирской области..., 2018; Портал Правительства Тульской области..., 2018; Портал Правительства Пермского края..., 2018].

На основе изучения потенциала трех регионов РФ нами выявлены возможности формирования ценностного предложения на основе имеющихся у них ресурсов и компетенций. Основные возможности, идентифицированные нами как имеющие наиболее высокий потенциал, приведены в табл. 9.6. В рассмотрение могут быть включены не только малые города указанных регионов, так как для них возможно использование преимуществ сетевого взаимодействия с другими территориями на основе маркетинга партнерских отношений.

Хотя по итогам анализа можно сделать вывод о том, что во всех трех регионах администрация демонстрирует понимание, какие компоненты важны для восприятия территории жителями, коммуникации с этой целевой аудиторией выстроены недостаточно четко. Кроме того, исходя из представленной информации, практически не проводится измерение и мониторинг удовлетворенности жителей, являющийся важным показателем для оценки результатов работы для городских, региональных и других территориальных органов управления. В такой ситуации высока вероятность недопонимания между жителями и региональной и муниципальной властью, недооценка интересов жителей, с одной стороны, и усилий местной администрации по улучшению качества жизни населения, — с другой.

С учетом проведенного анализа необходимо учитывать следующие преимущества, которые будут являться основой для формирования бренда малых городов исследуемых российских регионов:

- благоприятная экология и природный туристско-рекреационный потенциал,
- наличие уникальных культурных, исторических, религиозных объектов, а также объектов для промышленного и активного туризма;
- наличие слабо освоенных территорий.

Таблица 9.6

Потенциально перспективные возможности для формирования ценностного предложения территории

Бренд	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
Туристские бренды (действительные и потенциальные)	«Малое золотое кольцо» России; Купеческий город Гороховец; Провинциальный город Судогда	Ясная Поляна; Куликово поле; усадьба Поленово, «Тульский Петергоф» г. Богородицк; Самый маленький город Чекалин	Ролина солеварения Соликамск
Событийные бренды	«Владимирский тракт» (турниры по экипажной езде, конференции по туризму) АТК «Богдарня»; «День купца», г. Гороховец; гастрономические фестивали в г. Суздаль (например, МедовухаFest», «Международный праздник огурца»); «День Шоколада», г. Покров	«Дикая мята» (музыкальный фестиваль); «День пряника»; Фестиваль народного творчества «Поляна» (Филимоново); Гастрономический фестиваль «Яблочное чудо» (г. Белев); Фестиваль гонимого промысла «Сказки деда Филимона» (г. Одоев); «Песни Бежина Луга»	«Небесная ярмарка» (фестиваль воздухоплавания), г. Кунгур
Ко-брендинг территории и коммерческих продуктов (действительные и потенциальные)	«Покровский пряник» г. Покров; «Сыры от Джона», АТК Богдарня; «Киржачский молочный завод», г. Киржач	«Тульский пряник»; «Белевская пастила» г. Белев; «Филимоновская игрушка» пгт. Одоев; «Бежин луг» г. Тула (молочные продукты); «Веневка» г. Венев	«Кунгурская керамика» г. Кунгур
Другие возможности	«Гастрономическая карта Владимирской области», участие в проекте «Настоящая Россия»; развитие проекта «Владимирский продукт — покупай свое»; наличие историко-культурных памятников	Участие в проекте «Настоящая Россия»; развитие туристических продуктов на базе малых городов, бывших площадками киноспектаклей или театров / прообразами литературных произведений; историко-культурные памятники	«Пермские деревянные боги»; Нытвинские ложки, г. Нытва

Источники: [Шерешева, 2016а; Календарь событийных мероприятий в Тульской области..., 2017; Проект «Настоящая Россия», 2018].

Результаты носят предварительный характер и призваны стать основой для дальнейших исследований, включая полевое исследование и разработку предложений по использованию возможностей комплекса маркетинга и сетевого взаимодействия в контексте устойчивого развития. На основе проведенного анализа можно сделать вывод о возможности положительного вклада маркетинговых усилий в обеспечение устойчивого развития региона и о том, что в рассмотренных регионах (Владимирской и Тульской областях, Пермском крае) перспективно применение комплекса территориального маркетинга. Это позволяет повысить инвестиционную привлекательность региона, может способствовать улучшению экономической ситуации и качества жизни населения малых городов. В следующих главах будут также более подробно рассмотрены вопросы, касающиеся роли сетевых механизмов в развитии локальных брендов и туристской специализации малых городов.

В целом можно отметить, что в контексте маркетинга малых городов и их объединений, ориентированного на обеспечение устойчивого развития, необходима реализация следующих действий [Устойчивое развитие территорий..., 2018].

1. Оценка ресурсного потенциала и выявление приоритетных и перспективных для развития на территории видов деятельности.
2. Определение внутренних и внешних целевых групп, выявление их потребностей и проведение сегментирования на их основе.
3. Оценка возможности сетевого взаимодействия в партнеров и достижения более высокого результата на основе комбинирования ресурсов различных субъектов экономической деятельности.
4. Формирование ценностного предложения территории в целом и ее отдельных субъектов (городов, населенных пунктов, предприятий и их партнерств) в рамках единой концепции.
5. Планирование и реализация системы взаимодействия с внутренними и внешними целевыми группами для формирования потребительского опыта, в соответствии с потребностями каждого целевого сегмента.
6. Планирование и создание пула материалов, ориентированных на укрепление желаемого комплекса ассоциаций в восприятии целевых аудиторий.
7. Осуществление маркетингового аудита и оценки динамики развития и экономического состояния для своевременной диагностики проблем и корректировки дальнейших действий.

ГЛАВА 10

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ МАЛЫХ ГОРОДОВ С АГРАРНОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ НА ОСНОВЕ УСТОЙЧИВОГО РОСТА ТУРИЗМА

В современных условиях ведения хозяйственной деятельности возрастают макроэкономические и геополитические риски, осложняющие управление на каждом уровне — от федерального до субъекта бизнеса. Регионы с различным уровнем социально-экономического развития при формировании стратегии ориентируются на несколько основных факторов: обеспечение устойчивого роста отраслей, составляющих основу валового регионального продукта (ВРП); диверсификация экономики для оптимального распределения и использования ресурсного потенциала; повышение качества жизни населения, значительная часть которого живет в малых городах и сельской местности.

Наряду с уже отмеченными проблемами, имеющимися практически во всех малых городах, такими как низкий уровень жизни населения, в сравнении с крупными городами и среднероссийскими показателями, ограниченность финансирования, ненаполненность местных бюджетов, сложная демографическая ситуация, сокращение населения, острые проблемы здравоохранения и образования, неудовлетворительное состояние инфраструктуры и др., существует и специфика, присущая каждому конкретному малому городу. Это обусловлено тем, что малые города существенно различаются по количеству населения, по административному устройству, по местоположению и отдаленности от других городов и населенных пунктов, по исторически сложившейся специализации экономики по потенциалу развития, по наличию транспортных связей с другими городами и регионами, и т.д. Соответственно, каждый из них имеет свои собственные особенности и проблемы, определяющие приоритеты развития каждого из них. Грамотно выбранная стратегия, особенно с учетом возможностей взаимовыгодного взаимодействия с другими городами, может стать основой их экономического развития и базой для привлечения инвестиций.

Как показано выше, перспективы социально-экономического развития малых городов связаны с решением задач по определению их специализации и по обеспечению диверсификации экономики как самих городов, так и прилегающих сельских территорий. В связи с этим серьезное внимание должно быть обращено на развитие сферы услуг.

Роль сферы услуг в мировой экономике трудно переоценить. По данным Всемирного банка, на долю отрасли приходится 69% мирового ВВП [World Bank, 2017]. В странах с развитой экономикой данный показатель уже превысил 70%. В России сфера услуг обеспечивает более 60% валового продукта [Какова структура ВВП..., 2017]. При этом далеко не исчерпан потенциал туризма — доля данного сектора сферы услуг в ВВП России в 2019 г. составляла порядка 3,5% [ТАСС, 2019].

Туристско-рекреационная деятельность не только соответствует названным характеристикам, но и показывает быстрое восстановление в сложных геополитических и макроэкономических условиях. Преимуществами являются высокая степень адаптации за счет низкого уровня финансирования по сравнению с промышленностью, широкое заимствование инноваций из различных сфер материального производства, ориентация на персонал и природные лечебные ресурсы как основу лечебно-оздоровительных услуг. Таким образом, для успешного функционирования предприятий в рассматриваемом виде экономической деятельности необходимо внедрение стратегического управления с минимальными затратами. В данном случае планирование становится основополагающей функцией, возрастает значение стратегии с одновременным повышением сложности, связанной с необходимостью учета различных специфических факторов.

Рассмотрим ряд возможностей, которые возникают в связи с этим для малых городов.

Развитие сферы услуг аграрного туризма как направление роста экономики малых городов и регионов России

Элементы сервиса, которые в настоящее время являются неотъемлемой частью любого продукта, предлагаемого потребителям [Варго, Лаш, 2006]. Данная логика прослеживается и в агропромышленном комплексе (АПК), при этом постепенно зарождаются и развиваются новые производственные и несельскохозяйственные сферы, такие как *агротуризм*.

Развитию агротуризма как части АПК посвящены работы зарубежных [Yang, 2019; Karampela et al., 2016; Ciolac et al., 2019] и отечественных ученых, в частности И.В. Смирновой, Л.В. Дубиничевой, В.А. Кундиус, Г.И. Шерстобитовой и многих других. Растущая популярность данного

направления объясняется тем, что агротуризм основан на уникальных особенностях и преимуществах сельской местности, не требует кардинальных преобразований.

Развитие агротуризма как части агропромышленного комплекса способствует росту финансовых вложений, формированию современной инфраструктуры, повышению образованности и уровня жизни местного сообщества, облагораживанию территории, а также несет в себе элемент страховой защиты от экономических спадов в связи с неурожаем или падением цен на продукцию АПК [Оборин, 2014].

Среди уникальных преимуществ аграрного туризма для потребителей Международный независимый институт аграрной политики выделяет [Скрынник, 2017]:

- небольшие объекты размещения, обеспечивающие приватность и уют для туристов, не любящих большого скопления людей;
- доступ к природным памятникам, экологический туризм;
- питание натуральными свежими деревенскими продуктами, местная кухня;
- возможность принять участие в традиционных ремеслах и сельском труде;
- лучший способ почувствовать культуру и колорит региона, приобщиться к традициям.

Поддерживая и развивая местный колорит, можно значительно укрепить потенциал агротуризма в регионе. В свою очередь, аграрный туризм позволяет развивать альтернативную занятость в сельском регионе, снижая риски, характерные для АПК, и обеспечивает комплексное развитие сельских территорий, повышая общий уровень жизни региона.

Развитие сферы услуг в агропромышленном комплексе подразумевает формирование и развитие следующих элементов:

- размещение (гостевые дома, коттеджи, кемпинги);
- развитие региональной инфраструктуры (дороги, сервис, медицина и др.);
- увеличение числа рабочих мест для местного населения;
- привлечение дополнительных инвестиций в сельские регионы;
- экологически чистые продукты, местная кухня, народные промыслы;
- создание условий для отдыха и занятий спортом;
- реклама и продвижение туристических возможностей региона;
- создание новых туристических объектов;
- поддержание и развитие природных территорий.

В России агротуризм начал развиваться не так давно: несмотря на огромное количество сел и деревень с удивительной природой и

уникальными народными чертами, они не ассоциируются с туризмом и интересными впечатлениями. Зачастую это территории, отстающие в развитии, с моноэкономикой и низким уровнем жизни [Шершева и др., 2017а; Устойчивое развитие территорий..., 2018]. Серьезным препятствием для развития агротуризма являются инфраструктурные проблемы.

Оценить инфраструктурную оснащенность сельских территорий РФ можно по данным официальной статистики. На рис. 10.1 и 10.2 представлена информация по обеспеченности сельскохозяйственных организаций, фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей объектами инфраструктуры.

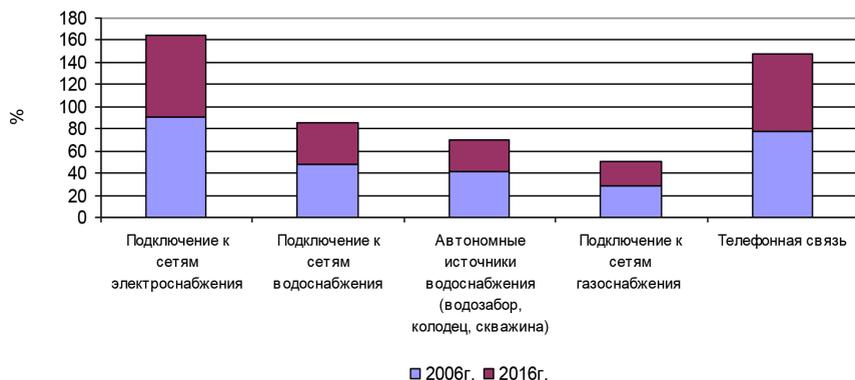

Рис. 10.1. Обеспеченность сельскохозяйственных организаций объектами инфраструктуры, в % от общего числа хозяйств категории

Источник: составлено по [Росстат. Основные итоги Всероссийских сельскохозяйственных переписей..., 2006, 2016].

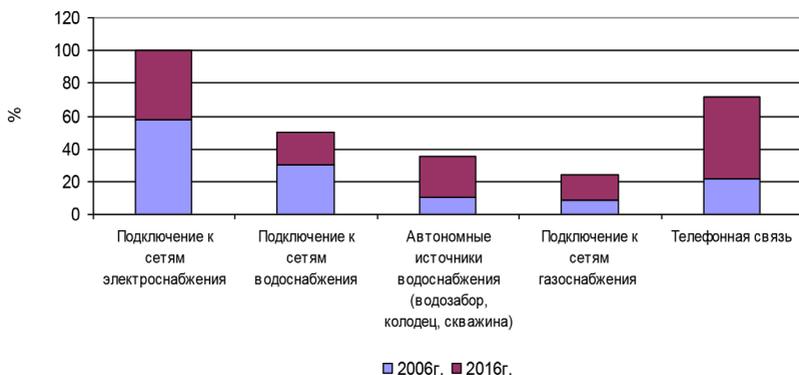

Рис. 10.2. Обеспеченность фермерских хозяйств и ИП объектами инфраструктуры, в % от общего числа хозяйств категории

Источник: составлено по [Росстат. Основные итоги Всероссийских сельскохозяйственных переписей..., 2006, 2016].

Из данных рис. 10.1 видно, что более 60% организаций не имеют подключения к системам водоснабжения, 30% — к средствам связи. Показатели фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей сельскохозяйственного сектора свидетельствуют, что четыре из пяти хозяйств не имеют подключения к водоснабжению. Следует учесть, что представленные данные являются усредненными показателями по всей России и свидетельствуют не о критической ситуации в стране, а об огромной дифференциации в уровне жизни жителей сельских регионов.

В итоговом документе Всероссийской переписи также отдельно выделены личные подсобные хозяйства и другие индивидуальные хозяйства, их обеспеченность объектами инфраструктуры составляет: 81% хозяйств подключены к электроснабжению, 28% имеют автономные источники водоснабжения, 45% — газифицированы, 15% имеют телефонную связь.

Обобщив представленную информацию, получаем усредненные показатели инфраструктурного развития предприятий и организаций агропромышленного комплекса:

- обеспечены электроэнергией — 66%;
- подключены к сетям водоснабжения — 18%, имеют автономные источники (водозабор, колодец, скважина) — 25%;
- подключены к газоснабжению — 26%;
- имеют телефонную связь — 45%.

Аграрный туризм, как и любое другое направление курортно-рекреационной деятельности, является частью индустрии впечатлений. Именно поэтому инфраструктурное развитие, лежащее в основе уровня качества предоставляемых услуг, может стать серьезным препятствием при привлечении туристов.

Тем не менее, по оценкам экспертов, у агротуризма в России большое будущее. Агропромышленный комплекс РФ обладает крупнейшим потенциалом для развития всей совокупности услуг, формирующих агротуристский комплекс. Развитие сферы услуг в АПК, а именно формирование гостиничного фонда, развлекательно-познавательных услуг, транспортной инфраструктуры, торговли, способно внести весомый вклад в валовый региональный продукт регионов, явиться источником дополнительного дохода хозяйств и значительно повысить перспективы развития сельских территорий. При этом в связи со стремительной урбанизацией и недостатком живой природы в повседневной жизни современного человека, в будущем популярность аграрного туризма будет только возрастать.

Попытки применить зарубежный опыт развития сельского туризма к становлению и развитию российской отрасли наталкивается на

определенные препятствия, связанные с культурно-бытовыми различиями и менталитетом. Тем не менее рассмотрение международного опыта может оказаться для регионов страны полезным. К примеру, в Республике Беларусь в течение последнего десятилетия количество агроусадб возросло в 66 раз, а количество туристов — в 30 раз (рис. 10.3).

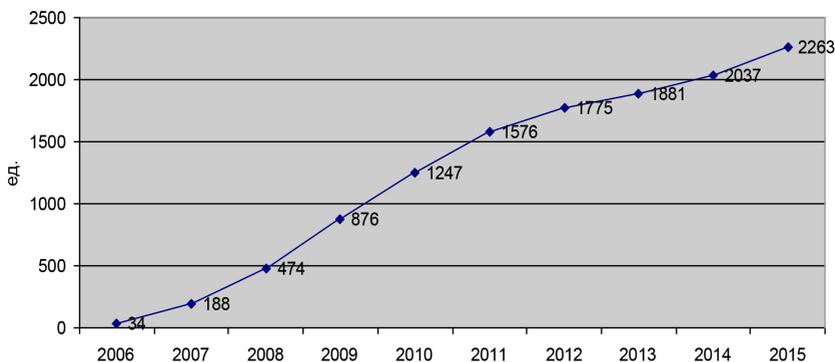

Рис. 10.3. Количество агроусадб в Республике Беларусь в 2006–2015 гг., шт.

Источник: [Опыт Республики Беларусь..., 2017].

Начало такому стремительному развитию положило нормативно-правовое обеспечение, а именно указ Президента Республики Беларусь, различные национальные и государственные программы. В рамках государственной программы по развитию туризма было осуществлено:

- создание туристических деревень с традиционной народной архитектурой на основе существующих сельских поселений, расположенных в живописной местности;
- активизация использования резервов сельского населения посредством организации сельских туров с проживанием и питанием в деревенских домах, усадьбах;
- формирование агротуристических комплексов на базе сельскохозяйственных производственных кооперативов [Государственная программа развития туризма..., 2011–2015].

Помимо организационно-правовых методов стимулирования, была осуществлена финансовая и методологическая поддержка, разработан четкий алгоритм создания нового бизнеса в сфере агротуризма. Поддержка малого предпринимательства — важный элемент программы развития сельского туризма. Большинство услуг, входящих в структуру аграрного туризма, могут быть оказаны субъектами малого предпринимательства [Оборин и др., 2017с].

Виды услуг, предоставляемых в рамках агротуризма, приведены на рис. 10.4. Под образовательными услугами подразумевается обучение народным промыслам, участие в сельскохозяйственном производстве предполагает такие виды деятельности, как садоводство, огородничество, животноводство, растениеводство.

Рис. 10.4. Виды услуг, входящих в структуру аграрного туризма

Источник: составлено автором.

При формировании развитой сферы услуг с надлежащим уровнем качества и приемлемой ценовой политикой важно осознавать, на какой сегмент потребительского рынка она нацелена. Председатель совета директоров винодельческого хозяйства Château le Grand Vostock Елена Денисова представляет следующую классификацию потенциальных российских агротуристов [Денисова, 2013]:

- *компании друзей:* остаются на продолжительный срок, пользуются всеми предоставляемыми услугами: посиделки у костра, дегустации, рыбалка и пр.;
- *лица, подверженные сезонным аллергиям:* уезжают на юг России в период весеннего цветения, возможность соблюдения особого режима питания (вегетарианский, без молока) способствует повышению лояльности клиента;
- *молодожены, влюбленные и необычные пары:* стремятся спрятаться от чужих глаз, остаться вдвоем;
- *владельцы животных:* отдых, в частности размещение в гостинице для владельцев крупных собак, зачастую становится

непреодолимым препятствием. Предоставление людям возможности отдохнуть, не расставаясь при этом с питомцами, — хорошая идея для повышения заполняемости гостевых домов в межсезонье.

Помимо культурно-развлекательных, бытовых и прочих организационных предпочтений, стоит также учитывать стоимостную сторону данного вопроса. По данным опроса, проведенного специалистами «Российской газеты», 32% опрошенных россиян готовы потратить на отпуск порядка 150 тыс. руб., 24% — от 39 тыс. до 78 тыс. руб. (рис. 10.5).

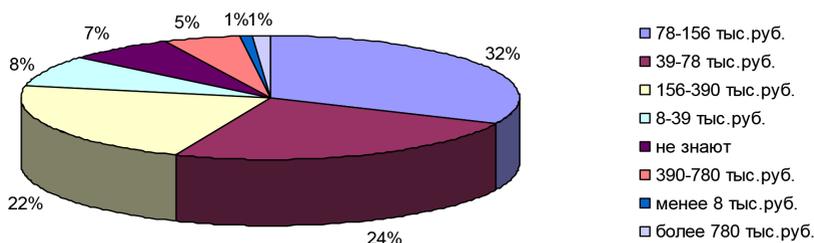

Рис. 10.5. Процентное соотношение россиян, готовых потратить определенную сумму на отпуск

Источник: [Информационный портал об активном отдыхе и туризме; Сельский туризм..., 2017].

По данным сайта RusAdventures.ru, средняя стоимость одного дня, входящего в путевку по направлению аграрного туризма, в 2016 г. составляла около 7 тыс. руб. Это соответствует порядка 50 тыс. руб. за недельный тур — такую сумму могут себе позволить большинство россиян.

Основными направлениями развития аграрного туризма в России являются, на наш взгляд:

- финансово-экономические программы поддержки малого предпринимательства сельских территорий;
- внедрение бизнес-планирования и маркетинговых технологий продвижения;
- создание объединенных брендов на основе территориальных преимуществ регионов с взаимодополняющей специализацией.

Дальнейшими направлениями исследований в данной области являются моделирование бизнес-процессов сферы услуг, формирование методического подхода оценки эффективности различных направлений туризма (сельского, экологического, лечебно-оздоровительного), анализ и измерение влияния рисков на сферу услуг агропромышленного комплекса.

Развитие лечебно-оздоровительного туризма

Одним из направлений развития экономики малых городов, трудоустройства местного населения, привлечения инвесторов и решения других проблем может стать *лечебно-оздоровительный туризм*, к которому в последнее время привлечено большое внимание во всем мире, в том числе и в России.

Рост лечебно-оздоровительного туризма, который наблюдается в последние годы, лежит в русле общей тенденции: все большее количество туристов среди различных видов поездок выбирают те, которые полезны для здоровья. По оценкам экспертов, сегмент лечебно-оздоровительного туризма будет расти и дальше, его объем уже в 2020 г. составит 808 млрд долл. [Жители России ..., 2017].

В утвержденной в 2019 г. Стратегии развития туризма в РФ лечебно-оздоровительный туризм трактуется как туризм, осуществляемый с целью оздоровления и укрепления здоровья [Стратегия развития туризма, 2019].

В лечебно-оздоровительном туризме можно выделить два направления — это санаторно-курортный (оздоровительный) туризм и лечебный (медицинский) туризм. Оба они направлены на восстановление, поддержание и профилактику здоровья граждан, но при общности многих реализуемых задач имеются существенные различия по организации, по набору оказываемых услуг, по спросу, по категориям туристов и т.д.

Санаторно-курортный (оздоровительный) туризм — вид туризма, который осуществляется в лечебно-профилактических целях, либо для восстановления и реабилитации после лечения, проведенного в медицинских учреждениях. Иногда к данному виду относят и просто курортный туризм — отдых в местах с благоприятными для здоровья природно-климатическими условиями, без необходимости медицинского ухода.

При выборе туристами места санаторно-курортного пребывания определяющими являются такие факторы, как наличие природных лечебных ресурсов — минеральных и грязевых источников, климатических условий и т.п., специализация санатория, возможность получения медицинской помощи по конкретным медицинским профилям, оснащение современной медицинской техникой; цены на услуги и пребывание и др. Немаловажное значение имеет и состояние самого санатория.

Санаторно-курортный комплекс России не имеет аналогов в мировой туриндустрии. Будучи унаследован от СССР, он характеризовался комплексным подходом и, несмотря на значительные потери постсоветского периода, по-прежнему сохраняет характеристики межотраслевой системы как процесса сложных взаимоотношений стейкхолдеров, к которым относятся [Оборин и др., 2017; Баснина, 2015]:

- санаторно-курортные учреждения, оказывающие лечебно-оздоровительные услуги, имеющие разную систему организации и разную форму собственности;
- предприятия других отраслей, непосредственно или косвенно влияющие на обслуживание потребителей этих услуг, — сферы торговли, общественного питания, транспорта, коммунальных и бытовых услуг, промышленные предприятия, производящие необходимое для санаторно-курортных комплексов медицинское и бальнеологическое оборудование, фармацевтические препараты и др.;
- потребители санаторно-курортных услуг.

Отношения указанных стейкхолдеров складываются на фоне сложного межотраслевого взаимодействия и под влиянием интересов федеральной, региональной и муниципальной власти, поскольку управление отраслью предполагает и многоуровневый характер [Баснина, 2015].

Санаторно-курортные организации (санатории) располагаются преимущественно на территориях, обладающих необходимой инфраструктурой и природными лечебными ресурсами, которые определяют профиль санатория.

Согласно данным Росстата, по состоянию на 2018 г. в стране насчитывалось 1755 санаторно-курортных организаций (санаториев, санаториев-профилакториев и др.). Отметим, что их число за период с 2000 по 2018 г. сократилось с 2409 до 1755, т.е. более чем на 27%. В то же время количество мест в них за этот же период выросло почти на 10%. В наибольшей степени (в 2,43 раза) уменьшилось число санаториев-профилакториев, а также число мест в них (сократилось на 42%) (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Санаторно-курортные организации России

	2000	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Число санаторно-курортных организаций — всего	2409	1945	1905	1878	1832	1803	1755
В них мест (коек), тыс.	395	423	443	447	446,0	428,8	434,1
Из числа санаторно-курортных организаций:							
санатории-профилактории	1196	656	597	568	529	510	491
в них мест, тыс.	107	77	73	70	67	64	62

Источник: составлено по данным [Российский статистический ежегодник, 2019].

Так, в Республике Крым уровень износа зданий санаториев — от 70 до 90%. Санаторно-курортных организаций, имеющих значительный износ основных фондов, больше всего в Республике Башкортостан, Удмуртской и Чеченской республиках, Красноярском крае, Воронежской, Московской и Тульской областях. Более 80% износа медицинского оборудования имеют 166 санаторно-курортные организации [Закон Республики Крым..., 2017].

Большинство городов и поселений, где расположены санаторно-курортные организации, являются малыми городами. Например, в Республике Крым большая часть городов санаторно-курортной направленности — малые города и поселения (например, Алушта — около 30 тыс. человек; Саки — 25 тыс. человек; Старый Крым — 9 тыс. человек; Алупка — 8 тыс. человек; Гаспра — 11 тыс. человек; Симеиз — около 3 тыс. человек). Как мы уже отмечали, малые города очень различаются по потенциалу, по направленности экономики, по месту расположения и др. Часть малых городов, обладающие достаточным туристским потенциалом, расположены в местах, имеющих плохую городскую и туристскую инфраструктуру.

Приведение в должное состояние общей туристской инфраструктуры этих городов, оснащение современным оборудованием расположенных в этих городах учреждений санаторно-курортной сферы в настоящее время является одной из первостепенных задач. Следует отметить, что данные объекты потенциально интересны инвесторам, и они готовы принять участие в модернизации санаториев и других санаторно-курортных учреждений. Но для этого требуется сотрудничество с местными и региональными властями. Для того чтобы привлечь инвесторов к решению соответствующих проблем, требуется помощь государства, так как бизнес по созданию и развитию инфраструктуры весьма дорогой и с длительными сроками окупаемости.

В ряде регионов для привлечения инвесторов принимаются специальные решения по этой проблеме. Например, в Алтайском крае на курорте «Белокуриха» разработана и действует схема развития санаторно-курортного комплекса, в соответствии с которой нормой является соотношение 1 к 5 — на 1 бюджетный рубль не менее 5–6 руб. частных инвестиций [Интерфакс, 2017]. В Республике Крым проводится продажа отдельных санаторно-курортных бюджетных учреждений (ГБУ) [Министерство экономического развития Республики Крым ..., 2019]. По расчетам, выручка от продажи объектов составит от 1,5 до 2,0 млрд руб., которые, хотя бы частично будут потрачены на развитие малых городов и поселений.

Отметим также активизацию деятельности по созданию туристско-рекреационных кластеров и тот факт, что подавляющее число городов,

территория которых попадает в соответствующие зоны, являются малыми городами.

Среди примеров — создание таких кластеров в Республике Крым в рамках реализации федеральной целевой программы развития региона [Постановление ..., 2014]. В настоящее время в Крыму создаются пять кластеров — «*Детский отдых и оздоровление*» в г. Евпатории, кластер «*Лечебно-оздоровительный отдых*» в г. Саки, кластер в районе Чокракского озера, кластер «Черноморский», кластер «Коктебель». Формирование кластеров находится в разной степени готовности. В рамках ФЦП для решения этой задачи из бюджета выделено 6,6 млрд руб., что активизирует инвестиционную и туристическую деятельность в Крыму и создаст условия для круглогодичной работы предприятий туристской сферы.

Мы видим, что лишь один кластер в г. Евпатория создается в достаточно крупном городе с населением 107 650 человек. Из остальных четырех кластеров один создается в малом городе Саки с населением 24 727 человек, другой — в поселке Коктебель с числом проживающих менее 3000 человек, а еще два — недалеко от поселений Крыма. Создание на этих территориях туристско-рекреационных кластеров после введения их в строй действующих позволит территориям решить определенные социально-экономические проблемы.

В Алтайском крае создается туристско-рекреационный кластер «*Белокуриха*». Базой развития кластера является курорт Белокуриха — город-курорт федерального значения площадью 92,3 кв. км. Белокуриха относится к малым городам — общая численность жителей на 2019 г. составляет 15,2 тыс. человек. В настоящее время Белокуриха — это известный курорт, динамично развивающийся и активно посещаемый туристами в течение всего года. Курорт Белокуриха популярен не только среди жителей Алтайского края и ближайших регионов, но и всей страны, а также у туристов из других государств. В 2019 г. на региональном этапе Всероссийского конкурса лучших практик и инициатив социально-экономического развития субъектов РФ «Белокуриха» стала победителем в номинации «Туризм и культура».

В связи с тем, что в последние несколько лет среднегодовая загрузка мест размещения курорта Белокуриха составляет более 80%, а в летний период — более 100% при глубине бронирования путевок в среднем до 2–2,5 месяца, было принято решение о расширении курорта Белокуриха и создании новой площадки «Белокуриха-2».

Из конкурентных преимуществ туристско-рекреационного кластера «Белокуриха» можно отметить его выгодное географическое положение; по территории комплекса проходят туристские маршруты, в том

числе Большое и Малое Золотое кольцо Алтай; непосредственное соседство с особой экономической туристско-рекреационной зоной типа «Бирюзовая Катунь», наличие многочисленных санаториев с широким спектром оказываемых санаторных и медицинских услуг; устойчивый спрос на туристско-рекреационные услуги и др.

Весьма позитивным моментом, существенно повышающим эффективность и привлекательность кластера «Белокуриха», является создание на территории региона медицинского кластера Алтайского края (Приложение 13). Это позволяет строить непосредственные связи между лечебными и туристско-рекреационными и санаторно-курортными организациями. Кроме того, неизбежно возникнут связи не только региональные, но и межрегиональные, что позволит жителям в полной мере пользоваться и лечебными, и санаторно-курортными, и просто туристско-рекреационными услугами.

Для развития туризма крайне важна также транспортная доступность рекреационных объектов и обеспечение связности территорий [Волгин и др., 2019], позволяющая делать турпоездку более привлекательной за счет обеспечения выбора дополнительных туристских услуг. Только в этом случае удастся добиваться стабильной окупаемости и роста турпотока. Здесь также в последние несколько лет наметилось изменение стратегических подходов, открывающих для малых городов дополнительные перспективы развития [Ryzhenko, Sheresheva, 2018].

Так, в мае 2019 г. на заседании круглого стола по реализации стратегии развития санаторно-курортного комплекса в Алтайском крае было озвучено предложение создать отдельную административную единицу — Белокурихинский курортный район — и построить новую трассу в Смоленском районе Алтайского края, которая выведет туристические потоки в Республику Алтай, поможет разгрузить старую федеральную трассу (Чуйский тракт) и создать новый маршрут, который будет включать туристические достопримечательности двух регионов. «Чтобы увеличить турпоток есть идея: “Чуйский тракт-2” на туробъекты — Денисову пещеру, на село Усть-Кан, на реку Коксу — надо замкнуть в “Белокурихе-3” мостом, и, конечно, обустроить эту дорогу, так как через Белокуриху может пойти огромный поток», — отметил в этой связи О. Акимов, заместитель генерального директора АО «Курорт Белокуриха» (якорного инвестора курорта «Белокуриха-2») [ТАСС, 2019].

Лечебный (медицинский) туризм — вид туризма, при котором лица, имеющие какие-либо заболевания и медицинские показания к их лечению, посещают медицинские учреждения с целью получения необходимых видов медицинской помощи (например, для проведения операций)

[Horowitzetal, 2007]. Эти поездки обязательно связаны с наличием медицинских учреждений определенного профиля или многопрофильных, специализирующихся на определенных видах заболеваний, с наличием высококлассных специалистов, с невозможностью получения необходимой медицинской помощи в месте постоянного проживания, с более низкими ценами на лечение или операции и др. На этом виде туризма мы остановимся ниже.

Говоря о развитии *медицинского туризма*, следует отметить, что этот сегмент рынка туризма растет. По оценкам, в ближайшее десятилетие примерно 3–4% населения мира будет путешествовать в разные страны с целью получения медицинских услуг. Индекс медицинского туризма (МТИ) и отчеты исследовательской корпорации Oxford Economics и Visa прогнозируют сохранение этой тенденции. По оценкам экспертов, в ближайшие десять лет рынок медицинского туризма будет расти на 25% в год и достигнет к 2025 г. примерно 1 трлн долл., а по ряду более оптимистичных прогнозов, оборот в сфере медицинского туризма к 2025 г. может достичь более 3 трлн долл. [UNWTO General Assembly, 2019].

Существенному росту медицинского туризма в последние годы дополнительно способствуют стремление к здоровому образу жизни, а также увеличение продолжительности жизни и старение населения. Так, согласно данным МТИ, к 2025 г. примерно 13% всех международных туристических поездок будут предприняты «возрастными» путешественниками. Из этих поездок многие будут связаны с медицинским туризмом [Закон Республики Крым..., 2017].

Медицинский туризм в России представляет интерес как для россиян (внутренний медицинский туризм), так и для иностранных туристов (въездной медицинский туризм). При этом и иностранные, и российские туристы ориентируются, прежде всего, на возможность получить те виды медицинской помощи, которые наилучшим образом представлены в России, на которых специализируются те или иные лечебные заведения (клиники, институты, больницы и др.), либо на стоимость лечения, которая в России во многих случаях существенно ниже, даже с учетом поездки.

Разница в ценах на лечение и на другие медицинские услуги в различных регионах и городах страны является одной из основных причин роста медицинского туризма в России. Кроме того, развитию медицинского туризма способствует наличие в отдельных регионах страны медицинских центров, специализирующихся на определенных видах заболеваний и обладающих новейшими технологиями, оборудованием, кадрами соответствующей квалификации и повышенным качеством медицинских услуг. Число таких центров ограничено, и для получения

соответствующего лечения жителям других регионов требуется совершать поездки.

Следует отметить, что развитие медицинского туризма наряду с решением экономических вопросов за счет привлечения средств туристов одновременно способствует и решению проблем развития всей системы здравоохранения в стране, а также самой медицины — появляются новые медицинские клиники и центры, методики, технологии лечения, разрабатываются новые лекарства и препараты, повышается качество подготовки специалистов и квалификация медицинских работников и др.

Несмотря на всю значимость и перспективность медицинского туризма, развитию этого направления в нашей стране до недавнего времени не уделялось достаточного внимания. Например, в утвержденной в 2019 г. Стратегии развития туризма в РФ понятие «медицинский туризм» отсутствует даже в разделе «Основные понятия» [Стратегия развития туризма, 2019].

Весьма позитивным моментом, радикально изменившим решение проблем медицинского туризма, стало то, что процесс возглавило Министерство здравоохранения Российской Федерации, которое в настоящее время проводит большую и системную работу по развитию медицинского туризма.

Активная работа по развитию медицинского туризма началась после выхода майского (2018 г.) Указа Президента РФ № 204, в котором Правительству РФ была поставлена задача увеличить к 2024 г. объем экспорта медицинских услуг не менее чем в четыре раза по сравнению с 2017 г. до 1 млрд долл. в год [Указ Президента РФ, 2018].

Несмотря на то, что Указом определены задачи по росту *экспорта* медицинских услуг, он привел в действие механизмы развития самих медицинских услуг и развития медицины в городах и регионах России. Причем внутренний медицинский туризм можно рассматривать как экспорт медицинских услуг в другие регионы внутри России.

Во исполнение Указа было принято несколько важных документов, нацеленных на совершенствование системы здравоохранения в целом и отдельных ее направлений. Постановлением Правительства РФ № 380 в 2019 г. [Постановление Правительства РФ, 2019] были внесены изменения в Государственную программу «Развитие здравоохранения» [Постановление Правительства РФ, 2017], касающиеся корректировки целей, состава соисполнителей и участников, структуры и сроков реализации пилотной Госпрограммы, правил предоставления и распределения субсидий и др.

В 2019 г. Указом Президента РФ № 254 была утверждена Стратегия развития здравоохранения в России [Указ Президента РФ, 2019]. В этом

же году Минздравом России был разработан Паспорт национального проекта «Здравоохранение», включающий восемь федеральных проектов, среди которых Федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг» [Федеральный проект, 2019], направленных на развитие медицины в стране.

Федеральный проект развития экспорта медицинских услуг является уникальным по количеству участвующих в нем субъектов РФ. Из 85 регионов России в Федеральный проект вошел 71 регион. Регионы, не вошедшие в проект, не обладают потенциалом, необходимым для его реализации. Например, в Ненецком автономном округе, который не вошел в проект, живет всего 43 тыс. человек, в нем нет ни одной медицинской организации, которая бы оказывала ВМП (высокотехнологичную медицинскую помощь). Данному региону пока нечего предложить иностранным пациентам, так как даже население этого региона пользуется высокотехнологичной медицинской помощью в соседних регионах [Блог о медицинском маркетинге]. Большое число субъектов РФ, вошедших в проект, свидетельствует о том значении, которую он имеет для социально-экономического развития регионов.

Как мы уже отмечали, развитие медицинского туризма напрямую зависит от того, что могут предложить медицинские учреждения, насколько качественным будет предоставляемое ими лечение, насколько эти учреждения оснащены новейшей медицинской техникой, какова цена медицинских услуг и пр.

Практика показывает, что далеко не все медицинские учреждения могут предложить качественную медицинскую помощь, не везде профессионализм и квалификация сотрудников соответствуют современным методам и методикам лечения, не всегда новейшее оборудование, установленное в клинике, гарантирует хорошие результаты и пр. Важными являются и специализация медицинских учреждений, длительность их функционирования, опыт и квалификация работающих специалистов.

Большинство таких учреждений сосредоточено в крупных городах, в первую очередь, Москве и Санкт-Петербурге. Клиники, больницы, институты и другие медицинские учреждения этих городов пользуются наибольшим спросом. По данным Национального туристического союза, подавляющее число въездных медицинских туристов приходится на Центральный регион России, 90% которых выбирают для лечения клиники Москвы или Санкт-Петербурга [Национальный туристический союз, 2019].

Помимо этих регионов можно отметить такие как Ленинградская, Московская и Челябинскую области, Республика Башкортостан, Омская, Самарская и Свердловская области, Хабаровский край и др.

В связи с тем, что развитие медицинского туризма играет существенную роль в развитии экономики и социальной сферы регионов, все большую важность приобретает участие в этих процессах региональных властей, а также взаимодействие региональной власти с участниками реального рынка медицинского туризма.

Большое значение реализация проекта имеет и для населения регионов, так как развитие медицины и оказания медицинских услуг позволит жителям получать более качественную медицинскую помощь, включая высокотехнологичную, и помощь эта станет возможной для большего числа граждан, что особенно важно для жителей малых городов и поселений, которые раньше не имели доступа к такой помощи.

Рассматривая вопросы развития медицинского туризма в нашей стране, нельзя не отметить такое преимущество, как наличие в России развитой сети санаторно-курортных учреждений, о чем мы говорили выше, которые могут быть использованы как база для реабилитации и восстановления граждан после лечения их в клиниках. При этом необходимо формирование соответствующих связей (как региональных, так и межрегиональных) между медицинскими и санаторно-курортными учреждениями.

Один из путей развития сферы санаторно-курортного и медицинского туризма в России состоит в применении кластерного подхода. Международный опыт показывает, что отраслевые кластеры как одна из форм сетевого взаимодействия позволяют решать не только задачи бизнеса за счет объединения комплементарных ресурсов и компетенций компаний-участников, но и проблемы социально-экономического развития территорий [Шерешева, 2016а; Шерешева, Полянская, 2017].

Стимулирование кластерного развития в России связано с принятием таких документов, как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», проект «Концепции кластерной политики в Российской Федерации», «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации».

Нормативно-правовое определение кластера в российском законодательстве дается в Концепции кластерной политики в Российской Федерации на 2007 г.: «Территориально-производственный кластер — объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной» [Распоряжение Правительства РФ, 2006].

Создание *медицинских кластеров*, которые позволяют сосредоточить ведущие медицинские учреждения, высококвалифицированные кадры, новейшее оборудование, использовать последние научные разработки для оказания качественной медицинской помощи, позволяет предоставлять медицинские услуги не только на своей территории, но и создавать в ходе своей деятельности межрегиональные связи, в первую очередь, с соседними регионами [Мешерякова, 2017]. При этом должны быть решены вопросы формирования региональных и межрегиональных связей между городами регионов, в числе которых должны обязательно присутствовать все малые города. В настоящее время медицинские кластеры создаются во многих регионах, в том числе в таких как Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Краснодарский край, Ставропольский край, Свердловская область, Томская область и др. (см. также Приложения 13–15).

Формирование кластеров на всех этапах — от разработки проекта до его реализации — требует решения многочисленных проблем. Необходимо тщательная проработка вопросов управления проектом, взаимодействия организаций, входящих в кластер, кадрового, финансового и материального обеспечения. Важным, особенно при организации кластеров в санаторно-курортной сфере, является вопрос антропогенной нагрузки на территорию и ее возможного увеличения после начала функционирования кластера. Решение ряда проблем может потребовать принятия соответствующих документов либо изменений и дополнений в законодательные и нормативно-правовые документы.

Вопросы, касающиеся условий и особенностей формирования на территориях регионов — субъектов РФ туристско-рекреационных кластеров, будут более подробно рассмотрены в заключительной главе 12 данной монографии, посвященной использованию сетевого механизма координации в социально-экономическом развитии российских малых городов.

ГЛАВА 11

ЛОКАЛЬНЫЕ БРЕНДЫ И ТУРИСТСКИЕ АТТРАКЦИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Как отмечено в главе 9, развитие сферы туризма является одним из перспективных направлений развития и диверсификации экономики малых городов России [Шерешева и др., 2018]. Зарубежный опыт также свидетельствует о том, что туризм может оказывать положительное влияние на показатели социально-экономического развития малых городов [Tsundoda, Mendlinger, 2009].

Многие современные исследователи уделяют внимание практическим аспектам развития туризма в малых городах: в частности, изучаются вопросы институциональных условий для развития туризма [Пахалов, Сакс, 2019], стратегического планирования развития туризма [Щегольков, Метелкина, 2017], роли межмуниципального сотрудничества в туристской сфере [Mingaleva et al., 2017]. Однако за рамками исследования остаются иногда туристские аттракции малых городов — места и объекты, представляющие интерес для туристов. Без аттракций едва ли малому городу удастся привлекать туристов даже в условиях благоприятной институциональной среды и грамотной территориальной маркетинговой стратегии.

Территория России насыщена культурным богатством. Практически в каждом городе и селе есть исторические здания, интересные сооружения или природные красоты, привлекающие туристов и особенно любимые жителями. Про многие точки на карте страны сложены песни и народные легенды, написаны книги и сняты фильмы. Есть поселения, завораживающие своими уникальными традициями, обрядами или промыслами.

Многие малые города и сельские территории не только хранят память о великих событиях, деятельности выдающихся людей, но и дают возможность почувствовать «вкус места» через участие в фестивалях и праздниках, дегустацию местной кухни или просто получение уникальных впечатлений от ландшафтов, общения с местными жителями, темпа жизни «медленного города».

В данной главе рассмотрены конкретные примеры развития и продвижения локальных аттракций как инструмента развития малых

городов и повышения их туристской привлекательности с опорой на возможности использования разных форм сетевого взаимодействия на общенациональном и региональном уровнях.

Локальные культурные бренды как инструмент развития малых мест: опыт проекта «Живое наследие»

Развитие территории через культуру (нематериальную и материальную) и туризм — это метод, пригодный для самых разных мест, однако для малых российских городов он приобретает наибольшую актуальность.

Во-первых, малые города страны еще с советского времени оказались недостаточно насыщены «большой экономикой» — индустриализация делала ставку преимущественно на региональные центры и «вторые» города регионов, а сельское хозяйство больше развивалось на территории сельсоветов. Роль малых городов в качестве центров агропереработки и инфраструктурных «ядер» для окрестной сельской местности были недооценены. В результате, однако, старинные уездные и «заштатные» города, будучи лишены новой застройки и новой экономики, имели больше шансов сохранить свой исторический колорит и традиции. Соответственно, теперь многие из них оказались более открытыми и привлекательными с точки зрения экономики впечатлений.

Во-вторых, для многих малых городов именно развитие культурных и туристических активностей на фундаменте своих традиций и колорита становится ключевым конкурентным преимуществом в «сражении» за ресурсы с более крупными городами. Поскольку именно российские малые города лучше донесли к XXI в. свой «культурный код», «аромат места», они имеют потенциал повышенной привлекательности в условиях «интоксикации» от массового потребления. В эпоху стандартизации массовых услуг и в противовес этому все больше людей предьявляет запрос на «новую локальность».

Примеры того, как малые города «оседлали» эту возможность и получили серьезный приток внешних ресурсов от туристов и инвесторов свое развитие, сегодня достаточно хорошо известны: Мышкин, ставший важной остановкой для круизных теплоходов на волжском пути; Великий Устюг, ставший «резиденцией» Деда Мороза; Коломна, каждый год открывающая несколько частных музеев; и ряд других.

Практики и ремесла, несущие «культурный код» территории, могут вносить вклад не только в местную культуру, но и в локальную экономику. Но для этого локальные бренды должны приобрести известность, пройти дорогу от брендов локальных к брендам общенациональной, а

в ряде случаев и глобальной известности. Дефицит ресурсов в малых городах сегодня таков, что рассчитывать на окупаемость экономики впечатлений только за счет привлечения местных потребителей не приходится. Успех и рентабельность ждут, как правило, только те локальные практики, узнаваемость и география привлечения потребителей которых выходит минимум за пределы домашнего региона. К примеру, ставшие глобальным брендом ЮНЕСКО храмы в Кижях знамениты и обеспечены, а не менее ценная пятишатровая деревянная церковь в Нёноксе неизвестна и разрушается.

В то же время необходимо признать, что механизмы выявления и продвижения уникальных культурных особенностей российских локальных территорий и «привязанных к месту» культурных объектов, услуг, событий пока ограничены. В каталоги и электронные базы попадают обычно объекты, формально включенные в списки культурного наследия либо имеющие прямое коммерческое назначение, а также широко посещаемые туристами достопримечательности. Это мало способствует «приращению» внимания к локальной культуре и ее востребованности. Культурное наследие сохраняется преимущественно за бюджетный счет, причем в виде «музейных экспонатов», в то время как «живая культура», воплощенная в деятельности местных жителей, оказывается неизвестной за пределами населенного пункта / района / региона или утрачивается. В результате снижается культурный уровень жителей, разрушаются культурные традиции, недоиспользуется потенциал экономики культурного наследия, внутреннего и въездного туризма.

Жесткий дефицит ресурсов на сохранение локальных культурных объектов и практик часто приводит к разрушению не только местной культуры, но и местной экономики. Так, среди россиян, особенно старшего поколения, широко известен пошехонский сыр, но мало кто знает город Пошехонье, в котором работал в советское время сыродельный завод. Этот завод давно закрыт, но высока вероятность, что инвестор для возрождения традиций найдется, если эта информация будет известна и операциональна. На данный момент появление такого рода инвестора — скорее случайность, как, например, возрождение фабрики «Крестецкая строчка» из Новгородской области¹.

¹ Крестецкое кружево — народный промысел, который появился в 1860 г. В 2015 г. Антон Георгиев приобрел практически заброшенную фабрику и вложил в ее восстановление значительные собственные средства. В настоящее время на фабрике наращиваются объемы производства, расширяется ассортимент, разрабатывается линия современной женской и детской одежды с использованием традиционных швов крестецкой строчки. Руководство фабрики ведет активную работу по восстановлению музея легендарного промысла, организации туристических маршрутов, реализации программы мастер-классов для детей и взрослых [Крестецкая строчка, 2020].

В последнее время в этой сфере наметились позитивные сдвиги. Во многих российских городах и селах возрождается краеведческое движение, организуются самодеятельные экскурсии, активизируются поиски локальной идентичности. Однако эта работа чаще всего замыкается на местном или, максимум, региональном уровне, в то время как современная информационная среда дает возможность глобального продвижения локального колорита и привлечения под них ресурсов. «Бурановские бабушки», белёвская пастила или гастрономический фестиваль в Териберке — яркие тому примеры. К сожалению, в отсутствие доступного и современного интерфейса для продвижения локальных брендов такие примеры были единичными.

Общественный проект «Живое наследие», который был инициирован в 2018 г. на площадке Комиссии Общественной палаты России по территориальному развитию и местному самоуправлению, а в 2019 г. начал активно реализовываться при поддержке Фонда президентских грантов, призван восполнить этот пробел, создавая сетевую платформу для спасения, возрождения и популяризации локальных достопримечательностей страны. Включение туристов, культурных проектантов, добровольцев и исследователей, привлечение их внимания позволяет найти на местном уровне дополнительные ресурсы, которых хронически не хватает у государства и муниципалитетов.

В рамках Проекта создан портал Живое наследие.рф (www.livingheritage.ru) с каталогом и национальной картой локальных культурных брендов России. Это удобный способ выбрать для себя самое интересное на карте страны: для посещения, для изучения, для включения и помощи. Здесь собраны сведения о достопримечательностях конкретных мест: не только о самых известных (в стране и мире), но и о тех локальных культурных сокровищах, которые пока неизвестны за пределами своих регионов, однако могут быть драйверами, привлекающими значительный турпоток.

Выработка методики отбора и собственно отбор ключевых локальных брендов России стал ключевым действием на первом этапе реализации проекта (первое полугодие 2019 г.). Было принято решение разместить на карте самые разные явления и объекты, ставшие брендами, — это и уникальные поселения, и творившие на местах великие люди, культурные объекты и приобретшие символическое значение природные объекты и явления, традиции и промыслы, художественные образы и локальные стили, исторические даты и регулярные события, гастрономические явления, а в перспективе — арт-кластеры (творческие сообщества, формирующие «фабрики» локальных культурных брендов). Именно такое комплексное размещение брендов на карте и в каталоге позволяет увидеть территорию

целостно, выбрать места для посещения и инвестирования, и лучше понять их привлекательность и перспективы.

ТОП-500 культурных брендов отобрали члены экспертного жюри, состоявшего из ключевых специалистов, активно включившихся в проект с начала его реализации. В него вошли, в том числе, соавторы настоящей монографии А. Максимов (руководитель проекта «Живое наследие» и председатель Комиссии ОП РФ) и М. Шерешева (профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), эксперты по маркетингу территорий В. Шулаев, Н. Белякова и Н. Рыбальченко, основатель премии Russian Travel Awards Г. Шаталов, координаторы Экспертного совета по малым территориям А. Фирсов и Д. Лисицин, историк и политолог А. Макаркин, руководитель сообщества тревел-блоггеров Travel Russia Е. Харо (Приложение 16). Еще целый ряд экспертов подключались к работе жюри частично, участвуя в дискуссиях и предлагая решения, но не имея времени для постоянного участия. Жюри выработало классификатор и критерии для выбора локальных брендов в ТОП-500. Данная методика приведена в табл. 11.1.

Таблица 11.1

Классификатор и критерии для выбора локальных брендов в ТОП-500

1-й уровень (тип бренда)	2-й уровень (категории брендов)	Критерии отбора
Поселения	Исторические поселения Природные курорты Горнолыжные курорты Поселения-экстремумы	Автоматически: Входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (культурные объекты) Входят в список исторических поселений России (ИП) Входят в список полуфиналистов референдума «7 чудес России», «Всемирный следопыт» и победителей первого этапа референдума «Россия 10» Входят в список курортов федерального значения (КФЗ) Экспертно: Уникальные форматы градостроительной и социальной организации Лидеры международных культурных рейтингов Первые населенные пункты в контексте важных сегментов исторического прогресса Поселения в географических точках-экстремумах

1-й уровень (тип бренда)	2-й уровень (категории брендов)	Критерии отбора
Культурные сооружения и комплексы	Архитектурные объекты Архитектурно-историче- ские комплексы (включая городища, некрополи) Культовые сооружения Скульптуры и монументы Транспортное и промыш- ленное наследие Культурные ландшафты Природно-культурные комплексы и объекты (в том числе «места силы», парки)	<p>Автоматически: Входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (культурные объекты) Входят в список полуфиналистов референдума «7 чудес России», «Всемирный следопыт» (ВС) и победителей первого этапа референдума «Россия 10»</p> <p>Экспертно: Проявляющие уникальные форматы культурной деятельности Лидеры международных культурных рейтингов Включенные в страновые рейтинги туристических достопримечательностей путешественников и туристических справочников по России ключевых серий и издательств Первые объекты в контексте важных сегментов исторического прогресса, развития стилей и жанров архитектуры и искусства, человеческих сообществ Победители референдума «7 чудес Финно-угорского мира» (ФУМ) Ограничение: существующие, как правило, не менее 20 лет</p>
Природные объекты и явления	Географические объекты Природные явления	<p>Автоматически: Входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (природные объекты) Входят в список полуфиналистов референдума «7 чудес России», «Всемирный следопыт» (ВС) и победителей первого этапа референдума «Россия 10»</p> <p>Экспертно: Международные экстремумы Национальные лидеры Объекты и явления, определяющие идентичность территории и имеющие символическое значение межрегионального уровня Объекты и явления с выраженной уникальностью, имеющие потенциал межрегионального символического значения Включенные в страновые рейтинги туристических достопримечательностей путешественников и туристических справочников по России ключевых серий и издательств Победители референдума «7 чудес Финно-угорского мира» (ФУМ)</p>

1-й уровень (тип бренда)	2-й уровень (категории брендов)	Критерии отбора
Традиции и промыслы	Обряды и традиции Практики и технологии Творческие явления Промыслы	<p>Автоматически: Входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (нематериальное наследие) Входят в число народных художественных промыслов, пользующихся федеральной поддержкой (ПП)</p> <p>Экспертно: Уникальные явления, определяющие идентичность человеческих сообществ и имеющие значительный символический потенциал Лидеры культурных и туристических рейтингов Ключевые явления в контексте важных сегментов исторического прогресса, развития этнических и конфессиональных сообществ Включенные в страновые рейтинги туристических достопримечательностей путеводителей и туристических справочников по России ключевых серий и издательств Победители референдума «7 чудес Финно-угорского мира» (ФУМ) Ограничение: существующие не менее 20 лет</p>
Даты и события	Исторические даты Регулярные события Будущие или прошедшие мегасобытия	<p>Автоматически: Историческое событие, которому посвящен день воинской славы России (ДВС) Проведение мировых чемпионатов по олимпийским видам спорта Регулярное (как правило, ежегодное, более 50 лет) мероприятие, в настоящее время с участием не менее 100 тыс. человек Ежегодные ярмарки на месте исторических с тем же названием Прошедшее мегасобытие, в котором приняло участие более 100 тыс. участников</p> <p>Экспертно: Ключевые регулярные праздники, фестивали, другие события, имеющие межрегиональное символическое значение и большое число участников (как правило, не менее 20 тыс.) Входящие в российские и международные рейтинги культуры и событийного туризма Предстоящие геокультурные мегасобытия, в том числе большие юбилеи, имеющие важное символическое значение и привлекающие внимание общества и СМИ Победители референдума «7 чудес Финно-угорского мира» (ФУМ)</p>

Жюри отбирало преимущественно бренды, уже получившие национальную известность, но в отдельных случаях в ТОП-500 включались оригинальные объекты и практики, которые демонстрируют образец работы по территориальному развитию. Количество отобранных брендов фактически оказалось более 500, поскольку таким объектам и практикам нужно было дать дорогу в жизнь, чтобы «вместе с водой не выплеснуть ребенка» по формальным признакам.

Появление локальных брендов России на карте «Живое наследие» может быть фактором их возрождения и одновременно способствовать экономическому развитию малых городов, поскольку, как отмечено в предыдущей главе, идентичность места весьма часто формирует новую локальную экономику и «точки роста». В российской провинции «Кривые танки» (традиционные узорные хороводы) оживляют старинный город Грайворон, а фестиваль «Вишневарово» дал новое восприятие старопромышленного города Уварово не только туристами, но и жителями, способствовал даже улучшению демографической ситуации в нем. Комплекс «провинциальной ВДНХ» (Торговый городок) в Рязани был заброшен и планировался к сносу, но, став известным благодаря культурным волонтерам и войдя в ТОП-500 брендов портала «Живое наследие», обрел перспективы и стал местом проведения Дня города. Практика показывает, что для воспроизводства нематериального наследия ресурс общественного вовлечения еще более важен.

Интерактивная карта «Живое наследие» на первом этапе (2019) была наполнена только описаниями, визуализацией и локализацией ключевых культурных брендов страны (образов, традиций, символических объектов, великих людей), отобранных экспертным жюри и подготовленных специалистами АНО «Центр стратегического консалтинга» (ТОП-500). Однако масштабных социальных эффектов платформа «Живое наследие» добьется, только объединив тех, кто занимается сохранением и продвижением локальных культурных брендов на местах (которые сами наполняют сайт) и выйдя на аудиторию массового культурного туризма через составление новых культурных маршрутов, рейтингов и календаря событий.

На портале Живое наследие.рф пользователи могут искать объекты или практики не только по карте, но и в каталоге по категориям, а заходя в региональную базу данных — ознакомиться с визиткой региона, указывающей на главные его символы. Авторизовавшись, они могут оценивать конкретные культурные бренды, отмечать уже посещенные ими на месте, составлять свою карту уже состоявшихся путешествий и маршрутов на будущее. Наконец, они могут стать

участником сети людей, которые размещают информацию о локальных культурных брендах на этом интернет-портале, знакомясь и общаясь друг с другом.

Презентация продукта и фестиваль «Живое наследие», проведенный в 2019 г., показали готовность участвовать в платформе большинства регионов страны, высокую медийность (например, вхождение в топ-5 культурных событий июня 2019 г. по версии ДавыдовИндекс.Культура). Тем не менее реальная популяризация локальных культурных брендов страны требует формирования на платформе Живое наследие.рф сетевого сообщества людей, объединенных онлайн- и офлайн-коммуникацией и участвующих в выявлении, позиционировании и продвижении «культурного кода» и лучших культурных практик своей земли.

Для достижения этой цели планируется, с одной стороны, объединить на платформе Живое наследие.рф локальных культурных проектантов (краеведов, музейных работников, журналистов, организаторов культурных событий, руководителей учреждений культуры, волонтеров культуры и тревел-блогеров), а с другой — дать им через интерактивную платформу выход на широкую аудиторию внутреннего туризма, тем самым интегрируя сохранение наследия, культурно-познавательный и событийный туризм.

В ближайших планах сети «Живое наследие»:

- 1) создание удобного для туристов и носителей культурных практик пользовательского интерфейса работы с платформой Живое наследие.рф, включая мобильные приложения для Android и IOS, сервис навигации по маршрутам культурного наследия;
- 2) проведение ряда межрегиональных социокультурных марафонов — коммуникационных офлайн-площадок с интенсивным обучением, презентацией и обменом опытом сохранения и продвижения локальных культурных брендов макрорегионов (Сибирь, Урал, Поволжье, Юг и Центр России);
- 3) разработка и продвижение 1–2 межрегиональных и 4–5 региональных брендовых маршрутов «Живого наследия», организация виртуальных путешествий по культурным брендам страны, создание и распространение видеороликов о проекте и маршрутах «Живого наследия»;
- 4) создание базы данных локальных общественных лидеров в сохранении и продвижении культурных брендов, выстраивание их коммуникации, проведение для них международного фестиваля «Живое наследие».

Туристские аттракции малых городов: опыт Кемеровской области

В данном разделе на основе анализа опыта малых городов Кемеровской области показаны наиболее проблемные аспекты создания, развития и продвижения туристских аттракций региона.

Развитие туризма в Кемеровской области

Кемеровская область (Кузбасс) относится к числу российских регионов с достаточно развитой туристской сферой. В регионе представлены сразу несколько видов туризма, в том числе спортивный (горнолыжный), пешеходный, водный, историко-культурный¹. Существуют в регионе перспективы развития и других видов туризма, в том числе экологического и событийного [Брель, 2018].

В последние годы в Кемеровской области фиксируются высокие значения показателей развития туризма. В частности, по данным Ростуризма за 2018 г., Кузбасс входил в топ-10 регионов (8-е место) по показателю объема платных туристских услуг и был абсолютным лидером по этому показателю среди регионов Сибирского федерального округа (рис. 12.1).

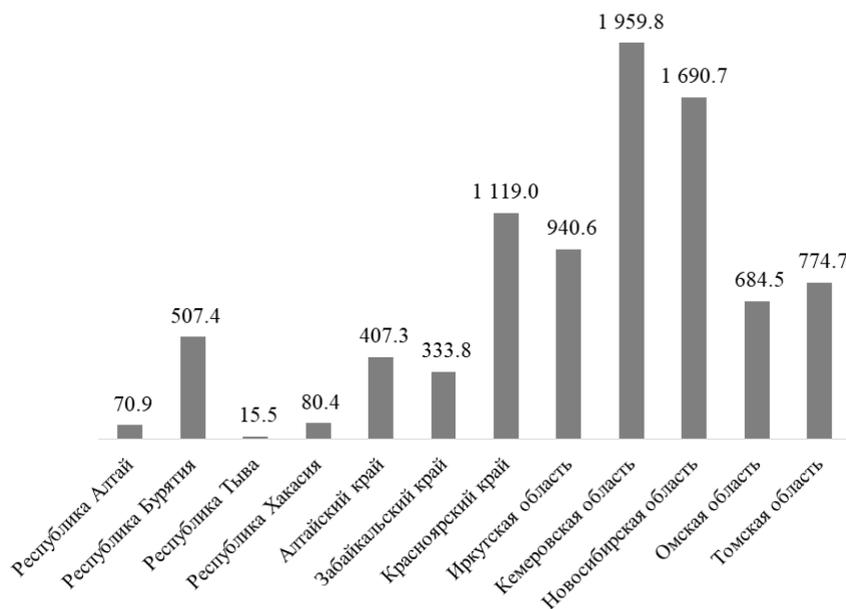

Рис. 11.1. Объем платных туристских услуг в регионах Сибирского федерального округа

Источник: [Ростуризм].

¹ Виды туризма / Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. URL: <http://www.dmps-kuzbass.ru/tourism/tourism/type/> (дата обращения: 08.01.2020).

По предварительным оценкам руководства региона, в 2019 г. Кемеровскую область посетили около 2 млн туристов, что на 27% выше результата предыдущего года¹. Активнее всего в регион приезжают российские туристы, в то время как популярность региона у зарубежных туристов остается невысокой: в «Национальном рейтинга въездного туризма» журнала «Отдых в России», Кузбасс занимает лишь 62-е место среди 85 субъектов РФ².

Кроме того, туристский поток в регионе в значительной степени сконцентрирован в одной дестинации — горнолыжного комплекса «Шерегеш», входящего в десятку самых популярных российских направлений для зимнего туризма³, на долю которого приходится до 50% от общего количества приезжающих в регион туристов. Оставшаяся половина туристского потока почти полностью приходится на крупнейшие города региона — Кемерово и Новокузнецк и фактически в большей степени состоит из гостей, приезжающих в города с деловыми визитами.

В 2020 г. на развитие туризма на Кузбассе планируется потратить до 500 млн руб.⁴ Одним из результатов этих вложений должно стать расширение числа туристских дестинаций за счет привлечения туристов в другие города региона, в том числе и те, которые традиционно оставались за рамками туристских маршрутов.

Туристская привлекательность малых городов Кемеровской области

На территории Кемеровской области расположены 11 малых городов: Берёзовский, Гурьевск, Калтан, Мариинск, Мыски, Осинники, Польшаево, Салаир, Тайга, Таштагол и Топки. Часть из этих городов относится к категории промышленных моногородов, представляющих незначительный интерес для туристов. В то же время некоторые города

¹ Кузбасс намерен привлечь 2 млн туристов в 2019 году / Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4163030> (дата обращения: 08.01.2020).

² Национальный рейтинг въездного туризма — 2019 / Отдых в России. URL: <http://rustur.ru/nacionalnyj-rejting-vezdnogo-turizma-2019> (дата обращения: 08.01.2020).

³ Шерегеш вошел в десятку самых посещаемых мест в России / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200115/1563428605.html> (дата обращения: 08.01.2020).

⁴ В развитие туризма в Кузбассе вложат 500 миллионов рублей / Областная газета «Кузбасс». URL: <http://kuzbass85.ru/2020/01/14/v-razvitie-turizma-v-kuzbasse-vlozhat-500-millionov-rublej/> (дата обращения: 08.01.2020).

обладают достаточно высоким потенциалом развития в качестве туристских дестинаций.

Например, г. Мариинск, сохранивший каменную и деревянную застройку уездного города XIX в., называют «музеем под открытым небом»¹. В свою очередь, г. Таштагол расположен вблизи упомянутого выше курорта «Шерегеш» и фактически входит в границы активно развивающегося там кластера спортивного туризма, привлекающего значительные туристские потоки из других регионов. Даже г. Осинники — один из важнейших центров угледобычи региона — обладает определенным интересом для туристов. В городе расположены несколько православных храмов, мечеть и действующая трамвайная сеть, что выступает достаточно необычным явлением для транспортных систем малых городов России.

В целом почти все малые города Кемеровской области расположены вблизи оживленных автомобильных и железных маршрутов (рис. 11.2), что создает предпосылки для их развития если не в качестве полноценных дестинаций, то в качестве транзитных точек остановки туристов, совершающих переезды между региональными аэропортами и расположенными в границах региона национальными парками и иными природными достопримечательностями.

Для выявления наиболее популярных туристских аттракций, расположенных в границах малых городов Кемеровской области (и прилегающих к малым городам) территорий, нами был проведен анализ отзывов и рейтингов на популярном глобальном туристском портале TripAdvisor, считающемся наиболее подходящим инструментом для проведения исследований в сфере изучения впечатлений туристов [Khoо et al., 2017] и имиджа туристских дестинаций [Kladou & Mavragani, 2015].

Для каждого из малых городов Кузбасса на основе соотношения количества отзывов и средней оценки пользователей портала TripAdvisor был сформирован рейтинг из трех наиболее популярных туристских аттракций, представленный в табл. 11.2.

¹ Туристские зоны Кемеровской области / Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. URL: <http://www.dmps-kuzbass.ru/tourism/tourism/type> (дата обращения: 08.01.2020).

Таблица 11.2.

Рейтинг туристских аттракций малых городов Кузбасса¹

Город	Население	Топ-3 достопримечательностей TripAdvisor (число отзывов, средний рейтинговый балл)
Берёзовский	45 801	1. Березовский музей боевой славы (один отзыв, 5.0)
Гурьевск	22 569	1. Гурьевский городской краеведческий музей (пять отзывов, 4.5) 2. Часовня Святого Иоанна Русского (один отзыв, 5.0) 3. Золотая Гора (два отзыва, 3.0)
Калтан	20 610	1. Музей города (один отзыв, 5.0)
Мариинск	38 209	1. Часовня великомученицы Анастасии Узорешительницы (восемь отзывов, 5.0) 2. Мариинский краеведческий музей (семь отзывов, 5.0) 3. Чивилихина В.А. Дом-музей (пять отзывов, 5.0)
Мыски	40 991	1. Скульптура Лось (два отзыва, 4.5)
Осинники	41 887	1. Храм Святой Троицы (четыре отзыва, 5.0) 2. Мечеть Нурислам (три отзыва, 5.0) 3. Церковь Пророка Божия Ильи (два отзыва, 5.0)
Полысаево	26 012	1. Развлекательный комплекс Причал (два отзыва, 5.0)
Салаир	7327	1. Храм Первоверховных Апостолов Петра и Павла (пять отзывов, 5.0) 2. Храм в честь иконы Божией Матери Всецарица (семь отзывов, 4.5)
Тайга	23 168	Нет
Таштагол	23 117	1. Таштагольский городской краеведческий музей (семь отзывов, 4.5) 2. Памятник «Золотая Шория» (три отзыва, 4.5) 3. Губернский центр сноуборда и горных лыж (два отзыва, 5.0)
Топки	27 639	1. Топкинский исторический музей (один отзыв, 4.0)

Источник: составлено авторами на основе данных портала TripAdvisor.

¹ В список не включались гостиницы, хостелы и иные объекты размещения туристов, которые в рамках данной работы мы не считаем самостоятельными аттракциями.

Следует отметить, что для некоторых городов список аттракций оказался короче — там нашлось меньше трех объектов, о которых оставляют отзывы туристы.

Анализ результатов, представленных в табл. 11.2, позволяет сделать несколько выводов:

- 1) в большинстве малых городов Кузбасса существует нехватка аттракций, привлекающих внимание туристов;
- 2) двумя наиболее типичными типами туристских аттракций малых городов Кемеровской области являются локальные музеи и религиозные объекты (церкви и храмы);
- 3) среди аттракций почти полностью отсутствуют развлекательные комплексы и спортивные объекты (каждый из этих видов аттракций представлен лишь в одном городе).

Сложившаяся ситуация не является оптимальной с точки зрения привлечения туристов в малые города региона. Локальные музеи [Шерешева, Колков, 2018], равно как и религиозные достопримечательности [Ветитнев, Сивцева, 2016], могут представлять интерес для определенных групп туристов, приезжающих в малые города. Однако масштабы таких форм туризма едва ли смогут быть значительными — особенно с учетом того, что туристский продукт городов Кемеровской области в этих аспектах серьезно уступает по качеству и разнообразию городам Европейской части России.

Малые города Кемеровской области потенциально могут создавать туристские аттракции в двух других типах туризма — гастрономическом и аграрном. Для каждого из этих видов туризма в регионе есть предпосылки и даже успешные кейсы, которые будут рассмотрены далее.

Возможности создания аттракций в сфере гастрономического туризма

Международный опыт показывает, что одним из перспективных вариантов привлечения туристов в малые города является развитие гастрономического туризма, подразумевающего открытие ресторанов и проведение фестивалей локальной кухни [Lee & Arcodia, 2011].

Самая популярная (по данным TripAdvisor) туристская аттракция Кемеровской области относится именно к сфере гастрономического туризма — это ресторан «Забой»¹, расположенный, правда, не в малом городе, а в областном центре. Ресторан «Забой» является тематическим:

¹ Забой / TripAdvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g811326-d2652489-Reviews-Zaboi-Kemerovo_Kemerovo_Oblast_Siberian_District.html (дата обращения: 08.01.2020).

его оформление (рис. 11.3) и меню выстроены вокруг тематики добычи угля — ключевой промышленности Кузбасса и важной части территориального туристического бренда.

Рис. 11.3. Интерьер ресторана «Забой»

Источник: [забой.рф].

Контент-анализ отзывов о ресторане показывает, что впечатления посетителей аттракции тесно связаны с образом Кузбасса в целом. Например, автор одного из отзывов указывает: *«Была приятно удивлена посещением ресторана. Стильная атмосфера погружает в экзотику Кузбасса с первых шагов. Стены выполнены под уголь, создавая впечатление шахты. Вы сможете померить каску, потрогать шахтовый телефон, посидеть в кабинете директора (и даже там пообедать)»*. Аналогичными впечатлениями делится и другой гость ресторана, характеризующий атмосферу ресторана как *«квинтэссенцию духа Кузбасса»*, а сам ресторан — как место, *«обязательное для посещения всех командировочных и туристов»*. Фактически в данном случае тематический ресторан становится проводником идентичности бренда региона [Kneafsey et al., 2017], предоставляя туристам максимально аутентичные впечатления. Анализ частоты встречаемости отдельных слов в отзывах на ресторан (рис. 11.4)

показывает, что атмосфера ресторана запоминается посетителям больше, чем еда и качества сервиса, и в чаще ассоциируется с намерением повторного посещения.

	Кол-во	% Коды	Кейсы	% Кейсов
Намерение				
• Повторный визит	5	2,5%	5	8,3%
• Рекомендация	16	8,0%	16	26,7%
Факторы				
• Месторасположение	5	2,5%	5	8,3%
• Сервис	36	17,9%	32	53,3%
• Еда	64	31,8%	49	81,7%
• Атмосфера	71	35,3%	51	85,0%
• Цена	4	2,0%	4	6,7%

Рис. 11.4. Результаты контент-анализа отзывов на ресторан «Забой»

Источник: TripAdvisor, расчеты авторов в пакете QDA Miner Lite.

На сегодняшний день «Забой» является практически единственным рестораном Кемеровской области с фокусом на тематику региона и привлечение туристов. Появление аналогичных заведений (с оригинальными концепциями) в других городах региона — например, в расположенном вблизи курортной зоны Таштаголе могло бы стать хорошим дополнением к имеющемуся там набору туристских аттракций.

Возможности создания аттракций в сфере агротуризма

Агротуризм, развивающийся в большинстве случаев в сельской местности, тем не менее способствует развитию малых городов, расположенных вблизи агротуристических комплексов [Rogerson, Rogerson, 2014].

В России агротуризм является не освоенным и достаточно новым направлением туризма, при этом для Кемеровской области это направление является еще более нетипичным. Согласно публикациям местных изданий¹, на территории Кемеровской области на данный момент существует всего два официально зарегистрированных хозяйства, работающих в сфере агротуризма:

¹ Приключения хипстера в деревне: как мы съездили в свой первый агротур / Авокадо. URL: <https://avoka.do/posts/priklucheniya-hipstera-v-derevne-kak-my-s-ezdili-v-svoy-pervyy-agrotur> (дата обращения: 08.01.2020).

- личное подсобное хозяйство семьи Богомоловых (недалеко от города Гурьевска);
- «Лесной домик» Сергея Белоусова (в районе города Междуреченска).

О деятельности данных предприятий практически отсутствуют информация и отзывы, что позволяет сделать вывод о близком к нулю уровню развития агротуризма на Кузбассе. Вместе с тем Кемеровская область является регионом с огромным количеством природных и рекреационных ресурсов, обладающих высокой привлекательностью для туристов. Кроме того, в регионе достаточно высок процент населения, проживающего в крупных городах (Кемерово и Новокузнецк), для которого потенциальный интерес может представлять погружение в сельский образ жизни с другим ритмом жизни и более благоприятной экологической средой. В совокупности эти факторы могут стать прочной основой для активного развития агротуризма в пределах региона.

Вместе с тем при проектировании стратегии развития агротуризма в Кузбассе важно учитывать определенные географические и экономические особенности региона. Несмотря на убежденность региональной администрации в том, что предложения по развитию агротуризма должны подготовить все муниципалитеты региона¹, в реальности наибольшими перспективами развития этого вида туризма обладают районы, прилегающие к крупным городам, а также расположенные вблизи национальных парков и курорта «Шерегеш». Шансы развития агротуризма в малых угледобывающих и промышленных городах выглядят достаточно туманными как из-за неблагоприятной экологии, так из-за недостаточного объема локального платежеспособного спроса.

Таким образом, можно говорить о необходимости отбора на уровне региона наиболее перспективных направлений создания новых аттракций, опирающегося на анализ существующих ресурсов и возможностей их комбинирования. В случае Кемеровской области могут быть предложены два таких направления — создание локальных гастрономических центров притяжения и развитие агротуристических комплексов вблизи малых городов. По каждому из этих направлений уже имеются успешные кейсы, однако они носят точечный характер и в перспективе должны быть встроены в общую стратегию развития туризма в регионе.

¹ Гастрономический и агротуризм будут развивать в Кузбассе / Интерфакс. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/37894/> (дата обращения: 08.01.2020).

ГЛАВА 12

ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Для региональных и муниципальных властей одним из существенных элементов политики устойчивого развития является понимание, каким образом относительно скромные ресурсы малых городов и районных центров могут комбинироваться для достижения совместных целей по тем или иным аспектам устойчивого развития.

В силу серьезных различий, обусловленных историческими, климатическими и прочими особенностями, развитие сетевого взаимодействия городов в разных регионах России будет характеризоваться своими отличительными особенностями, при этом важна оценка существующих транспортных потоков между городами, ресурсов, слабых и сильных сторон каждого города — участника сети, включая малые и сверх-малые города.

Аргументированное обоснование в рамках регионального планирования направлений и мер повышения привлекательности малых городов в качестве элементов в соответствующих областях деятельности (функциональная специализация) необходимо для оптимизации регионального и межрегионального развития, для улучшения транспортной инфраструктуры, позволяющей обеспечить надежные связи в сети, а также для увязки с другими аспектами планирования, обеспечивающего сбалансированное развитие.

Сетевое сотрудничество малых городов позволяет не только создать дополнительные предпосылки для социально-экономического развития, но и непосредственно содействовать эффективности процесса разработки документов стратегического планирования за счет обмена опытом, согласования интересов и выработки совместных приоритетов развития. Общая схема возможностей повышения эффективности планирования развития малых городов за счет сетевой координации представлена на рис. 12.1.

Направления повышения эффективности планирования должны основываться на нормативно-правовой базе, включающей основные

направления и показатели контроля эффективности реализации проектов по сетевому сотрудничеству.

Таким образом, есть основания полагать, что этот механизм может оказаться эффективным и с точки зрения улучшения качества стратегического планирования развития малых городов.

Существуют различные направления функциональной специализации и взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров (Приложение 7).

Рис. 12.1. Направления повышения эффективности планирования

Источник: [Оборин и др., 2017a].

Планирование функциональной специализации различных городов и поселений, входящих в структуру региональных и межрегиональных сетей городов, позволяет сократить транспортные издержки всех типов, изменить структуру потребления ресурсов на более результативную, оптимизировать систему ресурсного обеспечения реализации целевых программ социально-экономического развития городов и регионов [Мингалева, Паздникова, 2009].

В качестве примера рассмотрим более подробно характеристику малых городов Пермского края по текущей (исторически сложившейся) специализации, а также с позиции возможностей изменения специализации с учетом имеющегося потенциала (табл. 12.1).

Многие из городов, представленных в табл. 12.1, относятся к моногородам и центрам монопрофильной направленности, которые сформировались в своем нынешнем виде во времена Советского Союза как центры промышленного производства и добычи полезных ископаемых. Так, г. Губаха и г. Кизел еще 20 лет назад являлись развитыми центрами угледобычи, а сегодня это глубоко депрессивные территории. Города Александровск и

Нытва до сих пор остаются центрами машиностроения, хотя их социально-экономическое положение и привлекательность для рабочей силы и населения значительно ухудшились. Город Красновишерск является моногородом и центром целлюлозно-бумажной промышленности, постепенно восстанавливающим темпы развития.

Таблица 12.1

Экономическая специализация малых городов Пермского края

Малые города Пермского края	Сложившаяся специализация	Потенциальная специализация
Чермоз	Сельское хозяйство, промышленность	Сельское хозяйство, промышленность, туристско-рекреационная
Чердынь	Промышленность	Промышленность, туристско-рекреационная
Усолье	Сельское хозяйство, промышленность	Сельское хозяйство, промышленность, туристско-рекреационная
Оханск	Сельское хозяйство, промышленность	Сельское хозяйство, промышленность, туристско-рекреационная
Гремячинск	Промышленность	Туристско-рекреационная Две железнодорожные ветви, развитый автомобильный транспорт
Горнозаводск	Промышленность	Транспортная: развитое автомобильное сообщение с крупными городами, в том числе Пермью; железнодорожное сообщение
Александровск	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная Развитое транспортное сообщение, трасса регионального значения: Соликамск — Чусовой — Кунгур
Очер	Промышленность — моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Красновишерск	Промышленность — моногород со сложным социально-экономическим положением	Транспортная, туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность

Малые города Пермского края	Сложившаяся специализация	Потенциальная специализация
Кизел	Промышленность	Туристско-рекреационная Наличие автомобильной дороги регионального значения, железнодорожное сообщение с региональными центрами
Нытва	Промышленность — моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Губаха	Промышленность	Промышленность, транспортная, туристско-рекреационная Высокая транспортная доступность за счет сети железных дорог, автомобильных дорог
Оса	Промышленность	Промышленность, туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Верещагино	Промышленность, сельское хозяйство	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная. Пересечение железнодорожной магистрали Москва — Владивосток и автодороги регионального значения Очёр — Верещагино — Сива
Кудымкар	Пищевая промышленность	Пищевая и сельскохозяйственная, туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Чернушка	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная
Добрянка	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная
Чусовой	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная

Источник: составлено авторами.

Исходя из оценки текущего социально-экономического состояния, перечисленные в табл. 12.1 малые города Пермского края можно разделить на три группы:

1. Развитые: Гремячинск, Горнозаводск, Александровск, Верещагино, Кудымкар, Чернушка, Добрянка, Чусовой.

2. Неблагополучные: Чермоз, Оханск, Нытва, Губаха, Оса.
3. Депрессивные: Чердынь, Усолье, Кизел, Очер, Красновишерск.

Первая группа достаточно развитых и перспективных с точки зрения промышленности малых городов (восемь городов), хотя и характеризуется моноспециализацией, тем не менее, обладает несколькими крупными предприятиями, функционирующими на их территории и производящих продукцию как для Пермского края, так для других российских регионов, а также на экспорт. Так, в г. Гремячинск действуют лесоперерабатывающие предприятия ДОК Гремячинский, ООО «ПЛПК», завод ОАО «Автоспецоборудование», газокompрессорная станция Гремячинское ЛПУ МГ. Город Горнозаводск представлен монопроизводством ОАО «Горнозаводскцемент», поставляющим продукцию всем крупным предприятиям по производству стройматериалов Пермского края. В г. Александровске продолжают действовать и постепенно восстанавливают свое финансово-экономическое положение ОАО «Александровский машиностроительный завод», поставляющий горно-шахтное оборудование и горнорудную технику в страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Африки, а также ОАО «Алекстром» (опытный завод по производству стеновых материалов). Города Верещагино, Кудымкар, Чернушка, Добрянка, Чусовой также являются перспективными по соответствующим направлениям промышленной специализации, поскольку обладают диверсифицированной экономикой, потенциалом роста имеющихся отраслей и хорошей транспортной доступностью. При этом такие города, как Добрянка, Чусовой, также имеют существенный потенциал роста за счет развития туристско-рекреационной деятельности (в первую очередь горнолыжного туризма и оказания услуг по подготовке профессиональных спортсменов), на базе горнолыжного комплекса «Такман» в г. Чусовой проводятся чемпионаты России по сноуборду. За счет развития разных видов деятельности население этих городов уменьшается не так сильно, как в других, составляя 35–45 тыс. человек.

Группа условно неблагополучных городов (Чермоз, Оханск, Нытва, Губаха, Оса — всего пять городов) характеризуются наличием общих структурных проблем, а также сложной социально-экономической ситуацией, связанной с проблемами в финансово-экономической деятельности их градообразующих предприятий. Тем не менее, несмотря на возникшие в процессе преобразований сложности, данные субъекты обладают достаточной транспортной доступностью, наличием перспективного для развития культурно-рекреационного потенциала, благоприятной экологией. Это позволяет позитивно оценить возможности развития данных городов в рамках исторически сложившейся специализации с учетом новых направлений развития.

Третью группу малых городов составляют депрессивные территории — Чердынь, Усолье, Кизел, Очер, Красновишерск (всего пять городов). Эти города характеризуются массовым банкротством находившихся на их территории предприятий, активным оттоком населения, деградацией производственной и социальной инфраструктуры. Восстановление промышленной специализации этих городов в большинстве своем невозможно и нецелесообразно. Для них необходимо искать новые направления развития, в том числе определить возможности специализации в рамках сети городов. Например, г. Красновишерск может стать начальной (или промежуточной) точкой для целого комплекса туристских маршрутов по Северному и Приполярному Уралу, г. Кизел и г. Усолье могут быть включены в промышленно-транспортную сеть узла Кизел — Александровск — Губаха (узловой транспортный центр сети) с выходом на Пермь, Соликамск и Березники.

Таким образом, часть малых городов Пермского края с исторически сложившейся промышленной специализацией испытывает проблемы, связанные с неблагоприятной социально-экономической ситуацией, которые усугубляются неразвитостью транспортного сообщения, упадком производственной и социальной инфраструктуры, оттоком населения в более развитые районные центры. Тем не менее историко-культурный, туристско-рекреационный потенциал этих городов в сочетании с благоприятной экологической обстановкой позволяют развивать в их рамках различные виды туризма, пищевую промышленность, сельское хозяйство, создавая тем самым основу для включения этих городов в сетевое взаимодействие на достаточно надежных началах.

Основываясь на проведенном анализе текущей и перспективной специализации малых городов России, мы считаем возможным выделить по крайней мере три типа функционального взаимодействия, которое может быть организовано на основе более тесного связывания городов в сети: промышленно-транспортное, сельскохозяйственное и рекреационно-туристское.

На рис. 12.2–12.4 показаны примеры развития трех типов функционального взаимодействия малых городов Пермского края.

1. *Промышленно-транспортный тип сетевого взаимодействия* представляет собой связь между городами на основе организации транспортной сообщения, где ключевую роль играет фактор близости районных центров — городов к основным транспортным магистралям — железнодорожным и автомобильным (особенно федерального или регионального назначения).

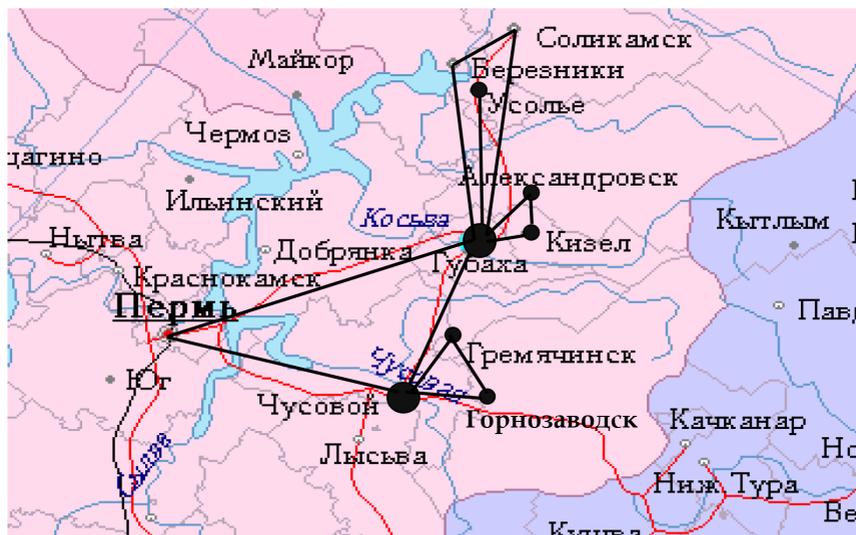

Рис. 12.2. Развитие промышленно-транспортной сети на примере малых городов Пермского края

Источник: составлено авторами путем наложения графического материала на географическую карту, размещенную в свободном доступе в сети Интернет [Мой Город, 2017].

На рис. 12.2 отражено возможное формирование транспортной сети между малыми городами Кизел — Александровск — Губаха (узловой транспортный центр сети) (первый треугольник), Гремячинск — Горнозаводск — Чусовой (узловой транспортный центр) (второй треугольник), со связкой Губаха — Чусовой — Пермь (третий треугольник, включающий два транспортных узла и центральный город сети). В эту транспортную сеть также подключаются два крупных промышленных центра Пермского края — г. Березники и г. Соликамск, составляющие основу Березниковско-Соликамского промышленного узла, а также малый город Усолье, расположенный на железнодорожной магистрали Пермь — Соликамск. При этом для г. Усолье больше подходит транспортно-туристская специализация.

2. *Сельскохозяйственный тип сетевого взаимодействия* базируется на отраслевой специализации и охватывает территориально близкие районы и города (в Пермском крае — г. Кудымкар, п. Октябрьский и т.д.).

При этом транспортная магистраль для вывоза продукции может быть общей для нескольких городов региона.

В качестве примера создания такой сети можно привести Октябрьский район, расположенный на юго-востоке Пермского края с центром в поселке городского типа Октябрьский.

Октябрьский район удален от краевого центра, не имеет хорошего прямого сообщения с г. Пермь и другими крупными городами края. Он граничит на севере с Ординским и Суксунским районами Пермского края, на западе — с Уинским и Чернушинским районами Пермского края, на юге — с Аскинским районом Республики Башкортостан и на востоке — с Красноуфимским районом Свердловской области. Большинство этих районов относится к территориям с выраженной сельскохозяйственной структурой производства. Октябрьский район, как и соседние районы, занимает ведущие места в Пермском крае по производству основных видов сельскохозяйственной продукции. При этом поселок Октябрьский является железнодорожной станцией и таким образом, может стать узловым транспортным центром сети взаимодействия нескольких районов Пермского края и соседних регионов России, имеющих преимущественно сельскохозяйственную специализацию.

Схема сетевого взаимодействия малых городов в рамках сельскохозяйственной специализации приведена на рис. 12.3.

3. *Рекреационно-туристский тип сетевого взаимодействия* оптимален в рамках смешанной специализации. Сюда могут быть объединены города одного региона, расположенные достаточно далеко друг от друга, но связанные общей тематикой [Mingaleva, Bunakov, 2014; Sheresheva, 2016]. Например, многие города Владимирской области обладают развитой туристско-рекреационной инфраструктурой и уже сами могут стать основой для разработки новых туристских маршрутов.

С целью обеспечения устойчивого развития Владимирской области в целом и улучшения социально-экономической ситуации в ряде депрессивных городов региона, таких как Курлово, Карабаново, Лакинск, целесообразно и потенциально возможно создание сетевого взаимодействия между этими городами Владимирской области на основе туристско-рекреационной специализации. При этом возможность такого включения в сеть обеспечивается уникальным культурным потенциалом, которым обладают перечисленные малые города, а также их сравнительной близостью к городам, входящим в «Золотое кольцо России».

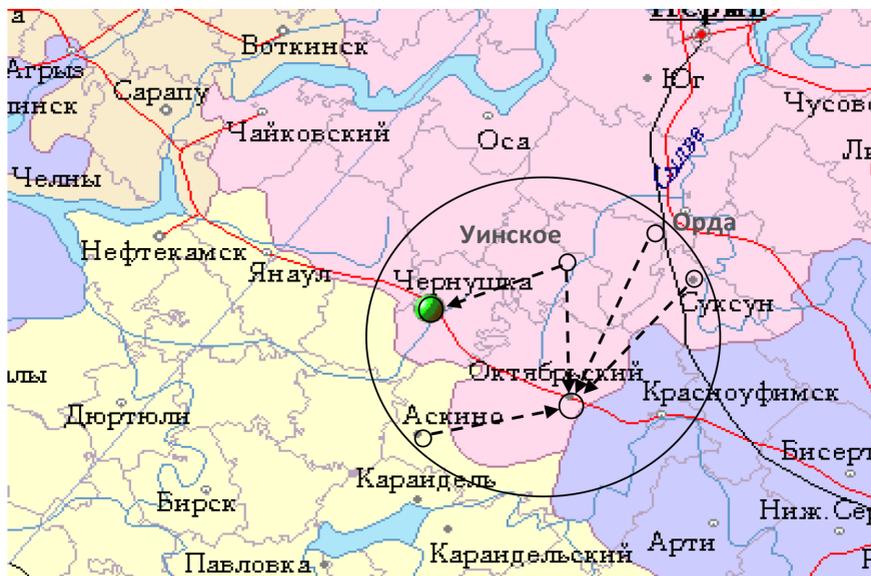

Рис. 12.3. Сетевое взаимодействие районных центров и малых городов Пермского края в рамках сельскохозяйственной специализации

Источник: составлено авторами путем наложения графического материала на географическую карту, размещенную в свободном доступе в сети Интернет [Мой Город, 2017].

Так, малый город Курлово, расположенный в 18 км от известного города Гусь-Хрустальный, относится к категории муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением из-за роста проблем с функционированием градообразующего предприятия (стекольного завода). Выход из кризиса может состоять в перепрофилировании экономической специализации города на туристско-рекреационную (г. Курлово является железнодорожной станцией, что обеспечивает легкость транспортного взаимодействия). Другой малый город — Лакинск — расположен на автотрассе Владимир — Москва и может стать важным узловым транспортным центром в региональной сети городов. Предлагаемая авторами схема включения депрессивных территорий (Курлово, Карабаново, Лакинск) в новые туристские маршруты в рамках разрабатываемой сети городов приведена на рис. 12.4.

Для Пермского края создание рекреационно-туристского типа сетевого взаимодействия с малыми городами региона целесообразно проводить в направлении историко-патриотического туризма, промышленного туризма, паломнического туризма (религиозного — посещение

Северного Афона — Белгородского монастыря и других монастырских комплексов края), лечебного и оздоровительного туризма, спортивно-туризма, включая спелеотуризм, спелеодайвинг и пр. [Oborin et al., 2016].

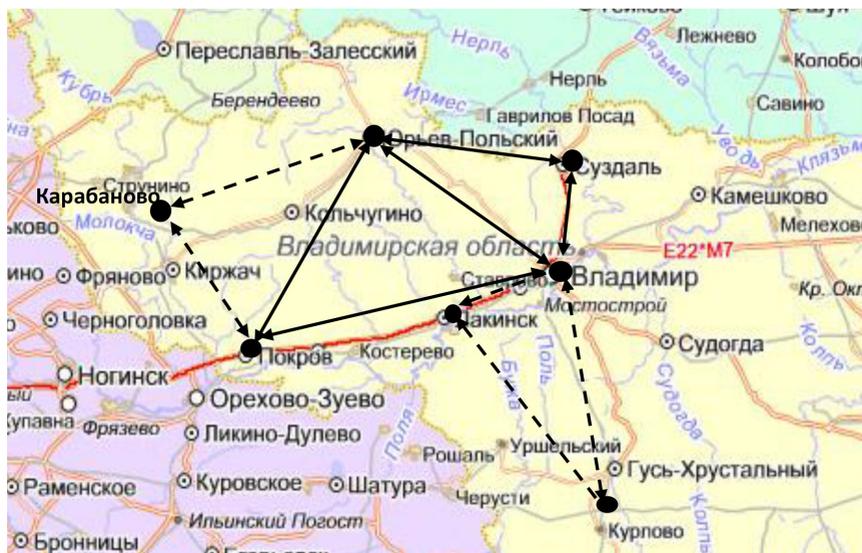

Рис. 12.4. Сетевое взаимодействие на основе туристско-рекреационной специализации с участием депрессивных территорий

Источник: составлено авторами путем наложения графического материала на географическую карту, размещенную в свободном доступе в сети Интернет [Мой Город, 2017].

Основным фактором успешного построения такой сети является наличие транспортной доступности объектов, общей программы взаимодействия, развитой инфраструктуры гостеприимства.

Взаимовыгодность возможного взаимодействия малых городов и районных центров по развитию туристско-рекреационной сферы состоит в следующем (рис. 12.5):

- вовлеченность депрессивных территорий (ДТ) в сетевое взаимодействие при создании и реализации комплексного туристско-рекреационного продукта с малыми городами различной специализации (МГ1, МГ2, МГ3) и их участие в распределении дохода;
- рост туристских потоков на территории малых городов и районных центров, что позволит повысить доходность не только

предприятий туристско-рекреационной сферы, но и комплекса отраслей, взаимосвязанных с ними;

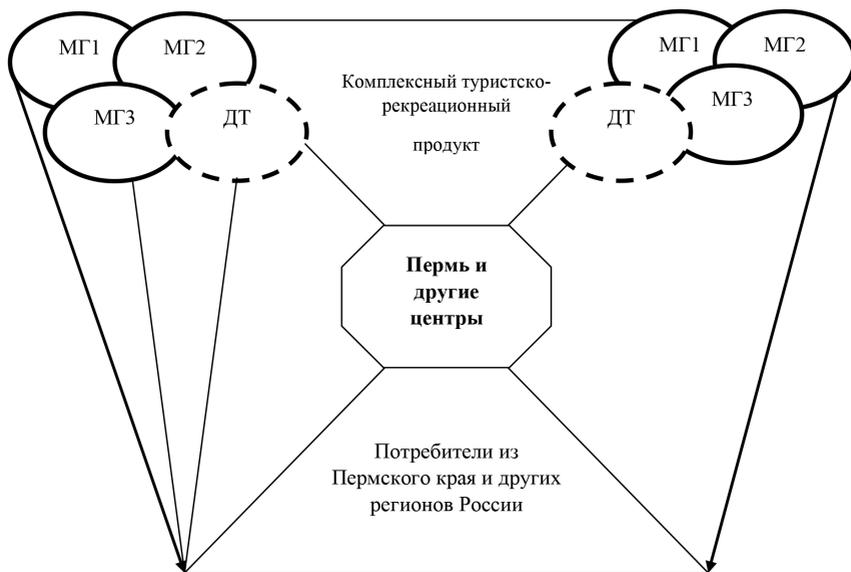

Рис. 12.5. Схема взаимодействия малых городов и региональных центров в целях развития туристско-рекреационной деятельности Пермского края

Источник: составлено авторами.

- развитие имиджа Пермского края как туристско-рекреационного, а не только промышленного производства;
- улучшение социально-экономических показателей за счет роста доходности отраслей, роста занятости и сокращение оттока населения;
- оптимизация использования курортно-рекреационного потенциала малых городов в целях роста доходности отраслей, повышения качества жизни населения, привлечения платежеспособного спроса в регион, в том числе в форме инвестиций.

Стратегия развития туристско-рекреационной специализации малых городов на основе сетевого механизма координации

Регионы с туристско-рекреационной специализацией обладают в современных условиях ведения экономической деятельности рядом преимуществ: гибкость в построении сетевых форм бизнеса с вовлечением сопутствующих отраслей, низкая потребность в капиталных

затратах по сравнению с промышленным производством, возможность адаптации инноваций из других сфер экономики, обеспечивающих высокую конкурентоспособность.

Туристско-рекреационный потенциал малых городов и муниципальных образований используется неэффективно вследствие недостаточного инфраструктурного обеспечения основных и сопутствующих услуг, низкого уровня жизни и доходов населения, удаленности от популярных туристских маршрутов и логистических сетей.

Малые города многих регионов России обладают благоприятными природно-климатическими условиями для развития туристско-рекреационной специализации. Однако для эффективного распределения туристского потока и доходов необходимо сочетание программно-целевого и сетевого подходов, которые взаимодополняют друг друга, способствуют развитию горизонтальных связей экономических субъектов исследуемой сферы деятельности и объединению преимуществ

Туристско-рекреационная деятельность стала объектом программно-целевого менеджмента сравнительно недавно, с этой точки зрения ее можно характеризовать:

- качественными и количественными целевыми параметрами, представленными с учетом региональных стратегий по развитию туризма и социально-экономического положения регионов, которые связаны с динамикой туристского потока, качеством оказываемых услуг, уровнем цен, разнообразием туристско-рекреационных продуктов, их доступностью для различных слоев населения;
- наличием организационно-экономического механизма управления, представленного на уровне субъектов бизнеса, муниципальной и региональной власти, содержание которого наполнено экономическими и социальными стимулами стабилизации туристско-рекреационной деятельности для достижения общественных и государственных целей и задач;
- реализацией сценарных вариантов развития малых городов и регионов, предусматривает качественное использование потенциала, рассматриваемая сфера экономической деятельности способствует его оптимизации с минимальными затратами, повышая качество жизни и здравоохранения в регионах, развивая сопутствующие отрасли экономики на основе перераспределения доходов.

В российской науке под стратегией понимается долгосрочное качественно определенное направление развития организации, системно приводящее к достижению целей [Виханский, 1995]; качественная последовательность действия и состояний для достижения целей организации [Трнев, 2000]. Для ее реализации важна система мероприятий, направленных на

реализацию долгосрочных задач социально-экономического развития региона и определяемых региональными предпосылками и ограничениями, качественными различиями [Каппушева, 2012; Берлин, 2014].

Формирование стратегии развития туристско-рекреационной деятельности малых городов представляет собой многоступенчатый процесс, в основе которого общепризнанные закономерности, адаптированные к кризисным явлениям современной экономики (рис. 12.6).

Развитие инфраструктуры малых городов в сфере туризма неразрывно связано с оказанием государством особых видов финансовой поддержки, таких, как дотации и субсидии. При этом государство должно получать отчеты об использовании этих средств от муниципальных органов местной власти.

Во многих случаях финансовая поддержка является частью программы по развитию туризма всего региона, на территории которого находятся данные малые города. Эти программы носят название стратегий и обладают такими принципами формирования, как анализ общего расположения малого города (региона), мониторинг внешних и внутренних факторов окружающей среды, которые могут оказывать влияние на развитие города, соответствие стратегии общим направлениям развития региона, ориентированность на население, осуществление контроля за исполнением пунктов стратегии и ее соответствие имеющимся ресурсам [Принципы разработки стратегии..., 2018]. При этом многие стратегии содержат в себе основные механизмы формирования взаимодействия сетевых структур, которые могут развиваться на основе кластеров и муниципалитетов. Эти механизмы способствуют установлению более эффективных темпов развития территории, которые достигаются путем общих усилий субъектов сетевых структур.

Примером такого рода стратегии за рубежом можно считать стратегию экономического развития в сфере туризма малого города Эмпория, США, штат Канзас (25 тыс. жителей). В 1991 г. властями округа и городскими властями совместно с Торговой палатой и Ассоциацией центра города была разработана программа «Главная улица». Ее основными положениями были:

- доля финансирования программы со стороны государства — 40%, частных инвестиций — 60%;
- подпрограмма налоговых льгот и возвратов — для привлечения новых туристов с целью их возвращения на основе постоянного проживания;
- привлечение инвестиций для реставраций кварталов города и их исторических объектов и фасадов зданий;
- создание новых университетов и технического колледжа для появления новых квалифицированных кадров в отрасль.

Рис. 12.6. Этапы формирования стратегии туристско-рекреационной деятельности регионов

Источник: составлено по [Оборин, 2018; Оборин, Клейман, 2018].

Как результат, были привлечены инвестиции в размере 57 млн долл., что позволило уменьшить число незанятых помещений в отрасли с 30 до 7%. Было создано 637 новых рабочих мест, возникло 124 новые компании. Сформирован новый район искусств и развлечений вследствие реставрации главного исторического здания города — театра и Центра искусств. Построены новые торговые центры, жилые здания, гостиницы и другие многофункциональные комплексы [Стратегии малых городов..., 2016].

В России проблема формирования и использования стратегий развития туристско-рекреационной специализации малых городов и районных центров на основе сетевого механизма испытывает ряд системных проблем, обусловленных накопившимися сложностями и

диспропорциями регионального развития. Для того чтобы проанализировать, какие стратегии функционируют на территории малых городов, рассмотрим основные показатели и индикаторы трех регионов: Пермского края, Владимирской и Тульской области.

Для начала необходимо рассмотреть, какие стратегии действуют на территории Владимирской и Тульской областей, а также Пермского края. Главные программы развития туристско-рекреационной специализации представлены в табл. 12.2.

Таблица 12.2

Стратегии развития туризма

Регион	Название программы	Ожидаемые результаты
Владимирская область	Госпрограмма «Поддержка развития внутреннего и въездного туризма во Владимирской области на 2016–2020 годы»	Рост числа койкомест в КСР на 1,5% ежегодно; рост объема платных услуг, оказанных туристскими организациями, включая гостиницы и другие КСР, туркомпании на 1,5% ежегодно; рост количества ночевков в КСР на 1,5% ежегодно
Пермский край	Госпрограмма «Развитие туризма» Пермского края от 14 февраля 2014 г. № 80-п	Достижение размера инвестиций в основной капитал гостиниц и ресторанов в размере 85 млн руб.; рост количества КСР на 8%; создание 10 новых паспортизированных туристских маршрутов; формирование 5 муниципальных образований Пермского края, имеющих туристскую навигацию; рост туристского потока в Пермском крае на 26%; реализация 27 инновационных проектов в сфере туризма
Тульская область	Стратегия развития туризма на территории Тульской области на период до 2020 года	Организация туристско-рекреационного кластера в течение шести лет; эксплуатация и реконструкция музеев и архитектурных памятников области; повышение уровня инвестиционной, рекламной и социальной привлекательности культурно-исторических центров Тульской области

Источник: составлено автором на основе [Об утверждении государственной программы Владимирской области..., 2016; Об утверждении государственной программы «Развитие туризма»..., 2014; Об утверждении стратегии развития туризма на территории Тульской области..., 2017; Баталина, 2014; Правительство России постановило..., 2016].

По всем трем регионам действуют программы развития туризма, которые направлены, прежде всего, на увеличение количества коллективных средств размещения (КСР), а также рост туристского потока. При этом данные стратегии содержат в себе подпрограммы / подразделы,

посвященные развитию сетевых структур по рекреационным направлениям. Развитие сетевых структур на территории малых городов и районных центров в сфере туристской деятельности наиболее успешно осуществляется в рамках формирования кластерных объединений, которые представляют собой один и типов межорганизационной сети¹.

Создание и функционирование кластеров позволяет формировать необходимые объекты обеспечивающей инфраструктуры, которые соответствуют требованиям и потребностям туристских регионов.

Проект создания кластера «Пермь Великая», основанный на территории преимущественно малых городов Пермского края, включает следующие подкластеры:

- 1) «Истоки национальной духовности» — Кунгур, Белогорье;
- 2) «Страна степных всадников» — Юг Пермского края;
- 3) «Парк Усьва» — северо-запад Пермского края;
- 4) «Парма» — Коми-Пермяцкий округ и Ильинский район.

Объем инвестиций в развитие и создание проекта «Пермь Великая» составляет 3 млрд руб., из них 2 млрд руб. приходится на частных инвесторов, 100 млн руб. — на краевой бюджет, 30 млн руб. — на муниципалитеты, 700 млн руб. — на Ростуризм [Баталина, 2014].

Для того чтобы проанализировать, в какой степени базовые структуры малых городов готовы для создания на их территории сетевых образований, на рис. 12.7–12.9 рассматриваются главные показатели туристической деятельности в малых городах и районных центрах Владимирской области, Пермского края и Тульской области.

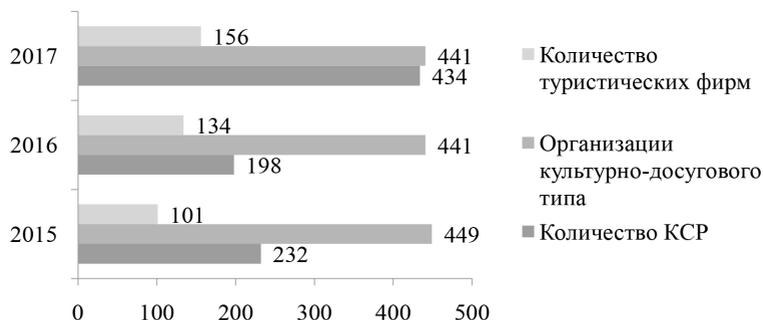

Рис. 12.7. Показатели туристской деятельности в малых городах Владимирской области
Источник: [ЕМИСС, 2017].

¹ Кластер — стратегическая межорганизационная сеть отраслевого или межотраслевого характера, объединяющая ресурсы и ключевые компетенции фирм и других организаций определенной территории [Шерешева, 2010].

Согласно данным рис. 12.7, в 2017 г. во Владимирской области произошел резкий скачок показателя КСР — более чем в 2 раза. При этом число организаций досуга сохраняло стабильную динамику на протяжении всего рассматриваемого периода. Количество туристических компаний с 2015 г. выросло в 1,5 раза, что свидетельствует о положительной динамике всей туристической сферы.

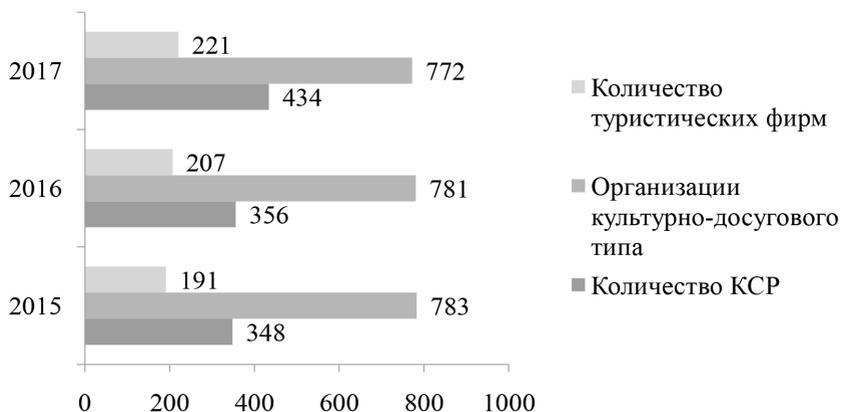

Рис. 12.8. Показатели туристической деятельности в малых городах Пермского края
Источник: [ЕМИСС, 2017].

Как и во Владимирской области, в Пермском крае произошла аналогичная ситуация (рис. 12.8). В 2017 г. практически все показатели характеризовались ростом. Только количество КСР незначительно снизилось, что в целом не оказывает влияния на туристскую инфраструктуру.

В Тульской области не зафиксировано значительных изменений инфраструктуры, что, с одной стороны, указывает на стабильность рынка туристско-рекреационных услуг, с другой, — что проводимые меры на

уровне районных центров пока слабо связаны с малыми городами, недостаточно вовлекают их в распределение ресурсов и доходов, эффект наступит в отдаленном периоде (рис. 12.9).

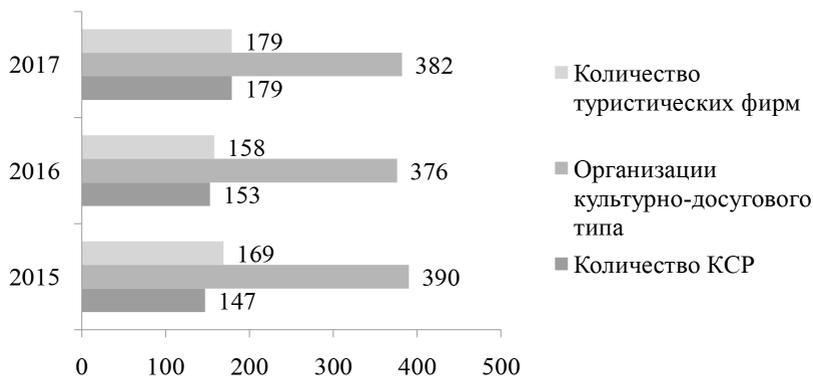

Рис. 12.9. Показатели туристской деятельности в малых городах Тульской области

Источник: [ЕМИСС, 2017].

С учетом проведенного анализа можно определить место сетевого механизма в развитии туристско-рекреационной специализации малых городов рассмотренных субъектов (рис. 12.10).

В целом наилучшими показателями по количеству КСР, организациям культурно-досугового типа и числу туристических фирм в малых городах характеризуется Пермский край; на втором месте — Владимирская область. Тульская область является незначительно отстающим регионом; на ее территории возможно создание кластеров с участием малых городов, однако данная структура будет длительное время нуждаться в комплексной государственной и региональной поддержке: инвестиционной, инфраструктурной, транспортно-логистической.

Рис. 12.10. Роль сетевого механизма в развитии туристско-рекреационной специализации малых городов

Источник: составлено автором.

Сетевой механизм способствует актуализации направлений туристско-рекреационной специализации на уровне бизнес-среды, объективно соответствуя коммерческим интересам, основываясь на экономических преимуществах. Данный процесс будет более эффективным при участии региональной и местной власти, содействии в беспрепятственной реализации предпринимательских инициатив.

В настоящее время важен стратегический подход к обеспечению устойчивого роста в регионах на основе сложившейся экономической специализации, особенно это актуально для малых городов, которые должны участвовать в распределении благ и ресурсов. Многие стратегические документы и программы по развитию субъектов страны учитывают туристско-рекреационный потенциал и перспективные направления его использования, поскольку данный вид экономической деятельности способствует росту занятости населения, доходности и привлекательности территории для внутренних и внешних

потребителей, повышении качества жизни населения городов и муниципальных образований со сложной социально-экономической ситуацией.

Развитие туристско-рекреационной деятельности с точки зрения спроса закономерно обусловлено ростом доходов и требований к качеству оказываемых услуг, возрастающим значением рекреационно-досуговой составляющей в жизни человека; влиянием технологий и инноваций на организацию рабочего времени. Оно способствует росту досуговой составляющей в структуре общего времени человека, качество которой обеспечивается соответствующим предложением предприятий туристско-рекреационной сферы; растущими потребностями человека в развитии, самообразовании, здоровом образе жизни, которые становятся все более разнообразными.

Процесс разработки стратегии развития туристско-рекреационной специализации малых городов на основе сетевого механизма должен основываться на решении первоочередных задач и проблем, сложившихся в большинстве изученных в ходе исследования регионов:

- слабая степень развитости городской инфраструктуры — отличительной чертой является небольшое количество проводимых инновационных исследований и оборудования, необходимого для них (либо их полное отсутствие);
- неразвитая логистическая и транспортная инфраструктура — часто малые города не связаны с областным центром дорожными сетями надлежащего качества; сюда же входит и проблема взаимодействия разных типов транспортных средств, что выражается в снижении числа маршрутов;
- низкая степень квалификации персонала в сфере туризма — это происходит из-за отсутствия необходимых образовательных программ в этой отрасли в малых городах;
- трудности в формировании методик государственно-частного партнерства в малых городах, что приводит к неэффективному использованию туристических и исторических объектов.

Эти проблемы могут быть решены следующими способами:

- привлечение инвесторов с помощью разработки инновационных проектов в сфере туризма — для этого необходимо создание подходящих условий и формирование рабочего пространства, чему способствует совместное участие властей малых городов и региональных органов власти;
- использование рекреационных ресурсов малых городов для формирования на их основе сетевых структур при разном уровне специализации, что способствует росту доходов бюджета;

- создание комплексных подпрограмм стратегий малых городов, которые бы удовлетворяли положениям общерегиональных и страновых стратегий в виде кластеризации рассматриваемых территорий.

Стратегии развития туристско-рекреационной отрасли малых городов и районных центров на основе принципов сетевого взаимодействия должна учитывать все особенности территории малых городов: их рекреационные и прочие ресурсы, условия транспортной логистики, действующие нормативно-правовые акты, состав местной структуры власти. При этом необходимо учитывать тот факт, что в большинстве своем сетевые структуры оказывают благоприятное взаимодействие на развитие депрессивных территорий, которыми часто являются районы малых городов. Вследствие возникновения сетевых форм взаимодействия возникают новые сети туристических компаний, увеличивается показатель туристского потока, растут данные местных бюджетов, а также возрастает популярность территории в туристской направленности.

Формирование курортно-рекреационных кластеров на основе ГИС-технологий

Перечислим факторы формирования туристско-рекреационных кластеров:

- местность, обладающая туристско-рекреационной привлекательностью;
- наличие природно-ресурсного потенциала, например, природных лечебных ресурсов;
- социально-экономическая инфраструктура;
- наличие туристско-рекреационных объектов, привлекающих платежеспособный спрос;
- благоприятная экологическая обстановка;
- хорошие социально-экономические условия, высокий уровень средств размещения;
- безопасность для жизни и имущества туристов.

Основными механизмами формирования туристско-рекреационных кластеров являются:

- качественное региональное управление, способствующее продвижению территории;

- развитие социально-экономического пространства на основе государственных программ по развитию частно-государственного партнерства;
- развитие нормативно-правовой базы для привлечения инвестиций;
- обеспечение контроля качества основных туристско-рекреационных услуг;
- мониторинг качества и ценовой политики сопутствующих услуг: транспорта, сферы общественного питания, досуга и анимации;
- реализация стратегических документов в области развития туризма, в том числе лечебно-оздоровительного, санаторно-курортного комплекса;
- эффективная коммуникационная политика, обеспечивающая взаимодействие субъектов бизнеса, власти, потребителей услуг;
- экономическая стабильность профильных средств размещения и оказания услуг — предприятий санаторно-курортного комплекса и гостиничной индустрии.

На примере трех субъектов РФ (Тульская и Владимирская области, Пермский край) был проведен сравнительный анализ показателей курортно-рекреационной деятельности. Каждый из регионов обладает определенными предпосылками для формирования туристско-рекреационных кластеров:

- сочетание природно-ресурсного и инфраструктурного потенциала туристско-рекреационной деятельности;
- развитый санаторно-курортный комплекс, обладающий различными направлениями и профилями лечения;
- сосредоточение основных и сопутствующих предприятий на локальных территориях, что создает предпосылки формирования кластеров с лечебно-оздоровительной, туристско-рекреационной специализацией;
- близость к транспортным магистралям и наличие высокой транспортной доступности позволяет развивать кластерную форму организации различных видов туристско-рекреационной деятельности, формируя сложную систему с включением в комплексный продукт, услугу соседние регионы и города с различной специализацией.

Охарактеризуем потенциал лечебно-оздоровительного туризма расматриваемых субъектов РФ (табл. 12.3).

Таблица 12.3

**Сравнительный анализ профилей лечения основных предприятий
санаторно-курортного комплекса Тульской и Владимирской областей,
Пермского края**

Тульская область	Владимирская область	Пермский край
Санаторий «Велегож» (заболевания органов дыхания, зрения, опорно-двигательного аппарата, нервной, эндокринной системы)	Санаторий им. Абельмана (органы движения, периферической нервной системы, гинекологические, урологические, кардиологические заболевания)	ЗАО «Курорт Усть-Качка» (заболевания нервной системы, заболевания органов пищеварения, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболевания ЛОР-органов)
Санаторий «Егнышевка» (заболевания органов дыхания, опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, центральной и периферической нервной системы)	Санаторий «Заключенский» (заболевания опорно-двигательного аппарата, нервной, пищеварительной системы, органов пищеварения, костно-мышечной системы, нарушения обмена веществ)	«Демитково» (заболевания нервной системы, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболевания органов дыхания, заболевания ЛОР-органов, болезни глаза и его придатков, лечение спинальных больных, лечение больных с травмами головного мозга)
Санаторий «Краинка» (заболевания органов пищеварения, периферической нервной системы, костно-мышечной и соединительной ткани, мочеполовой, эндокринной системы, нарушения обмена веществ)	Санаторий «Русский лес» (заболевания сердечно-сосудистой системы, эндокринные и системные, опорно-двигательной системы, урологические и гинекологические, желудочно-кишечного тракта)	ЗАО «Курорт Ключи» (заболевания нервной системы, костно-мышечной системы и соединительной ткани, сердечно-сосудистой системы)
Санаторий «Строитель» (заболевания кровообращения, органов брюшной полости, дыхания, нервной, эндокринной системы, кожи и подкожной клетчатки, мочеполовой системы, женские)	Санаторий «Сосновый бор» (заболевания органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, эндокринные и системные, периферической и центральной нервной системы, опорно-двигательной системы, урологические и гинекологические, ЖКТ)	«Родник» (заболевания нервной системы, органов дыхания, кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной системы и соединительной ткани, ЛОР-органов, сердечно-сосудистой системы)

Источник: составлено авторами на основе [Оборин и др., 2017а, 2017с].

Основные санаторно-курортные организации обладают широким профилем лечения.

На основании оценки природно-ресурсного, туристско-рекреационного, транспортного потенциала в Пермском крае можно выделить семь курортно-рекреационных кластеров: Северный, Соликамско-Березниковский, Центральный, Западный, Горнозаводской, Юго-Восточный (Предуралье) и Южный. Каждый из них отличается наличием необходимых минеральных вод, лечебного климата и уникальных ландшафтных комплексов. По количеству действующих санаторно-курортных организаций лидирует Центральный курортно-рекреационный кластер, который опоясывает крупный промышленный город Пермь.

Северный курортно-рекреационный кластер характеризуется суровыми климатическими условиями и малонаселенностью; расположен среди ландшафтных территорий тайги и горной и предгорной тундры. Экологическая чистота территории района обусловлена незначительным количеством промышленных предприятий. Открыты месторождения радоновых вод и хлоридно-натриевых рассолов. В районе находится самая высокая точка Урала на территории края — Тулымский Камень (1469 м), а также самое крупное озеро Пермского края — Чусовское, и самая большая карстовая пещера — Дивья. Распространены сплавы по рекам — Вишере и Колве. Древнейшим городом края является г. Чердынь, который также располагается на территории Северного района. Сочетание природного и историко-культурного потенциала крайне важно для развития курортно-рекреационного туризма. В рассматриваемом районе функционируют санаторий-профилакторий «Жемчужина Вишеры», базы отдыха «Северный Урал» и «Чердынь-Тур».

Соликамско-Березниковский курортно-рекреационный кластер отличается крупнейшим месторождением калийных солей, которые активно используются в спелеотерапии. Район располагается в зоне перехода от средней тайги к южной, а также месте перехода Камы в Камское водохранилище. Историко-культурное наследие разнообразно и представлено храмами и музеями, такими как Троицкий собор и Богоявленская церковь, Соборная колокольня, Дом Воеводы, музей соли. В Соликамско-Березниковском районе действуют санатории-профилактории «Чайка», «Азот», «Уралкалий» и др.

Центральный курортно-рекреационный кластер отличается выгодным расположением в центре Пермского края, что предопределило формирование благоприятных для человека микроклиматических условий. Наличие аттрактивных ландшафтов, созданных как руками человека, так и природой, благотворно воздействует на отдыхающих. На территории района обнаружено несколько видов минеральных вод наружного

(сероводородные и йодобромные) и питьевого применения, имеются неиспользуемые грязи. Южная тайга и р. Кама — главные природные объекты района, которые также способствуют развитию туризма. Огромное разнообразие историко-культурных памятников, археологических объектов, исторически значимых мест привлекает туристов. Преимущества Центрального района в развитии курортно-рекреационной деятельности заключаются не столько в природном разнообразии, сколько в созданных для лечения и оздоровления условиях, к которым непременно относятся развитая транспортная сеть, высокий уровень развития инфраструктуры и оказания услуг в сфере отдыха. В Пермском районе, недалеко от г. Пермь, располагается крупнейший курорт края — «Усть-Качка», санатории «Демидково», «Уральская Венеция», санаторий-профилакторий «Вита» и т.д.

Западный курортно-рекреационный кластер характеризуется благоприятными микроклиматическими параметрами, равнинным расположением, большим количеством рек, сосновых лесов, прудов, потенциальных месторождений минеральных вод. Данный район отличается разнообразием историко-культурных достопримечательностей, здесь есть краеведческие музеи, святыне источники, храмы и церкви. Созданы благоприятные условия для развития сельского туризма. На территории района действует санаторий «Рябинка».

Горнозаводской курортно-рекреационный кластер располагается в низкорельефе Урала, образующем два горных массива до 600 м высотой. Климатические показатели с юго-запада на северо-восток характеризуются как более суровые. Преобладает природная зона южной тайги. На его территории находится государственный заповедник «Басеги», а разнообразные геологические памятники (Ледяная пещера, Пашийская пещера и т.д.) формируют уникальность района. Горный Урал идеально подходит для сплавов по быстрым рекам — Усьве, Вильве, Койве и др. Богатство источников минеральных вод и лечебных грязей создает условия для развития санаторно-курортной деятельности. На территории района функционируют санаторий-профилакторий «Алит», «Родник», «Таежный», «Метафракс» и др.

Юго-Восточный курортно-рекреационный кластер характеризуется мягкими микроклиматическими условиями. На его территории располагается уникальный памятник природы — Кунгурская островная

лесостепная зона. Разнообразие ландшафтов — леса, луга, прибрежно-водных территорий, живописных долин, лесостепных участков в сочетании с минеральными водами наружного применения и сульфидно-иловыми гязями Суксунского пруда — создает уникальные условия для развития курортно-рекреационной деятельности. В настоящее время распространен историко-культурный, деловой, событийный, спелео-экскурсионный, научный и горнолыжный туризм. Наиболее крупными организациями в сфере отдыха и лечения являются курорт «Ключи» и санаторий «Красный яр».

Южный курортно-рекреационный кластер — самый теплый и благоприятный район Пермского края, но зимой температура может опускаться ниже, чем в северных районах. Территория богата историко-культурными и этнографическими достопримечательностями, ландшафтные комплексы и водные объекты создают благоприятные условия для развития туризма. Запасы минеральных вод (Осинское месторождение) значительны. Из объектов для развития спортивного туризма стоит отметить горнолыжную трассу международного уровня и объекты подготовки спортсменов. На юге региона проживают разные народы, поэтому целесообразен этнографический туризм. В связи с наличием Воткинского водохранилища развиты рыбная ловля и водно-моторные поездки [Оборин и др., 2014].

Представим расположение курортно-рекреационных кластеров (рис. 12.11).

Потенциал туристско-рекреационной деятельности связан с исторически сложившимися условиями и предпосылками для различных видов туризма. В условиях производственной экспансии и формирования особых экономических зон значение приобретают экологическая чистота территории, на которой размещены гостиницы, санатории, дома отдыха; низкий уровень освоения, который привлекает инвесторов для продвижения масштабных проектов в сфере лечебно-оздоровительного туризма; уникальные культурно-исторические объекты. Такими преимуществами обладают малые города.

Рассмотрим на примере малых городов Пермского края возможность их включения в состав туристско-рекреационных кластеров (табл. 12.4).

Рис. 12.11. Курортно-рекреационные кластеры Пермского края (по М.С. Оборину)

Источник: [Оборин и др., 2014].

Таблица 12.4

Потенциал малых городов для их включения в состав туристско-рекреационных кластеров

Малые города	Численность, человек	Транспортная доступность	Потенциал	Кластер
Чермоз	3597	2	Развитие познавательного, экологического и агротуризма	<i>Северный</i>
Чердынь	4674	2	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма	<i>Соликамско-Березниковский</i>
Усолье	5979	1	Развитие религиозного и познавательного туризма	<i>Соликамско-Березниковский</i>
Оханск	7096	1	Развитие экологического и агротуризма	<i>Южный</i>
Гремячинск	9430	1	Образование, здравоохранение и экологический туризм	<i>Горнозаводской</i>
Горнозаводск	11 575	1	Транспортная отрасль, сфера культуры	<i>Горнозаводской</i>
Александровск	13 353	1	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль и туризм	<i>Южный</i>
Очер	14 091	3	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм	<i>Южный</i>
Красновишерск	15 733	3	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль, экологический туризм	<i>Северный</i>
Кизел	16 642	2	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм	<i>Южный</i>
Нытва	18 878	1	Развитие познавательного, экологического и агротуризма	<i>Центральный</i>
Губаха	21 160	1	Транспорт, сфера культуры и туризм	<i>Южный</i>
Оса	21 201	1	Культурный центр — развитие познавательного туризма	<i>Центральный</i>

Малые города	Численность, человек	Транспортная доступность	Потенциал	Кластер
Верещагино	22 328	1	Транспорт, промышленность и туризм	<i>Центральный</i>
Кудымкар	30 739	2	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма	<i>Северный</i>
Чернушка	32 687	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	<i>Южный</i>
Добрянка	33 291	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	<i>Центральный</i>
Чусовой	45 719	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	<i>Южный</i>

Обозначения:

1 — транспортный узел (наличие автомобильных дорог федерального и регионального значения, железнодорожного сообщения);

2 — наличие автомобильных дорог регионального значения, железнодорожного сообщения;

3 — удаленность от железнодорожного сообщения, автомобильных дорог федерального и регионального значения.

Источник: [Оборин, Шерешева, 2017; Оборин и др., 2017а, 2017с].

Малые города, которые входят в туристско-рекреационные кластеры, характеризуются различным уровнем транспортной доступности, поэтому необходимо их включение в сетевое взаимодействие на основе транспортных узлов и потоков туристов (рис. 12.12).

Малые города рассматриваемых регионов обладают большим туристско-рекреационным потенциалом:

- территориальное пространство с благоприятной экологией;
- природные лечебные ресурсы;
- уникальные культурно-исторические объекты;
- высокая транспортная доступность;
- ресурсы и инфраструктура для диверсификации экономики.

Туристско-рекреационный потенциал малых городов рассматриваемых субъектов РФ является уникальным, именно в малых городах, которые зачастую являются экономически депрессивными, сосредоточены

культурные, религиозные, исторические памятники, представляющие интерес с точки зрения развития туризма.

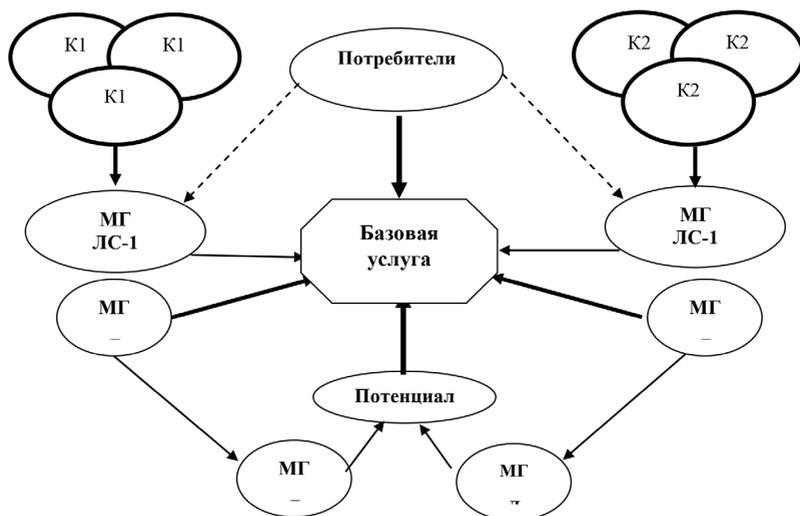

Рис. 12.12. Высокоразвитые туристско-рекреационные кластеры с элементами сети на основе транспортных узлов и потоков туристов

Обозначения:

- МГ ЛС-1 — малые города с логистической сетью уровня 1;
- МГ Д — малые города с депрессивным экономическим положением;
- К1 — кластер с туристско-рекреационной специализацией;
- К2 — кластер с туристско-рекреационной специализацией;
- МГ Д — малые города с депрессивным развитием.

Источник: составлено на основе [Шерешева и др., 2017а, 2017с].

Преимуществами туристско-рекреационных кластеров для исследуемых субъектов РФ являются:

- создание комплексных, уникальных продуктов и услуг, выгоды от реализации которых будут распределяться между всеми экономическими агентами, входящими в кластер;
- активное вовлечение местного населения в развитие основных и сопутствующих сфер бизнеса, что повысит качество жизни и социально-экономические показатели конкретных муниципальных образований и малых городов;
- улучшение имиджа территории на основе продвижения лечебно-оздоровительных местностей и курортов, профильных санаториев и природных лечебных ресурсов, которые являются уникальными.

К недостаткам туристско-рекреационных кластеров можно отнести:

- недостаточное использование туристско-рекреационных ресурсов;
- структурные проблемы предприятий санаторно-курортного комплекса;
- высокие затраты и сезонное колебание спроса на услуги средств размещения, в том числе лечебно-оздоровительных предприятий.

Итак, анализ показал, что сетевое взаимодействие разного типа является хорошей перспективой для развития малых городов Пермского края, при этом как усиление их существующей специализации, так и перепрофилирование (в частности, на туристско-рекреационную деятельность) может принести позитивные результаты. Однако такое перепрофилирование предполагает достаточно серьезную работу по оценке ресурсов для принятия решения о направлениях развития, по согласованию интересов руководства и населения малых городов как важнейших стейкхолдеров процесса изменения функциональной специализации. Крайне важным фактором является также учет видения перспектив развития этих малых городов со стороны региональных властей и желания последних оказать необходимую помощь в развитии существующей специализации или перепрофилировании, хотя бы на первых этапах.

Чтобы четко спрогнозировать и правильно организовать эффективную связь между городами в региональной сети городов на основе их функциональной специализации и сложившейся структуры распределения ресурсов, в пространственной политике властей всех уровней необходимо разработать механизм распределения между городами функциональных видов деятельности, обеспечивающих их ресурсов и основных услуг, оказываемых конкретными городами с учетом интересов всех входящих в сеть городов и всех заинтересованных сторон, а также порядок обмена деятельностью и услугами в такой сети.

В заключение можно отметить следующее.

Методология анализа возможности построения сетевого взаимодействия в рамках региона включает определение нескольких характеристик такого сетевого взаимодействия и наличия возможностей у малых городов вхождения в такую сеть. В основе методологии положена оценка доступа городов к коммутированию, именно на этой основе складываются современные региональные и городские сети.

Анализ уровня включенности основан на результатах анализа узловой структуры, которую можно измерить по количеству и объему различных связей между городами. При этом включенность тесно связана

с существующей транспортной инфраструктурой в регионе, что можно оценить через объем и потоки пассажирских и грузовых перевозок. Роль городов в рамках этой методики была учтена для общего объема перевозок между городами, но не учитывает внутренние транспортные потоки в самих городах (внутри городов).

Транспортное сообщение представляет собой важную характеристику уровня пространственной зависимости и преодоления проблемы больших расстояний между населенными пунктами региона, что имеет особое значение при организации пространственных связей в региональном масштабе.

Региональные сети, основанные на транспортных потоках, демонстрируют сильную пространственную зависимость и ярко выраженные иерархические характеристики, которые в значительной степени влияют на устойчивое развитие региона в целом.

Вторым важным фактором успеха создания городских сетей в регионе является наличие функциональных связей. Многие исследования сетей городов были сосредоточены именно на оценке функциональных связей с другими городами, в том числе малыми и средними. Правильно организованное функциональное взаимодействие внутри городской сети заменяет физическую близость, обеспечивает положительное влияние региональной городской сети на национальное экономическое развитие в целом, в том числе и в отношении связи транспортных узлов, сетей связи и расширения взаимодействия между людьми.

В результате проведенного исследования были выявлены основные направления взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров, обоснован эффект от такого сотрудничества, который заключается в повышении социально-экономических показателей отраслей и региона в целом, росте занятости и сокращении оттока населения, более эффективном использовании имеющихся ресурсов, привлечение платежеспособного спроса, усиление диверсификации за счет создания новых продуктов и услуг, вовлечение в сетевое взаимодействие депрессивных территорий.

Анализ институциональной среды промышленности был проведен на примере Пермского края в сравнении с некоторыми регионами, обладающими сопоставимой специализацией. Было выявлена тенденция к сокращению инновационной и инвестиционной активности, обусловленной частичным спадом промышленного производства, замедлением темпов формирования индустриальных парков, целью создания которых была оптимизация существующего производства, рациональное использование промышленных площадей (производственной инфраструктуры).

В результате исследования были выявлены следующие проблемы кластерного развития в исследуемых субъектах РФ:

- недостаточная поддержка на уровне государства, отсутствие системного подхода со стороны ключевых субъектов: учреждений науки, образования, управления всех уровней;
- отсутствие механизма финансирования, позволяющего развивать туристско-рекреационные кластеры;
- отсутствие единого методического подхода, позволяющего системно оценивать эффект от кластеризации туристско-рекреационной деятельности;
- дифференцированный уровень развития территорий с туристско-рекреационным потенциалом, например, развитые районные центры и малые города, для которых необходим особый программный подход в целях оптимального использования имеющихся ресурсов в целях интересов основных групп стейкхолдеров.

Решение выявленных проблем зависит от государственной и муниципальной политики, целенаправленного стимулирования развития кластерной формы производства в различных отраслях экономики, формировании нормативно-правовой основы регулирования на основании опыта развитых стран, адаптированного к российским условиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России исторически сложившаяся проблема неравномерности пространственного распределения населения является одним из факторов, негативно сказывающихся на общем развитии национальной экономики. Данная ситуация имеет достаточно много причин, при этом история страны показывает, что основание новых городов и последующее формирование вокруг них сети более мелких поселений неоднократно служило достижению поставленных стратегических целей освоения слабозаселенных пространств, вызывая к жизни ускоренное развитие прежде малонаселенных и экономически неразвитых территорий. Эта закономерность присутствует и в истории других стран мира.

Проблемы малых городов занимают особое место в социально-экономической политике нашей страны. Особенно остро они проявились на фоне мирового экономического кризиса и в условиях санкций. Среди наиболее сложных и серьезных проблем малых городов, требующих нетривиальных решений, следует отметить низкую финансовую обеспеченность муниципалитетов, низкий уровень городской и пригородной инфраструктуры, нехватку рабочих мест и значительный отток трудоспособного населения, особенно молодого и, как следствие, нарушение демографического баланса. Эти и ряд других факторов негативно отражаются на уровне и качестве жизни населения малых городов, приводят к его значительному снижению, подрывая социальную и экономическую стабильность как отдельных регионов, так и страны в целом.

Ряд наиболее острых социально-экономических проблем, с которыми сталкивается большинство малых городов, являются общими и носят системный характер. Их решение находится за пределами влияния данных муниципальных образований и требует активного участия федеральных и региональных органов власти. Данные проблемы нуждаются в теоретическом осмыслении, глубоком анализе и разработке соответствующей стратегии развития и поддержки этих населенных пунктов, что обуславливает актуальность данного исследования.

Проанализировав основные моменты, связанные с перспективами и сложностями в создании сети взаимодействия между городами в рамках

российских регионов с учетом включения в такую сеть малых городов, особенно городов со сложным и депрессивным состоянием экономики, можно сделать следующие выводы.

Обеспечение устойчивого развития региона предполагает четкую оценку соответствия малых и средних городов требованиям и возможностям сетевого взаимодействия городов разного размера. Необходимо учесть сложившуюся структуру распределения ресурсов и видов деятельности между городами, потенциал ее развития для обеспечения сбалансированного распределения ресурсов и услуг, которые могут производить в будущем малые города региона.

Особенно жестко это требование должно соблюдаться в отношении тех городов, которые в большинстве своем отстают от центральных городов региона по социально-экономическому положению, перспективам развития, имеющемуся потенциалу роста и привлекательности для бизнеса. Необходимо также прогнозирование последствий развития сети городов, в том числе возможности усиления конкурентоспособности малых и средних городов в неблагоприятных районах конкретного региона, планирование комплекса мероприятий для успешного включения малых и средних городов в сеть, без существенного снижения общей эффективности сети даже на первых этапах.

В рамках стратегий регионального развития необходимо уделить особое внимание сбалансированному пространственному развитию региона в целом путем увязывания долго- и среднесрочных планов, стратегий и концепций пространственного развития территорий разного уровня — регионального, муниципального, городского. Особенно важно включение в общие планы развития планов отдельных городов, где в особом разделе должны быть четко прописаны направления их взаимодействия с другими городами и территориями региона, поскольку в противном случае обеспечение качественного взаимодействия городов разного уровня и потенциала может оказаться невозможным.

Некоторые малые города должны позиционировать себя не изолированно от других административных образований, а как часть сети взаимовыгодных межмуниципальных взаимодействий. Как подтверждает зарубежный опыт, создание сетей городов разного размера способствует решению задач устойчивого регионального развития путем и повышения региональной конкурентоспособности. При этом объединение усилий и распределение функциональных видов деятельности не означает отказ от индивидуальности городов. Каждый город может предложить нечто особенное, даже если он и небольшого размера. Уникальность каждого города — это дополнительный вклад в общую

привлекательность сети городов и в устойчивое развитие региона, где эти города расположены.

Чтобы выявить и определить возможности сетевого взаимодействия между городами разного уровня и социально-экономического положения, в пространственной политике региональных и муниципальных властей необходимо учесть порядок и механизм распределения основных услуг и функциональных видов деятельности между всеми городами региона.

Список литературы

- Аблова Н.О. (2015) Повышение эффективности бюджетных расходов по малым и средним городам на основе рационального использования их экономического потенциала // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 3-3. С. 41–45.
- Аганбегян А.Г. (2018) Доходы российских граждан — сравнение с миром. Институт экономики роста имени П.А. Столыпина. 2018. Апрель. URL: <http://stolypin.institute/analytics/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-dohody-rossiyskih-grazhdan-sravnenie-s-mirom>.
- Администрация Владимирской области (2018) // Официальный сайт. URL: <http://avo.ru>.
- Администрация Пермского края (2018) // Официальный сайт. URL: <http://www.permkrai.ru>.
- Администрация Тульской области (2018) // Официальный сайт. URL: <https://tularegion.ru>.
- Акинфеева Е.В., Никонова М.А. (2018) Исследование положения моногородов в рамках федеральных округов в зависимости от уровня их социально-экономического развития // Региональные проблемы преобразования экономики. № 11 (97). С. 162–168.
- Акинфеева Е.В., Никонова М.А. (2019) Создание территорий опережающего социально-экономического развития как мера поддержки экономики моногородов // Вестник ЦЭМИ. Вып. 2.
- Алмакунова Р. (2019) Сила ТОРа: число резидентов в моногородах за год почти удвоилось // Известия. 3 декабря. URL: <https://iz.ru/949760/roza-almakunova/sila-tora-chislo-rezidentov-v-monogorodakh-za-god-pochti-udvoilos>
- Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Федеев В., Ясин Е. (2011) Социальные итоги трансформации или двадцать лет спустя // Вопросы экономики. № 8. С.77–96.
- Анимица Е.Г., Медведева И.А., Сухих В.А. (2003) Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург–Пермь.
- Анимица Е.Г., Новикова Н.В., Сухих В.А. (2009) Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. № 1. С. 14–35.
- Аргунова Л.Г., Катаева В.И., Козырев М.С. (2015) Стратегическое управление развитием муниципального образования. М.: Берлин: Directmedia.
- АТК «Богдарня» (2019) // Официальный сайт. URL: www.bogdarnya.ru.
- Аудитория пользователей Интернета в России в 2017 году составила 87 млн человек (2018) // MediaScope.net. URL: mediascope.net/press/news/744498.

- Аузан А.А. (2015) «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. С. 3–17.
- Аузан А.А., Крючкова П.В. (2001) Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. №. 5. С. 73–88.
- Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. (2013) Инструментарий оценки эффективности бюджетных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. №3. С. 48–69.
- Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В., Шаповал Ж.А. (2010) Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионология. № 4. С. 63–72.
- Бабушкина А.С. (2015) Региональные целевые программы социально-экономического развития: механизм разработки и реализации // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий Научный Форум 2015». URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/808/8334>
- Баджо Р., Шерешева М.Ю. (2014) Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. С. 3–21.
- Бантикова О.И. (2012) Моделирование демографической безопасности на основе порядковых моделей множественного выбора // Вестник Оренбургского гос. университета. № 13 (149). С. 32–37.
- Барабаш Д.А. (2014) Совершенствование инструментария оценки сбалансированности регионального развития: дис. канд. экон. наук. Специальность 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством; региональная экономика. М. URL: [http://www.fa.ru/dep/ods/autorefs/Dissertations/БарабашД.А. \(01.07.2014\) dc13e35bf26f912911cd4036c690d4e.c.pdf](http://www.fa.ru/dep/ods/autorefs/Dissertations/БарабашД.А. (01.07.2014) dc13e35bf26f912911cd4036c690d4e.c.pdf)
- Барамзин С.В. (2010) Методика оценки социально-экономического развития сельских поселений // Региональная экономика: теория и практика. № 9(144). С. 43–46.
- Барлыбаев У.Д. (2015) Институциональные аспекты устойчивого развития сельских территорий в условиях становления: дис... д-ра экон. наук. ВАК 08.00.05. М.
- Баснина Т.Д. (2015) Санатории в составе туристического комплекса: проблемы развития // Новая экономика и региональная наука. № 2. С. 27–28.
- Баталина Ю. (2014) Пермь официально становится «Великой» // Электронное периодическое издание «Новый Компаньон». URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-2107351.html> (дата обращения: 23.12.2014).
- Батищева Г.А. (2008) Моделирование инвестиционных процессов // Terra Economicus. Т. 6. № 4-2. С. 54–59.
- Башкирова Н.Н. (2008) Амортизационная политика как инструмент налогового стимулирования инновационной деятельности // Финансы и кредит. № 39. С. 47–55.

- Беляев А.Е. (2015) Актуальные проблемы устойчивого развития территории // Kant. № 2 (5). С. 19–21.
- Березка С.М. (2015a) Программы лояльности: зарубежный и российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5. С. 113–131.
- Березка С.М. (2016b) Сити-брендинг: подходы к пониманию и актуальные проблемы // Новая экономика и региональная наука. № 3. С. 331–332.
- Берлин С.И. (2014) Формирование финансовых стратегий развития в сфере туристско-рекреационных услуг // Научный вестник Южного института менеджмента. № 1.
- Берова Ф.Ж. (2011) Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Нальчик. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a130.php>.
- Блог о медицинском маркетинге // Digital-агентство SUPERMED. URL: <https://supermed.pro/blog.html>.
- Бобков В.Н. (2006) Уровень социального неравенства // Экономист. № 3. С. 58–67.
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А. (2011) Аналитический доклад по результатам мониторинга за период октябрь-декабрь 2010 года // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 4. С. 54–65.
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А. (2011) Мониторинг доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. № 4. С. 5–51.
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Зленко Е.Г., Одинцова Е.В. (2017) Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России. № 1(203). С. 50–64.
- Бобков В.Н., Литвинов В.А., Гулюгина А.А. (2004) Аналитический доклад по результатам мониторинга за период октябрь-декабрь 2003 // Мониторинг доходов и уровня жизни населения. № 3. С. 5–16.
- Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С. (1998) Качество жизни: концепция и измерение. М.: ВЦУЖ.
- Богданова Т. (2020) Бегущие от цивилизации. Почему люди возвращаются из городов в деревни? // Аргументы и факты. 11 января. URL: https://aif.ru/money/economy/begushchie_ot_civilizacii_pochemu_lyudi_vozvrashchayutsya_iz_gorodov_v_derevni.
- Большчев О.Н. (2013) Пространственное развитие сетевых структур: методика отбора городов для построения сети взаимодействия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. № 2. С. 156–166.
- Бондарская О.В. (2013) Институциональные факторы совершенствования инструментария социально-экономического развития малых городов // Социально-экономические явления и процессы. Т. 8. № 10 (056). С. 1–7.

- Бондарская О.В., Бондарская Т.А. (2014) Место малого города в пространственно-иерархической системе «Центр периферия» // Социально-экономические явления и процессы. Т. 9. № 8. С. 11–17.
- Бондарская О.В., Бондарская Т.А. (2015) Пространственная организация региональной территории малых городов // Социально-экономические явления и процессы. Т. 10. № 4. С. 17–23.
- Брель О.А. (2018) Развитие историко-культурного, экологического и событийного туризма в Кемеровской области (на примере музея-заповедника «Томская Писаница») // Индустрия туризма и гостеприимства в контексте межкультурной коммуникации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию ДВГУПС и 15-летию кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» / под ред. В.А. Чернова. С. 123–126.
- Бузляков Н.И. (1969) Методы планирования повышения уровня жизни. М.: Экономика.
- Булатов А.С. (2006) Экономика: учебник. М.: Бек.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702.
- Важенина И.С. (2011) О сущности бренда территории // Экономика региона. № 3(27). С. 12–25.
- Варго С., Лаш Р. (2006) Развитие новой доминирующей логики маркетинга // Российский журнал менеджмента. № 4(2). С. 73–106.
- Васенев С.Л., Акатьев Д.А., Абрамова А.И. (2015) Развитие IT-организаций малых городов, проблемы организации производства и управления // Инженерный вестник Дона (электронный научный журнал). Т. 34. № 1. Ч. 2. URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1p2y2015/2828>.
- Ведение бизнеса в России — 2012. Совместная публикация Всемирного банка и Международной финансовой корпорации. М.: Алекс.
- Ветитнев А.М., Сивцева Ю.Б. (2016) Религиозный туризм в Российской Федерации // Туризм: гостеприимство, спорт, индустрия питания: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф., г. Сочи, 26–28 октября 2016 г. / отв. ред. канд. пед. наук, доц. К.Г. Томилин. — Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ». С. 13–16.
- Визгалов Д.В. (2011) Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города».
- Виханский О.С. (1995) Стратегическое управление. М.: Изд-во МГУ.
- Виханский О.С., Миракян А.Г. (2018а) Лидерство-служение как фактор социального предпринимательства // Управленческие науки. Т. 8. № 1. С. 100–109.
- Виханский О.С., Миракян А.Г. (2018б) Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. Т. 16. № 1. С. 131–154.
- Вишневский А.Г. (1998) Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.

- Владимирская область в цифрах 2017 (2018): краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Владимирстат. Владимир.
- Воронов А.С., Леонтьева Л.С. (2016) К вопросу о типах региональных инновационных кластеров // Статистика и экономика. № 3. С. 52–61.
- Выжutowич В. (2019) Моногород: все сначала // Российская газета. № 270 (8028). URL: <https://rg.ru/2019/11/28/reg-sibfo/vyzhutovich-socialno-ekonomicheskaja-situaciia-v-monogorodah-ostaetsia-slozhnoj.html>.
- Гапоненко А.Л., Алисов А.Н., Старовойтов В.Г., Тишкин С.В. (2001) Стратегическое планирование развития города: Опыт построения отечественной модели на примере города Киржач. М.: Холдинговая компания ТИКОМ.
- Гапоненко А.Л., Пирогов С.В., Чернявский И.Ф. (2012) Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов и городов // Вестник Брянского государственного университета. № 3(1).
- Глазачев В.Л. (2008) Урбанистика. М.: Европа.
- Глушкова В.Г., Хорева В.Б. (2013) Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. № 1(39). С. 68–72.
- Гордеева О.В. (2012) Принципы эффективного налогового регулирования // Налоги. № 1. С. 4–5.
- Горелова Т.П. (2016) Брендинг города как инструмент стратегического развития территории // Вестник Академии. Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. № 2. С. 93–96.
- Города Урала (2019). Курган: Почему отсюда уезжают и зачем сюда стоит приехать // УралПолит.RU. URL: <https://uralpolit.ru/article/kurgan/06-02-2019/163286>.
- Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 гг. // Официальный сайт Министерства спорта и туризма республики Беларусь. URL: <http://mst.by/ru/programma-razvitiya-turizma-ru>.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 07.05.1998 № 73-ФЗ.
- Гурьев В.И. (1991) Основы социальной статистики. М.: Финансы и статистика.
- Гэлбрейт Дж. (2004) Новое индустриальное общество. М.: АСТ.
- Дементьев Д.В. (2015) Областной программный бюджет: необходимость и результативность // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 8 (368). С. 29–38.
- Денисова Е. (2013) Агротуризм: отраслевая специфика и особенности финансового управления // Финансовый директор. № 12. С. 52–59.
- Динни К. (2013) Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Довбыш Е.Г. (2016) Европа: новые реалии участия городов в интеграционных процессах // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 1. С. 93–102.

- Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год (2017) // Российская газета. Федеральный выпуск № 7270 (104). URL: <https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html>.
- Евдокимов Н., Галанина К. (2015) Государственные программы как инструмент региональной социально-экономической политики. URL: http://www.bagsurb.ru/about/journal/Part%203_articles.pdf.
- Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. (2017) М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой.
- Елисеева И.И. (2007) Социальная статистика. М.: Финансы и статистика.
- Елохова И.В. (2005) Концепция индуктивного представления производственных функций в задачах моделирования инвестиционных процессов: дис. ... д-ра. экон. наук: 08.00.13. Пермь.
- ЕМИСС. Официальные статистические показатели. 2017. URL: <https://fedstat.ru>.
- Ерофеева Н.Ю. (2016) От интеграции содержания к сетевому взаимодействию // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств. Материалы III международной научно-практической конференции. С. 219–223.
- Жемчужникова Ю.А. (2008) Моделирование зависимостей между показателями, характеризующими инвестиционную привлекательность // Вестник Оренбургского государственного университета. № 9(91). С. 118–121.
- Жеребин В.М., Романов А.Н. (2003) Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ.
- Жители России стали больше тратить на оздоровительный туризм (2017) // Российский туризм. 11 ноября. URL: http://russiantourism.ru/experts-rt/experts-rt_19226.html.
- Забой.рф // Официальный сайт ресторана. URL: <https://xn--80acqky.xn--plai>.
- Заборских Я.А., Сибирцева Ю.А. (2015) Малый город как текст культуры // Михайловские чтения — 2014: сб. Архангельск: Кира. С. 70–74.
- Закон Владимирской области от 26.10.2004 № 190-ОЗ «О наделении Суздальского района и вновь образованных муниципальных образований, входящих в его состав, соответствующим статусом муниципальных образований и установлении их границ» [Принят Постановлением Законодательного Собрания Владимирской области от 17.11.2004 № 759, с внесенными изменениями на 05.08.2009]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW072;n=35754>.
- Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗПК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года». URL: <https://rk.gov.ru/document/show/11146>.
- Закон Тульской области от 11.11.2005 № 639-ЗТО «О межбюджетных отношениях между органами государственной власти Тульской области и органами местного самоуправления муниципальных образований Тульской области».

- Звуки Владивостока (2018). URL: <https://www.soundofvladivostok.ru>.
- Земельный налог Алексин (2016) // Налоговая.ру. URL: <https://nalogius.ru/tulskaya-oblast/nalog-na-zemlu/2016/aleksin>.
- Зубаревич Н.В. Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России. Бюджеты регионов в 2015 г. // Социальный атлас российских регионов. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml.
- Зубаревич Н.В. (2013) Неравенство доходов населения: пространственная проекция // Pro et contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. № 6(61). Ноябрь-декабрь. С. 48–60.
- Зубаревич Н.В. (2014) Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. № 4. С.7–28.
- Зубаревич Н.В. (2010) Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики.
- Зубаревич Н.В. (2015) Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал НЭА. № 26. С. 226–230.
- Зубаревич Н.В., Горина Е.А. (2015) Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты. М.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2013) Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. № 6. С. 15–26.
- Иванова С.А. (2017) Некоторые аспекты реализации аттрактивного ресурса малых и моногородов // Привлечение инвестиций и развитие туризма в субъектах РФ / под ред. М.Ю. Шерешевой. Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М. С. 50–59.
- Иванова С.А., Иванов Н.А. (2017) Современные проблемы и тенденции развития сферы туризма и гостеприимства в малых и моногородах // Развитие внутреннего и въездного туризма в России и за рубежом: сб. статей / под ред. М.Ю. Шерешева. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 95–104.
- Иванченко М.П. (2014) Формирование институтов роста развитой территории на примере Ленинградской области // Проблемы управления. № 20. С. 61–64.
- Ильин В. И. Трансформация поселенческой структуры России (2014) // Многоликая современность / отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис. С. 257–276.
- Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) // База данных показателей муниципальной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst17/DBInet.cgi>.
- Инвестиционный портал Калужской области (2018). URL: <https://investkaluga.com>.

- Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования (2019) // Национальные проекты. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#>.
- Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория (2011) / А.А. Аузан, М.Е. Дорошенко, В.В. Иванов и др. М.: ИНФРА-М.
- Информационный портал об активном отдыхе и туризме (2020). URL: <http://www.rusadventures.ru/offers/17576.aspx>.
- Иогман Л.Г., Гусаков М.А. (2007) Индустриальные парки как инструмент реализации стратегии регионального развития // Экономика региона. № 4. С. 85–94.
- Кайбичева Е.И. (2016) Развитие периферийных городских территорий в экономическом пространстве региона (на примере Свердловской области): дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ.
- Какова структура ВВП России? (2017) // Invest Brothers. 26.01. URL: https://investbrothers.ru/2017/01/26/kakova_struktura_vvp_rossii.
- Календарь событий // Официальный туристический портал Пермского края. URL: <http://www.visitperlm.ru>.
- Календарь событийных мероприятий в Тульской области на 2017 год // Государственное учреждение культуры Тульской области «Объединение центров развития искусства, народной культуры и туризма». URL: <http://ocktula.ru/announces/kalendar-sobyitijnyix-meropriyatij-v-tulskoj-oblasti-na-2017-god.html>.
- Калимуллина Э.Р. (2015) Исследование возможностей самореализации и трудоустройства молодежи в малом городе // Казанский педагогический журнал. № 2 (109). С. 115–120.
- Капелюшников Р.И. (2012) Незащищенность прав собственности и ее экономические последствия: российский опыт // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 150–153.
- Капушева Т.Л. (2012) Стратегия социально-экономического развития региона и инструменты ее реализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. № 5. С. 65–72.
- Карпинская Э.О., Широкова Г.В. (2019) Предпринимательское лидерство: подходы к определению и основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. Vol. 18. № 1. P. 235–260.
- КБ «Стрелка» (2016) Вовлечение горожан в проекты благоустройства. Методические рекомендации по реализации проектов повышения качества среды моногородов. URL: http://моногорода.рф/uploads/knowledge_file/content/48/250917_Report_17.4._OTRED_vovlechenie.pdf.
- Кейнс Дж.М. (1978) Общая теория занятости, процента и денег. М. (The General Theory of Employment, Interest and Money. Palgrav, Macmillan, 1936).

- Ключенюк Н.В. (2010) Управление процессом развития муниципалитетов на основе эффективного экономического механизма бизнес-планирования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Курск.
- Ковалев С.А. (1962) Типы поселений — районных центров СССР // Сборник 56 Вопросы географии. С. 54–72.
- Кодина И.Н. (2009) Малый город: определение границ и типология // Личность. Культура. Общество. Т. XI. Вып. 4 (№ 51–52). С. 56–59.
- Кожухова В.Н. (2014) Моделирование демографических показателей на основе эконометрических моделей с падающим логистическим трендом // Фундаментальные исследования. № 9. С. 1312–1315.
- Коломак Е.А. (2014) Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. № 4. С. 82–99.
- Коломак Е.А. (2015) Ресурс урбанизации в России // Пространственная Экономика. № 4. С. 59–74.
- Кононов О.Д., Иконникова О.В., Зыкова Н.В. (2011) Диверсификация сельской экономики: проблемы и перспективы // Российское предпринимательство. № 11(2). С. 151–155.
- Конституция Российской Федерации (2019) (официальный текст, новая редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (2008). URL: <http://government.ru/info/6217>.
- Концепция социально-экономического развития города Гусь-Хрустальный на период до 2020 года. URL: <http://www.gusadmin.ru/econ/strategiya>.
- Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://rg.ru/2010/12/14/sx-territorii-site-dok.html>.
- Корбут Л.С. (2007) Развитие малого несельскохозяйственного бизнеса на селе // Никоновские чтения. № 12. С. 467–469.
- Кормановская И.Р., Бернасовская Л.И., Птицина Е.В. (2012) Моделирование сценария демографического развития Новгородской области до 2030 года // Проблемы современной экономики. № 3. С. 224–228.
- Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Единак Е.А., Королёв И.Б. (2012) Согласование спроса на рабочую силу и ее предложения на региональных рынках труда: опыт анализа и моделирования. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2012/18>.
- Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. (2005) Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в город, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге.
- Кошарная Г.Б., Юртаев Н.А., Рожкова Л.В. (2008) Малое предпринимательство как способ социальной адаптации населения малых городов (на примере Пензенской области) // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- maloe-predprinimatelstvo-kak-sposob-sotsialnoy-adaptatsii-naseleniya-malyh-gorodov-na-primere-penzenskoj-oblasti.
- Краснова Т.Г., Балабанова Е.А. (2010) Исследование социально-экономического потенциала муниципальных образований // Известия ИГЭА. № 1 (69). С. 56–58.
- Крестецкая строчка // Официальный сайт фабрики. URL: <https://krstrochka.ru> (дата обращения: 15.02.2020).
- Крыжановская А.Г. (2009) Теоретические подходы к определению качества жизни населения // Финансы, денежное обращение и кредит. № 5. С. 273–276.
- Кудрякова С.О. (2012) Проблемы развития малых исторических городов России и пути их решения // Сервис в России и за рубежом. № 8. С. 53–60.
- Кузнецов С.В. (2014) Механизмы координации при сетевом и межсетевом взаимодействии // Вестник Московского университета МВД России. № 7. С. 35–38.
- Кузнецова О.П., Юмаев Е.А. (2015) Стратегические планы субъектов российской федерации и муниципальных образований и их реализация // Омский научный вестник. № 4 (141). С. 248–251.
- Кулаков К.М. (2013) Проблемы математического моделирования региональных демографических процессов // Известия Алтайского государственного университета. Т. 2. № 1(77). С. 75–79.
- Курганская область (2019). Geogoroda. URL: <https://geogoroda.ru/region/kurganskaya-oblast>.
- Курганский медицинский кластер (2015) // Курганская область. URL: <https://kurgan.er.ru/news/2015/10/23/kurganskij-medicinskij-klaster>.
- Кусюкбаева Я.Э. (2016) Малые города России в процессе урбанизации // Стратегия устойчивого развития регионов России. № 33. С. 128–134.
- Кутергина Г.В., Мингазинова Е.Р. (2014) Методики оценки и мониторинга эффективности налоговых льгот: подходы и проблемы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. № 1. С. 84–99.
- Кутовой С.И. (2013) Взаимодействие городов как механизм развития регионального экономического пространства // Бизнес в законе. № 6. С. 302–306.
- Кутын В.М. (2003) Территориальная экономическая кластеризация (классификация) регионов России: социально-географический аспект // Безопасность Евразии. № 1. С. 523–528.
- Куш С.П., Рафинеджад Д., Афанасьев А.А. (2002) Сетевой подход в маркетинге: российский опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. № 1. С. 81–107.
- Лаврова Т.Г. (2015) Роль и потенциал малых городов в развитии региона (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. № 399. С. 204–211.
- Лаврухин Г.В. (2014) О внедрении Муниципального инвестиционного стандарта в Тульской области. URL: <http://russia-invest.ru/files/lavrukhin-g-v.pdf>

- Лапин Н.И. (2004) Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: ГУ ВШЭ.
- Лаппо Г.Н., Полян П.М. (1999) Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. Социология. Этнология. Т. 8. № 4. С. 35–46.
- Лапыгин Ю.Н., Илларионов А.Е., Лачинина Т.А. (2005) Разработка и реализация стратегии муниципалитета. Владимир: Владимирская книжная типография.
- Левашов В.И. (2000) Социальная политика доходов и заработной платы. М.: Центр экономики и маркетинга.
- Лексин В., Карачаровский В. (2007) Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. № 1-2. С. 26–46.
- Лобанова А.С. (2016) Малые города Дальневосточного края в социально-экономическом развитии территорий // Вестник Дальневосточного государственного экономического университета. № 5. С. 14–20.
- Любовный В.Я. (2013) Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ.
- Любовный В.Я. (2012) Курс «На сжатие пространства» // Градостроительство. № 5. С. 4–13.
- Лямин Б.М. (2017) Диверсификация сельской экономики муниципальных районов Ленинградской области // Российский электронный научный журнал. № 2 (24). С. 45–54. URL: http://journal.bsau.ru/archive/genj_2_2017.pdf.
- Майер В.Ф. (1998) Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа. М.: Изд-во МГУ.
- Макрушина Е.С. (2007) Моделирование бюджетной поддержки инвестиций промышленных предприятий региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Государственный университет управления.
- Максвелл Дж. (2016) Хорошие лидеры задают правильные вопросы: Основы успешного лидерства. Минск: Попурри.
- Малинина Т.А. (2010) Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М.: Ин-т Гайдара.
- Малиновская Н.В. (2006) Понятие «экономический потенциал» в современной литературе // Вестник Челябинского университета. Серия 8. Экономика. Социология. Социальная работа. № 5. С. 61–64.
- Малые города России (2000) Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. М.: Московский общественный научный фонд.
- Мандрощенко О.В. (2012) Налоговая система и ее влияние на развитие инвестиционной деятельности // Международный бухгалтерский учет. № 45. С. 1–7.
- Маркова А.А. (2013) Государственные программы как инструмент бюджетного планирования и прогнозирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 5. С. 137–144.

- Маркс К. (1980) Заработная плата, цена и прибыль. М.: Прогресс.
- Маршалл А. (1993) Принципы экономической науки. Т. 1–3. М.
- Маслоу А. (2008) Мотивация и личность. СПб.: Питер.
- Мастеров А.И. (2016) Совершенствование государственных программ как условие повышения эффективности программно-целевого бюджетирования в России // Экономика. Налоги. Право. № 5. С. 99–104.
- Медведева И.А. (2006) Необходимость управления малыми и средними городами на основе стратегического планирования // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 7. С. 5–8.
- Медведева И.А. (2004) Тенденции и стратегия социально-экономического развития малых и средних городов региона (на примере Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа). Екатеринбург.
- Меерович М.Г. (2015) Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование систем расселения // Проект Байкал. № 45. С. 160–163.
- Метелева Е.Р. (2011) Использование сетевого подхода в технологии стратегического управления городским развитием // Baikal Research Journal. № 2. С. 1–6.
- Метляева Т.В. (2016) Исследование особенностей формирования имиджа г. Владивостока (социокультурный аспект) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. № 1. С. 204–211.
- Метляхина В.С. (2011) Сравнительная оценка имеющегося и используемого экономического потенциала муниципальных районов // Региональная экономика: теория и практика. № 38 (221). С. 34–40.
- Методические рекомендации по разработке программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования Пермского края: Распоряжение Правительства Пермского края от 14.03.2011 № 42-рп // СПС Консультант плюс / ЗАО «ТелекомПлюс». Пермь.
- Методология исследования сетевых форм организации бизнеса (2014) / под науч. ред. М.Ю. Шерешевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мещерякова Ж.В. (2017) Медицинский кластер в системе здравоохранения региона как инновационная модель интеграции субъектов государственно-частного партнерства // Экономика и бизнес: теория и практика. № 3. С. 43–45.
- Миграция в России и в мире (2011) Проблемы, тенденции, решения // Livejournal. URL: <http://expatcenter.livejournal.com/62531.htm>.
- Минакир П.А. (2016) Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. № 3. С. 7–15.
- Мингалева Ж.А., Паздникова Н.П. (2009) Оценка эффективности ресурсного обеспечения мониторинга целевых программ социально-экономического развития регионов // Экономика региона. № 4. С. 211–215.
- Миракян А.Г. (2018а) Лидерство в XXI веке: корреспонденция теории и практики // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 6. С. 133–151.

- Миракян А.Г. (2018b) Лидерство в XXI веке: требования и особенности // Проблемы теории и практики управления. № 4. С. 110–116.
- Миролюбова А.А. (2012) Методология моделирования инвестиционного процесса в реальном секторе экономики региона: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a112.php>.
- Мишина Н.А., Орловский А.П. (2014) Правовые основы взаимодействия мегаполисов и малых городов // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. Киев. С. 81–86.
- Мой Город (2017). Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». URL: www.mojgorod.ru.
- Моляренко О.А. (2014) Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью // Мир экономики и управления. Т. 14. № 4. С. 125–139.
- Морозов С.И. (2012) Методический подход к оценке эффективности региональных инновационных программ // Проблемы современной экономики. № 3(43). С. 118–127.
- Муниципальный инвестиционный стандарт (2014) / Ленинградская область. URL: <http://econ.lenobl.ru/budget/invest/mstandart>.
- Мякишева Е.А. (2015) Организационно-экономическая модель стратегического управления территорией опережающего социально-экономического развития. Концептуальные аспекты моделирования // Научное обозрение. № 23. С. 246–250.
- Национальный туристический союз // Официальный сайт. URL: <https://ru-sunion.com> (дата обращения: 25.10.2019).
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015) Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2010) Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. № 2. С. 42–56.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2017) Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. № 2 (56). С. 12–23.
- Никитин А.С. (2016) Инвестиционный рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России // Экономическая политика. Т. 11. №. 6. С. 192–221.
- Никонов Б. (2013) О пользе кластеров для российской экономики // Статистика и экономика. С. 32–38.
- Нормативные правовые акты Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации // Официальный сайт. URL: <http://zakon.scli.ru>.

- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2015) Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. Социология. Этнология. Т. 24. № 2. С. 50–88.
- Нуртдинов А.Р. (2016) Институциональная среда как условие устойчивого экономического развития // Вестник Казанского технологического университета. № 6. С. 186–193.
- Нутрихина Н.В. (2007) Стратегическое планирование развития города // Амурский научный вестник. № 2. С. 294а–303.
- Об утверждении государственной программы Владимирской области «Поддержка развития внутреннего и въездного туризма во Владимирской области на 2016–2020 годы» (2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/432987006>.
- Об утверждении стратегии развития туризма на территории Тульской области на период до 2035 года (2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/450382636>.
- Об утверждении государственной программы «Развитие туризма» (2016). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424077418>.
- Оборин М.С. (2013) Динамика развития санаторно-курортного комплекса и лечебно-оздоровительного туризма в Пермском крае // Вестник Удмуртского университета. Серия: Биология. Науки о Земле. № 6-4. С. 146–153.
- Оборин М.С. Особенности организации системы природопользования и хозяйствования на курортно-рекреационных территориях (2014) // Вестник Дагестанского государственного технического университета. № 4 (Т. 35). Махачкала: Изд-во ДГТУ. С. 183–192.
- Оборин М.С. (2018) Оценка возможности использования потенциальных природных лечебных ресурсов в курортно-рекреационной деятельности региона // Вестник ЗабГУ. Науки о Земле. Т. 24. № 3. С. 4–14.
- Оборин М.С. (2015а) Совершенствование системы управления и оценки экономической эффективности санаторно-курортной деятельностью региона на примере Пермского края // Экономика и предпринимательство № 12-2 (65-2). С. 250–256.
- Оборин М.С. (2015б) Социально-экономические условия и функции санаторно-курортной системы региона как фактор создания маркетинговой стратегии развития рынка санаторно-курортных услуг // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. № 2. С. 49–56.
- Оборин М.С., Клейман А.А. (2018) Сравнительный анализ и перспективы развития и совершенствования санаторно-курортного комплекса в регионах России на основе кластерного подхода // Вестник Национальной академии туризма. № 1 (45). С. 19–24.
- Оборин М.С., Мингазинова Е.Р., Фролова Н.В., Плотников А.В., Владимирский Е.В., Каячев А.П. (2014) Курортно-рекреационный кластер региона: социально-экономические аспекты функционирования: монография. Пермь.

- Оборин М.С., Пахалов А.М., Шерешева М.Ю. (2017) Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. С. 100–117.
- Оборин М.С., Плотников А.В. (2012) Основные методы изучения внешней и внутренней сред санаторно-курортных организаций региона // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. № 4 (64). С. 28–35.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю. (2017) Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. № 4(68). С. 24–31.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Баснина Т.Д. (2017) Особенности и перспективы развития санаторно-курортного комплекса России // Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 3 (46). С. 171–182.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванов Н.А. (2017а) Анализ государственных программ как фактора развития малых городов России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). № 4. С. 18–36.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванов Н.А. (2017б) Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» — Perm University Herald. Economy. Т. 12. № 3. С. 437–452.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Пахалов А.М. (2017с) Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // Ars Administrandi. Т. 9. № 3. С. 370–394.
- Обращение к Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву и к Председателю Правительства Российской Федерации В.В. Путину Президиума Российской академии архитектуры и строительных наук (2011). г. Москва, 23 декабря. URL: <https://iphras.ru/page47653559.htm>.
- Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Селезнева Е.В. (2017) Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года. М.: НИУ ВШЭ.
- Овчарова Л.Н., Горина Е.А. (2017) Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // Вопросы экономики. № 3. С. 5–21.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013) Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. № 3. С. 3–11.
- Опыт Республики Беларусь по развитию сельского туризма (2017) // Международный независимый институт аграрной политики. URL: <http://мни-ап.рф/repository/analytics/332/document.pdf>.
- Орехова Е.А., Плякин А.В. (2014) Полигоны Вороного в исследовании факторной структуры потенциала экономического развития муниципальных районов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. № 21-1 (192). С. 28–41.

- Орлова Е.А. (2015) Малый город: феномен, понятие и подходы к исследованию // Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых сб. Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет. С. 109–111.
- Осипова А.О. (2017) Сетевой проект как вид сотрудничества // Молодежь в меняющемся мире: вызовы современности: материалы VII международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. С. 94–99.
- Официальный сайт администрации муниципального образования Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области (2014). URL: <http://moglobolubovo.ru>.<http://suzdalregion.ru/>
- Официальный сайт администрации Суздальского района Владимирской области (2014). URL: <http://suzdalregion.ru>.
- Панкрухин А.П. (2002) Муниципальное управление: маркетинг территорий. М.: Логос.
- Панкрухин А. (2006) Территориальный брендинг. СПб.: Питер.
- Пахалов А.М. (2016) Институциональное проектирование как инструмент улучшения инвестиционного климата // Российское предпринимательство. Т. 17. № 18.
- Пахалов А.М., Сакс Д.Г. (2019) Развитие туристских кластеров в регионах России: институциональные и маркетинговые аспекты // Туризм: право и экономика. М.: Юрист. № 1. С. 14–18.
- Петрушихина Е.Б. (2016а) К вопросу об аутентичном лидерстве // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. Т. 2. № 4. С. 45–52.
- Петрушихина Е.Б. (2016б) Проблема развития лидерства в организации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 3. № 5. С. 102–114.
- Пивоваров Ю.Л. (2001) Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.
- Пигу А.С. (1985) Экономическая теория благосостояния. Серия «Экономическая мысль Запада». М.: Прогресс.
- Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.12.2008 № 20615-АК/Д19 «О Концепции кластерной политики в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902293451>.
- Письмо Минфина России от 30.09.2014 № 09-05-05/48843 «О Методических рекомендациях по составлению и исполнению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на основе государственных (муниципальных) программ» // СПС Консультант плюс. ЗАО «Телеком-Плюс». Пермь, 2014.
- Повестка дня на XXI век (2017). Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf (дата обращения: 29.10.2017).

- Подсвинова А.В. (2016) Малые города России: специфика и факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 4. С. 52–55.
- Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации (2019) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.
- Политика доходов и качество жизни населения (2003) / под ред. Н.А. Горелова. СПб.: Питер.
- Полтерович В. (2001) Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 25–50.
- Попов А.В., Гнатюк М.А. (2017) Стратегии инновационного развития малых городов России: специфика проблем и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. Т. 2. № 6. С. 251–259.
- Портал Правительства Пермского края (2018) // Официальный сайт. URL: <http://permkrai.ru>.
- Портал Правительства Тульской области (2018) // Официальный сайт URL: <https://tularegion.ru>.
- Портер М. (2005) Конкуренция: пер. с англ. М.: Вильямс.
- Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976.
- Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>.
- Постановление администрации города Красноярск от 03.03.2015 № 105 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ Пермского муниципального района». URL: <https://base.garant.ru/29906773>.
- Постановление администрации Пермского муниципального района от 08.07.2013 № 1905 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ Пермского муниципального района». URL: <https://base.garant.ru/16183838>.
- Постановление администрации Тульской области от 29.06.2011 № 512 «Об организации и проведении мониторинга качества управления муниципальными финансами и платежеспособности муниципальных районов и городских округов Тульской области». URL: <https://base.garant.ru/30346002>.
- Постановление главы городского округа Котельники Московской области от 02.07.2014 № 606-ПГ «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ». URL: <https://base.garant.ru/36723875>.
- Постановление Губернатора Владимирской области от 10.10.2011 № 1081 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области» (с внесенными изменениями на 19.0.2013). URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW072;n=68990>.

- Постановление Правительства Забайкальского края от 05.03.2014 № 101 «О некоторых вопросах проведения комплексной оценки органов местного самоуправления муниципальных районов (городских округов) Забайкальского края». URL: http://xn--h1aeecdbgb5k.xn--80aaac8algcbgck-3f0q.xn--p1ai/documents/normativno_pravovye_akt/28489.html.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». URL: <https://base.garant.ru/70286210>.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 32. Ст. 4329.
- Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие здравоохранения”». URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/programms/health/info>.
- Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 380 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72116586>.
- Постановление Правительства Тульской области от 22.07.2016 № 320 «Об утверждении порядка предоставления, использования и возврата бюджетных кредитов, предоставляемых из бюджета Тульской области бюджетам муниципальных районов (городских округов) Тульской области». URL: <https://base.garant.ru/47251810>.
- Постановление Правительства Тульской области от 22.10.2013 № 561 «Об утверждении государственной программы Тульской области “Управление государственными финансами Тульской области”». URL: <https://base.garant.ru/30359071>.
- Постановление Правительства Тульской области от 06.02.2014 № 50 «О предоставлении и распределении субсидий из бюджета Тульской области местным бюджетам». URL: <https://base.garant.ru/30360732>.
- Постановление Правительства Тульской области от 07.08.2013 № 408 «Об утверждении порядка предоставления из бюджета Тульской области дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов муниципальных районов (городских округов)». URL: <https://base.garant.ru/30357883>.
- Правдюк В.Н. (2009) Концепция стратегического планирования как инструмент экономического развития муниципального образования // Транспортное дело России. № 9. С. 50–54.
- Правительство России постановило создать туристский кластер в Тульской области (2016). URL: <https://myslo.ru/news/tula/2016-06-18-pravitelstvorrossii-postanovilo-sozdat-turistskiy-klaster-v-tulskoy-oblasti>.

- Прибыткова Л.В. (2018) Опыт территориальных преобразований муниципальных образований в субъектах Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 5. № 2. С. 149–159.
- Привалов А. (2018) Спрятать и забыть // Версия. № 39 (664). 14. октября. URL: <https://versia.ru>
- Приказ Министерства территориального развития Пермского края от 29.05.2014 № СЭД-53-03.15-49 «Об утверждении модельного муниципального правового акта “Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ муниципального образования”» (2014) // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. № 22. 9 июня.
- Принципы разработки стратегии (2018). URL: https://studme.org/1931071018650/menedzhment/printsipy_razrabotki_strategii.
- Приоритеты развития малых городов и исторических поселений (2018). Форум малых городов России. Коломна.
- Проект «Настоящая Россия» (2018). URL: <http://www.настоящая-россия.рф>.
- Псарёв В.И., Псарёва Т.В., Сушенцева Н.В., Гончаров И.А. (2010) Методика формирования и анализа комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований / под общ. ред. В.И. Псарёва, Н.В. Сушенцевой. Новосибирск.
- Пучкин М.Б., Аврамчикова Н.Т. (2017) Классификация территорий опережающего социально-экономического развития в регионах Российской Федерации // Менеджмент социальных и экономических систем. № 2. С. 41–49.
- Пчелинцев О. (1993) Социально-экономический кризис в пространственном измерении // Общественные науки и современность. № 2. С. 30–37.
- Радаев В.В. (2005) Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. № 1. С. 5–18.
- Радаев В.В. (2008) Экономическая социология. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ.
- Развитие села.рф (2017) // Официальный сайт. URL: <https://icrt-russia.ru>.
- Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Халафян А.А. (2011) Математическое моделирование демографических процессов на Кубани в 1920–1930-е гг. Краснодар. URL: <http://wiki.kubsu.ru>
- Распоряжение Правительства РФ от 24.04.2014 № 663-р «Об утверждении плана мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014–2018 гг.» (2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 18 (Ч. IV). Ст. 2262.
- Распоряжение Правительства РФ от 19.01.2006 № 38-р «Концепция “Кластерной политики в Российской Федерации”». URL: <https://pandia.ru/text/77/216/4808.php>.
- Распоряжение Правительства Курганской области от 04.04.2016 № 64-р «Об утверждении стратегии развития Курганского

- территориально-отраслевого комплекса “Курганский медицинский кластер”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/438888592>.
- Распоряжение Правительства Тульской области от 28.04.2016 № 309-р «Об утверждении перечня муниципальных образований Тульской области — получателей иных межбюджетных трансфертов из бюджета Тульской области, источником финансового обеспечения которых являются иные межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, на выплату денежных поощрений лучшим муниципальным учреждениям культуры, находящимся на территории сельских поселений Тульской области, и их работникам» // Консорциум Кодекс [Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438883927>.
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2015) Анализ проявления закона Ципфа в городах России // Экономический анализ: теория и практика. № 46. С. 56–66.
- Региональный инвестиционный стандарт / АСИ. URL: <https://asi.ru/invest-climate/standard>.
- Рейтинг (2018). URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>.
- Рейтинг 250 крупнейших городов России 2017 г. / Domofond.ru. URL: <https://www.domofond.ru/city-ratings>.
- Рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости по состоянию на 31.12.2017. URL: <https://doc-player.ru/187026877-Reyting-gorodskih-okrugov-i-municipalnyh-rayonov-permskogo-kraja-po-urovnyu-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-i-urovnyu-razvitiya-rynka-nedvizhimosti-po.html>.
- Рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости на 31.12.2015 и 31.12.2018. URL: www.invest-audit.ru.
- Рейтинг регионов по интегральному показателю инвестиционной привлекательности (2009) / под ред. Н.Н. Райской, Я.В. Сергиенко, А.А. Френкеля // Вопросы статистики: Науч.-информ. журн. № 1. С. 56–60.
- Рейтинг российских регионов по качеству жизни (2019). URL: <http://www.riarating.ru/> (дата обращения: 02.01.2020).
- Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2014 г. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/infografika/20150616/1061393359.html>.
- Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 г. // РИА Рейтинг. URL: vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf.
- Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2017 г. // РИА Рейтинг. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>.
- Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2018 г. URL: <https://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>.

- Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания (2018). РИА Рейтинг. URL: <http://www.riarating.ru/>
- Рейтинг устойчивого развития городов РФ (2016) // SGM. URL: <http://www.agencysgm.com/projects/Брошюра-2016.pdf>.
- Решение Земского Собрания Пермского муниципального района от 29.04.2014 № 439 «Об утверждении Порядка принятия планов и программ развития Пермского муниципального района, утверждения отчетов об их исполнении» (2014) // Бюллетень муниципального образования «Пермский муниципальный район. № 10.
- Ржаницына Л.С. (2015) Модель социальной политики в новых экономических условиях (основные принципы) // Журнал НЭА. № 2 (26). С. 254–259.
- Ризов А.Д. (2014) Социально-экономические процессы в старопромышленных моногородах. Факторы устойчивого развития // // Экономическая наука сегодня : сборник научных статей / пред. редкол. С.Ю. Солодовников. Минск: БНТУ. Вып. 2. С. 414–420.
- Римашевская Н.М. (2012) Региональные особенности уровня и качества жизни: монография. ИСЭПН РАН. М.: М-Студио.
- Рисин И.Е., Шаталова Е.А. (2007) Стратегическое планирование социально-экономического развития городов: зарубежный и российский опыт // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 25–32.
- Российский статистический ежегодник (2019). М., 2019.
- Росстат (2016). Основные итоги Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2016/prez-pred-itog.pdf.
- Росстат. Владимирская область в цифрах (2018). Владимирстат. Владимир.
- Росстат. Калужская область в цифрах (2018). Калугастат. Калуга.
- Росстат. Оперативные данные (2018). URL: <http://www.gks.ru>
- Росстат. Пермский край в цифрах (2018): краткий статистический сборник. Пермьстат. Пермь.
- Росстат. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов (2018). Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/storage/mediabank/reg-gor18.pdf>.
- Росстат. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов (2017). URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/reg-gor18.pdf>.
- Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели (2015) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
- Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели (2016) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/region/reg-pok16.pdf.
- Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели (2017) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm.
- Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели (2018) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

- Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели (2019) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
- Росстат. Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (2019). URL: <http://www.gks.ru>.
- Росстат. Тульская область в цифрах (2017): краткий статистический сборник. Туластат. Тула, 2018.
- Ростуризм // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru>.
- Рохчин В.Е. (2005) Вопросы методологии формирования системы стратегического планирования развития городов России // Пространственная экономика. № 1.
- Рохчин В.Е., Жилкин С.Ф., Знаменская К.Н. (2004) Стратегическое планирование развития городов России: системный подход. СПб.
- Савельев А.В. (2013) Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 7(7). Новосибирск: СибАК.
- Савельев И.И., Никифорова С.В. (2017) Оценка эффективности работы муниципальной власти. М.: РуСайнс.
- Савина О.Н. (2013) Барьеры в нормативном правовом обеспечении механизма предоставления и применения налоговых льгот и преференций в России // Международный бухгалтерский учет. № 19. URL: <http://www.consultant.ru>.
- Садовникова Н.А., Ключкова Е.Н. (2011) Система показателей эффективности проектов по реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации в сфере ИКТ // Статистика и экономика. № 6. С. 163–168.
- Садовникова Н.А., Ключкова Е.Н. (2014) Методологические подходы к оценке государственных программ // Теория и практика общественного развития. № 7. С. 93–97.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. (2006) Экономика = Economics. 18-е изд. М.: Вильямс.
- Санина А.Г., Джафарли Н.Я., Коршунова Е.В. (2016) Современный город как объект публичного управления // Государственное управление. Электронный вестник. № 56. С. 151–167. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/26_2016sanina_dzhafarli_korshunova.htm.
- Секушина И.А. (2019) Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. № 2. С. 84–93.
- Сельский туризм обещает стать Клондайком для российских предпринимателей (2017) // Российская газета — Федеральный выпуск № 7270 (104). URL: <https://rg.ru/2017/05/16/sredi-zhitelej-megapolisov-vygos-spros-nasentimentalnyj-turizm.html>.
- Семибратова Л.М., Широкова Н.В. (2014) Сетевое взаимодействие в условиях малого города // Народное образование. № 6. С. 64–68.
- Семинар «Оценка программ» // Фонд «Институт экономики города». URL: www.urbanecomomics.ru/download.php?dl_id=98.

- Сен А.К. (2004) Свобода, единогласие и права // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа.
- Сидоров А.А., Силич М.П. (2008) Методические подходы к оценке социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Томского политехнического университета. Т. 313. № 6. С. 38–44.
- Скрынник Е.Б. (2017) Официальный сайт. Международный независимый институт аграрной политики. Аналитический обзор. URL: <http://www.eskrynnik.ru/repository/instdocs/7/pdf>.
- Слинкова О.К., Скачков Р.А. (2014) Практика использования программно-целевого метода в управлении экономикой России // Современные проблемы науки и образования. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14905>.
- Смольякова Т. (2014) Дальний Ждет инвесторов // Российская газета. № 230 (6502). URL: <https://rg.ru/2014/10/09/investicii.html>.
- Соколенко С.И. (2002) Производственные системы глобализации: Сети. Альянсы. Партнерства. Кластеры. Киев: Логос.
- Соколов И.А. (2014) Доклад «Методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, в том числе государственных программ». Научно-исследовательский финансовый институт // Финансовый журнал. № 2 (20). С. 7–10.
- Социальное взаимодействие в современных условиях (2017): различные аспекты исследования: коллективная монография / под ред. А.В. Кандауровой. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кафедра социальной педагогики и социальной работы.
- Социально-экономическое положение населения — продолжающийся кризис или новая реальность? (2017) / под ред. Т.М. Малевой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Социальный атлас российских регионов (2015) / под ред. Н.В. Зубаревич // Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России. Бюджеты регионов в 2015 г. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml.
- Список территорий опережающего социально-экономического развития, созданных в России на средину февраля 2019 г. URL: http://fincan.ru/articles/86_territorii-operezhayushchego-razvitiya-spisok-2019.
- Средний класс в России жив и неплохо себя чувствует (2016) // Народный общественно-политический интернет журнал PolitRussia. URL: <http://politrussia.com/society/sredniy-klass-v-837>.
- Статистический бюллетень «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации по состоянию на 1 января 2018 г.». URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/mes_upr2018.rar.
- Степанян М. (2010). Моногорода: диверсифицировать или расселить. Перспектива есть?! — новое исследование холдинга АНКОР. URL: https://www.dp.ru/a/2010/06/10/Monogoroda_diversificir.

- Стехина С.Н. (2007) Концептуальные основы теорий регионального развития и разработки территориальных стратегий // *Terra Economicus*. Т. 5. № 2-2. С. 269–273.
- Стоимость жизни и ее измерение (1991) / под ред. В.М. Рутгайзера, С.П. Шпилько. М.: Финансы и статистика.
- Стратегии малых городов: территория творчества (2016). URL: <http://city-strategy.ru/UserFiles/Files/Small%20Towns%20Strategy.pdf>.
- Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (2019). Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-п. URL: https://tourism.gov.ru/contents/otkrytoe_agentstvo/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2020-goda-332/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda.
- Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Алексин до 2035 года. URL: <http://aleksin.tula.ru>.
- Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Городской округ — город Кудымкар» на 2011–2020 годы. URL: <http://www.admkud.ru/Econom/22011.pdf>.
- Суворовский район: официальный сайт муниципального образования (2018). URL: <https://suvorov.tularegion.ru/documents/?SECTION=7251>.
- Сулягина Ю.О. (2013) Приоритеты государственной политики в сфере трудовой миграции на современном этапе развития России // *Социальная политика и социология*. № 3-1. С. 127–137.
- Сысоев А.П. (2016) Системная модернизация налогообложения имущества физических лиц // *Экономика и предпринимательство*. № 7 (72). С. 62–68.
- Тамбовцев В. (2012) Защита прав собственности и инвестиционный климат России // *Журнал НЭА*. № 1 (13). С. 163–165.
- Тамбовцев В.Л. (2017) Межмуниципальные взаимодействия с позиций экономического анализа // *Terra Economicus*. Т. 15. № 3. С. 19–31.
- ТАСС: Минэкономразвития РФ прогнозирует рост доли туризма в ВВП до 6% (2019) // *Economy Times*. 22 мая. URL: <http://economytimes.ru/novosti/minekonomrazvitiya-rf-prognoziruet-rost-doli-turizma-v-vvp-do-6>.
- Татаркин А.И. (2012) Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6 (24). С. 42–59.
- Терешина М.В. (2014) Формирование механизма устойчивого развития региона: экономические и институциональные условия: дис. ... д-ра экон. наук. ВАК 08.00.05. М.
- Территории опережающего развития. Список (2019). URL: http://fincan.ru/articles/86_territorii-operezhayushchego-razvitiya-spisok-2019.
- Территории опережающего социально-экономического развития: вопросы теории и практики (2017). Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2 марта. Казань. URL: http://chl.ieml.ru/files/u30/2017_0316Sbornik/Territorii_oper_ezhayushchego_socialno-ekonomicheskogo.

- Титов В.В., Жигульский Г.В. (2013) Оценка влияния систем налогообложения на эффективность деятельности промышленного предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. № 4(175). С. 113–120.
- Токарева О.Б. (2013) Роль туристского маркетинга в стратегическом управлении малым городом // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. № 5. С. 89–94.
- Токунова Г.Ф. (2004) Стратегическое планирование развития малых городов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Волгоград.
- ТОСЭР Тольятти (2019). Территория опережающего социально-экономического развития Тольятти. URL: <http://invest.tgl.ru/toser>
- Тренев Н.Н. (2000) Стратегическое управление. М.: ПРИОР.
- Трудовая мобильность населения малых городов России: текущие оценки и потенциал для российского рынка труда (2015) // Портал социологических данных РАНХиГС. URL: <http://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/31-trudovaya-mobilnost-naseleniya-malykh-gorodov-rossii-tekushchie-otsenki-i-potentsial-dlya-rossijskogo-rynka-truda-migratsiya-i-riski-vozniknoveniya-trudnykh-zhiznennykh-situatsij-opros-trudovykh-migrantov-iz-malykh-gorodov>.
- Трунина Г.А., Нагаева М.А. (2016) Анализ туристического потенциала Владимирской области // Вестник Владимирского государственного университета. № 2 (8). С. 29–35.
- Туктаев А.А., Хасанов Ф., Пирогова С.В. (2016) Территории опережающего социально-экономического развития — преимущества для экономики региона // Инновационная наука. № 9. С. 198–200.
- Тульская область в цифрах — 2017: краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Тулстат. Тула, 2018.
- Тульская область в цифрах — 2018: краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Тулстат. Тула, 2019.
- Тюпакова Н.Н. (2012) Формирование налогового механизма распределения добавленной стоимости: теория, методология, практика: монография. Краснодар: КубГАУ.
- Уильямсон О.И. (2010) Аутсорсинг: транзакционные издержки и управление цепями поставок // Российский журнал менеджмента. Т. 8. № 1. С. 71–92.
- Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (с внесенными изменениями на 14.10.201). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136553>.
- Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326>.
- Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200>.

- Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: <https://base.garant.ru/70170942>.
- Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/191961/#ixzz3Y6YSeFlj>.
- Уксуменко А.А., Мацыга Ф.А. (2016) Бюджетное планирование как инструмент реализации социально-экономической политики региона. Территория новых возможностей // Вестник ВГУЭС. № 3. С. 33–40.
- Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней (2014). М.: НИУ ВШЭ.
- Ускова Т.В. (2016) Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территории. № 2. С. 7–18.
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В., Гутникова Е.А., Кожевников С.А. (2013) Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН.
- Ускова Т.В., Йогман Л.Г. и др. (2012) Моногород: управление развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН.
- Усова М.В., Фокина Т.П. (2014) Современные социальные практики управления имиджем города в сетевом обществе // Вестник Поволжского Института Управления. № 4. С. 78–83.
- Устав муниципального образования Боголюбовское сельское поселение (2006): [Принят решением Совета народных депутатов муниципального образования Боголюбовское сельское поселение от 14.02.2006 № 38, с внесенными изменениями на 16.07.2012]. URL: <http://mobogolubovo.ru/ustav/index.php>.
- Устав Суздальского района (2005): [Принят Решением Суздальского районного Совета народных депутатов от 28.06.2005 № 51, с внесенными изменениями на 22.05.2013]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW072;n=70572;dst=4294967295;rnd=0.6980074760504067;from=68733-NaN>.
- Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов (2018): коллективная монография / под ред. В.Л. Тамбовцева, М.Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Фабрика-музей города Белев (2019) // ООО «ТК» Старые Традиции: официальный сайт. URL: <http://startradi.ru>.
- Федеральный закон от 28.06.2014 № 183-ФЗ «О внесении изменений в статьи 179 и 184.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» (2014) // Собрание законодательства РФ. № 26 (Ч. I). Ст. 3389.
- Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (ред., действующая с 01.01.2020). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902021785>.
- Федеральный закон от 03.07.2016 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О территориях опережающего

- социально-экономического развития в Российской Федерации” и Федеральный закон “О свободном порте Владивосток”» // Консультант Плюс [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571.
- Федеральный закон от 04.10.2014 № 284 «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации “О налогах на имущество физических лиц”» // Консультант Плюс [Справочная правовая система]. URL: <https://giod.consultant.ru/page.aspx?3653312>.
- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Консультант Плюс [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571.
- Федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг» (2019). URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/medturizm>.
- Фишер С. (2001) Покупательная сила денег (The Purchasing Power of Money). М.: Дело.
- Фоменко С.А. (2006) Формирование муниципальных брендов как базы конкурентных преимуществ региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб.
- Фонд Общественное мнение (2016). Официальный сайт. URL: <http://fom.ru>.
- Фролов Д.П., Соловьева И.А. (2016) Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. № 10 (433). С. 28–45.
- Хааг Д. (2012) Кластеры как инструмент развития некоммерческих организаций. М.: ИНФРА-М.
- Хасанов Р.Н. (2011) Проблемы оценки эффективности целевых программ на стадии их отбора и реализации // Проблемы современной экономики: материалы междунар. науч. конф. Декабрь. Челябинск: Два комсомольца. С. 45–48.
- Хинтиikka И. (1974) Вопрос о вопросах // Философия и логика. М. С. 303–304.
- Хорев А.И., Овчинникова Т.И. (2003) Оценка динамики социально-экономического развития областей Центрально-Черноземного региона // Современные проблемы экономической теории: сб. ст. междунар. конф. Ч. IV. Воронеж. С. 883–892.
- Чернов В.Г. (2007) Методология экономико-математического моделирования процесса инвестиционного анализа на основе нечетко-множественного подхода: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.13. Иваново. URL: <http://geum.ru/ec-aref/metodologiya-ekonomiko-matematicheskogo-modelirovaniya-ptsressa-investitsionnogo-analiza-na-osnove-nechetko-mnozhestvenn.htm>.
- Чижова Н.А. (2013) К вопросу о социально-экономическом потенциале региона: теоретический аспект // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 7 (105). С. 109–112.

- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. (2018) // Росстат (Федеральная служба государственной статистики). М. URL: <https://gks.ru/compendium/document/13282?print=1>.
- Чучкалова С.В. (2011) Моделирование демографических процессов в Кировской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Пермский гос. нац. исслед. университет. Пермь. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Chuchkalova_05_07_11.pdf.
- Шарко Е.Р. (2018) Сегментационный подход к организации сетевого взаимодействия малых городов России // Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и сельских поселений: сборник статей / под науч. ред. д-ра экон. наук М.Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. С. 94–100.
- Швецов А.Н. (2009) Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения (продолжение) // Российский экономический журнал. № 3-4. С. 33–68.
- Шерешева М.Ю. (2018) Диверсификация экономики малых моногородов: роль сетевых взаимодействий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. № 2. Р. 162–171.
- Шерешева М.Ю. (2007) Межорганизационные сети в системе форм функционирования современных отраслевых рынков: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Шерешева М.Ю. (2006) Межфирменные сети. М.: ТЕИС.
- Шерешева М.Ю. (2016а) Событийный туризм и нематериальное культурное наследие (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 10. № 3. С. 41–49.
- Шерешева М.Ю. (2016б) Создание туристских кластеров в регионах России // Логистика. № 6. С. 52–56.
- Шерешева М.Ю. (2010) Формы сетевого взаимодействия компаний. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Шерешева М.Ю., Баджо Р. (2014) Сетевой подход в изучении туристских дестинаций: новые тенденции // Инициативы XXI века. № 2. С. 58–63.
- Шерешева М.Ю., Березка С.М. (2018) Применение принципов маркетинга в развитии малых городов // Экономическое развитие России: структурная перестройка и диверсификация мировой экосистемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 199–202.
- Шерешева М.Ю., Колков М.Ю. (2018) Роль музеев в развитии туризма с участием малых городов (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 12. № 1. С. 120–133.
- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Березка С.М. (2018) Маркетинг малых городов как фактор устойчивого развития региона // Маркетинг в России и за рубежом. № 1. С. 63–74.

- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Березка С.М. (2017a) Система брендинга малых городов // Менеджмент в России и за рубежом. № 5. С. 12–19.
- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Березка С.М. (2017b) Ценностное предложение малого города для жителей // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 11 (157). С. 25–34.
- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Костанян А.А. (2017) Особенности оценки качества жизни населения малых городов // *Argo administrandi*. Искусство управления. Т. 9. № 2. С. 289–311.
- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Пахалов А.М., Костанян А.А. (2017) Разработка методики анкетирования развития малых городов России // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 8 (154). С. 57–64.
- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Шимук О.В. (2017a) Анализ международного опыта диверсификации сельской экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. № 3. С. 209–223.
- Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Шимук О.В. (2017b) Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учетом потенциала малых городов // Вестник Пермского университета. Экономика. Т. 12. № 4. С. 632–648.
- Шерешева М.Ю., Палт М.М. (2014) Согласование интересов стейкхолдеров в сетевом межфирменном взаимодействии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Экономические и юридические науки. № 3. С. 17–23.
- Шерешева М.Ю., Полянская Е.Е. (2017) Туризм третьего возраста: предпочтения, требования, ограничения // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). № 61. С. 55–75.
- Широкова Г.В. (2016) (ред.) Факторы формирования предпринимательской активности студентов: коллективная монография / под научн. ред. Г.В. Широковой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та.
- Шмидт А.Н., Банников А.Ю. (2015) О системе стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования // Новый взгляд. Международный научный вестник. № 10. С. 262–272.
- Шегольков Ю.Ю., Метелкина П.В. (2017) Развитие туризма в малых городах России // Мир новой экономики. № 11(1). С. 86–91.
- Эрхард Л. (1991) *Благосостояние для всех*. М.: Начала-Пресс.
- Ярошенко Т.П., Каратаева Г.Е. (2012) Модель эффективности бюджетных расходов муниципального образования // Современные проблемы науки и образования. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/103-6427>.
- Abel, G., Bijak, J., & Raymer, J. (2010). A comparison of official population projections with Bayesian time series forecasts for England and Wales // Working Paper № 7. United Kingdom, ESRC Centre for Population Change.
- Abouchakra, R., Moujaes, C.N., Najjar, M.R., Shediach, R. (2008) *Economic Diversification: The Road to Sustainable Development*. Booz Allen Hamilton.

- Acharya, S., Morichi, Sh., Yoshida, T. (1999) Role of infrastructure investment in regional growth: a dynamic simulation approach // *Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies*, 3(2), 39–54.
- Adelaja, A.O., Gibson, M.A., Racevskis, L.A. (2010) Transaction costs and inter-jurisdictional cooperation: an application to land use collaboration // *Journal of Public Affairs*. 10(4), 265–279.
- Aitken, R., Campelo, A. (2011) The four R's of place branding // *Journal of Marketing Management*, 27(9-10), 913–933.
- Albrechts, L. (2015) Ingredients for a more radical strategic spatial planning // *Environment and Planning B: Planning and Design*, 42(3), 510–525.
- Alexiadis, S., Felsenstein, D. (2012) The Flexible Accelerator Model and the 'Regionalization' of Capital Stock Estimates // *Regional Science Inquiry Journal*, IV (1), 39–44.
- Angel, S. (2012) Preparing for urban expansion: A proposed strategy for intermediate cities in Ecuador // *The New Global Frontier*. Routledge, 129–144.
- Angelidou, M. (2014) Smart city policies: A spatial approach // *Cities*, 41, S3–S11.
- Anholt, S. (2010) Definitions of place branding — Working towards a resolution // *Place Branding and Public Diplomacy*, 6(1), 1–10.
- Anholt, S. (2002) Nation branding: A continuing theme // *Journal of Brand Management*, 10 (1), 59–60.
- Anholt, S. (2005) Some important distinctions in place branding // *Place Branding*, 1(2), 116–121.
- Antikainen, J. (2005) The concept of functional urban area // *Informationen zur Raumentwicklung*, (7), 447–452.
- Arato, M., Speelman, S., Huylensbroeck, G.V. (2016) Benefits and Challenges of Integrated Initiatives for Sustainable Rural Development: The Case from Northern Mexico // *Sustainability*, (8), 102–110.
- Ashworth, G., Kavaratzis, M. (Eds.). (2010) *Towards Effective Place Brand Management: Branding European Cities and Regions*. Cheltenham, Edward Elgar.
- Assens, C., Bartoli, A., Hermel, P. (2015) The Combination of Competition and Cooperation in French Local Government: Toward A Specific Public "Coopetition" // *Cahier de recherche du LAREQUOI*. Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, (2), 7–18.
- Avolio, B.J., Gardner, W.I. (2005) Authentic leadership development: Getting to the root of positive forms of leadership // *The Leadership Quarterly*, 16, 315–338.
- Baggio, R. (2008) Symptoms of Complexity in a Tourism System *Tourism Analysis*. 13(1), 1–20.
- Baggio, R., Scott, N., Cooper, C. (2010) Network science — a review focused on tourism // *Annals of Tourism Research*, 37(3), 802–827.
- Bagnasco, A. (Ed.) (2000) *Cities in contemporary Europe*. Cambridge University Press.
- Bahers, J.B., Barles, S., Durand, M. (2018). *Urban Metabolism of Intermediate Cities: The Material Flow Analysis, Hinterlands and the Logistics-Hub*

- Function of Rennes and Le Mans (France) // *Journal of Industrial Ecology*, 23 (3), 686–698.
- Baker, B. (2007) Destination branding for small cities: the essentials for successful place branding. Creative Leap Books.
- Baker, K., Van De Walle, S., & Skelcher, C. (2011) Citizen Support for Increasing the Responsibilities of Local Government in European Countries: A Comparative Analysis. *Lex Localis // Journal of Local Self-Government*, 9(1), 1–21.
- Banerjee, R., Baul, T., Rosenblat, T. (2015) On self selection of the corrupt into the public sector // *Economics Letters*, 127, 43–46.
- Barfort, S., Harmon, N.A., Olsen, A.L. & Hjorth, F.G. (2015) Dishonesty and Selection into Public Service in Denmark: Who Runs the World's Least Corrupt Public Sector? Working Paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=2664983>
- Barilari, A., Bouvier, M. (2010) La LOLF et la nouvelle gouvernance financière de L'Etat. 3-e éd. P., LGDJ.
- Batten, D.F. (1995) Network cities: creative urban agglomerations for the 21st century. *Urban Studies*, 32(2), 313–327.
- Batty, M. (2013) *The new science of cities*. Cambridge, MA, MIT Press.
- Batty, M. (2008) The size, scale, and shape of cities // *Science*, 319 (5864), 769–771.
- Baumol, W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // *Journal of Political Economy*, 98(5), 893–921.
- Beaverstock, J.V., Smith, R.G., Taylor, P.J. (1999) A roster of world cities // *Cities*, 16(6), 445–458.
- Beaverstock, J.V., Smith, R.G., Taylor, P.J. (2000) World-city network: A new metageography? // *Annals of the association of American geographers*, 90(1), 123–134.
- Beer, A., Maude, A. (2002) *Local and Regional Economic Development Agencies in Australia*. School of Geography, Population and Environmental Management, Flinders University.
- Bell, D., Jayne, M. (2009) Small cities? Towards a research agenda // *International Journal of Urban and Regional Research*, 33(3), 683–699.
- Bell, D., Jayne, M. (2006) *Small cities: urban experience beyond the metropolis*. L., Routledge.
- Bel, G., Warner, M.E. (2015) Inter-Municipal Cooperation and Costs: Expectations and Evidence // *Public Administration*, 93(1), 52–67.
- Bellone, C.J., Goerl, G.F. (1992). Reconciling Public Entrepreneurship and Democracy // *Public Administration Review*, 52(2), 130–134.
- Bengtsson, M., Eriksson, J., Wincent, J. (2010). Co-opetition dynamics — an outline for further inquiry // *Competitiveness Review: An International Business Journal*, 20(2), 194–214.
- Beni, M. (2003) *Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira*, Editora Aleph, São Paulo.
- Bernier, L., Hafsi, T. (2007) The changing nature of public entrepreneurship // *Public Administration Review*, 67(3), 488–503.

- Berry, B. (1976) The counter-urbanization process: urban America since 1970 // *Urban Affairs Annual Reviews*, (11), 17–30.
- Bettencourt, L.M. (2013) The origins of scaling in cities // *Science*, 340(6139), 1438–1441.
- Birkin, M., Clarke, M. (2011) Spatial Microsimulation Models: A Review and a Glimpse into the Future // Stillwell J., Clarke M. (eds.) *Population Dynamics and Projection Methods*. Dordrecht, Springer, 193–208.
- Blair, H. (2000) Participation and accountability at the periphery: democratic local governance in six countries // *World development*, 28(1), 21–39.
- Blom-Hansen, J. (2010) Municipal Amalgamations and Common Pool Problems: The Danish Local Government Reforms in 2007 // *Scandinavian Political Studies*, 33(1), 51–73.
- Blom-Hansen, J., Houlberg, K., Serritzlew, S., Treisman, D. (2016) Jurisdiction Size and Local Government Policy Expenditure: Assessing the Effect of Municipal Amalgamation // *American Political Science Review*, 110(4), 812–831.
- Bloomberg. Official website (2016). URL: www.bloomberg.com.
- Bolay, J.C., Rabinovich, A. (2004) Intermediate cities in Latin America risk and opportunities of coherent urban development // *Cities*, 21(5), 407–421.
- Botschen, G., Promberger, K., & Bernhart, J. (2017) Brand-driven identity development of places // *Journal of Place Management and Development*, 10(2), 152–172.
- Bouncken, R.B., Gast, J., Kraus, S., Bogers, M. (2015) Coopetition: a systematic review, synthesis, and future research directions // *Review of Managerial Science*, 9(3), 577–601.
- Bourgon, J. (2008) The future of public service: A search for a new balance // *Australian Journal of Public Administration*, 67(4), 390–404.
- Bowen, H.P., De Clercq, D. (2008) Institutional context and the allocation of entrepreneurial effort // *Journal of International Business Studies*, 39(4), 747–767.
- Boyne, G.A. (1992) Local Government Structure and Performance: Lessons from America // *Public Administration*, 70(3), 333–357.
- Brandenburger, A., Nalebuff, B. (1996) *Co-opetition*. New York, Doubleday Currency.
- Braun, E., Kavaratzis, M., Zenker, S. (2013) My city e My brand: The different roles of residents in place branding // *Journal of Place Management and Development*, 6(1), 18–28.
- Breakwell, G. (1986) *Coping with threatened identities*. L., Methuen.
- Briefing European Parliamentary Research Service. Farm diversification in the EU (2016) European Parliament URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/581978/EPRS_BRI\(2016\)581978_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/581978/EPRS_BRI(2016)581978_EN.pdf).
- Bulkeley, H. (2010) Cities and the governing of climate change // *Annual review of environment and resources*, 35, 229–253.
- Byrnes, J. Dollery, B. (2002) Do Economies of Scale Exist in Australian Local Government? // *A Review of the Research Evidence*. *Urban Policy and Research*, 20(4), 391–414.

- Calthorpe, P., Fulton, W. (2001) *The regional city*. New York: Randon House.
- Camagni, R. (2002) On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? // *Urban Studies*, 13, 2395–2412.
- Camagni, R., Capello, R. (2005) *The City Network Paradigm: Theory and Empirical Evidence*. *Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics*, 495–529.
- Camagni, R., Capello, R., Caragliu, A. (2015) Agglomeration economies in large versus small cities: similar laws, high specificities // *The rise of the city: spatial dynamics in the urban century*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, 85–113.
- Campbell, H., Marshall, R. (2006) Towards justice in planning: A reappraisal // *European Planning Studies*, 14(2), 239–252.
- Campbell, S. (1996) Green cities, growing cities, just cities? Urban planning and the contradictions of sustainable development // *Journal of the American Planning Association*, 62(3), 296–312.
- Campbell, T. (2013) *Beyond smart cities: how cities network, learn and innovate*. Routledge.
- Capello, R. (2000). The city network paradigm: measuring urban network externalities // *Urban Studies*, 37(11), 1925–1945.
- Cassia, F., Magno, F. (2009) Public services co-production: Exploring the role of citizen orientation // *International Journal of Quality and Service Sciences*, 1(3), 334–343.
- Castells, M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford, Blackwell.
- Chadwick, G. (2016) *Models of Urban & Regional Systems in Developing Countries // Some Theories and Their Application in Physical Planning*, 36, 114–119.
- Charles, C.Z. (2003) The dynamics of racial residential segregation // *Annual Review of Sociology*, 29(1), 167–207.
- Chi, G., Voss, P. (2011) Small-area population forecasting: borrowing strength across space and time // *Population, Space and Place*, 17(5), 505–520.
- Chi, G., Zhou, X., Voss, P. (2011) Small-area population forecasting in an urban setting: a spatial regression approach // *Journal of Population Research*, 28 (2-3), 185–201.
- Choi, Y., Yoon, J. (2005) Effects of leaders' self-sacrificial behavior and competency on followers' attribution of charismatic leadership among Americans and Koreans // *Current Research in Social Psychology*, 11 (5), 51–69.
- Christopher, M., Payne, A., Ballantyne, D. (1991) *Relationship Marketing: Bringing Quality, Customer Service and Marketing Together*. Oxford, Heinemann.
- Ciolac, R., Adamov, T., Iancu, T. et al. (2019) Agritourism-A Sustainable Development Factor for Improving the 'Health' of Rural Settlements. Case Study Apuseni Mountains Area // *Sustainability*, 11(5), 1467. URL: <https://doi.org/10.3390/su11051467>.
- Cittaslow International: International Network of Cities Where Living is Good, Official Site (2019). URL: <http://www.cittaslow.org>
- Cohen, B. (2006) Urbanization in developing countries: Current trends, future projections, and key challenges for sustainability // *Technology in society*, 28(1-2), 63–80.

- Courtney, P., Errington, A. (2000) The role of small towns in the local economy and some implications for development policy // *Local Economy*, 15(4), 280–301.
- Courtney, P., Mayfield, L., Tranter, R., Jones, P., Errington, A. (2007) Small towns as ‘sub-poles’ in English rural development: Investigating rural–urban linkages using sub-regional social accounting matrices // *Geoforum*, 38(6), 1219–1232.
- Cross, J.A. (2001) Megacities and small towns: different perspectives on hazard vulnerability // *Global Environmental Change Part B: Environmental Hazards*, 3(2), 63–80.
- Daher, E., Kubicki, S., Guerriero, A. (2017) Data-driven development in the smart city: Generative design for refugee camps in Luxembourg // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 4(3), 364–379.
- Dalhberg, M. (2010) Local Government in Sweden. In: Mosio, A. (Ed.) *Local Public Sector in Transition: A Nordic Perspective*. Helsinki: Government Institute for Economic Research, 122–146.
- Daniels, T.L., Keller, J.W., Mark, B., Daniels, K., Segedy J. (2007) *The small town planning handbook*. Washington (DC).
- Daude, C., Stein, E. (2007) The Quality of Institutions and Foreign Direct Investment // *Economics and Politics*, 19(3), 317–334.
- Davis, H. C. (1995) *Demographic Projection Techniques for Regions and Smaller Areas*. Vancouver: University of British Columbia Press.
- De Cremer, D., Mayer, D.M., van Dijke, M., Schouten, B.C., Bardes M. (2009) When does self-sacrificial leadership motivate prosocial behavior? It depends on followers’ prevention focus // *Journal of Applied Psychology*, 94 (4), 887–899.
- De Cremer, D., van Knippenberg, D., van Dijke, M., Bos, A. (2006) Self-sacrificial leadership and follower self-esteem: When collective identification matters // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 10 (3), 233–245.
- De Vries, J. (2012) The Randstad: in search of a metropolis for Netherlands (Randstad: à la recherche d’une métropole pour les Pays-Bas) // *Bulletin de l’Association de géographes français*, 89e année, 89(4), 534–546.
- Deininger, K., Mpuga, P. (2005) Does Greater Accountability Improve the Quality of Public Service Delivery? Evidence from Uganda // *World Development*, 33(1), 171–191.
- Dias, J., McDermott, J. (2006) Institutions, education, and development: The role of entrepreneurs // *Journal of Development Economics*, 80(2), 299–328.
- Dijkstra, L., Poelman, H. (2012) *Cities in Europe. The New OECD-EC Definition*. European Commission.
- Dinnie, K. (2011) *City branding: Theory and cases*. Springer.
- Dinnie, K. (2015) *Nation branding: Concepts, issues, practice*. L., Routledge.
- Doing Business in Russia (2012). World Bank. URL: <http://www.doingbusiness.org/en/reports/subnational-reports/Russia>.
- Dollinger, P. (1999) *The German Hansa*. Vol. 1. Psychology Press.
- Downtown Public Spaces in Small and Medium-size Cities (2015). The Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development

- (BBSR). URL: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/RP/ExWoSt/Studies/DowntownPublicSpaces/01_Start.html.
- Doytch, N., Narayan, S. (2016) Does FDI influence renewable energy consumption? An analysis of sectoral FDI impact on renewable and non-renewable industrial energy consumption // *Energy Economics*, 54, 291–301.
- Dril, N., Galkin, A., Bibik, N. (2016) Applying City Marketing as a Tool to Support Sustainable Development in Small Cities: Case Study in Ukraine // *Transportation Research Procedia*, (16), 46–53.
- Drobne, S., Konjar, M., Lisec, A., Milanović, N.P., Lamovšek, A.Z. (2010) Functional regions defined by urban centres of (inter) national importance – the case of Slovenia. *REAL CORP 2010 Proceedings / Tagungsband Vienna*.
- Du, J., Lu, Y., Tao, Z. (2008) Economic institutions and FDI location choice: Evidence from US multinationals in China // *Journal of comparative Economics*, 36(3), 412–429.
- Ebrahimzadeh, I., Tayyebi, N., Shafei, Y. (2012) Functional Analysis of Small Towns Economic Role in Rural Development, Case Study: Zahedshahr, Iran // *Journal of Service Science and Management*, (3), 269–279.
- Edwards, C., Jones, G., Lawton, A., Llewellyn, N. (2002) Public entrepreneurship: rhetoric, reality and context // *International Journal of Public Administration*, 25(12), 1539–1554.
- Egziabher, A.G. (2014) Cities feeding people: an examination of urban agriculture in East Africa. Ottawa, IDRC, 85–104.
- Elliott, J.A. (2012) *An introduction to sustainable development*. London: Routledge.
- Erickcek, G.A., McKinney, H. (2006). “Small Cities Blues:” Looking for Growth Factors in Small and Medium-Sized Cities // *Economic Development Quarterly*, 20(3), 232–258.
- Ershova, N. (2017) Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The case of Japanese companies // *Journal of Eurasian studies*, 8(2), 151–160.
- ESDP — European Spatial Development Perspective (1999) *Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union*. Agreed at the Informal Council of Ministers responsible for Spatial Planning. Potsdam, Published by the European Commission, 87.
- Eshuis, J., Klijn, E.H., Braun, E. (2014) Place marketing and citizen participation: branding as strategy to address the emotional dimension of policy making? // *International Review of Administrative Sciences*, 80(1), 151–171.
- ESPON on the Road Project (2013) *Hidden potential of Small and Medium Sized Towns*. URL: https://www.rtpi.org.uk/media/1093623/Western%20Europe%20briefing_TOWN.pdf.
- Estrin, S., Prevezer, M. (2011) The role of informal institutions in corporate governance: Brazil, Russia, India, and China compared // *Asia Pacific Journal of Management*, 28(1), 41–67.
- European Commission (2013) *Annex 1: A Concept for Sustainable Urban Mobility Plans to the Communication from The Commission to the European*

- Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Together towards competitive and resource-efficient urban mobility. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2013/EN/1-2013-913-EN-F1-1-ANNEX-1.pdf>.
- Fachin, S., Venanzoni, G. (1992) IDEM: an Integrated Demographic and Economic Model of Italy. URL: <https://www.iioa.org/conferences/14th/files/Fachiim.pdf>.
- Faguet, J.P. (2004) Does decentralization increase responsiveness to local needs? Evidence from Bolivia // *Journal of Public Economics*, 88(4), 867–894.
- Farazmand, A. (Ed.). (2017) *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*. Switzerland, Springer.
- Farelnik, E., Stanowicka, A., Wierzbicka, W. (2017). International Cooperation between Cities Based on The Example of the Cittaslow Network Olsztyn // *Economic Journal*, 12(4), 415–425.
- Fariás, I., Bender, T. (Eds.) (2012) *Urban assemblages: How actor-network theory changes urban studies*. L.: Routledge.
- Farming diversification in England: statistics (2008) DEFRA, Farm diversification in England: results from the farm. Business survey, 2007/2008, 31 January. URL: <https://statistics.defra.gov.uk/esg/statnot/Divers09.pdf>.
- Faulkner, B., Russell, R. (2001) Turbulence, chaos and complexity in tourism systems: a research direction for the new millennium. *Tourism in the twenty-first century: reflections on experience*, 328–349.
- Feeney, M.K., Brown, A. (2017) Are small cities online? Content, ranking, and variation of US municipal websites // *Government Information Quarterly*, 34(1), 62–74.
- Fehrler, S., Fischbacher, U., Schneider, M.T. (2016) Who Runs? Honesty and Self-Selection into Politics. IZA Discussion Papers No. 10258.
- Feiock, R. (2014) How Cities Collaborate While Competing in the New Economy // Pagano, M. (Ed.) *Metropolitan Resilience in a Time of Turmoil*. Champaign. University of Illinois Press, 89–121.
- Ferdig M.A. (2007) Sustainability leadership: Co-creating a sustainable future // *Journal of Change Management*, 7 (1), 25–35.
- Fernald Jr, L., Solomon, G., Tarabishy, A. (2005) A new paradigm: Entrepreneurial leadership // *Southern Business Review*, 30(2), 1–10.
- Ferraresi, M., Migali, G., Rizzo, L. (2017) Does Inter-municipal Cooperation Promote Efficiency Gains? Evidence from Italian Municipal Unions. *Società italiana di economia pubblica*. WP No. 725.
- Fielding, A.J. (1989) Migration and Urbanization in Western Europe since 1950 // *Geographical Journal*, 155(1), 60–69.
- Flint, J., Raco, M. (eds). (2012) *The future of sustainable cities: critical reflections*. L., Policy Press.
- Fog, A. (2013) *Towards a universal theory of competition and selection*. Technical University of Denmark. URL: http://www.agner.org/cultsel/universal_competition_theory.pdf.

- Forester, J. (2010) "Foreword" *Making Strategies* / Cerreta, M., Concilio, G., Monno, V. (Eds). Spatial Planning. Dordrecht: Springer, v–vii.
- Foroudi, P., Gupta, S., Kitchen, P., Foroudi, M., Nguyen B. (2016). A framework of place branding, place image, and place reputation // *Qualitative Market Research: An International Journal*, 19(2), 241–264.
- Foster, K.A. (1997). *The Political Economy of Special-Purpose Government*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- Fox, S., Goodfellow, T. (2016) *Cities and development*. L.: Routledge.
- Frenken, K., Hoekman, J. (2006) Convergence in an enlarged Europe: the role of network cities // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 97(3), 321–326.
- Frère, Q., Leprince, M., Paty, S. (2014) The impact of intermunicipal cooperation on local public spending // *Urban Studies*, 51(8), 1741–1760.
- Friedmann, J. (1986) The world city hypothesis // *Development and change*, 17(1), 69–83.
- Friedmann, J., Wolff, G. (1982) World City Formation: An Agenda for Research and Action // *International Journal of Urban and Regional Research*, 6(3), 309–344.
- Fry, L.W. (2003) Toward a theory of spiritual leadership // *The Leadership Quarterly*, 14, 693–727.
- Fujita, K. (2016) *Residential segregation in comparative perspective: Making sense of contextual diversity*. Routledge.
- Fung, A. (2003) Survey Article: Recipes for Public Spheres: Eight Institutional Design Choices and Their Consequences // *The Journal of Political Philosophy*, Vol. 11, No. 3, 338–367.
- Ganau, J., Vilagrás, J. (2003). Middle-sized and intermediate cities in Spain: Their position in the urban network and recent urban processes. *Villes moyennes et mondialisation. Renouveau de l'analyse et des stratégies*, 128–145.
- García, B.C. (2011). *Small town China: Rural labour and social inclusion*. Taylor, Francis.
- García, F., Vázquez, A., Macías, R. (2015). Resident's attitudes towards the impacts of tourism // *Tourism Management Perspectives*, 13, 33–40.
- Gardner, W.L., Coglisier, C.C., Davis, K.M., Dickens, M.P. (2011). Authentic leadership: A review of the literature and research agenda // *The Leadership Quarterly*, 22, 1120–1145.
- George, M., Smith, S., Swanson, D., Tayman J. (2004). *Population Projections*. Siegel, J. & Swanson, D. (eds). *The Methods and Materials of Demography*. New York: Elsevier, 561–601.
- Geraki, M., Polyzos, S., Krikeli, O. (2010) *Public Investment Regional Allocation: Evaluation of Applicability of Existent Methodologies*. URL: <http://www.prd.uth.gr/uploads/publications/2010/5f5ba1219a15be1ffbdf54e85c025f1cfff8e8e.pdf>.
- Gerring, J., Thacker, S.C. (2004) Political institutions and corruption: The role of unitarism and parliamentarism // *British Journal of Political Science*, 34(2), 295–330.

- Gibb, M., Nel, E. (2007) Small Town Redevelopment: The Benefits and Costs of Local Economic Development in Alicedale // *Urban Forum*, 2, 69–84.
- Gibbs, J. (1963) The evolution of population concentration // *Economic Geography*, Vol. 39, No. 2, 119–129.
- Giest, S., Howlett, M. (2013) Comparative climate change governance: lessons from European transnational municipal network management efforts // *Environmental Policy and Governance*, 23 (6), 341–353.
- Giffinger, R., Fertner, C., Kramar, H., Meijers, E. (2007) City-ranking of European medium-sized cities. Final report (October 2007). Cent. Reg. Sci. Vienna UT, 1–12. URL: http://www.smartcities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf.
- Gilmour, J.B. (2007) Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the Challenges of Integrating Budget and Performance // *OECD Journal on Budgeting*, 7 (1), 1–40.
- Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance Switzerland. Ed. A. Farazmand. Springer International Publishing, 2017.
- Gordon, I. (2010) Territorial competition // Pike, A., Rodríguez-Pose, A., Tomaney, J. (Eds.) *Handbook of Local and Regional Development*. Abingdon: Routledge, 30–43.
- Graham, S. (1994) Networking cities: Telematics in urban policy — a critical review // *International Journal of Urban and Regional Research*, 18(3), 416–432.
- Greed, C. (2014) *Investigating town planning: changing perspectives and agendas*. L.: Routledge.
- Green, N. (2007) Functional polycentricity: a formal definition in terms of social network analysis // *Urban Studies*, 44(11), 2077–2103.
- Greenleaf R.K. (2015) *The Servant as Leader*. The Greenleaf Center for Servant Leadership.
- Greenwood, M., Hunt, G. (1991) Forecasting state and local population growth with limited data: the use of employment — migration relationships and trends in vital rates // *Environment and Planning, A* 23(7), 987–1005.
- Gretzel, U., Werthner, H., Koo, C., Lamsfus, C. (2015) Conceptual foundations for understanding smart tourism ecosystems // *Computers in Human Behavior*, 50, 558–563.
- Gulzar, S. (2014) *Ruling Parties, Patronage and Bureaucratic Performance in Democracies: Evidence from Punjab, Pakistan*. New York University. October 27. URL: http://rubenson.org/wp-content/uploads/2014/10/gulzar_tpbw14.pdf.
- Gupta, A., Harding, A. (2007) Introduction and overview // Gupta A., Harding A. (eds.) *Modelling Our Future: Population Ageing, Health and Aged Care*. Amsterdam. Elsevier, 1–40.
- Gupta, V., MacMillan, I.C., Surie, G. (2004) Entrepreneurial leadership: developing and measuring a cross-cultural construct // *Journal of Business Venturing*, 19(2), 241–260.
- Haggblade, S., Hazell, P.B., Reardon, T. (2007) *Transforming the rural non-farm economy: Opportunities and threats in the developing world*. Johns Hopkins University Press.

- Hakelberg, L. (2014) Governance by diffusion: Transnational municipal networks and the spread of local climate strategies in Europe // *Global Environmental Politics*, 14(1), 107–129.
- Hall, P. (1984) *The World Cities*. L.: Weidenfeld & Nicholson.
- Hall, P. (2005) The world's urban systems: a European perspective // *Global Urban Development*, 1(1), 1–12.
- Halla, F. (2007) A SWOT analysis of strategic urban development planning: The case of Dar es Salaam city in Tanzania // *Habitat International*, 31(1), 130–142.
- Hankinson, G. (2007) The management of destination brands: Five guiding principles based on recent developments in corporate branding theory // *Journal of Brand Management*, 14(3), 240–254.
- Hankinson, G. (2012) The measurement of brand orientation, its performance impact, and the role of leadership in the context of destination branding: An exploratory study // *Journal of Marketing Management*, 28 (7-8), 974–999.
- Hanna, R., Wang, S.Y. (2017) Dishonesty and selection into public service: evidence from India // *American Economic Journal: Economic Policy*, 9(3), 262–290.
- Hanna, S., Rowley, J. (2013) A practitioner-led strategic place brand-management model // *Journal of Marketing Management*, 29(15-16), 1782–1815.
- Hanna, S., Rowley, J. (2011) Towards a strategic place brand-management model // *Journal of Marketing Management*, 27(5-6), 458–476.
- Hargreaves, A., Fink D. (2012) *Sustainable Leadership*. John Wiley & Sons.
- Harmaakorpi, V., Kari, K., Parjanen, S. (2008) City design management as a local competitiveness factor // *Place Branding and Public Diplomacy*, 4(2), 169–181.
- Harrier, D., & Egan-Robertson D. Vintage (2008) *Minor Civil Division household projection methodology: some salient points*. Wisconsin: Demographic Services Centre.
- Harrison, C., Burnard, K., Paul, S. (2018) Entrepreneurial leadership in a developing economy: a skill-based analysis // *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 25(3), 521–548.
- Harrison, J., Age, S. (2014) When regions collide: in what sense a new 'regional problem'? // *Environment and planning, A*, 46(10), 2332–2352.
- Haughton, G., Hunter C. (2003) *Sustainable cities*. L.: Jessica Kingsley.
- Healey, P. (2004) The treatment of space and place in the new strategic spatial planning in Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*, 28(1), 45–67.
- Healey, P. (2010) *Making Better Places: The Planning Project for the Twenty-first Century*. Basingstoke, Hants: Palgrave Macmillan.
- Hendrick, R.M., Jimenez, B.S., Lal, K. (2011) Does local government fragmentation reduce local spending? // *Urban Affairs Review*, 47(4), 467–510.
- Hohenberg, P.M. (2004) The historical geography of European cities: an interpretive essay // *Handbook of regional and urban economics* (Vol. 4). Elsevier, 3021–3052.

- Hölscher, K., Wittmayer, J.M., Avelino, F., Giezen, M. (2017) Opening up the transition arena: An analysis of (dis)empowerment of civil society actors in transition management in cities.
- Honoré, C. (2004) *In praise of slow*. L.: Orion Books.
- Hopkins, L.D. (2001) *Urban development: The logic of making plans*. Island Press.
- Hopwood, B., Mellor, M., O'Brien, G. (2005) Sustainable development: mapping different approaches // *Sustainable development*, 13(1), 38–52.
- Hospers, G.J. (2003) Creative cities in Europe. Urban competitiveness in the knowledge economy // *Intereconomics*, 38(5), 260–269.
- Huggins, C. (2017) Subnational transnational networking and the continuing process of local-level Europeanization. *European Urban and Regional Studies*.
- Hulst, R., van Montfort, A. (Eds.) (2007) *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. Springer Netherlands.
- Hurme, P. (2001) Online PR: Emerging organisational practice // *Corporate Communications: An International Journal*, 6(2), 71–75.
- Huxham, C., Vangen, S. (2013) *Managing to collaborate: The theory and practice of collaborative advantage*. N.Y.: Routledge.
- ILO (International Labour Organisation). URL: <http://www.ilo.org/moscow/lang--en/index.htm>.
- Insch, A. (2010) Managing residents' satisfaction with city life: Application of Importance — Satisfaction analysis // *Journal of Town & City Management*, 1(2), 164–174.
- Insch, A., Florek, M. (2008) A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents // *Journal of Place Management and Development*, 1(2), 138–149.
- Intermediary Cities (2019). URL: <https://www.uclg.org/en/agenda/intermediary-cities>.
- Isaksen, A., Tripl, M. (2016) *Path development in different regional innovation systems*. New York and London: Routledge, 66–84.
- Isen, A. (2014) Do local government fiscal spillovers exist? Evidence from counties, municipalities, and school districts // *Journal of Public Economics*, 110, 57–73.
- Jacobs, J. (1970) *The economy of cities*. New York: Random House.
- Jacobs, J.M. (2012) Urban geographies I: Still thinking cities relationally // *Progress in Human Geography*, 36(3), 412–422.
- Jayne, M., Hubbard, P., Bell, D. (2017) Twin Cities: Territorial and Relational Urbanism. *The SAGE Handbook of New Urban Studies*, 63.
- Jian, B.F. (2001) Review on the Research of the Small Cities and Towns Development in China since the 1980s // *Urban Planning Forum*, 3, 28–33.
- Johannessen, E., Høines, Å.S., Dolgov, A.V., Fossheim, M. (2012) Demersal Fish Assemblages and Spatial Diversity Patterns in the Arctic-Atlantic Transition Zone in the Barents Sea. *PLoS One*, 7(4), e34924.
- Källström, L., Ekelund, C. (2016) What can a municipality offer to its residents? Value propositions and interactions in a place context // *International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research*, 10(1), 24–37.

- Karampela, M., & Waehning, N. (2016) Exploring the UK micro-brewing industry: factors facilitating and hindering micro-firms' growth and internationalisation efforts // *Academy of Marketing Science 19th World Marketing Congress*, Paris, France (Accepted/In press).
- Karlsson, S., Lundin, N., Sjöholm, F., He, P. (2007) FDI and Job Creation in China (No. 723). IFN Working Paper.
- Kavaratzis, M. (2004) From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands // *Place branding*, 1(1), 58–73.
- Kavaratzis, M., Ashworth, G. (2006) City branding: an effective assertion of identity or a transitory marketing trick? // *Place Branding*, 2(3), 183–194.
- Keiner, M., Kim, A. (2008) Transnational City Networks for Sustainability// *European Planning Studies*, 15(10), 1369–1395.
- Kemp, E., Childers, C.Y., Williams, K.H. (2012) Place branding: creating self-brand connections and brand advocacy // *Journal of Product & Brand Management*, 21(7), 508–515.
- Kenworthy, J.R. (2006) The eco-city: ten key transport and planning dimensions for sustainable city development // *Environment and urbanization*, 18(1), 67–85.
- Kern, K. Bulkeley, H. (2009) Cities, Europeanization and Multi-level governance: governing climate change through transnational municipal networks // *Journal of Common Market Studies*, 47(2), 309–332.
- Kern, K. (2014) Climate governance in the European Union multilevel system: the role of cities. *Multilevel environmental governance. Managing water and climate change in Europe and North America*, 111–130.
- Kern, K., Bulkeley, H. (2009) Cities, Europeanization and Multi-level governance: governing climate change through transnational municipal networks // *Journal of Common Market Studies*, 47(2), 309–332.
- Ketchen, D. Jr., Snow, C., Hoover, V. (2004) Research on competitive dynamics: Recent accomplishments and future challenges // *Journal of Management*, 30(6), 779–804.
- Khan, A., Hildreth, W.B. (eds.) (2002) *Budget Theory in the Public Sector*. L.: Quorum books.
- Khoo, Y., Lu, J. & Ying, L. (2017) Solving parametric pde problems with artificial neural networks // preprint arXiv: 1707.03351.
- Kickbusch, I. (1989) Healthy Cities: a working project and a growing movement // *Health Promotion International*, 4(2), 77–82.
- Kim, H., Lee, S. (2015) Impacts of city personality and image on revisit intention // *International Journal of Tourism Cities*, Vol. 1, No. 1, 50–69.
- Kim, Y. (2010) Stimulating entrepreneurial practices in the public sector: The roles of organizational characteristics // *Administration and Society*, Vol. 42, Is. 7, 780–814.
- Kirkby, R.J.R., Shen, G., Bradbury, I.K. (2000) *Small town China: Governance, economy, environment and lifestyle in three zhen*. Dartmouth Publishing Company.
- Kitson, M., Martin, R., Tyler, P. (2004) Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept? // *Regional Studies*, Vol. 38, Is. 9, 991–999.

- Kladou, S., Mavragani, E. (2015) Assessing destination image: an online marketing approach and the case of TripAdvisor // *J Dest Market Manag*, 4(3), 187–193.
- Klaufus, C. (2010) Watching the city grow: remittances and sprawl in intermediate Central American cities // *Environment and Urbanization*, 22(1), 125–137.
- Klein, P.G., Mahoney, J.T., McGahan, A.M., Pitelis, C.N. (2010) Toward a theory of public entrepreneurship // *European Management Review*, 7(1), 1–15.
- Klijn, E.H., Koppenjan, J.F.M. (2006) Institutional design: changing institutional features of networks // *Public management review*, 8(1), 141–160.
- Kloosterman, R. (2000) Immigrant entrepreneurship and the institutional context: A theoretical exploration. In *Immigrant Businesses* (pp. 90–106). London: Palgrave Macmillan.
- Kneafsey, M., Owen, L., Bos, E., Broughton, K., Lennartsson, M. (2017) Capacity Building for Food Justice in England: The Contribution of Charity-Led Community Food Initiatives // *Local Environment*, Vol. 22, No. 5, 621–634.
- Knox, P.L., Mayer, H. (2006) Slow cities: sustainable places in a fast world // *Journal of Urban Affairs*, 28(4), 321–334.
- Knox, P., Mayer, H. (2013) *Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation*. Bazel: Birkhäuser Verlag.
- Kucharčíková, A., Tokarčíková, E., Blašková, M. (2015) Human Capital Management — Aspect of the Human Capital Efficiency in University Education // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 177, 48–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.02.332>.
- Kwon, O.H. (2009) Theoretical examination of network cities and application possibility for South-East Region in Korea // *Journal of the Economic Geographical Society of Korea*, 12(3), 277–290.
- Labianca, M. (2014) Inter-municipal cooperation: from cooperation through rules to cooperation through networks — empirical evidence from Puglia // *Regional Studies*, 48(1), 184–206.
- Le Galès, P. (2002) *European cities: social conflicts and governance*. OUP Oxford.
- Least Corrupt Public Sector? Working Paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=2664983>.
- Ledyeva, S., Linden, M. (2006) Testing for Foreign Direct Investment Gravity Model for Russian Regions. URL: http://epublications.uef.fi/pub/urn_isbn_952-458-782-3/urn_isbn_952-458-782-3.pdf.
- Lee, I.S., Arcodia, Ch. (2011) The Role of Regional Food Festivals for Destination Branding // *International Journal of Tourism Research*, 13(4), 355–367. URL: <https://doi.org/10.1002/jtr.852>.
- Lehtonen, M. (2004) The environmental-social interface of sustainable development: capabilities, social capital, institutions // *Ecological economics*, 49(2), 199–214.
- Leibenstein, H. (1966) Allocative Efficiency vs. X-Efficiency // *American Economic Review*, 56(3), 392–415.
- Leigh, N.G., Blakely, E.J. (2016) *Planning local economic development: Theory and practice*. Sage Publications.

- Leitch, C.M., McMullan, C., Harrison, R.T. (2013) The development of entrepreneurial leadership: the role of human, social and institutional capital // *British Journal of Management*, 24(3), 347–366.
- Leonard, C.S., Nazarov, Z., Vakulenko, E.S. (2016) The impact of sub-national institutions: Recentralization and regional growth in the Russian Federation (2001–2008) // *Economics of Transition*, 24(3), 421–446.
- Lewis, E. (1980) *Public Entrepreneurship: Toward a Theory of Bureaucratic Political Power*. Bloomington: Indiana University Press.
- Liñán, F., Rodríguez-Cohard, J.C., Rueda-Cantuche, J.M. (2011) Factors affecting entrepreneurial intention levels: a role for education // *International Entrepreneurship and Management Journal*, 7(2), 195–218.
- Link, A.N., Link, J.R. (2009) *Government as Entrepreneur*. New York: Oxford University Press.
- Lipnack J., Stamps J. (1994) *The age of the network: Organizing principles for the 21st century*. Jeffrey Stamps.
- Local Economic Governance in Indonesia (2011) *A Survey of Business Operators in 245 Districts / Municipalities in Indonesia*. Jakarta: KPPOD.
- Lone, R.A. (2013) Agricultural diversification towards high value commodities in South Asia // *International Journal of Trade & Global Business Perspectives*, 2(4), 688–694.
- Luo, Y. (2005) Toward coepetition within a multinational enterprise: a perspective from foreign subsidiaries // *Journal of World Business*, 40(1), 71–90.
- Magnin, G. (2007) Perspectives énergétiques de la France à l'horizon 2020–2050: Point de vue d'Energie-Cités. Point de vue, Energie Cités, en ligne le, 11(01).
- Maheshwari, V., Vandewalle, I., Bamber, D. (2011) Place branding's role in sustainable development // *Journal of Place Management and Development*, 4(2), 198–213.
- Makridakis, S., Wheelwright, S., Hyndman, R. (1998) *Forecasting Methods and Applications*. New York: Wiley.
- Marais, L. (2014) *Outside the core: Towards an understanding of intermediate cities in South Africa*. South African Cities Network.
- Marana, P., Labaka, L., Sarriegi, J.M. (2018) A framework for public-private-people partnerships in the city resilience-building process // *Safety Science*, 110, 39–50.
- Marcińczak, S. (2012) The evolution of spatial patterns of residential segregation in Central European Cities: The Łódź Functional Urban Region from mature socialism to mature post-socialism // *Cities*, 29(5), 300–309.
- Martin, R. Simmie, J. (2008) Path dependence and local innovation systems in city-regions // *Innovation*, 10(2-3), 183–196.
- Massey, D.S., Denton, N.A. (1988) The dimensions of residential segregation // *Social forces*, 67(2), 281–315.
- Matteson J.A., Irving J.A (2006) Servant versus self-sacrificial leadership: A behavioral comparison of two follow-oriented leadership theories // *International Journal of Leadership Studies*, 2 (1), 36–51.

- Mayer, H., Knox, P.L. (2006) Slow cities: sustainable places in a fast world // *Journal of urban affairs*, 28(4), 321–334.
- Mazzucato, M. (2013) *The Entrepreneurial State: Debunking public vs. private sector myths*. London — New York: Anthem.
- McFarlane, C. (2010) The comparative city: knowledge, learning, urbanism // *International journal of urban and regional research*, 34(4), 725–742.
- McManus, P., Walmsley, J., Argent, N., Baum, S., Bourke, L., Martin, J., Pritchard, B., Sorensen, T. (2012) Rural Community and Rural Resilience: What is important to farmers in keeping their country towns alive? // *Journal of Rural Studies*, 28(1), 20–29.
- Medway, D., Swanson, K., Delpy Neirotti, L., Pasquinelli, C., Zenker, S. (2015) Place branding: are we wasting our time? Report of an AMA special session // *Journal of Place Management and Development*, 8(1), 63–68.
- Meijers, E. (2005) Polycentric urban regions and the quest for synergy: is a network of cities more than the sum of the parts // *Urban Studies*, 42(4), 765–781.
- Metcalf L., Benn S. (2013) Leadership for sustainability: An evolution of leadership ability // *Journal of Business Ethics*, 112 (3), 369–384.
- Metzger, J. (2012) Placing the stakes: the enactment of territorial stakeholders in planning processes // *Environment and Planning, A* 45, 781–796.
- Mingaleva, Z., Bunakov, O. (2014) Competitiveness assessment of Russian territories in terms of inbound tourism // *Life Science Journal*, 11 (SI 6), 318–321.
- Mingaleva, Z., Sheresheva, M., Oborin, M., Gvarliani, T. (2017) Networking of small cities to gain sustainability // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 5(1), 140–156.
- Moisio, A., Uusitalo, R. (2013) The impact of municipal mergers on local public expenditures in Finland // *Public Finance and Management*, 13(3), 148–166.
- MOLIT (2014). Status of urban planning 2013. Korean Government, 3–6.
- Monfort, M. (2000) Competitividad y factores críticos de éxito en la “hotelería de litoral”: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola: Doctoral Dissertation, Universidad de València, España.
- Morgan, N., Pritchard, A., Pride, R. (2011) *Destination Brands: Managing Place Reputation*. 3rd Edition. Butterworth-Heineman.
- Narula, K. (2012) Sustainable Investing via the FDI route for sustainable development // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 37, 15–30.
- Nefedova, T.G., Pokrovsky, N.Y., Al, T. (2015) Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility // *Sociological Studies*, 12(12), 60–69.
- Niedomyśl, T. (2010) Towards a conceptual framework of place attractiveness: a migration perspective // *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*, 92(1), 97–109.
- Nijkamp, P., Perrels, A. (2014) *Sustainable cities in Europe*. L.: Routledge.
- Nohria, N., Eccles, R. (1992) Face-to-Face — Making Network Organizations Work // Nohria N. et al. (eds.): *Networks and Organizations*. Boston: MA, 288–308.

- Nystuen, J.D., Dacey, M.F. (1961) A graph theory interpretation of nodal regions // *Papers in Regional Science*, 7(1), 29–42.
- Nyuur, R.B., Ofori, D.F., Debrah, Y.A. (2016) The impact of FDI inflow on domestic firms' uptake of CSR activities: The moderating effects of host institutions // *Thunderbird International Business Review*, 58(2), 147–159.
- Oborin, M.S., Frolova, N.V., Nagoeva, T.A., Mingazinova, E.R., Artamonova, O.A., Vladimirsky, E.V., Kayachev, A.P. (2016) Assessment of health resort potential of the region based on Perm Krai // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, 7(6), 2661–2669.
- OECD (2001). Multifunctionality: toward an analytical framework, OECD Publications.
- OECD (2013). OECD Rural Policy Reviews: Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development, OECD Publications, Paris.
- OECD (2015). New Rural Policy: Linking up for growth. Background Document, National Prosperity through Modern Rural Policy Conference, Memphis, USA.
- Olesen, K. (2012) The neoliberalisation of strategic planning // *Planning Theory and Practice*, 13, 288–303.
- Oostveen, I. (Ed.) (2010) Inter-municipal cooperation. Introduction: Guide to the VNG International Approach to a Successful IMC. The Hague, Netherlands: VNG International.
- Osborne, D., Gaebler, T. (1992) *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. Reading, Mass: Addison Wesley.
- Oyesiku, O.O., Odufuwa, B.O. (2002) Gender perspectives in travel behaviour of motorcycle passengers in Nigerian intermediate cities. *Urban Mobility for All*. The Netherlands, 13–19.
- Paddison, R. (Ed.). (2001) *Handbook of Urban Studies*. L.: Sage Publications.
- Pakhalov, A., Yandiev, M. (2014) The Relationship Between Stock Market Parameters and Interbank Lending Market: an Empirical Evidence. Abstract Book of 12th EBES Conference — Singapore, Eurasia Business and Economics Society (EBES).
- Parkerson, B., Saunders, J. (2005) City branding: can goods and services branding models be used to brand cities? // *Place Branding*, 1(3), 242–264.
- Pasquinelli, C. (2013) Competition, cooperation and co-opetition: unfolding the process of inter-territorial branding // *Urban Research and Practice*, 6(1), 1–18.
- Pavlov, D., Sheresheva, M., Perello, M. (2017) The intergenerational small family enterprises as strategic entities for the future of the European Civilization — A point of view // *Web Journal in Entrepreneurship and Innovation*, 9(9), 26–38.
- Pearce, D. Barbier, E., Markandya, A. (2013) *Sustainable development: economics and environment in the Third World*. L.: Routledge.
- Petrovskysya, I., Mirakyan, A. (2018) A mission of service: social entrepreneur as a servant leader // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 24 (3), 755–767.

- Pflaumer, P. (1992) Forecasting US population totals with the Box-Jenkins approach // *International Journal of Forecasting*, (8), 329–338.
- Pflieger, G. (2014) The local politics of Europeanization: A study of French cities' approaches to participation in the CIVITAS programme // *European Urban and Regional Studies*, 21(3), 331–344.
- Pink, S., Seale, K. (2017) *Imagining and Making Alternative Futures: Slow Cities as Sites for Anticipation and Trust. Another Economy is Possible: Culture and Economy in a Time of Crisis*, 187.
- Popova, D., Pishnyak, A. (2017) Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the Gender and Generation Survey for Russia // *Social Indicators Research*, 125(3), 883–910.
- Portney, K.E. (2013) *Taking sustainable cities seriously: Economic development, the environment, and quality of life in American cities*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Potapov, D., Shafranskaya, I., Bozhya-Volya, A. (2016) Happiness and the city: An empirical study of the interaction between subjective well-being and city satisfaction // *Journal of Place Management and Development*, 9(3), 313–330.
- Potter, R., Unwin, T. (2017) *The Geography of urban-rural interaction in developing countries: essays for Alan B. Mountjoy*. L.: Routledge.
- Powell, W.W. (1990) Neither market nor hierarchy: network forms of organization // *Research in Organizational Behavior*, Vol. 12, 295–336.
- Previtali, P. (2015) The Italian Administrative Reform of Small Municipalities: State-of-the-Art and Perspectives // *Public Administration Quarterly*, 39(4), 548–568.
- Proost, S., Zaporozhets, V. (2010) The Political Economy of Fixed Regional Investment Shares with an Illustration for Belgian Railway Investments. URL: <https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/262397/1/DPS1005.pdf>.
- QDA Miner QDA Miner — Science topic. (2019) Explore the latest articles, projects, and questions and answers in QDA Miner, and find QDA Miner experts. URL: <https://www.researchgate.net/topic/QDA-Miner2>.
- Radstrom, S. (2014) A place-sustaining framework for local urban identity: An introduction and history of Cittaslow // *Italian Journal of Planning Practice*, 1(1), 90–113.
- Rainisto, S. (2003) *Success factors of place marketing*. Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business. Doctoral Dissertations. Espoo.
- Ranasinghe, W.T., Thaichon, P., Ranasinghe M. (2017) An analysis of product-place co-branding: the case of Ceylon Tea // *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*, 29(1), 200–214.
- Renko, M., El Tarabishy, A., Carsrud, A. L., Brännback, M. (2015) Understanding and Measuring Entrepreneurial Leadership Style // *Journal of Small Business Management*, 53(1), 54–74.
- Richardson, H.W. (1981) National urban development strategies in developing countries // *Urban Studies*. 18(3), 267–283.
- Richardson, H.W. (1980) Polarization reversal in developing countries // *Papers in Regional Science*, 45(1), 67–85.

- Rinaldi, C., Cavicchi, A. (2016) Cooperative behaviour and place branding: a longitudinal case study in Italy // *Qualitative Market Research: An International Journal*, 19(2), 156–172.
- Robertson, K.A. (1999) Can small-city downtowns remain viable? A national study of development issues and strategies // *Journal of the American Planning Association*, 65(3), 270–283.
- Robinson, J. (2016) Comparative urbanism: new geographies and cultures of theorizing the urban // *International Journal of Urban and Regional Research*, 40(1), 187–199.
- Rodrigues, A.B. (2003) Turismo rural: praticas e perspectivas. Sao Paulo: Contexto.
- Rogerson Ch., Rogerson, J.M. (2014) Agritourism and local economic development in South Africa // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series* 26(26). URL: <https://doi.org/10.2478/bog-2014-0047>.
- Rondinelli, D.A. (1982) Intermediate cities in developing countries: a comparative analysis of their demographic, social and economic characteristics // *Third World Planning Review*, 4(4), 357–386.
- Roundy, P.T. (2017) “Small town” entrepreneurial ecosystems: Implications for developed and emerging economies // *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*, 9(3), 238–262.
- Ruggieri, S., Abbate, C.S. (2013) Leadership style, self-sacrifice, and team identification // *Social Behavior and Personality: an International Journal*, 41 (7), 1171–1178.
- Runhaar, H., Driessen, P., Soer, L. (2009) Sustainable urban development and the challenge of policy integration: an assessment of planning tools for integrating spatial and environmental planning in the Netherlands // *Environment and Planning B: Planning and Design*, 36(3), 417–431.
- Sáez, L., Periañez, I., Mediano, L. (2013) Building brand value in major Spanish cities: an analysis through municipal websites // *Journal of Place Management and Development*, 6(2), 120–143.
- Sager, T. (2013) *Reviving Critical Planning Theory*. New York: Routledge.
- Salazar, G. (1997) Public Entrepreneurship: a Contradiction in Terms? // *Korean Review of Public Administration*, 2(1), 125–139.
- Salet, W.G. M., Thornley, A., Kreukels, A. (eds.). (2003) *Metropolitan governance and spatial planning: comparative case studies of European city-regions*. Taylor & Francis.
- Saraei, M.H., Askndy Sani, M. (2007) Into large villages to small towns and their role of regional equilibrium, case study: Ryvash, City of Kashmar // *Journal of Geography and Development*, (10), 166–170.
- Sassen, S. (1991) *The Global City*. Princeton: Princeton University Press.
- Satterthwaite, D. (1997) Sustainable cities or cities that contribute to sustainable development? // *Urban studies*, 34(10), 1667–1691.
- Satterthwaite, D. (2017) The impact of urban development on risk in sub-Saharan Africa’s cities with a focus on small and intermediate urban centres // *International journal of disaster risk reduction*, 26, 16–23.

- Schmidt-Traub, G., Shah, A. (2015) Investment needs to achieve the Sustainable Development Goals. Paris and New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Schmitt R.C. (1954) An application of multiple correlation to population forecasting // *Land Economics*, 30(3), 277–279.
- Scott, M.G., Twomey, D.F. (1988) The long-term supply of entrepreneurs: students' career aspirations in relation to entrepreneurship // *Journal of Small Business Management*, 26(4), 5–13.
- Sefeddini, F. (1999) Dictionary of Regional and District Planning. Shiraz: Shiraz University Publications.
- Semenova, M. (2011) Save or borrow — what determines Russian households' financial strategies? BOFIT Discussion Papers. DP. Bank of Finland Institute for Economies in Transition, 28.
- Sergunin, A., Joenniemi, P. (2017) Does the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) mobilize the municipal level? City twinning in Northern Europe // *Journal of Baltic Studies*, 48(4), 481–495.
- Sheresheva, M. (2016) Russian hospitality and tourism: what needs to be addressed? // *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, 8 (3), 380–396.
- Sheresheva, M.Y. (2018) The Russian tourism and hospitality market: new challenges and destinations // *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, 10(4), 400–411.
- Sheresheva, M., Kopiski, J. (2016) The main trends, challenges and success factors in the Russian hospitality and tourism market// *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, 8(3), 260–272.
- Shirley, M. (1995) Bureaucrats in business: the economics and politics of government ownership. Washington, DC: World Bank.
- Short, J.R. (2004) Black holes and loose connections in a global urban network // *The Professional Geographer*, 56(2), 295–302.
- Short J.R., Breitbach C., Buckman S., & Essex J. (2000). From world cities to gateway cities // *City*, (4), 317–340.
- Simone, A. (2010) City life from Dakar to Jakarta. London and New York: Routledge.
- Sinani, E., Meyer, K.E. (2004) Spillovers of technology transfer from FDI: the case of Estonia // *Journal of comparative economics*, 32(3), 445–466.
- Skocpol, T. (1985) Bringing the State Back // Rueschemeyer, P., Skocpol, T. (Eds.) *Bringing the State Back In*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 3–43.
- Slack, E., Bird, R. (2013) Does municipal amalgamation strengthen the financial viability of local government? A Canadian example // *Public Finance and Management*, 13(2), 99–123.
- Smith, S., Shahidullah, M. (1995) An evaluation of population projection errors for census tracts // *Journal of the American Statistical Association*, 90(429), 64–71.
- Smith, S., Sincich, T. (1992) Evaluating the forecast accuracy and bias of alternative population projections for states // *International Journal of Forecasting*, 8(3), 495–508.

- Smith, S., Tayman, J. (2003) An evaluation of population projections by age // *Demography*, 40, 741–757.
- Snieska, V., Zykiene, I. (2015) City attractiveness for investment: characteristics and underlying factors. *Procedia // Social and Behavioral Sciences*, 213, 48–54.
- Sohn, J.Y. (2011) Network city as a new urban growth model: a review on its formation, spatial structure, management, and growth potential // *Journal of Korean Geographical Society*, 46(2), 181–196.
- Solé-Ollé, A. (2006) Expenditure spillovers and fiscal interactions: Empirical evidence from local governments in Spain // *Journal of Urban Economics*, 59(1), 32–53.
- Sorrentino, M., Simonetta, M. (2013) Incentivising inter-municipal collaboration: the Lombard experience // *Journal of Management and Governance*, 17(4), 887–906.
- Stebek, E.N. (2013) Overview of Country Experience in Land Rights and Developmental Statehood: South Korea, Taiwan, China and Singapore // *Mizan Law Review*, 7(2), 207–240.
- Steel, G. (2013) Mining and tourism: urban transformations in the intermediate cities of Cajamarca and Cusco, Peru // *Latin American Perspectives*, 40(2), 237–249.
- Stevenson, H.H. Jarillo, J.C. (1990) A paradigm of entrepreneurship: Entrepreneurial management // *Strategic Management Journal*, 11(5), 17–27.
- Stimson, R.J., Bell, M.J., Corcoran, J., Chhetri, P., Pullar, D.V., Cooper, J.A., Tiebei, L. (2007) A Large Scale Urban Model to simulate and visualize growth in the Brisbane-South East Queensland region // *Place and Purpose, The Capital, Bendigo, Victoria*, 30–31 May, 1–23.
- Suchacek, J. (2005) Regional decline and restructuring in Ostrava agglomeration and Katowice conurbation. 45th Congress of the European Regional Science Association: “Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society”, 23–27 August, Amsterdam, Netherlands.
- Sutherland, L.-A., Toma, L., Barnes, A.P., Matthews, K.B. (2016) Agri-environmental diversification: linking environmental, forestry and renewable energy engagement on Scottish farms // *Journal of Rural Studies*, 47, 10–20.
- Swanson, D., Beck, D. (1994) A new short-term county population projection method // *Journal of Economic and Social Measurement*, 20, 25–50.
- Swanson, D., Schlottmann, A., Schmidt B. (2010). Forecasting the population of census tracts by age and sex: an example of the Hamilton-Perry method in action // *Population Research and Policy Review*, 29 (1), 47–63.
- Sykes, D. (2011) Short Methodology Paper — Victoria in Future Projections — September 2011. Department of Planning & Community Development, Melbourne.
- Taecharunroj, V. (2016) City ambassadorship and citizenship behaviours: Modelling resident behaviours that help cities grow // *Journal of Place Management and Development*, 9(3), 331–350.

- Taylor, J. (2001) Anangu population dynamics and future growth in Uluru-Kata Tjuta National Park. Discussion Paper 211/2001, Centre for Aboriginal Economic Policy Research, Australian National University, Canberra.
- Taylor, P. (2003) European cities in the world city network. The European Metropolis 1920–2000. Proceedings of a Conference at the Centre of Comparative European History, Berlin.
- Taylor, P.J. (2001) Specification of the world city network // *Geographical analysis*, 33(2), 181–194.
- Taylor, P.J. (2004) *World City Network: A Global Urban Analysis*. L.: Routledge.
- Taylor, P.J., Catalano, G., Walker, D.R. (2002) Exploratory analysis of the world city network// *Urban Studies*, 39(13), 2377–2394.
- Taylor, P.J., Derudder, B. (2015) *World city network: a global urban analysis*. L.: Routledge.
- Technological Forecasting and Social Change (2017). URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.004>.
- The Worldwide Governance Indicators (WGI) project (2018). URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>.
- Thomson, A.M., Perry, J.L. (2006) Collaboration Processes: Inside the Black Box // *Public Administration Review*, 66(SI), 20–32.
- Tomaney, J., Ward, N. (2000) England and the ‘new regionalism’ // *Regional Studies*, 34(5), 471–478.
- Treisman, D. (2007) What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // *Annual Review of Political Science*, (10), 211–244.
- Tsundoda, T., Mendlinger, S. (2009) Economic and Social Impact of Tourism on a Small Town: Peterborough New Hampshire // *Journal Service Science & Management*, 2, 61–70.
- UN-Habitat (2018) Sustainable cities and communities. URL: <https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2018/07/UN-Habitat-Brochure.pdf>.
- United Cities and Local Governments: Official Site (2019). URL: <https://www.uclg.org>
- United Nations Development Programme: Human Development Report (2016). URL: <http://hdr.undp.org>.
- UNWTO General Assembly – Twenty-Third Session. High Level Forum on Medical and Health Tourism. St. Petersburg, 10 September 2019. URL: <https://www.unwto.org/high-level-forum-medical-and-health-tourism> (дата обращения: 22.10.2020).
- Van Dierendonck D., Pattererson K. (2015) Compassionate love as a cornerstone of servant leadership: An integration of previous theorizing and research // *Journal of Business Ethics*, 128 (1), 119–131.
- Van Eck, J.R., Daalhuizen, F., Van den Broek, L., Van Oort, F., Raspe, O. (2005) The Randstad as a network city. 45th Congress of the European Regional Science Association. On Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society. August 23–27. Amsterdam, The Netherlands.

- Van Oort, F., Burger, M., Raspe, O. (2010) On the economic foundation of the urban network paradigm: spatial integration, functional integration and economic complementarities within the Dutch Randstad // *Urban Studies*, 47(4), 725–748.
- Vasanen, A. (2012) Functional polycentricity: examining metropolitan spatial structure through the connectivity of urban sub-centres // *Urban studies*, 49(16), 3627–3644.
- Verbyla, M.E., Oakley, S.M., Mihelcic, J.R. (2013) Wastewater infrastructure for small cities in an urbanizing world: integrating protection of human health and the environment with resource recovery and food security // *Environmental science & technology*, 47(8), 3598–3605.
- Walker, G. (2003) Network structure, content and evolution. *Multi-Level Issues in Organizational Behavior and Strategy (Research in Multi-Level Issues, Vol. 2 / ed. by F. Dansereau, F.J. Yammarino. Emerald Group Publishing, 275–285.*
- Wallim, W. (2017) *The Role of Efficient Transportation Systems in the Development of Walkable and Livable Cities.* Willy Brandt School of Public Policy, University of Erfurt. Master Thesis.
- Wang, S., Xu, H. (2015) Influence of place-based senses of distinctiveness, continuity, self-esteem and self-efficacy on residents' attitudes toward tourism // *Tourism Management*, 47, 241–250.
- Watson, G.B. (2016). *Designing Sustainable Cities in the Developing World.* New York: Routledge.
- Westervelt, J., Bendorô, T., & Sexton, J. (2011) A technique for rapidly forecasting regional urban growth // *Environment and Planning B*, 38, 61–81.
- Węziak-Białowolska, D. (2016) Quality of life in cities — Empirical evidence in comparative European perspective // *Cities*, 58, 87–96.
- Wheeler, S. M., Beatley, T. (ed.). (2014) *Sustainable urban development reader.* Routledge.
- Williamson, O.E. (1975) *Market and Hierarchy: Analysis and Antitrust Implications.* N.Y.: Free Press.
- Williamson, O.E. (1998) Transaction cost economics: how it works; where it is headed // *The Economist*, 146(1), 23–58.
- Wilson, J.D. (1999) Theories of Tax Competition // *National Tax Journal*, 52(2), 269–304.
- Wilson, T. (2011) *A Review of Sub-Regional Population Projection Methods.* Queensland Centre for Population Research School of Geography, Planning and Environmental Management, The University of Queensland.
- World Bank (1992) *Trends in agricultural diversification: regional perspectives / ed. by Barghouti Sh., Garbus L. & Umali D. Technical paper, No. 180.*
- World Bank (2017) *World Development Indicators: Structure of output.* URL: <http://wdi.worldbank.org/table/4.2>.
- Yamashita, M. (2004) Decline and Approaches to Revitalization in Small Cities: The Case of Saga, Japan // *Dela*, 21, 461–473.
- Yanchuk, S., Kristensen, G., Sushko, I. (2003) Dynamical approach to complex regional economic growth based on Keynesian model for China // *Chaos, Solitons and Fractals*, 18, 937–952.

- Yang, C., Lukash, S., Ran G.Q. (2019) Environmental quality and economic sustainable development in Henan province // *Agricultural and Resource Economics: International Scientific E-Journal*, Vol. 5, No. 2, 62–73.
- Ye, X., Carroll, M.C. (2011) Exploratory space-time analysis of local economic development// *Applied Geography*, 31(3), 1049–1058.
- Zenker, S., Beckmann, S.C. (2013) My place is not your place — different place brand knowledge by different target groups // *Journal of Place Management and Development*, 6(1), 6–17.
- Zenker, S., Braun, E. (2010) Branding a city — a conceptual approach for place branding and place brand management. 39th European Marketing Academy Conference, Copenhagen. URL: www.placebrand.eu/publications.
- Zerbinati, S., Souitaris, V. (2005) Entrepreneurship in the public sector: a framework of analysis in European local governments // *Entrepreneurship and Regional Development: An International Journal*, 17(1), 43–64.
- Zimmerbauer, K. (2014) Constructing peripheral crossborder regions in planning: territory-network interplay in the Barents region // *Environment and planning, A* 46(11), 2718–2734.
- Zineldin, M. (2004) Co-opetition: The organisation of the future // *Marketing Intelligence and Planning*, 22(7), 780–789.
- Zoomers, A., van Noorloos, F., Otsuki, K., Steel, G., van Westen, G. (2017) The rush for land in an urbanizing world: From land grabbing toward developing safe, resilient, and sustainable cities and landscapes // *World Development*, 92, 242–252.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ГОРОДА CITTASLOW

Cittaslow International Network: 264 Città presenti in 30 Paesi ed aree territoriali nel Mondo

Cittaslow International Network: 264 Cities present in 30 Countries and territorial areas in the World

***Lista aggiornata nel novembre 2019/List updated in November 2019**

CITTASLOW LIST

• Cittaslow Australia

Goolwa
Katoomba
Yea

• Cittaslow Austria

Enns
Hartberg
Horn

• Cittaslow Belgium

Jurbise	Chaufontaine
Enghien	Estinnes
Lens	Maaseik
Silly	

• Cittaslow Canada

Cowichan Bay
Lac-Mégantic
Naramata
Wolfville

• Cittaslow China

Changjia (Gaoqing County)

Erdaobaihe (Changbai Mountain

County)

Jingyang (Jingde County)

Maolin (Yudong New District) Shimenshan (Qufu city)

Songbai (Shennongjia Forest District) Yanyang (Meizhou city)

Yaxi (Gaochun County)

Changshan - Zigang _In progress

Fuli (Fuchuan Yao Autonomous

Luzhi (Wuzhong District)

Yuhu (Wencheng County)

• Cittaslow Colombia

Pijao

• Cittaslow Denmark

Mariagerfjord

Svendborg

• Cittaslow Finland

Kristinestad

• Cittaslow France

Cazaubon

Labastide d'Armagnac

Mirande

Samatan

Simorre

Créon

Loix

Saint Antonin Noble Val

Segonzac

Valmondois

• Cittaslow Germany

Bad Essen

Bad Wimpfen

Bischofsheim

Deidesheim

Lüdinghausen

Meldorf

Nördlingen

Schneverdingen

Spalt

Waldkirch

Zwingenberg

Bad Schussenried

Berching

Blieskastel

Hersbruck

Maikammer

Michelstadt

Penzlin

Schwetzingen

Überlingen

Wirsberg

• Cittaslow Great Britain

Aylsham

Berwick upon Tweed

Llangollen

Mold

Perth

• Cittaslow Hungary

Hódmezővásárhely

• <u>Cittaslow Iceland</u>	
Djupavogshreppur	
• <u>Cittaslow Ireland</u>	
Clonakilty	
• <u>Cittaslow Italy</u>	
Abbiategrosso	Acqualagna
Acquapendente	Altomonte
Amalfi	Amelia
Anghiari	Asolo
Baiso	Barga
Borgo Val di Taro	Bra
Brisighella	Caiazzo
Capalbio	Casalbeltrame
Castel Campagnano	Castelnovo nè Monti
Castelnuovo Berardenga	Castel San Pietro Terme
Castiglione Olona	Castiglione in Teverina
Cerreto Sannita	Chiavenna
Chiaverano	Cisternino
Città della Pieve	Città Sant'Angelo
Civitella in Val di Chiana	Controguerra
Cortona	Cutigliano - Comune di Abetone
Cutigliano	
Ficulle	Fontanellato
Francavilla al Mare	Galeata
Gioi	Giuliano Teatino
Gravina in Puglia	Greve in Chianti
Grumes - Comune di Altavalle Guardia	grele
Levanto	Marradi
Massa Marittima	Monte Castello di Vibio
Montefalco	Morimondo
Mulazzo	Novellara
Orsara di Puglia	Orvieto
Parrano	Pellegrino Parmense
Penne	Pianella
Pollica	Positano
Pratovecchio — Stia	
Ribera	Preci
San Miniato	Salorno
Sant'Agata di Puglia	San Potito Sannitico
San Vincenzo	Santarcangelo di Romagna
Scandiano	Santa Sofia
	Sperlonga

Stio	Suvereto
Teglio	Tirano
Todi	Tolfa
Torgiano	Trani
Travacò Siccomario	Trevi
Turbigo	Usseglio
Vigarano Mainarda	Zibello - Comune di Polesine
Zibello	
• <u>Cittaslow Japan</u>	
Kesenuma	
Maebashi-Akagi	
• <u>Cittaslow Netherlands</u>	
Alphen-Chaam	Borger-Odoorn
Echt-Susteren	Eijsden-Margraten
Gulpen-Wittem	Heerde
Midden-Delfland	Peel en Maas
Vaals	Vianen
Westerwolde (Former Bellingwedde and Vlagtwedde Town Halls)	
• <u>Cittaslow New Zealand</u>	
Matakana (Rodney District)	
• <u>Cittaslow Norway</u>	
Levanger	
Sokndal	
Ulvik	
• <u>Cittaslow Poland</u>	
Barczewo	Bartoszyce
Braniewo	Biskupiec
Bisztynek	Działdowo
Dobre Miasto	Głubczyce
Goldap	Górowo Iławeckie
Jeżiorany	Kalety
Lidzbark	Lidzbark Warminski
Lubawa	Murowana Goślina
Nidzica	Nowe Miasto Lubawskie
Nowy Dwór Gdański	Orneta
Olsztynek	Pasym
Prudnik	Rejowiec Fabryczny
Reszel	Rzgów
Ryn	Sępólno
Sianów	Sierpc
Wydminy	

• Cittaslow Portugal

Sao Bras de Alportel

Silves

Tavira

Viana Do Castelo

• Cittaslow Russia

Svetlogorsk

• Cittaslow South Africa

Sedgefield

• Cittaslow South Korea

Cheongsong County (Pacheon-myeon)

Damyang County (Changpyeong-myeon)

Gimhae (Bongha Village & Hwapocheon Wetland Eco Park)

Hadong County (Akyang-myeon)

Jecheon City (Susan-myeon & Bakdaljae)

Jeonju City (Jeonju Hanok Village)

Mokpo City (Oedal Island/ Dali Island /Modern historical & cultural area)

Namyangju City (Joan-myeon)

Sangju City (Hamchang-eup, Gonggeom-myeon, Ian-myeon)

Seocheon County (Hansan-Myeon)

Shinan County (jeung-do island)

Taeon County (Sowon-myeon)

Wando County (Cheongsando Island)

Yeongwol County (Kimsatgat-myeon)

Yeongyang County (Seokbo-myeon)

Yesan County (Daeheung & Eungbong-myeon)

• Cittaslow Spain

Balmaseda

Begues

Begur

Bubi6n

Lekeitio

Mungia

Pals

Rubielos de Mora

Villa de La Orotava (Isle of Tenerife)

• Cittaslow Sweden

Falk6ping

• Cittaslow Taiwan

Dalin

Fonglin

Nanzhuang

Sanyi

• Cittaslow Turkey

Ahlat

Akyaka

Eğirdir	Gerze
Gökçeada	Göynük
Halfeti	Köyceğiz
Mudurnu	Perşembe
Şavşat	Seferihisar
Tarakli	Uzundere
Vize	Yalvaç
Yenipazar	
• <u>Cittaslow Turkish Republic of Northern Cyprus</u>	
Geçitkale	Lefke
Mehmetçik	Tatlısu
Yeniboğaziçi	
• <u>Cittaslow USA</u>	
Sebastopol	
Sonoma	

CITTASLOW INTERNATIONAL
HQ Venue: Palazzo dei Sette, Corso Cavour,87
05018 Orvieto (TR) — Italy
Ph./Fax 0039(0)763341818
info@cittaslow.net www.cittaslow.org

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

МЕТОДИКА АНКЕТИРОВАНИЯ

Авторами данной монографии разработана анкета, охватывающая широкий спектр вопросов социально-экономического развития муниципального образования (малого города / районного центра).

К основным целям анкетирования относятся:

- выявление основных проблем и факторов, ограничивающих развитие муниципального образования;
- оценка качества и эффективности деятельности органов местного самоуправления;
- определение основных точек роста, направлений для улучшений и факторов конкурентоспособности муниципального образования.

Таким образом, анкетирование носит комплексный характер, позволяя выявить как существующие социально-экономические проблемы муниципалитета, так и возможности для их решения с учетом имеющихся финансовых, управленческих и иных ресурсов, находящихся в распоряжении муниципалитета. Комплексный характер анкетирования обеспечивается и различными типами вопросов, включенных в анкету: там присутствуют открытые вопросы, вопросы множественного и единичного выбора, а также вопросы, требующие ранжирования. Преобладают в анкете открытые вопросы, поскольку исследование нацелено на выявление специфических факторов развития, которые могут носить уникальный характер для каждого конкретного города.

Уникальным блоком разработанной анкеты является набор вопросов, посвященных сетевому взаимодействию малых городов. Сетевое взаимодействие крупных городов в международной практике уже изучалось, в то время как возможности сетевого взаимодействия малых городов, расположенных в одном регионе или на соседних территориях, остаются в значительной степени неизученными и недооцененными.

Структура анкеты выглядит следующим образом (табл. П2.1)

Таблица П2.1

Анкета

Блок анкеты	Содержание блока, примеры вопросов
1. Основные проблемы развития города	<p>Блок состоит из четырех вопросов, два из которых относятся к категории вопросов множественного выбора, один — к категории вопросов, предполагающих ранжирование, еще один является открытым вопросом.</p> <p>Цель блока — выявление основных проблем города в реальном секторе экономики, социальной сфере, демографии и на рынке труда.</p> <p>Вопросы блока:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Проблемы реального сектора экономики. 2. Проблемы рынка труда и демографии. 3. Уровень внутрирегиональной мобильности населения. 4. Проблемы социальной сферы
2. Городская система здравоохранения	<p>Блок состоит из шести открытых вопросов.</p> <p>Целью блока является более пристальное изучение сферы здравоохранения, которая считается одной из наиболее проблемных для малых городов.</p> <p>Вопросы блока:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Доля расходов муниципального бюджета на здравоохранение. 2. Обеспеченность населения различными медицинскими специалистами. 3. Укомплектованность штата медицинских организаций в стационарах и в поликлиниках. 4. Наличие и состояние платных медицинских организаций. 5. Уровень квалификации врачей первичного звена, доступные способы повышения квалификации. 6. Образовательные тенденции в медицинской сфере
3. Местное самоуправление и муниципальный бюджет	<p>Блок состоит из семи вопросов, один из которых относится к категории вопросов множественного выбора, один — к категории вопросов единичного выбора, остальные пять являются открытыми вопросами.</p> <p>Цель блока — изучение базовых проблем и принципов формирования органов местного самоуправления, а также основных бюджетных параметров муниципалитета.</p> <p>Вопросы блока:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Проблемы местного самоуправления. 2. Причины возникновения проблем местного самоуправления. 3. Порядок избрания главы муниципального образования. 4. Отношение населения к институту сити-менеджеров. 5. Структура доходов и расходов бюджета. 6. Факторы, влияющие на структуру бюджета. 7. Преимущества и недостатки структуры бюджета

Блок анкеты	Содержание блока, примеры вопросов
4. Потенциальные области для стимулирования развития города	<p>Блок состоит из 14 вопросов, три из которых относятся к категории вопросов множественного выбора, один — к категории вопросов единичного выбора, остальные девять являются открытыми вопросами.</p> <p>Цель блока — выявление основных направлений, способных содействовать социально-экономическому развитию муниципального образования, а также определение ресурсов, на которых может быть основано данное развитие.</p> <p>Вопросы блока:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Распределение отраслей экономики по роли в экономическом развитии города. 2. Ресурсы, являющиеся основными для экономики города. 3. Перспективы и угрозы для развития города. 4. Основные конкурентные преимущества города. 5. Уровень диверсификации экономики города. 6. Перспективы развития перерабатывающей промышленности и сферы услуг города. 7. Приоритетные направления развития города. 8. Обоснование отмеченных приоритетных направлений развития. 9. Место реального сектора экономики в приоритетных направлениях развития. 10. Меры, способные стать катализаторами развития города. 11. Перспективы развития малого бизнеса. 12. Основные источники доходов населения города. 13. Структура занятости населения города.
5. Организация деятельности органов местного самоуправления	<p>Блок состоит из семи открытых вопросов.</p> <p>Цель блока — изучение организации процессов текущей деятельности и отчетности органов местного самоуправления.</p> <p>Вопросы блока:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Взаимоотношения органов местного самоуправления с региональными властями. 2. Количество форм отчетности местных властей. 3. Затраты труда и времени на подготовку отчетности. 4. Типовые проблемы при подготовке и сдаче отчетности. 5. Основные решения, принимаемые органами местного самоуправления на базе отчетности. 6. Уровень информатизации рабочего процесса органов местного самоуправления. 7. Информационные базы, используемые в работе органов местного самоуправления

Блок анкеты	Содержание блока, примеры вопросов
6. Внешние связи города	<p>Блок состоит из 11 открытых вопросов.</p> <p>Цель блока — изучение особенностей и направлений взаимодействия города с соседними территориальными образованиями, конкурентных позиций города относительно других городов.</p> <p>Вопросы блока:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Уровень кооперации города с ближайшими территориями. 2. Совместные проекты и программы города с иными муниципалитетами того же региона. 3. Совместные проекты и программы города с иными муниципалитетами других регионов. 4. Инициаторы сотрудничества между муниципалитетами. 5. Регулирование взаимодействия между муниципалитетами. 6. Роль региональных органов власти во взаимодействии муниципалитетов. 7. Перспективы сотрудничества города с другими муниципалитетами. 8. Роль сельских территорий в экономике муниципального образования. 9. Города-конкуренты. 10. Оценка действий конкурентов. 11. Оценка собственных действий

Разработанная анкета была использована для пилотного исследования в трех регионах России (Владимирской и Тульской областях и Пермском крае). Доработанный по результатам пилотного исследования вариант анкеты планируется использовать для получения первичных данных по другим российским регионам.

По результатам анкетирования планируется оценить общие для регионов тенденции, а также выявить специфические особенности развития малых городов в каждом конкретном регионе.

Следует отметить, что представленная методика лишь частично покрывает вопросы местного развития. Для получения максимально объективной картины в дальнейших исследованиях в анкетирование необходимо вовлечь и другие заинтересованные стороны, в том числе представителей бизнеса и жителей малых городов. Набор вопросов для этих категорий респондентов должен быть иным, однако ключевые вопросы о факторах развития могут быть также заданы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Развитие городской среды (включая инфраструктуру, архитектуру, городской дизайн, экологию, культурную составляющую, и т.д.) является основой привлекательности города как места проживания, катализатором устойчивого развития и роста. Кроме того, успешный городской дизайн, который учитывает историю и культуру города, потребности отдельных жителей и компаний города, инфраструктуру региона и группы внешних интересов, повышает комфорт для резидентов, в том числе потенциальных жителей, и способствует формированию известности и позитивного восприятия города.

Дизайн города — это более обширная концепция, чем градостроительство, поскольку оно также включает реализацию — управление городской средой (city design management) [Harmaakorpi et al., 2008]. На рис. ПЗ.1 представлена схема управления городской средой.

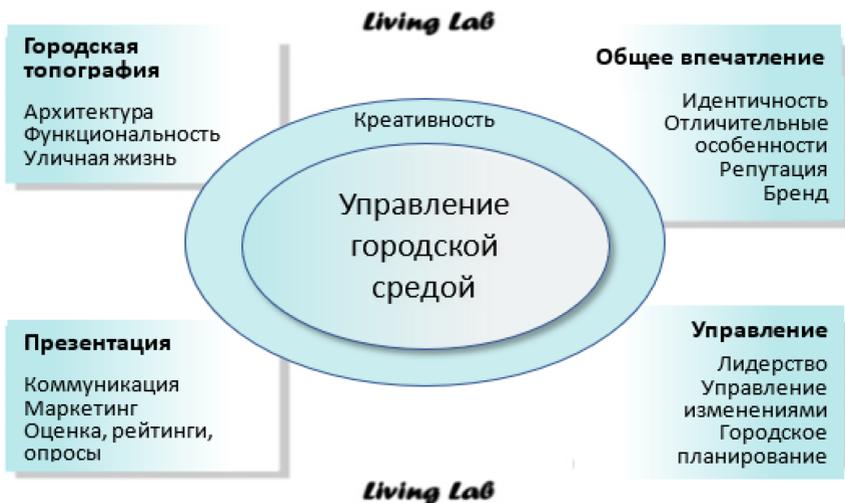

Рис. ПЗ.1. Схема управления развитием городской среды

Источник: [Morgan et al., 2011].

Элементами структуры являются: топография города, общее впечатление, презентация и управление; креативность — это элемент надстройки, который связывает эти элементы. Топография города, т.е. физические элементы города, является неотъемлемой частью визуального дизайна города. Топография города охватывает архитектуру, улицы, парки, системы водоснабжения, системы освещения, указатели, уличные принадлежности и общую чистоту города. Функциональность построенной среды облегчает и позволяет развивать активную уличную жизнь с ее различными видами деятельности.

Однако физической привлекательности места недостаточно для создания положительного городского бренда, поскольку здания и архитектура легко имитируются другими местами, городами-конкурентами и т.д. [Rainisto, 2003]. Существенной частью общего впечатления и построения территориального имиджа является самобытность: чтобы отличаться от других городов, город должен подчеркнуть свою уникальность.

Помимо фактического дизайна города, существенными элементами процесса проектирования являются элементы визуального управления и управления изменениями. Изменения не могут быть достигнуты, если видение городского дизайна не было сформировано, и необходимые меры для изменения не принимаются [Morgan et al., 2011].

Креативность является ключевым компонентом успешного управления городским дизайном. Города, которые успешно развивают креативные стратегии на местном уровне, имеют возможность расти, чтобы стать конкурентоспособными. Важно также предпринимать действия, направленные на повышение ценности местных предприятий, путем создания среды, которая стимулирует местные фирмы к инновациям и обучению друг у друга, развивать таланты и навыки жителей, содействовать их реализации для достижения инноваций.

Городская креативность поощряется концентрацией¹ и разнообразием [Hospers, 2003]. Плотная концентрация людей в определенном месте способствует частым встречам и случайным контактам между людьми и, таким образом, создаются новые идеи. Разнообразие включает как различия между жителями, их знания, навыки и действия, так и изменения в построенной среде, что означает сочетание зданий с различными функциями. Функциональная и эстетичная построенная среда дает людям возможность встречаться друг с другом на улицах, в парках или кафе, обмениваться идеями и знаниями, получать новые идеи и создавать инновации.

¹ Концентрация в данной трактовке — это не столько количество людей, сколько плотность их взаимодействия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ

Изучение международного опыта брендинга территорий и исследований в этой области позволяет выделиться ряд факторов, значимость которых можно предположить для построения системы брендинга территорий в России. Нами составлена концептуальная модель системы брендинга территорий, которая на данный момент носит предварительный характер и апробирована на основе эмпирических данных отдельных территорий (рис. П4.1).

В соответствии с системной моделью процесс брендинга территории можно разделить на несколько этапов [Rainisto, 2003; Braun et al., 2013; Hanna, Rowley, 2011].

Этап 1. Разработка концепции бренда территории. Многие ученые и практики рекомендуют при разработке концепции основываться на восприятии стейкхолдеров [Rainisto, 2003], некоторые исследователи акцентируют внимание на целесообразности отказа от использования поверхностных ассоциаций в пользу более глубоких содержательных решений.

Этап 1 предполагает следующие шаги:

1. Выявление социокультурных особенностей восприятия территории, актуальных на текущий момент.
2. Определение пула социокультурных значений, которые могут быть релевантны в будущем.
3. Определение целевых групп и их сегментирование на основе потребностей.
4. Выбор наиболее перспективных предложений и возможностей их использования в комплексе.
5. Определение ключевых компетенций территории и ценностного предложения для целевых сегментов.
6. Конструирования концепции бренда.

Этап 2. Планирование системы взаимодействия и развития взаимоотношений с целевыми сегментами для формирования соответствующего концепции восприятия территории.

Этап 3. Воплощение спланированной системы взаимодействия для формирования потребительского опыта. Это включает материализацию точек контакта и создания опыта взаимодействия, в соответствии с разработанной концепцией, модификацию и развитие сфер деятельности, составляющих основу компетенции территории и ее ценностного предложения для потребительских сегментов.

Этап 4. Измерение результативности территориального маркетинга. Необходимо планирование комплекса показателей, на основе которых будет возможна оценка результатов деятельности, а также осуществление необходимых корректировок [Medway et al., 2015; Kemp et al., 2012]. В систему оценки должны быть включены показатели, характеризующие удовлетворенность целевых сегментов, соответствие ценностного предложения их потребностям, изменение качества жизни населения и условий ведения бизнеса в регионе, динамика туристской и инвестиционной привлекательности территории, а также доступности и достаточности инфраструктуры.

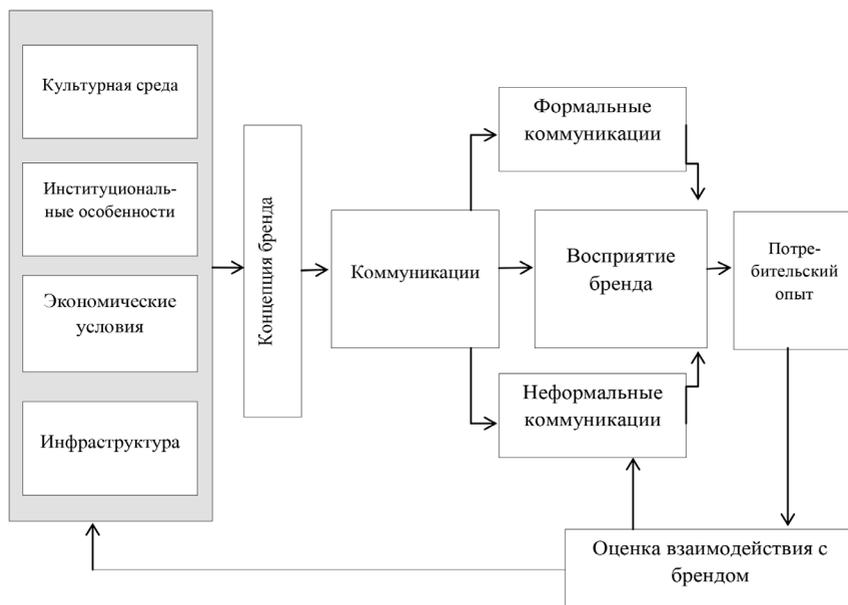

Рис. П4.1. Концептуальная модель системы брендинга территории

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ПРИНЦИП СОУЧАСТИЯ

Совпадение интересов тех, кто создает, и для кого создаются новые институциональные механизмы, является определяющим фактором того, что «вживление» новых правил в экономическую среду пройдет успешно. Кроме того, привлечение субъекта нормы в процесс ее создания сможет резко снизить оппортунистическое поведение обеих сторон: «проектировщики» будут понимать, что их деятельность должна быть прозрачной в силу того, что они работают в тандеме с теми, для кого проектируются определенные нормы поведения; «адресатам» будет просто невыгодно отклоняться от договоренностей, так как они «стараяются для самих себя», им будет важен результат, который должен будет удовлетворить их потребности.

Выражением данного принципа можно считать такой институт регулирования социально-экономической жизни, как «мини-объединения» (minipublics). Архон Фанг [Fung, 2003] пытается доказать, что «мини-объединения» — это один из способов объединения обычных граждан и должностных лиц для решения важных общественных проблем путем проведения совместных переговоров. Фанг анализировал существующие «мини-объединения» со стороны двух аспектов: с чем необходимо определиться при формировании данного института (eight institutional design choices) и какие последствия могут произойти в результате работы данного инструмента.

В зависимости от того, с какой целью создается «мини-объединение», автор выделил четыре формы существования данного института: образовательный форум (educative forum), консультативная комиссия (participatory advisory panel), совместное решение проблем (participatory problem-solving collaboration), демократическое управление на основе широкого участия (participatory democratic governance).

Образовательный форум подразумевает справедливый учет мнений всех индивидов-участников объединения независимо от пола, образования, уровня богатства, социального положения в обществе и предоставление возможности в ходе «здорового» спора высказывать свои предложения, ожидания и недовольства. Еще одной отличительной

чертой данного типа является возможность получать проверенную информацию, основанную на экспертных мнениях, что позволит улучшить качество мнений, которые будут поступать от «участников-неэкспертов».

Консультативные комиссии нацелены не только на повышение качества мнений, но и на согласование этих мнений с государственной политикой. Обычно консультативные комиссии создаются на достаточно длинный период работы для развития связей с государственными лицами, с намерением передачи четко сформулированных предпочтений о регулировании социально-экономической жизни на более высокий уровень.

Совместное решение проблем предполагает непрерывную связь между государством и общественностью, направленную на решение конкретных коллективных проблем (загрязнение окружающей среды, небезопасность на улицах, отсутствие инфраструктуры). Главным двигателем данного инструмента является творчество, под которым подразумевается изобретение именно новых путей решения тех или иных проблем посредством совместного обсуждения. Предполагается, что данный механизм может «связывать руки» государству и привлекать его к публичной ответственности.

Демократическое управление на основе широкого участия является наиболее предметным. При данном виде объединений общественность имеет возможность прямо влиять на определение политических программ и следить за тем, чтобы ресурсы (осуществление любой деятельности) распределялись равномерно, направлялись не только в уже развитые сферы общества, но и в неблагоприятные сферы. Организация «мини-объединения» таким путем позволяет сделать процесс разработки законодательства более справедливым.

Для проектирования «мини-объединений» также важно определиться со следующими характеристиками: кто будет участниками данных объединений и каким способом проводить их отбор, какую область хозяйственной деятельности будет регулировать данный институциональный механизм (subject of deliberation), каким способом организовать сам процесс обсуждения (deliberative mode), срок действия института и частота его повторений (recurrence and iteration), как привлечь индивидов (какой им интерес (stakes) от участия в общественных обсуждениях), какими полномочиями будет наделено «мини-объединение» (empowerment), как будет контролироваться деятельность данного институционального механизма (monitoring).

От того, каким образом будут определены данные параметры, будут зависеть функции, которые будут исполнять «мини-объединения». Но

всегда возникает вопрос: как измерить гражданскую активность, какие показатели эмпирически смогут показать, что «мини-объединения» действительно выполняют свои функции и способствуют развитию демократического управления в обществе. Так, автор предлагает несколько показателей, по которым возможно оценить деятельность «мини-объединения»: количество участников объединения (чем больше, тем эффективнее), профиль участника (социальный класс, образование, уровень дохода и т.д.), качество процесса обсуждения, качество и полезность получаемой информации в течение обсуждений как для государственных служащих, так и для обычных граждан, уровень знаний («мини-объединения» как «школы демократии»), качество отчетной документации, степень изменения государственной политики, общее настроение граждан и степень их активности. Правильное группирование характеристик институционального проектирования может способствовать «здоровому» регулированию общественных процессов. Общественность действительно может регулировать социально-экономические сферы жизни путем взаимодействия с экспертами и профессионалами в данной области. То есть, имея общие интересы, делясь практическим опытом друг с другом, высказывая свою точку зрения и конструктивно критикуя мнения других, можно достичь консенсуса в тревожащих нас вопросах. Из анализа пяти форм существования такого института, как *minipublic*, можно также убедиться в том, что при создании того или иного институционального механизма выбор его институциональных характеристик должен быть точно преднамеренным: мы должны знать, какую сферу хозяйственной деятельности мы регламентируем и какими особенностями она обладает. Итак, процесс институционального проектирования ситуационен, что одновременно является проблемой (нельзя создать единый институциональный механизм, который регулировал бы все сферы хозяйствования, а процесс институционального проектирования требует высоких издержек) и помощью в организации процесса институционального проектирования (нам известны условия существования создаваемого института).

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сегодня во всем мире активно развиваются и внедряются различные методики оценки эффективности работы муниципальной власти, целями которых является определение оптимальных подходов к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления с помощью оценки эффективности расходования бюджетных средств, динамики изменения показателей, характеризующих уровень и качество жизни населения, уровня социально-экономического развития муниципального образования, степени внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

В России для оценки эффективности работы муниципальной власти используются: методика оценки бюджетной эффективности и методика оценки эффективности показателей, характеризующих достигнутый уровень или отражающих динамику развития инфраструктурных объектов, т.е. уровень и качество жизни населения.

Бюджетная эффективность оценивается на основании реализации принципа эффективности использования бюджетных средств, который означает, что «при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)» [Бюджетный кодекс, 2013]. То есть бюджетная эффективность — это отношение полученного положительного результата (положительная динамика) деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, к бюджетным расходам, обеспечивавшим получение данных результатов. Бюджетными расходами муниципального образования называется «совокупность денежных отношений, складывающихся между органами

местного самоуправления, с одной стороны, и органами государственной власти, юридическими и физическими лицами, с другой стороны, по поводу распределения и использования финансовых ресурсов экономических субъектов, участвующих в процессе воспроизводства в рамках муниципального образования, для обеспечения потребностей общества в муниципальных услугах надлежащего качества, создания условий для устойчивого развития муниципального образования; финансовое обеспечение предоставления общественного блага на местном уровне бюджетной системы страны» [Ярошенко, Каратаева, 2012].

На федеральном уровне разрабатываются и утверждаются методики и программы оценки эффективности использования бюджетных средств. Так, 22 мая 2004 г. было принято постановление Правительства РФ № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов», которым была одобрена Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 гг. В 2010 г. распоряжением Правительства РФ № 1101-р были утверждены Программа Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г. и план мероприятий по реализации в 2010 г. Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г.

Методика оценки бюджетной эффективности основывается на анализе результативности и расходов, поэтому ее можно применять в тех случаях, когда возникает необходимость объединения множества социальных результатов, которые не могут быть измерены в количественном выражении. Однако данная методика не позволяет дать комплексную оценку эффективности работы муниципальной власти, поскольку в ней используются только показатели, характеризующие деятельность органов местного самоуправления по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами. В России также отсутствует единая научно-методическая база оценки эффективности использования бюджетных средств, поэтому способы оценки бюджетной эффективности муниципальных образований могут различаться, что не позволяет объективно сопоставить полученные результаты оценки.

В настоящее время в России действует единая методика оценки деятельности органов местного самоуправления. В 2007 г. в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была введена ст. 18.1 «Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления», в соответствии с которой утверждается в порядке,

определяемом Президентом РФ, перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, а также указывается, что нормативными правовыми актами высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) может быть предусмотрено выделение за счет средств бюджета субъекта РФ грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей.

Но фактически реализация положений данной статьи началась с момента вступления в силу Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», которым был утвержден перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов” и подпункта “и” пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления”» утвержден перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов и методика мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [Постановление Правительства РФ..., 2012].

В методических рекомендациях определена целесообразность выделения грантов отдельно городским округам и муниципальным районам. Субъектам РФ предоставляется возможность установления дополнительных критериев, определяющих размер гранта в зависимости от численности населения, уровня экономического развития и других параметров.

В данном разделе проведем практическую оценку эффективности работы органов местного самоуправления на примере конкретной муниципальной территории отдельного региона России — Владимирской области.

В регионе действует постановление Губернатора Владимирской области от 10 октября 2011 г. № 1081 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области», в котором утвержден

порядок выделения за счет ассигнований из областного бюджета грантов бюджетам городских округов и муниципальных районов Владимирской области в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Для реализации данного порядка утверждены:

- дополнительные показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области [Постановление Губернатора Владимирской области..., 2011];
- перечень установленных сфер и удельных весов для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области;
- удельный вес уровней эффективности и частных показателей в установленных сферах для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и определения размеров грантов, предоставляемых из бюджета Владимирской области бюджетам городских округов и муниципальных районов области;
- удельный вес сфер, установленных для оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и муниципального района Владимирской области и показателей удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления [Администрация Владимирской области..., 2018].

В большинстве субъектов РФ для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов применяют типовую методику, утвержденную Правительством РФ, но ряд субъектов используют модифицированную методику (т.е. в нее внесены дополнительные показатели и (или) изменения в расчеты оценки). Данная тенденция прослеживается и среди субъектов Центрального федерального округа, 61% которых (Брянская, Воронежская, Ивановская, Курская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская и Тульская области) использует типовую методику, 33% (Белгородская, Владимирская, Калужская, Костромская, Липецкая и Ярославская области) — модифицированную методику.

В Белгородской и Калужской областях утверждены дополнительные показатели, отражающие качество работы органов власти по вопросам здравоохранения, благоустройства и озеленения территории, освещения улиц, организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых

и промышленных отходов. Во Владимирской и Липецкой областях расширен перечень показателей по сферам деятельности органов местного самоуправления, рассмотренный в типовой методике, а также утверждены дополнительные показатели, отражающие качество работы органов власти по вопросам здравоохранения, благоустройства и озеленения территории, освещения улиц, организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. В Костромской области круг показателей, включенных в перечень показателей для проведения оценки эффективности работы муниципальной власти, значительно шире федерального перечня: оценка проводится более чем по 250 показателям, которые объединены в 19 разделов, охватывающих сферы деятельности органов местного самоуправления, рассмотренных в типовой методике, а также дополнительные сферы (сфера земельных и имущественных отношений, архитектура и градостроительство, благоустройство территорий, сфера финансов, муниципальные закупки, здравоохранение, молодежная политика, обеспечение безопасности населения). В Ярославской области внесены изменения в расчет оценки эффективности (введен поправочный коэффициент). В Москве разработана методика оценки эффективности деятельности управ районов Москвы по сферам строительства, торговли и оказания услуг, благоустройства и содержания дворовых территорий, управления объектами жилищного фонда, а также качество проведения управлений организационной работы, работы по взаимодействию с населением и органами местного самоуправления Москвы.

В целом, в федеральный перечень показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления входят разноплановые показатели, характеризующие экономическое развитие, дошкольное, общее и дополнительное образование, культуру, физическую культуру и спорт, жилищно-строительство и обеспечение граждан жильём, жилищно-коммунальное и дорожное хозяйство, организацию муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности, что позволяет комплексно оценить эффективность работы муниципальной власти. Результаты мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления по типовой методике позволяют сопоставить оценки динамики изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровня социально-экономического развития муниципальных образований в рамках всей страны и выявить наиболее результативные модели муниципального управления [Нормативные правовые акты]. Однако некоторые субъекты РФ используют модифицированные методики, что делает

невозможным объективно сопоставить результаты оценки работы власти муниципальных образований данных субъектов РФ с муниципальными образованиями других субъектов РФ. Кроме того, данная методика разработана только для городских округов и муниципальных районов.

Проведенный краткий анализ методик оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления показал, что в России для оценки эффективности работы муниципальной власти применяется методика оценки эффективности использования бюджетных средств, т.е. отношение полученного положительного результата (положительной динамики) деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, к бюджетным расходам, обеспечившим получение данных результатов.

Поэтому для практического осмысления полученных предварительных выводов и внесения предложений по устранению недостатков, применяемых в настоящее время методик, была проведена оценка эффективности органов власти на примере муниципального образования Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области (далее МО Боголюбовское сельское поселение) за 2016 г.

Данное муниципальное образование является одной из ведущих территорий, принимающих туристический поток в регионе, что свидетельствует об особой важности сельского поселения для ключевой отрасли региона — туристической.

Реализация оценки подхода в оценке эффективности включала следующие этапы.

1. Определение показателей деятельности местных органов власти МО Боголюбовское сельское поселение по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами.
2. Рассмотрение результата (динамики) показателей деятельности местных органов власти МО Боголюбовское сельское поселение по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, за 2016 г.
3. Оценка результата (динамики) показателей деятельности местных органов власти МО Боголюбовское сельское поселение по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, за 2016 г.
4. Рассмотрение структуры расходной части бюджета МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г.
5. Оценка эффективности использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г.

В исследовании эффективность использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. оценивается по разноплановым показателям, характеризующим деятельность местных

органов власти муниципального образования по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами: «Общегосударственные вопросы», «Национальная оборона», «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», «Национальная экономика», «Жилищно-коммунальное хозяйство», «Культура», «Межбюджетные трансферты (земельный контроль)», «Социальная политика».

Шкала оценивания результата (динамики) показателей деятельности местных органов власти основывалась на следующей системе баллов: 0 — не выполнено, 2 — выполнено частично, 4 — выполнено полностью.

Структура расходной части бюджета муниципального образования в разрезе функциональной классификации отражает приоритетные направления деятельности местных органов власти. Расходы бюджета МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. классифицируются по следующим разделам:

- общегосударственные вопросы;
- национальная оборона;
- национальная безопасность и правоохранительная деятельность;
- национальная экономика;
- жилищно-коммунальное хозяйство;
- культура;
- межбюджетные трансферты (земельный контроль);
- социальная политика.

Более 90% бюджетных средств в 2016 г. были направлены на решение вопросов в области национальной экономики (38,55%), жилищно-коммунального хозяйства (33,58%) и культуры (18,37%).

Оценка эффективности показателей деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, определялась по формуле:

$$E_{n_x} = \frac{D_n}{P_n}, \quad (1)$$

где E_{n_x} — эффективность показателя деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами (в процентах);

D_n — оценка результата (динамики) показателя деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами;

P_n — доля бюджетных расходов по каждой статье финансирования (в процентах).

Оценка эффективности использования бюджетных средств муниципального образования определяется по формуле:

$$E = \frac{E_{n_{x1}} + E_{n_{x2}} + \dots + E_{n_{xn}}}{M}, \quad (2)$$

где E — эффективность использования бюджетных средств муниципального образования;

$E_{n_{x1}}, E_{n_{x2}}, \dots, E_{n_{xn}}$ — эффективность показателей деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами;

M — количество показателей.

Критерии оценки эффективности работы муниципальной власти:

- работа муниципальной власти эффективна, если $E \geq 80\%$;
- работа муниципальной власти эффективна в недостаточной степени, если $50\% < E < 80\%$;
- работа муниципальной власти неэффективна, если $E \leq 50\%$.

Эффективность использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г., рассчитанная по формуле (2), равна 54,79%. Работа муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. эффективна в недостаточной степени, так как находится в следующем диапазоне: $50\% < 54,79\% < 80\%$.

Для оптимизации расчета оценки эффективности использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. используется компонент пакета Microsoft Office — MS Excel.

Авторами установлено, что принятая методика, как и полученная оценка эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г., являются необъективными [Савельев, Никифорова, 2017].

Во-первых, используемая методика оценки эффективности использования бюджетных средств не позволяет дать комплексную оценку эффективности работы муниципальной власти, поскольку оцениваются только показатели, характеризующие деятельность местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами.

Во-вторых, сегодня в России отсутствует четкая научно-методическая база оценки эффективности работы муниципальной власти на уровне сельского поселения, в том числе и оценки эффективности использования бюджетных средств, вследствие чего эффективность оценивается разными способами, что не позволяет сопоставить эффективность работы муниципальной власти сельских поселений.

Поэтому возникает объективная необходимость в разработке более комплексного подхода. Представим его возможные основные положения.

Методика оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления сельских поселений (далее — деятельности органов местного самоуправления) разработана с целью определения единых методических подходов оценки эффективности работы муниципальной власти на уровне сельских поселений для оценки показателей, характеризующих качество жизни населения, уровня социально-экономического развития сельского поселения, степени внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

Результаты оценки позволяют определить зоны, требующие приоритетного внимания муниципальных властей, сформировать перечень мероприятий по решению проблем и повышению результативности деятельности органов местного самоуправления, в том числе по оптимизации неэффективных расходов, а также выявить внутренние ресурсы (финансовые, материально-технические, кадровые и т.д.) повышения качества и объема предоставляемых населению услуг.

Муниципальное хозяйство представляет собой сложный комплекс отраслей экономики, тесно связанных между собой и объединенных общей целью удовлетворения общественных потребностей путем создания нормальных условий жизни населения и обеспечения стабильной экономики. Основой оценки эффективности работы муниципальной власти выступает система показателей, необходимых для проведения комплексного анализа и расчета эффективности деятельности органов местного самоуправления и дифференцируемых по направлениям: территория, население, экономическое развитие (промышленность, сельское хозяйство и агропромышленный комплекс, развитие малого и среднего предпринимательства), муниципальное хозяйство (жилищно-коммунальный комплекс, транспортный комплекс и дорожное хозяйство, комплекс потребительского рынка, комплекс служб, обеспечивающих общественную безопасность, система связи и информации, социальная сфера (образование, здравоохранение, физическая культура и спорт, культура, социальная защита населения)), система управления, местный бюджет, удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления.

В качестве исходных данных для проведения оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления используются официальная статистическая информация, официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики, данные ведомственной статистики. Анализ удовлетворенности населения

осуществляется на основании информации, полученной по результатам социологического опроса.

В качестве показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (далее — показатели) использовались следующие:

— *территория:*

- общая площадь земель сельского поселения — га;
- общая площадь сельскохозяйственных угодий — га;
- общая площадь застроенных земель — га;
- наличие утвержденного генерального плана;
- наличие утвержденных правил землепользования и застройки;

— *население:*

- численность постоянного населения — чел.;
- число родившихся — чел.;
- общий коэффициент рождаемости — %;
- число умерших — чел.;
- общий коэффициент смертности — %;
- естественный прирост населения — чел.;
- коэффициент естественного прироста населения — %;
- число прибывших — чел.;
- коэффициент прибытия — %;
- число выбывших — чел.;
- коэффициент выбытия — %;
- миграционный прирост населения — чел.;
- коэффициент миграционного прироста населения — %;
- средняя плотность населения — чел./км²;
- размещение населения на территории, трудоспособное население — %;
- возрастная структура населения, этнический состав населения;

— *экономическое развитие:*

- промышленность;
- сельское хозяйство и агропромышленный комплекс;
- развитие малого и среднего предпринимательства;

— *муниципальное хозяйство:*

- жилищно-коммунальный комплекс;
- транспортный комплекс и дорожное хозяйство;
- комплекс потребительского рынка;
- комплекс служб, обеспечивающих общественную безопасность;
- система связи и информации;
- социальная сфера;

— *система управления:*

- функционирование Главы муниципального образования, направленное на решение вопросов местного значения поселения;
- функционирование местной администрации, направленное на решение вопросов местного значения поселения;
- деятельность старост населенных пунктов муниципального образования;
- укомплектованность штата местной администрации — %;
- административные регламенты;

— *бюджет:*

- доходы местного бюджета, всего — тыс. руб.;
- расходы местного бюджета, всего — тыс. руб.;
- дефицит (–) / профицит (+) местного бюджета — тыс. руб.;
- исполнение местного бюджета — %;
- муниципальный долг — тыс. руб.;

— *удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления* (в качестве инструмента использовался такой метод исследования, как социологический опрос: выборочное личное интервьюирование (опрос) по формализованной анкете, выборочное интервьюирование (опрос) по формализованной анкете, расположенной по ссылке <http://opros-anketa.blogspot.ru/> и разработанной с помощью сервисов Google (Google Drive и Blogger));

— *оценка эффективности показателей деятельности органов местного самоуправления производилась по разработанной шкале оценивания, сущность которой заключается в переводе динамики соответствующего показателя в балльную оценку.*

Кроме того, были введены повышающие и понижающие коэффициенты, применяемые к значению оценки эффективности показателей.

Повышающий показатель применяется в случае, если значение динамики показателя выше районного (областного) значения (при условии положительной динамики показателя).

В случае, когда к одному показателю применяется несколько повышающих коэффициентов, данные коэффициенты перемножаются.

Вводятся также понижающие коэффициенты, применяемые к значению оценки эффективности показателей:

- в случае если динамика показателей ниже уровня инфляции за год, — понижающий коэффициент равен разнице динамики показателя и инфляции;
- в случае если значение показателя в анализируемом году ниже значения установленного социального норматива, понижающий коэффициент равен частности значения показателя и значения установленного норматива;

- характеризующих деятельность органов местного самоуправления по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, в случае если в анализируемом году результат (динамика) данных показателей отрицательный (ая), понижающий коэффициент равен удельному весу денежных средств статьи расходной части бюджета, направленной на получение положительного (ой) результата (динамики) показателя.

Если значение оценки эффективности показателя положительное, то значение оценки умножается на коэффициент; если значение оценки эффективности показателя отрицательное, то значение оценки умножается на модуль коэффициента. В случае, когда к одному показателю применяется несколько понижающих коэффициентов, данные коэффициенты перемножаются.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления рассчитывается как сумма основных показателей по формуле:

$$E = \left(E_{n_{x1}} + E_{n_{x2}} + \dots + E_{n_{xn}} \right), \quad (3)$$

где E — эффективность деятельности органов местного самоуправления; $E_{n_{x1}}, E_{n_{x2}}, \dots, E_{n_{xn}}$ — эффективность показателей деятельности органов местного самоуправления.

Критерии оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления:

- деятельность органов местного самоуправления эффективна, если $E \geq 80$;
- деятельность органов местного самоуправления эффективна в недостаточной степени, если $50 < E < 80$;
- деятельность органов местного самоуправления неэффективна, если $E \leq 50$.

Апробация методики проходила на основе оценки эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области [Савельев, Никифорова, 2017].

В результате применения авторской методики была получена оценка эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г., рассчитанная по формуле (3), которая оказалась равной 48,67.

Деятельность органов местного самоуправления МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. неэффективна, так как оценка эффективности работы муниципальной власти оказалась меньше 50 (48,67).

По результатам полученной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления определены зоны, требующие приоритетного внимания муниципальных властей, и построено проблемное поле работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. в три этапа.

Первый этап — определение эффективности групп показателей деятельности органов местного самоуправления.

Второй этап — выявление неэффективных групп показателей и конкретных показателей данных групп.

Третий этап — построение проблемного поля работы муниципальной власти.

В данной научно-практической работе с целью повышения эффективности работы муниципальной власти разработаны предложения по решению проблем с учетом правовых и финансовых возможностей муниципального образования.

Ожидаемый результат проведения мероприятий по повышению эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение прогнозируется на основе анализа проблемного поля, т.е. определяется оценка показателей, по которому проводились конкретные мероприятия, и показателей, на которые влияли проблемные показатели. Прогнозируемая оценка эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение (без учета повышающих и понижающих коэффициентов) равна 56,135 (в 2016 г. — 44,953) [Савельев, Никифорова, 2017].

Таким образом, предложенная авторами методика оценки эффективности работы муниципальной власти уходит от «классического» в настоящее время затратного подхода и выглядит более дифференцированной (возможно, более объективной) в охвате качественных и количественных показателей, характеризующих уровень и условия жизни населения, являющихся приоритетной целью развития муниципального образования.

В качестве показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления используются следующие разделы: территория, население, экономическое развитие, муниципальное хозяйство, система управления, бюджет, удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления.

Данная методика прошла свою апробацию на примере МО Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области. Кроме того, с помощью программного обеспечения разработана автоматизированная форма оценки эффективности работы муниципальной власти.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ВЛАДИМИРСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И ПЕРМСКОГО КРАЯ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

Таблица П7.1

Характеристика малых городов Владимирской области по экономической специализации

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
1	Курлово	6348	5992	Стекольное (ЗАО фирма «Символ»). Деревообрабатывающее производство (ОАО «Линей-Лень», Курловский Лесхоз)	Познавательный, религиозный, экологический туризм
2	Костерево	8641	8216	Производство технических пластмасс (ООО «Виркэн-Русь», 9ЗАО «Завод ЛМД», ООО «КЭПП», ООО «Геопласт», ООО ПП «Эккопласт»)	Культурный, образовательный туризм
3	Суздаль	9978	9618	Гостиничный бизнес, общественное питание, сувенирная промышленность (ОАО «Цех сувениров города Суздаль»)	Познавательный, религиозный, событийный туризм
4	Судогда	10 794	10 442	Производство стекловолокна, кровельных материалов, конструкционных тканей, базальтовой нити (ОАО «Судогодские пластики»); легкая промышленность (льно-прядильная и швейная фабрики); мебельное производство; пищевая промышленность (ОАО «Судогодский молочный завод»)	Образовательный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
5	Камешково	12 722	12 496	Производство оборудования (ОАО Камешковский механический завод), прядильно-ткацкая фабрика (ООО «Детская одежда»); Завод напольных покрытий (ООО «Juteks RU»); Владимирский крастроительный завод «ВКЗ»	Познавательный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм
6	Гороховец	13 233	12 779	Производство оборудования (Завод ОАО «Элеватормельмаш»); стекольная промышленность (завод ООО «Русджам»); Цеха деревообработки, металлообработки и металлоконструкций на базе Гороховецкого колледжа	Познавательный, религиозный, лечебно-оздоровительный туризм
7	Струнино	13 829	13 094	Легкая промышленность: швейная (ОАО «Струнинский райпромкомбинат» — производство одеял и подушек), текстильная (ОАО «Здравмедтех-М» — стерильное белье для операционных)	Религиозный, экологический туризм
8	Петушки	13 915	13 112	Производство кровельных и гидроизолирующих материалов (Завод ОАО «Икопал»); Завод поршневых колец «Стакол»; ОАО «Петушинский металлический завод»; переработка древесины (ОАО ««Петушкиинтерлес»); теплообменное оборудование (ОАО Завод «Промэнерго»)	Экологический туризм
9	Карабано	14 923	14 876	Крупные предприятия отсутствуют, действуют мелкие предприятия пищевой и легкой промышленности, бытовых услуг населению	Аграрный, экологический туризм
10	Меленки	14 302	13 789	Меленковский филиал Елатомского приборного завода, Меленковский льняной комбинат; Меленковская швейная фабрика (спецодежда из брезента), литейно-механический завод	Аграрный, экологический туризм

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
11	Лакинск	14 895	14 330	Пищевая промышленность (ООО «Клинические снеки», ОАО «Лакинское молоко», ООО «ВАН», ООО «Пресс», ЗАО «Де Хёс»), мебельное производство (фабрика ОАО «Лакинск-мебель»)	Познавательный, экологический туризм
12	Покров	17 762	17 025	Кондитерская фабрика компании KraftFoods, Завод биопрепаратов, швейная фабрика, Завод железобетонных изделий и конструкций, Энергомеханический завод «Промэнерго», ювелирный завод «Золотые Купола», фабрика пряничных изделий «Покровский пряник»	Религиозный, лечебно-оздоровительный туризм
13	ЗАТО Радужный	18 369	18 471	Градообразующее предприятие города — Федеральное казенное предприятие «Государственный лазерный полигон “Радуга”»	Экологический туризм
14	Собинка	18 510	17 799	Ведущее предприятие — прядильно-ткацкая фабрика ООО «Собинский текстиль»; швейное производство (ОАО «Собинская швейная фабрика», ООО «Фэшн-стайл»)	Аграрный, экологический туризм
15	Юрьев-Польский	19 031	18 433	Ткацко-отделочная фабрика «Авангард»; Завод «Промсвязь» (электросиловое оборудование); ОАО «Юрьев-Польский мясокombинат», ОАО «Юрьев-Польский завод сухого обезжиренного молока»	Религиозный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм
16	Киржач	27 788	26 676	Завод автотракторной осветительной арматуры (ОАО «Завод «Автосвет»), ОАО «КИЗ» (металлообрабатывающий инструмент), ОАО «Киржачская мебельная фабрика»; ОАО «Киржачская швейная фабрика», ОАО «Киржачская типография»; ЗАО «Першинское литье» (пожарное оборудование)	Религиозный, образовательный, аграрный, лечебно-оздоровительный туризм

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
17	Вязники	37 846	35 865	Развитое промышленное производство: ОАО «Объединенные автомобильные технологии», ОАО «Автоцентр ОСВАР» (тракторное оборудование); ОАО «Промтекс», ОАО «Ярцевское льняное производство», Вязниковская текстильно-галантерейная фабрика; Вязниковский завод радиоэлектронной техники (производство электроники)	Религиозный, образовательный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
18	Кольчугино	44 125	43 089	Развитое промышленное производство: ЗАО «Кольчугцветмет» (обработка цветных металлов); АО «Электрокабель кольчугинский завод» (кабельно-проводниковая продукция); ЗАО ТД «Кольчуг-Мишар» (производство посуды); ООО «Кольчугцветметобработка» (производство труб из цветных металлов); ЗАО «Интерсильверлайн»; ОАО «Электродвигатель» (выпуск генераторов)	Познавательный, религиозный, лечебно-оздоровительный туризм

Источник: [Росстат, 2017, 2018]

Таблица П7.2

Характеристика малых городов Тульской области по экономической специализации

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
1	Чекалин	964	914	Предприятия отсутствуют	Познавательный, религиозный туризм, промышленность
2	Советск	7347	7405	Завод котельно-вспомогательного оборудования и трубопроводов, Завод теплоизоляционных материалов, швейная фабрика «Луч», Огаревский ДОЗ (мебель для дачных участков); ООО «Эс-СиЭйХайджин Продактс Раша» (бумажная продукция)	Экологический туризм

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
3	Липки	9011	8541	Депрессивная территория НПО «Пульс» (противопожарная продукция)	Экологический туризм
4	Болохово	9144	9043	Развитое производство — 7 предприятий. Производство систем отопления, интерьеров салона электропоездов (ООО «Стигр-3»)	Промышленность, экологический, аграрный туризм
5	Белев	13 448	13180	Производство оборудования (завод ОАО «Трансмаш»)	Религиозный, образовательный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
6	Венев	14 198	14 191	Веневский завод алмазного инструмента (ОАО «ВеАл»), маслозавод (ОАО «Российские семена»), Фабрика «SCA HYGIENE PRODUCTS RUSSIA»	Религиозный, образовательный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
7	Плавск	15 992	15 920	Плавский машиностроительный завод ОАО «Плава»	Развитый центр туризма. Культурный, религиозный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
8	Ясногорск	15 872	15 706	Промышленное производство (ЗАО «Русская горно-насосная компания», заводы ОАО «ИЭК Металл-Пласт», ОАО «Элпластик», ОАО «Элитпласта»); обработка металлов (ООО «Центр-насоссервис», ООО ПТПП «Фагот», ООО «Гиперпресс»)	Культурный, религиозный туризм
9	Суворов	17 829	17 450	Производство железобетонных изделий (ОАО «СПК Мосэнерго-строй»)	Экологический туризм

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
10	Киреевск	24 911	25 741	Завод легких металлических конструкций, химический комбинат, две текстильные фабрики	Промышленность, экологический, аграрный туризм
11	Кимовск	26 591	25 951	КРЭМЗ (Кимовский радиоэлектромеханический завод), ЗАО «Завод Гидропривод», 2 швейные фабрики	Культурный, аграрный туризм
12	Богородицк	31 363	31 135	ОАО «Ресурс» (производство резисторов), ООО «Ресурс-Полимер» (сушилки, фумигаторы), ООО «Завод 423» (контрольно-измерительные приборы), подразделение ООО «Юнайтед Термо» (трубопроводные полимерные системы)	Культурный, религиозный туризм
13	Ефремов	36 773	35 158	Моноотраслевой промышленный город: Ефремовский завод синтетического каучука (ОАО «ЕЗСК»); Ефремовский биохимический завод (кормовые добавки); Ефремовский химический завод (ОАО «Щекиноазот», Ефремовский филиал)	Культурный, религиозный туризм

Источник: [Росстат, 2017; 2018]

Таблица П7.3

Характеристика малых городов Пермского края по экономической специализации

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
1	Чермоз	3597	3457	Сельское хозяйство, розничная торговля, машиностроение (завод нефтегазового машиностроения «ООО Синергия»)	Развитие познавательного, экологического и агротуризма

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
2	Чердынь	4674	4677	Разработка солевых месторождений, производство за чертой города	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма
3	Усолье	5979	6323	Сельское хозяйство, розничная торговля, лесная и деревообрабатывающая промышленности	Развитие религиозного и познавательного туризма
4	Оханск	7096	7087	Сельское хозяйство, производство пиломатериалов, швейное производство (ОАО Оханская швейная фабрика)	Развитие экологического и агротуризма
5	Гремячинск	9430	8732	Лесопереработка (ДОК Гремячинский, ООО «ПЛПК»), газокompрессорная станция (Гремячинское ЛПУ МГ), автомобилестроение (завод ОАО «Автоспецоборудование»), легкая промышленность	Образование, здравоохранение и экологический туризм
6	Горно-заводск	11 575	11 375	Монопроизводство ОАО «Горно-заводскцемент»	Транспортная отрасль, сфера культуры
7	Александровск	13 353	12 562	Развитие промышленного производства (ОАО «Александровский машиностроительный завод», ОАО «Алекстром» (опытный завод по производству стеновых материалов)	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль и туризм
8	Очер	14 091	14 226	Литейная, мебельная промышленность, производство пиломатериалов, сельское хозяйство, машиностроение (ОАО «Очерский машиностроительный завод»)	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
9	Красно-вишерск	15 733	15 355	Лесная, деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия. Крупные предприятия являются банкротами	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль, экологический туризм
10	Кизел	16 642	14 883	Ликвидация основных градообразующих предприятий, бюджетная сфера	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм
11	Нытва	18 878	18 608	Градообразующее предприятие — ОАО Нытвенский металлургический завод	Развитие познават., экологического и агротуризма
12	Губаха	21 160	19 831	Химическая промышленность — ПАО «Метафракс», ОАО «Губахинский кокс»	Транспорт, сфера культуры и туризм
13	Оса	21 201	21 061	Машиностроение, деревообработка, пищевая промышленность	Культурный центр — развитие познавательного туризма
14	Верещагино	22 328	21 969	Машиностроение, сельское хозяйство, текстильная промышленность	Транспорт, промышленность и туризм
15	Кудымкар	30 739	31 370	Пищевая промышленность (ОАО «Молоко», ОАО «Мясокомбинат»), торговля	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма
16	Чернушка	32 687	32 909	Нефтяная промышленность и строительство (ООО «Лукойл — Пермь»); ремонтное производство (ООО «АРГОС» — ЧУРС); строительство дорог (ООО «ДОРΟΣ»), выпуск кирпича (ООО «Чернушкастройкерамика»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность

№ п/п	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
17	Добрянка	33 291	32 676	Топливо-энергетический и лесопромышленный комплекс (филиал «Пермская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»; НГДУ «Полазнанефть» ЗАО «Лукойл-Пермь», ЗАО «Лукойл — Бурение — Пермь», АО «Добрянка-мебель», филиал ЗАО ПО «Уралэнергомонтаж»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность
18	Чусовой	45 719	44 779	Черная металлургия, машиностроение и металлообработка (ОАО «Чусовский металлургический завод», «УралДомнаРемонт», «МеталлургСервис»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность

Источник: [Росстат, 2017; 2018]

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ. МАЛЫЕ ГОРОДА. ПРОЕКТ «НАСТОЯЩАЯ РОССИЯ»

Белёв

Площадь

• 8,58 км²

Население

• 13 461 человек (2016)

Яблочное чудо в Белеве

Богородицк

Площадь

• 26,9 км²

Население

• 31 379 человек (2016)

Тульский Петергоф

Донской

Площадь

• 47,6 км²

Население

• 7 64 201 человек (2016)

В трёх километрах от города Донского, в посёлке Бобринки-Гора сохранилась усадьба Бобринки. По состоянию на 2011 год, от усадьбы сохранилась Спасская церковь (1778)

Проект «Русские усадьбы»:

- Развитие проекта для городов Тульской области
- Проезд по усадьбам «Бобринки», усадьба в Ефремово, где Грибоедов написал «Горе от ума»
- Продажа единого билета на транспорт между городами для посещения данных усадьб
- Использование города Донской центром данного проекта по причине наличия усадьб «Бобринки» и удобного месторасположения вблизи от Тулы и ряда крупных городов Тульской области

Ефремов

Площадь

• 21,83 км²

Население

• 7 36 181 человек (2016)

С. Гершен. Иконы в приходовой школе.

Ко-брендинг с городом Богородицк

- Город расположен на ж/д магистрали Москва-Донбасс. Поезд проезжает через город Богородицк.
- Размещение на станции постеров, раздаточных материалов о Тульском Петергофе в городе Богородицк.

Объединение фольклорных праздников в городах: Донской, Ефремов, а также в

районах: Заокский, Белевский, Щукинский

Продвижение фольклора в разных городах с помощью инструментов VTL маркетинга и использования их на фольклорных мероприятиях

Чекалин

Площадь

• 266 домов

Население

• 965 человек (2016)

Самый маленький город в
самой большой стране!

Проект «Настоящая Россия»:

- Столица проекта «Настоящая Россия»
- Модель уездного города 19 века
- Кинематографическая площадка
- Самый маленький в мире сувениры

Ясногорск

Площадь

• 11,75 км²

Население

• 15687 человек (2016)

Проект «Настоящая Россия»:

- «Ностальгический туризм»
- Киноплощадка под фильмы Советской эпохи

Настоящая Россия, в проекте участвуют уже много малых городов области — Венёв, Белёв, Одоев, Чернь, Богородицк, Епифань, Ясногорск, Чекалин и Ефремов

Елифань

Площадь

• - км²

Население

• 2241 человек (2010)

-Этнографический музей в

усадьбе купца Байкова

- Музей-заповедник "Куликово поле"

- Конь-камень

- Успенский монастырь

-Никольский собор

- Архитектура города

Чернь

Площадь

• 8,60 км²

Население

• 6387 человек (2016)

-Памятник-бронепоезд

- Памятник Толстому – Тургеневу

- Чернский музей

Крапивна

Площадь

• Нет информации

Население

• ~2500 человек (2015)

Опыт участия в проектах:

- Проект «Крапивна – возрождение жемчужиной русской провинции»
- Проект «Провинция»

Перспективные направления:

- Развитие образа старинного уездного городка в сотрудничестве с другими небольшими городами Тульской области
- Фестиваль А. Н. Толстого проходящий во всех филиалах музея (в том числе и в Крапивне)
- Выведение Фестиваля Крапивны на федеральный уровень

Венёв

Площадь

• 11 км²

Население

• ~14260 человек (2016)

Опыт участия в проектах:

- Проект «Лето в парках»
- Проект «Веневский уезд»
- Проект «Провинция» совместно с Крапивной и другими городами

Перспективные направления:

- Фестиваль Кира Булычева (Венёв прообраз города Веревкин из цикла его произведений)
- Церковные экскурсии
- Проект «Русские колокольни»

Заокский

Площадь

• 918,46 км²

Население

• 21581 человек (2016)

- Музей – усадьбы В.Д. Поленова, А.Т. Болотова, В.Ф. Руднева.
- Православные храмы
- Часовни, Святые источники
- Пансионаты, отели, оздоровительные лагеря

Бёхово

Площадь

• 2 км²

Население

• 58 человек (2010)

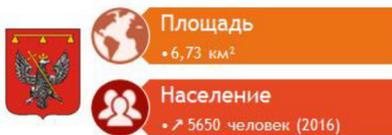
• 59 чел/км² (2016)

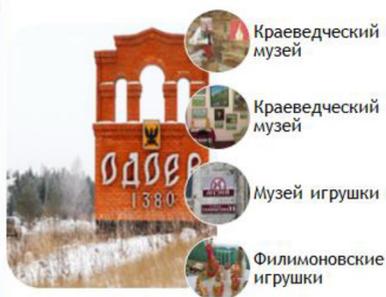
- Церковь Святой Троицы Живоначальной
- Часовня Николая-Чудотворца
- Святой источник Казанской Божией Матери

Одоев

- Проект «Культурное поколение»
- Посещение памятников конногвардейцам генерала П.А. Белова, Памятник Кузькиной матери, Соборная гора, Сквер Памяти, Сквер Героев
- Полонничество: Анастасов монастырь, Церковь Ильи Пророка, Свято-Трошская церковь
- Фольклорные фестивали: "Заиграй, солнышко!", "Поляна", фестиваль гончарного промысла и глиняной игрушки "Сказки деда Филिमона"
- Рок фестиваль "Свои"

Сказки деда Филимона

Фестиваль гончарного промысла и глиняной игрушки "Сказки деда Филимона"

Место проведения Тульская область, Одоевский район

Тулские пряники

Фольклорный ансамбль «Улада»

Музей
«ТУЛЬСКИЕ
САМОВАРЫ»

Тургениус

Литературно-музыкальный
фестиваль «Тургениус»

Место проведения Тульская область,
Чернский район

Ежегодный фестиваль

ТУРГЕНИУС

Молочный тульский
комбинат

Песни Бежина Луга

Традиционный межрегиональный
литературно-песенный праздник
«Песни Бежина луга», посвященный
великому русскому писателю Ивану
Сергеевичу Тургеневу

Молочный тульский
комбинат

Яблочное чудо

В основу фестиваля легли 7 сказочных сортов яблок: МОЛОДИЛЬНЫЕ, НАЛИВНЫЕ, ЗОЛОТЫЕ, ЦЕЛЕБНЫЕ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ, ВОЛШЕБНЫЕ и ЯБЛОКИ МУДРОСТИ

ЮЖНАЯ СОКОВАЯ КОМПАНИЯ

ПЕЙ
Вико
живи ЛЕГКО!

Экскурсионные маршруты

- «Литературная жемчужина России»
- «Музейный марафон»
- «Святые лики земли белевской»

Тульские жемчужины
(Тула - Ясная Поляна
- Богородицк)

Музейный марафон

МУЗЕЙНЫЙ МАРАФОН

14.10 с 10.00 до 18.00

место проведения:
Музей «Тульский самовар»
Музей «Тульский Кремль»
Музейный дворик
и т.д. (Богородицк)

ПРИХОДИТЕ, УЧАСТВУЙТЕ, ПОБЕЖДАЙТЕ!

Музейный марафон - это возможность увидеть и узнать о Тульских жемчужинах. Победив, вы получите памятный сувенир.

Музейный марафон - это возможность увидеть и узнать о Тульских жемчужинах. Победив, вы получите памятный сувенир.

Музейный марафон - это возможность увидеть и узнать о Тульских жемчужинах. Победив, вы получите памятный сувенир.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АНКЕТИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ ТУЛЬСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ПО ПРОБЛЕМАМ И ПЕРСПЕКТИВАМ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

В 2017–2018 гг. Центром исследования сетевой экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова было проведено анкетирование представителей администрации МГ Владимирской и Тульской областей.

Представителям местных властей были заданы вопросы о видении текущих проблем их муниципальных образований, перспективах развития города, потенциале и возможных рисках, связях с другими муниципалитетами. Анкеты содержала вопросы, касающиеся наиболее острых проблем в реальном секторе экономики, демографической ситуации и рынка труда, уровня внутрирегиональной мобильности, проблем социальной сферы и здравоохранения, проблем местных органов самоуправления, отношения населения к институту сити-менеджеров. Представителей местных властей просили обозначить потенциальные области для улучшения, ресурсы, составляющие основу экономической базы города, конкурентные преимущества города по сравнению с другими городами, приоритетные направления развития и т.д.

Ответы респондентов в целом схожи, поскольку схожи сами Тульская и Владимирская области, участвующие в опросе (по своей территориальной близости и близости к Москве, наличию схожих ресурсов и т.д.). Различия в ответах отчасти связаны с субъективными представлениями представителей администрации по поводу состояния и перспектив города, не всегда правильным пониманием вопросов анкеты, и иногда — желанием не раскрывать какую-то информацию (например, в части структуры бюджета МГ).

Проблемы реального сектора

В качестве наиболее остро стоящих проблем реального сектора экономики чаще всего упоминаются низкая инвестиционная

активность, закрытие предприятий и постоянный рост тарифов на энергоснабжение (см. рис. П9.1). Далее, практически с одинаковой частотой — неразвитость малого бизнеса, технологическая отсталость промышленных предприятий и высокий уровень износа основных фондов, зависимость от градообразующего предприятия и отсутствие точек роста инновационной экономики. Проблема закрытия ряда предприятий отмечается в городах Владимирской области (Суздаль, Петушки, Лакинск, Киржач, Кольчугино, Карабаново). Для городов Тульской области эта проблема в целом не характерна.

Рис. П9.1. Наиболее острые проблемы малого города (число ответов при возможности множественного выбора)

В отношении ситуации на рынке труда и демографической ситуации практически везде отмечаются миграция молодежи в более крупные города и естественная убыль населения. Чуть реже — дефицит квалифицированных кадров. Наименее остро стоят проблема недостатка мест

приложения труда и рост безработицы, а также проблема адаптации рабочих мест под неквалифицированный труд нелегальных мигрантов. При этом большинство МГ уровень внутрирегиональной мобильности полагают средним. Те же МГ, где отмечен высокий уровень внутрирегиональной мобильности, указывают, что до 30% населения работают в Москве или Владимире.

Проблемы местного самоуправления

В числе проблем местного самоуправления называют недостаточную эффективность системы муниципального управления, недостаточную квалификацию муниципальных служащих (по причине низкой заработной платы), зависимость органов местного самоуправления от вышестоящих органов государственной власти, недостаточную бюджетную обеспеченность.

Относительно текущей **структуры доходов и расходов** бюджетов города лишь несколько МГ привели реальные цифры соотношения собственных доходов / безвозмездных поступлений. Как правило, в ответах просто перечислена структура доходов бюджетов в соответствии с Бюджетным кодексом и Бюджетной классификацией. Там, где структура доходов приводится, соотношение собственных доходов / безвозмездных поступлений сильно варьируется: от 92 и 8%, соответственно, в г. Киржач, до обратной пропорции 8 и 92% в г. Камешково.

Ресурсы малых городов

В качестве ресурсов, которые являются основой экономической базы города, ряд городов приводят природные и историко-культурные, другие МГ — материально-технические и трудовые, дополнительно отмечают то, что «город является существующим транспортным узлом», «благоприятное экономико-географическое положение», удачная логистика или «высокий уровень транспортной доступности», «производственно-промышленный» (т.е. материально-технический) потенциал, а также «потенциал малого бизнеса».

Практически никто из администраций МГ не отметил в качестве ресурсов финансовые ресурсы (кроме г. Петушки и г. Лакинск), нематериальные (наличие интеллектуальной собственности, имиджа и репутации) (кроме г. Кольчугино), управленческие (кроме ЗАТО «Радужный», г. Собинка и г. Суздаль), политические (кроме г. Лакинска), научные или налоговые (кроме г. Струнино, г. Петушки, г. Костерево и г. Киржач) ресурсы. Видимо, последние ассоциируются с наличием налоговой базы, обеспечивающей собственные доходы местных бюджетов.

Состояние отраслей экономики

В части инвентаризации состояния отраслей экономики в число деградирующих, с тенденцией постоянного снижения их доли в структуре

экономики попали здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, сельское хозяйство. Деграцию промышленности отмечают в Костерево, Петушках, социальной сферы (Гусь-Хрустальный), ЖКХ и бытовое обслуживание населения (Струнино). В целом по Владимирской области больше МГ, где отмечается катастрофическое состояние какой-либо из областей экономики; в Тульской области таких МГ практически нет.

К хорошо развивающимся и способствующим активизации развития других отраслей, катализаторам общего развития территории в разных вариантах отнесены промышленность, сельское хозяйство (Юрьев-Польский, Лакинск), торговля и общественное питание, транспорт (перевозки), связь, культура, образование.

В нескольких городах представление администрации о темпах роста отраслей довольно оптимистичное — Плавск, Кимовск, Богородицк, Ефремов (все — Тульская область), Лакинск (Владимирская область). Администрации МГ Владимирской области в целом воспринимают состояние отраслей своей экономики менее радужно, зачастую отмечая даже полное отсутствие отраслей сельского хозяйства, науки или логики.

Перспективы и угрозы для развития города

Преобладающее большинство МГ Тульской и Владимирской областей видят перспективы в развитии туризма, отмечая наличие уже существующего транспортного узла, рекреационные и историко-культурные ресурсы. Это не удивительно, принимая во внимание богатую историю МГ этих областей, их близость ко многим федеральным и региональным трассам.

Те МГ, которые отметили наличие материально-технической базы и трудовых ресурсов, видят возможности для размещения новых предприятий.

В части угроз называют миграцию населения, преимущественно молодежи, в крупные города в поисках более высокого заработка и комфортных условий жизни. Возникающий дефицит квалифицированных кадров является проблемой для потенциальных инвесторов. При этом отмечается, что активное население города, представители которого вынуждены уезжать на работу в другие регионы, может рассматриваться и в качестве свободных трудовых ресурсов.

Лишь несколько малых городов обозначили свой экономический уклад как моноотраслевой (Струнино, Киржач, Карабаново, Гороховец, Советск), что не совпадает с правительственной классификацией монопрофильных муниципальных образований. Согласно этой классификации, к моногородам с наиболее сложной экономической ситуацией

относятся Камешково и Курлово Владимирской области, к моногородам с рисками ухудшения экономической ситуации — Меленки и Гороховец Владимирской области, а также Ефремов Тульской области; к моногородам со стабильной экономической ситуацией — Кольчугино и Вязники Владимирской области.

Приоритетные направления развития города

Исходя из текущей социально-экономической ситуации, выделяют следующие приоритетные направления развития малых городов (см. рис. П9.2).

Рис. П9.2. Приоритетные направления развития города (число ответов при возможности множественного выбора)

Чаще всего в качестве приоритетов развития города указывались улучшение инвестиционного климата и развитие туристской сферы, с одной стороны, и реорганизация и модернизация ЖКХ и развитие социальной сферы — с другой. Первые два направления должны обеспечить рост производства, вторые — повысить уровень жизни населения.

В качестве прочих приоритетов также называлось получение статуса территории опережающего развития. Ожидаемые налоговые преференции ТОР должны привлечь на территорию новые производства с последующим созданием новых рабочих мест.

Среди отраслей реального сектора, развитие которых наиболее важно, называются научная деятельность и обрабатывающее производство (в основном, пищевая промышленность) и развитие сферы услуг. Во многих МГ Владимирской и Тульской областей отрасли сельского хозяйства развиваются с умеренными темпами, пусть и не оказывая существенного влияния на развитие других отраслей экономики. Соответственно, администрации этих МГ видят перспективы именно в переработке исходного сырья для пищевой и

традиционной текстильной продукции, в том числе, соседних областей, развитии аграрного сектора.

В ответах на вопрос о катализаторах развития города при возможности выбора до пяти опций с большим отрывом выделяются меры по привлечению инвестиций и увеличению поступлений от налогов и сборов в местный бюджет (собственных доходов бюджета) (рис. П9.3).

Рис. П9.3. Катализаторы развития малого города (число ответов при возможности множественного выбора)

Далее идут меры по активизации деятельности малого и среднего бизнеса, развитие социальной инфраструктуры, развитие туристической базы и др. Меньший вес придается мерам, связанным с кооперацией и контактами с соседними территориями. Следует отметить, что примеров кооперации МГ с ближайшими территориями, как то: совместных проектов, программ в производственной, культурной и образовательной деятельности практически нет, почти во всех анкетах раздел с вопросами о кооперации с другими муниципалитетами остался пустым, кооперация если и упоминается, то в контексте общих культурных мероприятий.

Перспективы развития малого бизнеса

В заключение приведем список направлений развития малого бизнеса, упомянутых в анкетах. По мнению представителей администрации малых городов, перспективы у малого бизнеса есть в таких отраслях, как:

- производство мебели;
- сфера услуг разного профиля и общественного питания;
- сфера жилищно-бытового обслуживания населения;
- текстильное производство;
- пищевое производство;
- социальная сфера;
- туризм, гостиничные услуги;
- сельское хозяйство.

В целом отмечается, что субъекты малого предпринимательства являются одним из самых перспективных и активно развивающихся секторов. В некоторых городах малым бизнесом заняты свыше 15% активного населения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ВОЗМОЖНЫЙ ЭФФЕКТ ОТ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ И РАЙОННЫХ ЦЕНТРОВ (ПО ОТДЕЛЬНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ)

Направления взаимодействия	Малые города	Районные центры
<i>Основные направления</i>		
Образование	Повышение доли квалифицированных кадров в общей структуре, привлечение молодежи, трудоустройство, развитие ВУЗов с учетом потребностей местного населения и специализации региона	Приобретение новых специальностей, усиление специализации, важной для региона, обмен опытом и навыками, получение специалистов, востребованных в регионе
Торговля и общественное питание	Развитие инфраструктуры торговли и общественного питания, рост занятости, обеспечение местного населения услугами и продукцией региональных предприятий	Получение качественных услуг в общественном питании, расширение ассортимента, возможность рынка сбыта для предприятий районных центров
Сельское хозяйство	Развитие производства, рост доходов, инфраструктуры, расширение региональных связей	Приобретение качественной продукции, рост социально-экономических показателей отрасли края
Туристско-рекреационная деятельность	Развитие сети предприятий, приток платежеспособных туристов из края и других регионов РФ, повышение известности территории в качестве поставщика диверсифицированной продукции и услуг	Обеспечение населения качественными туристско-рекреационными услугами, наполнение регионального бюджета, рост налоговых поступлений, развитие социально-экономического пространства субъекта РФ

Направления взаимодействия	Малые города	Районные центры
<i>Вспомогательные направления</i>		
Транспорт и логистика	Обеспечение эффективного взаимодействия рыночных и социальных агентов, доступ к местным продуктам и услугам	Реализация социально-экономического партнерства в различных областях
Управление	Реализация программ по развитию, создание необходимых условий для малого и среднего бизнеса для работы, обеспечение населения качественными услугами и продуктами	Взаимодействие регионального и муниципального планирования, контроль и мониторинг показателей реализации планов
Нормативно-правовая деятельность	Создание благоприятного инвестиционного климата	Повышение рейтинга региона, обеспечение инвестиционной привлекательности

Источник: [Устойчивое развитие территорий..., 2018].

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

**СПИСОК ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ,
СОЗДАНЫХ В РОССИИ НА СЕРЕДИНУ
ФЕВРАЛЯ 2019 Г.**

№ п/п	Наименование	Нормативный акт
1	Абаза (Хакасия)	Постановление Правительства РФ от 24 июля 2017 г. № 870
2	Анжеро-Судженск (Кемеровская область)	Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2016 г. № 941
3	Бакал (Челябинская область)	Постановление Правительства РФ от 6 марта 2017 г. № 265
4	Белебей (Башкирия)	Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1536
5	Варгаши (Курганская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 276
6	Верхний Уфалей (Челябинская область)	Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2017 г. № 1369
7	Вятские Поляны (Кировская область)	Постановление Правительства РФ от 12 октября 2017 г. № 1239
8	Гаврилов-Ям (Ярославская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 272
9	Галич (Костромская область)	Постановление Правительства РФ от 25 января 2019 г. № 37
10	Губкин (Белгородская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 274
11	Гуково (Ростовская область)	Постановление Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 45
12	Дагестанские Огни (Республика Дагестан)	Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2018 г. № 1508
13	Далматово (Курганская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 267

№ п/п	Наименование	Нормативный акт
14	Димитровград (Ульяновская область)	Постановление Правительства РФ от 19 июля 2017 г. № 848
15	Донецк (Ростовская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 280
16	Дорогобуж (Смоленская область)	Постановление Правительства РФ от 6 марта 2017 г. № 266
17	Емва (Республика Коми)	Постановление Правительства РФ от 6 марта 2017 г. № 267
18	Ефремов (Тульская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 269
19	Заринск (Алтайский край)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 279
20	Зверево (Ростовская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 263
21	Зеленодольск (Республика Татарстан)	Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2017 г. № 1611
22	Камешково (Владимирская область)	Постановление Правительства РФ от 6 сентября 2018 г. № 1060
23	Канаш (Республика Чувашия)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 270
24	Каспийск (Республика Дагестан)	Постановление Правительства РФ от 24 марта 2017 г. № 334
25	Кировск (Мурманская область)	Постановление Правительства РФ от 6 марта 2017 г. № 264
26	Кондопога (Республика Карелия)	Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2017 г. № 1607
27	Котовск (Тамбовская область)	Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2017 г. № 1607
28	Краснокаменск (Забайкальский край)	Постановление Правительства РФ от 16 июля 2016 г. № 675
29	Красноурьинск (Свердловская область)	Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2016 г. № 942
30	Кумертау (Республика Башкирия)	Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1550
31	Лесной (Рязанская область)	Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2017 г. № 1368

№ п/п	Наименование	Нормативный акт
32	Линево (Новосибирская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 268
33	Набережные Челны (Республика Татарстан)	Постановление Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 44
34	Наволоки (Ивановская область)	Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2018 г. № 171
35	Надвоицы (Республика Карелия)	Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2016 г. № 940
36	Невинномысск (Ставропольский край)	Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2017 г. № 1606
37	Нижнекамск (Республика Татарстан)	Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2017 г. № 1609
38	Новоалтайск (Алтайский край)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 273
39	Новокузнецк (Кемеровская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 278
40	Новотроицк (Оренбургская область)	Постановление Правительства РФ от 24 июля 2017 г. № 871
41	Онега (Архангельская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 266
42	Павловск (Воронежская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 264
43	Петровск (Саратовская область)	Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2017 г. № 1166
44	Пикалево (Ленинградская область)	Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2017 г. № 1166
45	Прокопьевск (Кемеровская область)	Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2018 г. № 1470
46	Ростов (Ярославская область)	Постановление Правительства РФ от 30 августа 2018 г. № 762
47	Рузаевка (Республика Мордовия)	Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2017 г. № 1165
48	Сарапул (Республика Удмуртия)	Постановление Правительства РФ от 29 сентября 2017 г. № 1178
49	Саянск (Иркутская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 262

№ п/п	Наименование	Нормативный акт
50	Селенгинск (Республика Бурятия)	Постановление Правительства РФ от 29 июля 2017 г. № 898
51	Сердобск (Пензенская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 277
52	Сосенский (Калужская область)	Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2017 г. № 1370
53	Тольятти (Самарская область)	Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2016 г. № 974
54	Тутаев (Ярославская область)	Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2017 г. № 1170
55	Угловка (Новгородская область)	Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2016 г. № 974
56	Усолье-Сибирское (Иркутская область)	Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2016 г. № 15
57	Черемхово (Иркутская область)	Постановление Правительства РФ от 16 марта 2018 г. № 265
58	Череповец (Вологодская область)	Постановление Правительства РФ от 7 августа 2017 г. № 939
59	Чистополь (Республика Татарстан)	Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2017 г. № 610
60	Чусовой (Пермский край)	Постановление Правительства РФ от 23 марта 2017 г. № 329
61	Южа (Ивановская область)	Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2018 г. № 1522
62	Юрга (Кемеровская область)	Постановление Правительства РФ от 7 июля 2016 г. № 641
63	Железногорск (Красноярский край)	Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2018 г. № 114
64	Заречный (Пензенская область)	Постановление Правительства РФ от 5 июля 2018 г. № 785
65	Озерск (Челябинская область)	Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2018 г. № 113
66	Саров (Нижегородская область)	Постановление Правительства РФ от 5 июля 2018 г. № 785
67	Снежинск (Челябинская область)	Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2018 г. № 115

№ п/п	Наименование	Нормативный акт
68	Амуро-Хинганская (Еврейская АО)	Постановление Правительства РФ от 27 августа 2016 г. № 847
69	Белогорск (Амурская область)	Постановление Правительства РФ от 21 августа 2015 г. № 875
70	Большой Камень (Приморский край)	Постановление Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 43
71	Горный воздух (Сахалинская область)	Постановление Правительства РФ от 17 марта 2016 г. № 200
72	Индустриальный парк «Кангалассы» (Республика Саха — Якутия)	Постановление Правительства РФ от 21 августа 2015 г. № 877
73	Камчатка (Камчатский край)	Постановление Правительства РФ от 28 августа 2015 г. № 899
74	Комсомольск (Хабаровский край)	Постановление Правительства РФ от 25 июня 2015 г. № 628
75	Курилы (Сахалинская область)	Постановление Правительства РФ от 23 августа 2017 г. № 992
76	Михайловский (Приморский край)	Постановление Правительства РФ от 21 августа 2015 г. № 878
77	Надеждинская (Приморский край)	Постановление Правительства РФ от 25 июня 2015 г. № 629
78	Нефтехимический (Приморский край)	Постановление Правительства РФ от 7 марта 2017 г. № 272
79	Николаевск (Хабаровский край)	Постановление Правительства РФ от 19 апреля 2017 г. № 464
80	Приамурская (Амурская область)	Постановление Правительства РФ от 21 августа 2015 г. № 879
81	Свободный (Амурская область)	Постановление Правительства РФ от 3 июня 2017 г. № 673
82	Хабаровск (Хабаровский край)	Постановление Правительства РФ от 23 июня 2015 г. № 630
83	Чукотка (Чукотский АО)	Постановление Правительства РФ от 21 августа 2015 г. № 879
84	Южная (Сахалинская область)	Постановление Правительства РФ от 17 марта 2016 г. № 201
85	Южная Якутия (Республика Саха — Якутия)	Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2016 г. № 1524

№ п/п	Наименование	Нормативный акт
86	Ясный (Оренбургская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 120
87	Катайск (Курганская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 119
88	Нефтекамск (Республика Башкирия)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 129
89	Белорецк (Республика Башкирия)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 121
90	Благовещенск (Республика Башкирия)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 127
91	Костомукша (Республика Карелия)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 122
92	Новоуральск (Свердловская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 130
93	Лесной (Свердловская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 131
94	Северск (Томская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 132
95	Менделеевск (Республика Татарстан)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 123
96	Чапаевск (Самарская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 126
97	Глазов (Республика Удмуртия)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 125
98	Решетиха (Нижегородская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 128
99	Володарск (Нижегородская область)	Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 124

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПОСЛЕ 12 ФЕВРАЛЯ 2019 Г.

№	Наименование	Нормативный акт
1	Бурятия (Республика Бурятия)	Постановление Правительства РФ от 14 июня 2019 г. №760
2	Забайкалье (Забайкальский край)	Постановление Правительства РФ от 31 июля 2019 г. №543
3	Нытва (Пермский край)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №46
4	Белая Хапуница (Кировская область)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №432
5	Боровичи (Новгородская область)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №431
6	Алексин (Тульская область)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №433
7	Горный (Новосибирская область)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №429
8	Михайловка (Волгоградская область)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №428
9	Миасс (Челябинская область)	Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. №427
10	Тулун (Иркутская область)	Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2019 г. №1682

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

МЕДИЦИНСКИЙ КЛАСТЕР АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Общая численность населения Алтайского края по данным Росстата на 2018 г. составляет 2 332 511 человек, больше половины из них — 1 259 490 человек проживает в городских населенных пунктах. В список 12 крупнейших городов региона входят: Барнаул — 633 301 человек, Бийск — 203 108, Рубцовск — 145 333, Новоалтайск — 73 712, Заринск — 46 830, Камень-на-Оби — 41 315, Славгород — 30 186, Алейск — 28 735, Яровое — 18 159, Белокуриха — 15 264, Горняк — 12 972, Змеиногорск — 10 575 человек [<https://geogoroda.ru/region/altayskiy-kray>]. Мы видим, что в этом списке «крупнейших» городов региона лишь четыре города не являются малыми. При этом плотность населения весьма мала — около 14 чел./кв.км. Поэтому здесь так важно построить такую систему здравоохранения, при которой медицинская помощь могла бы дойти до всех жителей региона.

Для эффективного использования ресурсов медицинских учреждений края, а также в целях расширения спектра оказываемых медицинских услуг, включая специализированные и высокотехнологичные, в регионе была использована кластерная модель здравоохранения.

Медицинский кластер в Алтайском крае был образован еще в 2008 г. За десять лет в его развитие из регионального и из федерального бюджетов было вложено более 16 млрд руб. В 2018 г. в кластер входили семь ведущих клиник региона.

Центром медицинского кластера является Краевая клиническая больница. Это крупнейшее медицинское учреждение региона, в котором за год проходят лечение более 35 тыс. человек и проводится более 20 тыс. операций, из которых более 10% высокотехнологичных, использующих последние достижения науки. На базе этой больницы создан Центр трансплантации. Помимо Краевой клинической больницы, в кластер входят краевой онкологический диспансер, Барнаульская городская больница № 5, Алтайский краевой госпиталь для ветеранов войн, перинатальный центр «ДАР», Федеральный Центр травматологии, ортопедии и эндопротезирования и др. Ежегодно лечение в медицинских учреждениях кластера получают примерно

90 тыс. пациентов, выполняется около 5 тыс. высокотехнологичных операций.

Кластерный подход дает возможность лечебным учреждениям непосредственно взаимодействовать друг с другом при необходимости проведения консультаций, комплексных обследований и т.п. Создание медицинского кластера позволило не просто объединить ведущие клиники региона, но перестроить всю систему здравоохранения ориентируясь на жителей.

При создании кластера преследовалась цель, чтобы пациенты из всех городов, в том числе малых и из отдаленных уголков Алтайского края и других регионов Сибири, могли получить необходимую помощь в самых современных медицинских центрах. Для этого была построена многоуровневая система, врачи медицинских учреждений, входящих в кластер, имеют возможность проведения телемедицинских консультаций в городах края, помогая поставить точный диагноз и решить вопрос о госпитализации. Эта система помогает согнать пациентов из отдаленных мест получить помощь в специализированных медицинских центрах.

За годы функционирования кластера квалифицированная медицинская помощь стала доступна жителям не только всех городов, включая малые, но и отдаленных сел и поселений. Для большего охвата жителей малых городов и поселений в крае действует автопоезд «Здоровье», благодаря чему за последние годы более 40 тыс. человек было направлено на дополнительное обследование в краевые клиники. Кроме того, в регионе разработаны специальные программы и проекты, например, «Здоровое сердце ребенка», «Мужское здоровье», позволяющие вывести здравоохранение на новый уровень, доступный для всех жителей региона

На сегодняшний день уровень медицинского обслуживания в Алтайском крае вполне соответствует уровню лучших российских и зарубежных клиник. Действующий в регионе медицинский кластер является одним из крупнейших медицинских кластеров в стране. Благодаря его созданию современная медицинская помощь, включая высокотехнологичную, стала доступной практически каждому жителю и Алтайского края, и Сибири.

Говоря о создании и развитии медицинского кластера в Алтайском крае, нельзя не сказать и о взаимодействии этого кластера с санаторно-курортными учреждениями края.

Как мы уже отмечали, на территории Алтайского края действуют более 40 санаторно-курортных учреждений, которые ежегодно оказывают услуги более 150 тыс. человек. По этим показателям регион занимает 1-е место в Сибирском федеральном округе и 5-е в России.

В частности, можно отметить курорт Белокуриха, о котором мы говорили выше, рассматривая вопросы санаторно-курортного туризма.

В 15 санаториях курорта Белокуриха лечение проводят квалифицированные специалисты, в числе которых кандидаты наук, узкопрофильные врачи, большой корпус медицинских сестер. Здесь **можно получить лечение по самым различным заболеваниям:** заболеваниям сердечно-сосудистой системы, нервной системы, опорно-двигательного аппарата, позвоночника, органов пищеварения, эндокринной системы, сахарного диабета, урологическим заболеваниям, гинекологическим заболеваниям и др. Кроме того, в санаториях оказываются консультации узконаправленных специалистов высшей квалификации, осуществляются диагностика с помощью новейшего оборудования и самые разные процедуры, направленные на лечение конкретных органов и их заболеваний: грязевые ванны, специально назначенные диеты, лечебная гимнастика, специальный массаж, — все зависит от конкретного диагноза и назначенных врачом рекомендаций.

По нашему мнению, целесообразно создать непосредственные контакты между медицинским кластером Алтайского края и санаторно-курортным комплексом Белокуриха. Благодаря такому сотрудничеству население Алтайского края, включая жителей малых городов, отдаленных поселений и сел, получили бы возможность пользоваться санаториями края для восстановления здоровья и реабилитации после проведенного лечения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

КУРГАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ КЛАСТЕР

Численность населения Курганской области по данным Росстата составляет 834 701 человек (2019), городское население — 62,64% (2018). В 17 городах с численностью населения более 5 тыс. человек проживает 485 155 человек, из которых лишь два города Курган (315 311 человек) и Шадринск (75 623 человека) не относятся к малым городам. В остальных 15 городах проживает: Шумиха — 17 542 человек, Куртамыш — 16 702, Далматово — 12 772, Катайск — 12 585, Петухово — 10 304, Щучье — 9775, Варгаши — 9220, Макушино — 7810, Каргаполье — 8204, Мишкино — 7704, Юргамыш — 7556, Кетово — 8310, Лебяжье — 5535, Шатрово — 5688, Лесниково — 5056 человек [Курганская область, 2019]. Отмечается низкая плотность населения — менее 12 чел./кв. км (2019).

Малые города региона дают более 20% промышленного производства. В то же время практически во всех городах Курганской области, за исключением городов Варгаши, Каргаполье, Юргамыш, наблюдается отток жителей.

По данным экспертного информационного канала Урал.Полит.RU, среди причин оттока населения выделяют следующие.

1. Мало перспектив для получения образования.
2. Падающий уровень здравоохранения.
3. Низкая зарплата.
4. Низкое качество жизни.
5. Бизнес уходит в другие регионы [Города Урала, 2019].

Мы видим, что низкий уровень здравоохранения находится на втором месте среди причин, побуждающих жителей покидать регион.

В 2014 г. в регионе в целях построения современной системы здравоохранения был создан Курганский медицинский кластер. Основными направлениями деятельности кластера были обозначены оказание медицинских услуг, производство медицинских изделий и фармацевтической продукции, медицинский туризм. В настоящий момент в него входит большая часть медицинских учреждений города, а также ряд промышленных предприятий, чье производство связано с изготовлением медицинской продукции. Один из элементов

медицинского кластера — это реабилитация — восстановление пациентов после болезней и операций,

Якорным предприятием в медицинском кластере становится Российский научный центр «Восстановительная травматология и ортопедия». ФГБУ «РНЦ ВТО им. академика Г.А. Илизарова» Минздрава РФ — знаменитый на весь мир Центр Илизарова Департамента здравоохранения Курганской области. Мы имеем очень хорошо территориально расположенную сеть лечебных учреждений. И если объединить их ресурс, есть возможность развивать новые направления [Курганский медицинский кластер, 2015].

В настоящее время медицинский кластер включает медицинские организации, технологические и инжиниринговые компании, ветеринарные лечебницы, образовательные учреждения, предприятия сервиса, а также производителей минеральной лечебной воды и центры медицинского туризма по всей территории Курганской области. В его составе 16 многопрофильных клиник, семь инновационных предприятий, два производственных предприятия, два санатория, две гостиницы и др. В 2017 г. в рамках Курганского медицинского кластера был создан подкластер «Минеральные воды Зауралья», главная цель которого — поиск эффективных решений для профилактики и лечения заболеваний органов пищеварения, мочеполовой системы и обмена веществ.

Согласно Стратегии развития Курганского территориально-отраслевого комплекса «Курганский медицинский кластер» (КТОК «КМК») [Распоряжение Правительства Курганской области, 2016] его создание направлено на развитие *экспортно-ориентированного* бизнеса для привлечения потока медицинских туристов, нуждающихся в получении современных медицинских услуг. Основными продуктами и услугами КТОК «КМК» являются: медицинские услуги конечным клиентам (пациентам), немедицинские услуги (сопутствующий сервис), производство медицинских изделий и препаратов.

Основным направлением деятельности КТОК «КМК» является создание комплекса экспортно-ориентированных платных медицинских услуг для привлечения потока туристов, нуждающихся в получении современных медицинских услуг, преимущественно в области ортопедии и перинатальных услуг мирового уровня.

Ожидаемые эффекты от работы КТОК «КМК»: увеличение поступлений налогов в консолидированный бюджет Курганской области; увеличение количества рабочих мест в организациях КТОК «КМК»; рост инвестиционной привлекательности Курганской области; повышение инновационной активности в Курганской области; повышение эффективности и снижение издержек оказания услуг в организациях

КТОК «КМК»; выход на внешние рынки КТОК «КМК» с новыми инновационными медицинскими услугами; повышение качества подготовки кадров для медицинских учреждений Курганской области; активизация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в организациях КТОК «КМК» и, как следствие, увеличение расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Следует отметить, что в регионе отмечается острый дефицит врачей и это негативно сказывается на общем уровне здравоохранения. По данным правительства, в 2018 г. на 10 тыс. курганцев приходится 22,8 врача, что в два с лишним раза ниже среднероссийского показателя, при этом за год до этого российский Минздрав оценивал число медиков в 29 на 10 тыс. курганцев. Наиболее значительный дефицит наблюдается по таким специальностям, как терапевты, реаниматологи, хирурги и педиатры. Одной из причин кадровой проблемы является то, что собственного медицинского вуза в Зауралье нет, а доля возврата выпускников домой снизилась за последние годы с 80 до 42%.

Дефицит врачей снижает качество медицинского обслуживания, что является одной из причин оттока населения, о чем мы говорили выше. С другой стороны, этот дефицит приводит к тому, что жители городов области, прежде всего, жители малых городов не получают полноценных медицинских услуг. А это, даже при наличии медицинского кластера, не улучшает ситуации в регионе.

Кроме того, необходимо обратить внимание на экспортную ориентированность кластера, на экспорт медицинских услуг. Здесь следует отметить, что при всей привлекательности этого направления для медицинских учреждений упор в их работе должен делаться на первоочередное обслуживание местного населения, особенно в отдаленных районах и малых городах области.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ КЛАСТЕР САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Численность населения Сахалинской области, по данным Росстата, составляет 489 638 человек (2019), плотность населения — 5,62 чел./кв.км (2019), городское население — 82,11% (2018).

Все города Сахалина, кроме Южно-Сахалинска с населением 200 854 человек, — малые, из которых самый крупный город Корсаков с населением 33 645 человек, а самый маленький — Красногорск с населением 2751 человек. Населенные пункты с численностью населения более 2,5 тыс. человек: Южно-Сахалинск — 200 854 человек, Корсаков — 33 645, Холмск — 27 479, Оха — 20 391, Поронайск — 15 388, Долинск — 11 685, Ноглики — 10 151, Невельск — 9996, Анива — 9405, Александровск-Сахалинский — 9346, Углегорск — 8687, Южно-Курильск — 7863, Смирных — 7818, Тымовское — 7504, Макаров — 6393, Шахтерск — 6355, Троицкое — 4938, Горнозаводск — 4053, Быков — 3786, Томари — 3761, Сокол — 3367, Чехов — 3134, Красногорск — 2751 человек.

Важнейшим стратегическим проектом Сахалинской области в настоящее время является создание Международного медицинского кластера, открытие которого должно состояться в 2020 г.

О необходимости создания на Дальнем Востоке медицинского кластера международного уровня говорил президент В.В. Путин на Восточном экономическом форуме. Потребность в таком кластере вызвана тем, что в отличие от центральной России на Дальнем Востоке не хватает медицинских центров с высококвалифицированными медицинскими и научными кадрами, с современным оборудованием, использующих высокотехнологичные технологии. Это приводит к тому, что жители Дальнего Востока часто ездят лечиться в соседние азиатские страны.

Создаваемый медицинский кластер будет уникальным лечебным центром, в котором будут сосредоточены филиалы ведущих клиник нашей страны и соседних стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Здесь будут работать врачи и другие специалисты из лучших клиник России, Китая, Японии и Кореи. В настоящее время **Минздрав Сахалинской**

области ведет большую работу по привлечению врачей из России и других государств в качестве резидентов будущего кластера.

Внедрение в кластере передового опыта и последних достижений в области медицины из разных стран позволит обеспечить получение населением области и смежных регионов самой разносторонней медицинской помощью, не выезжая за пределы России, а также решить такую важную задачу, как увеличение продолжительность жизни населения.

Международный кластер поднимет медицинские технологии в регионе на качественно новый уровень и позволит дальневосточникам получать современную высокотехнологичную медицинскую помощь, не выезжая за пределы России. Кроме того, стоит задача сделать медицинские услуги в регионе качественными и максимально доступными.

В кластере будут представлены самые различные медицинские направления, включая точную диагностику и лечение самых разных заболеваний. Кроме того, здесь будет размещен бальнеологический блок, где пациенты смогут ощутить на себе целительную силу грязей и минеральных вод, лечебных блоков и установки высокотехнологичного оборудования.

Положительным моментом является позиция региональных властей, заключающаяся в том, что приоритетом в работе кластера будет первоочередное предоставление медицинских услуг населению региона. А это означает, что она будет доступна населению всех малых городов Сахалина, так как на острове малыми являются все города кроме одного.

Тем не менее получить лечение в международном медицинском кластере и продолжить его в санаториях и на курортах Сахалинской области смогут как жители Сахалинской области, так и жители других регионов страны и иностранцы.

Помимо санаториев на Сахалине множество мест, привлекательных для туризма, здесь активно развиваются горнолыжные курорты. На Сахалине почти повсеместно встречаются минеральные воды без специфических компонентов, которые используются для бальнеолечения.

Создание кластера даст толчок и к развитию **медицинского и оздоровительного туризма**. Санатории Сахалина предлагают разнообразные медицинские и лечебные услуги, предлагаются условия для семейного или активного отдыха. **В санаториях Сахалина** лечатся болезни нервной системы, болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, гинекологические заболевания, заболевания органов пищеварения, заболевания органов кровообращения. В санаториях Сахалина проводят

процедуры оздоровления для больных, перенесших острый инфаркт миокарда, аортокоронарное шунтирование, острое нарушение мозгового кровообращения. Кроме того, при лечении применяют минеральные воды и лечебные грязи. На Сахалине разведано более 20 месторождений лечебных грязей, что позволяет проводить в местных санаториях процедуры грязелечения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТА ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ БРЕНДОВ РОССИИ. ПРОЕКТ «ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ»

Идеология проекта

1. Глокализация

Стандартизация, кризис
местного колорита

VS.

Запрос на локальную
идентичность

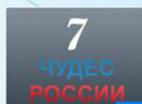
2. Уникальные явления,
несущие «культурный код»
места, могут стать мощными
катализаторами развития
территорий

Интернет портал <http://livingheritage.ru/>

➤ Ряд масштабных проектов позволил выявить и раскрутить ключевые культурные и туристические бренды, но система интеграции их результатов и удобной навигации по ним отсутствует

➤ Для многих «забытых» культурных объектов и практик подсветка на федеральном уровне – шанс на сохранение

РОССИЯ 10

ВЕЛИКИЕ
ИМЕНА
РОССИИ

Церковь в Неноксе

Церковь в Кижях

Жюри проекта «Живое наследие»

Андрей МАКСИМОВ

Алексей ФИРСОВ

Владислав ШУЛАЕВ

Геннадий ШАТАЛОВ

Алексей МАКАРКИН

Дмитрий ЛИСИЦЫН

Наталья
РЫБАЛЬЧЕНКО

Елена ХАРО

Наталья БЕЛЯКОВА

Марина ШЕРЕПЕВА

Чем портал «Живое наследие»
отличается от остальных?

Формирует
культурную сеть

Создает удобную навигацию

Фокусирует внимание и ставит акценты

Дает возможность составлять «народный список»
брендов

Интегрирует информацию о культурных брендах всех типов

Объединяет рейтинги/конкурсы. Шанс «прорваться выше рейтингов»

Типы культурных брендов

Уникальные поселения

Культурные сооружения

Природные объекты

События и даты

Традиции и промыслы

Гении места

Гастрономия

Мифы и легенды

Арт-кластеры

Ключевые мероприятия

Ключевые мероприятия

Декабрь
2018

Экспертные сессии,
форматирование проекта

Январь
2019

Март

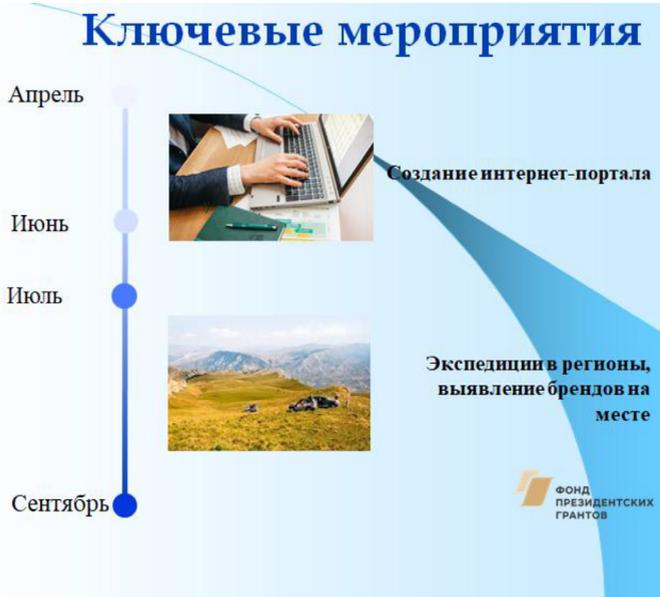

Исследование и описание
ключевых культурных
брендов

Июнь

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Ключевые мероприятия

Ключевые мероприятия

Функционал Интернет-портала

- Локализация культурных явлений на карте
- Оценка культурных брендов и «народный рейтинг»
- Предложение новых брендов в каталог и на карту
- Классификатор по видам, известности, «угрозе для жизни брендов»
- Использование маршрутов и составление своих маршрутов на карте
- Составление карты посещения брендов

Эффекты проекта

Сообщество «Живого наследия»

База лучших практик развития территорий через «оживление наследия»

Спасение традиций и новые «звезды»

Новый «отряд» российских претендентов на включение в список ЮНЕСКО

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
МАЛЫХ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Коллективная монография

ISBN 978-5-906932-59-4

9 785906 932594